Перекрёстки

N 1-2 / 2014

ЖУРНАЛ ИССЛЕДОВАНИЙ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

EHU

Европейский гуманитарный университет

Европейский гуманитарный университет
Центр передовых научных исследований и образования (CASE),
проект «Социальные трансформации в Пограничье: Беларусь, Украина, Молдова»

Перекрёстки № 1–2/2014
Журнал исследований восточноевропейского Пограничья
ISSN 1822-5136

Журнал включен в международные базы данных
EBSCO-CEEAS (Central & Eastern European Academic Source)
и Indexed in the MLA International Bibliography

Журнал выходит с 2001 г.

Адрес редакции и издателя:
Европейский гуманитарный университет
Tauro str. 12, LT-01108
Vilnius Lithuania
E-mail: perekrestki@ehu.lt

Формат 70x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 33,78. Тираж 300 экз.
Отпечатано: «Petro Ofsetas»
Savanorių pr. 174D, LT-03153 Vilnius

На обложке использован фрагмент картины А.И. Куинджи «Лунная ночь на Днепре» (1882 г.).

ЕГУ выражает глубокую признательность за помощь и финансовую поддержку проекта Корпорации Карнеги, Нью-Йорк.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

УКРАИНА КАК ОПЫТ. ОПЫТ УКРАИНЫ

2014 год – год столетия Первой мировой войны. Начнем с этого.

Первая мировая началась в результате провокационного выстрела сербского студента Гаврилы Принципа в наследника австрийского престола. Так камешек, брошенный с вершины горы, вызывает лавину.

Мы не знаем, когда начнется Третья мировая война. И начнется ли. И не идет ли она уже. Мы ничего этого не знаем. Но дубинки киевского спецназа «Беркут», бившие по спинам и ребрам невооруженных студентов в палаточном городке на Майдане Независимости, вполне могут оказаться в исторической перспективе таким камешком.

В результате Первой мировой рухнули три империи, казавшиеся незыблемыми. Российские историки до сих пор вздыхают, описывая результаты экономического развития Российской империи к 1913 году. Но в 1913 год вернуться невозможно.

В ноябре 2013 года, даже после ночного избиения студентов на Майдане, власть президента Украины казалась незыблемой. Он вел себя на Вильнюсском саммите уверенно. Виктор Янукович не знал тогда, что, отказавшись подписать на саммите договор об Ассоциации с Европейским союзом, он подписал себе политический приговор. Вопрос был в сроках приведения его в исполнение.

Год украинское правительство обещало подписать этот договор. Обещало не Европе – Европа как раз очень скептически оценивала и степень демократичности президента Януковича, и саму возможность диалога с властями страны, в которой имеются политические заключенные. Правитель-

ство Украины обещало это собственному народу. И народ терпеливо ждал исполнения обещанного.

Не дождался.

Обещания заняли год. Отказ от исполнения – неделю. Это как с автомобилем: разгоняешься – и резко тормозишь. И хорошо, если сработает подушка безопасности: больно, но не смертельно.

Майдан оказался такой подушкой безопасности. Последствия его для Украины оказались болезненными, причем очень болезненными, но, будем надеяться, все-таки не смертельными. Украина потеряла часть территории, оказалась перед необходимостью защищать свои суверенные права на другую часть с оружием в руках. Но приобретением стали миллионы сознательных граждан, впервые ощутившие свою принадлежность к политической нации. Это, на наш взгляд, и станет залогом дальнейшего существования Украины как суверенного европейского государства.

Но не только Украина обрела принципиально новый опыт во время Майдана и последовавших за ним событий. Сама ситуация вокруг Украины стала принципиально новой для Европы. И дело вовсе не в изменении отношений с Россией, которое последовало за отторжением Крыма.

Вся программа так называемого «Восточного Партнерства» была построена так, что вместо диалога с политической нацией новых государств-партнеров Европейский союз пытался выстроить диалог с правящей элитой. Единственным исключением из правила была Беларусь – слишком далеко зашла конфронтация по вопросу несоблюдения официальным Минском прав человека.

Руководствуясь этим правилом, Европейский союз был готов отступить от идеи подписания договора об Ассоциации с Украиной. В его системе координат правящая элита всегда была полномочна говорить от имени нации.

Майдан коренным образом изменил ситуацию. Он доказал, что связь между волей элиты (если эта воля вообще была) и волей нации далеко не так однозначна и прямолинейна. И если до избиения студентов «Беркутом» можно было спорить, отражает ли позиция людей, вышедших на Майдан, позицию большей части Украины, то выход после избиения полумиллиона (по самым скромным подсчетам) киевлян на улицы города пространства для маневров не оставил. Западная демократия примерно представляет себе, сколько людей молча делегирует свои голоса полумиллиону протестующих.

Выхода не осталось. С нацией Европа оказалась вынужденной говорить – фактически против собственной воли. А появление «российского фактора» придало «Украинскому вопросу» не то чтобы дополнительную пикантность, но совершенно ощутимую первоочередность. У Европы не оказалось иных проблем, кроме спасения Украины. Все остальное, включая Сирию и даже израильско-палестинское противостояние, перешло на второй план.

И в этом отношении Украина оказалась новым опытом в истории существовании единой Европы. Решение стоящей задачи, правильная имплементация последствий «опыта Украины» Европейским союзом фактически будут означать, что Европа перешла на принципиально новый уровень своего политического существования. Мы не можем пока с уверенностью сказать, лучше ли будет от этого для Европы, но это и есть результат новизны. В любом случае, Майдан изменил не только Украину. Майдан изменил Европу. Майдан изменил мир. Майдан изменил нас.

Новый опыт нужно осмыслять.

Этот номер «Перекрёстков» мы полностью посвящаем Украине. Может быть, нам будет проще понять происшедшие перемены.

Александр Федута,
главный редактор

Украинцы: самоидентификация

Татьяна Кузнецова, Елена Евтушенко

РОЛЬ ОБРАЗА ГЕРОЯ В ПОИСКАХ УКРАИНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Abstract

The article analyzes the features of the heroic images that influence the identification process in Ukrainian society. It shows that in modern Ukrainian society heroic figures have much less influence on the identity than the «easy» to perceive well-known personalities who are not able to produce socially significant ideas. Most of the proposed heroes are unrecognizable among the youth; they provoke lesser emotional feedback and, therefore, cannot familiarize them with positive values and serve as role models. According to the results of our media monitoring, we can speak about a new type of heroism common to different regions of the country. They are unique neoclassical heroes of the post-neoclassical epoch. While people tended to revere the great in the past, the usual people of today committing heroic deeds of a smaller scale provoke a larger positive emotional reaction with recipients. However, we can talk about new heroes only in the context of personal identification. These models will obviously appear non-productive for forming a regional, much less a national, identity. «Little» heroes can teach how to behave in typical situations, how to deal with day-to-day problems but cannot be role models for more complex tasks and situations. A new type of heroism is functionally reduced (especially in the context of national identity).

Keywords: hero, celebrity, identification, identity, media.

Проблема героев в каждом обществе является своеобразным симптомом поиска идентичности, самоопределения общности или целого народа. В условиях украинской реальности поиск идеала героизма остается актуальным на протяжении всего периода независимости. Сегодня герои

используются преимущественно как инструмент разделения и без того довольно неоднородных исторически/религиозно/культурно регионов страны. Фактически, огромный консолидирующий потенциал героических образов активно используется только для формирования не инклюзивной, а эксклюзивной идентичности, герои современной Украины служат скорее маркером «своих» и «чужих».

Кроме того, герои сегодня зачастую подменяются псевдогероическими фигурами, так называемыми селебритиз – известными людьми, которые не способны продуцировать смыслы и, по определению Д. Бурстина (Boorstin 1992: 58), являются людьми-псевдособытиями.

Таким образом, современный герой – понятие достаточно спорное и сложно определимое. Из-за своей аморфности и неопределенности герои все чаще оказываются неспособными выполнять свои базовые функции – служить ролевой моделью, быть выразителями национальной идеи, сплачивать нацию, формировать позитивные национальные стереотипы.

Феномен геройства, начиная со второй половины XX века, активно разрабатывается западными учеными. Исследованию генезиса феномена посвящены работы Дж. Кемпбелла, Р. Ламонт, Л. Стефанович, процессу конструирования героев – Б. Беннета, Д.К. Мартина, А. Папаянис, роль и функции героев в обществе исследовали, начиная с Т. Карлейля, К.А. Бун, М. Мерло-Понти, Дж. Харви, Э. Явикреме. Множество работ посвящено проблеме дифференциации героев в современном мире, особенно в контексте их отделения от селебритиз (Д. Бурстин, С. Друкер, О. Клапп, Э. Норт, И. Поведак, Л. Стрейт).

Цель нашего исследования – определить роль героических фигур (в том числе образов, транслируемых медиа) в процессе самоидентификации украинской молодежи.

Роль героя в процессе самоопределения человека отмечали многие исследователи. Еще К.Г. Юнг отнес фигуры героев к архетипным, базовым для человеческого сознания. Российская исследовательница И. Суравнева отмечает, что «миф о герое является неотъемлемым, необходимым и во многих случаях творческим компонентом общественного сознания» (Суравнева 2006: 11). Ключом к коллективной психологии называет героев (наряду со злодеями и дураками) американский социолог О.Э. Клапп (Klapp 1948: 135).

Подтверждают такие свойства героев и результаты исследования социальных психологов М. Салливана и А. Вентера. Опрос респондентов показал, что все черты героев можно разделить на три группы: первая связана с восприятием героев как личностей, совершивших нечто значительное, вторая – со способностью героев быть ролевой моделью, примером для действий, третья – с представлением о герое как идеализированном восприятии человеком самого себя (здесь важны не поступки, а характеры) (Sullivan & Venter: 482). Таким образом, две последние группы черт прямо указывают на способность героев «помогать»

самоопределению человека, при этом охватывая – направляя или отражая – как характер, представление человека о себе, так и его действия.

Герои являются также базисом гражданской идентичности. Первым это заметил Т. Карлейль (2008), который считал поклонение героям лучшим стабилизатором политического строя, а американский психолог Дж. Харви отметил, что «восхищение героями может формировать базис гражданской идентичности, учить активной гражданской позиции» (Harvey, Erdos & Turnball: 314).

Эта особенность героических образов особенно важна в современном украинском обществе, которое остро ощущает проблему самоидентификации после обретения независимости. Именно эта аморфная самоидентифкация – важнейший фактор существования народа, который затрагивает смысложизненные основания существования общности (Нагорна 2003: 16). В этом контексте под идентификацией понимаем отождествление человека с определенной общностью, с ее символами, культурой, государственными институтами. Особенно важными здесь являются и понятие национальной идеи, которое в украинском обществе носит эфемерный характер, и понятие исторической памяти, вокруг которой существуют множественные политические спекуляции.

Когда мы говорим об «американской мечте», мы представляем ее на конкретных примерах. Человек из низов, добившийся материального благосостояния и признания, является воплощением этой мечты, своеобразным типом национального героя (не общепризнанного нацией, а присущего нации). Проблема поиска подобной модели поведения, которая будет признанной украинским обществом как успешная, – одна из проблем поиска украинской идентичности, фактически это поиск своего рода «украинской мечты» и соответствующего ей типа героизма.

Исследовательница Г. Луцишин отмечает, что сейчас «украинское общество является крайне неконсолидированным, что можно наблюдать на всех уровнях общественной жизни» (Луцишин 2011: 166), в том числе и в ситуации приоритета региональной идентичности над идентичностью общенациональной. Такая ситуация с самоопределением украинцев (когда региональные стереотипы оказываются сильнее общенациональных) может приводить к тому, что исторические личности роль украинского self-made man (или его аналога, украинского общенационального героя) выполнить не смогут, поскольку трактовка исторических событий в разных регионах страны отличается довольно сильно, герои одной части страны нередко вызывают отторжение или даже агрессию у жителей других регионов. Следовательно, возникает проблема поиска компромиссных моделей героизма, способных сплотить большинство членов общества, стать национальной ролевой моделью, вызвать явление позитивной ассоциации с этим образом, а посредством него – и друг с другом.

Наиболее пригодным для формирования современного украинского героя может быть дискурс медиа, поскольку именно медиа способны наиболее опе-

ративно реагировать на сменяющуюся социальную действительность и предлагать адекватные стереотипы поведения (как негативные, антигероические, так и позитивные, героические). Кроме того, СМИ обладают значительным потенциалом влияния и «привития» транслируемых идей и образов.

Исходя из обоснованной выше важности героических фигур в процессе идентификации, можем предположить, что выявить особенности украинской идентичности можно благодаря исследованию героических образов, бытующих в сознании жителей и циркулирующих в СМИ. Чтобы определить наиболее частотные черты современного украинского героя (которые служат также маркерами идентичности, к которой склоняется социум), нами проведено эмпирическое исследование в двух городах страны – Сумах (север) и Черкассах (центр). Эти регионы относятся к довольно умеренным по настроениям, не склонным к радикализму в оценке политических и исторических реалий, они не втянуты в перманентный конфликт идентичностей запада и востока страны. Несмотря на такую схожесть, выбранные регионы обладают достаточными отличиями, чтобы на их примере выявить региональную специфику образа героя. Черкасчане – земляки великого украинского поэта, символа нации Тараса Шевченко, а также множества культурных деятелей; регион зачастую называют «сердцем» страны из-за его географического положения и выходцев. В Сумах намного менее заметно почитание местных выходцев, регион можно назвать скорее индифферентным (по крайней мере, до недавнего времени) к проявлениям национальной принадлежности.

В ходе эмпирического исследования нами опрошено 209 респондентов (108 – в Сумах и 101 – в Черкассах), большинство из которых – студенты местных университетов, которые воспитаны уже в независимой стране, не имеют идентификации с другим государством, кроме Украины.

Опрос проведен в форме ассоциативного эксперимента, когда респондентам было предложено указать первые пришедшие на ум определения к ряду личностей, социальных и профессиональных групп. Среди предложенных к характеристике персонажей – культурные деятели (писатели, режиссеры, актеры) прошлого и современности, политики, спортсмены, церковные деятели. Многие из этих личностей (поп-певицы Ани Лорак и Ирина Билык, рок-звезды Святослав Вакарчук и Олег Скрипка, современные популярные писатели Лина Костенко, Сергей Жадан и Юрий Андрухович, актеры Богдан Ступка и Ольга Сумская) были предложены как фон для предполагаемых героев – диссидентов, политиков Левка Лукьяненко и Вячеслава Черновола, борца за Украинскую греко-католическую церковь митрополита Иосифа Слепого, реформатора украинского театра, расстрелянного за проукраинские взгляды в советское время, Леся Курбаса, писателей – борцов за украинскую независимость Тараса Шевченко, Ивана Франко и Василия Стуса, духовного предстоятеля Украинской греко-католической церкви митрополита Любомира Гузара, имеющего значительный авторитет

среди верующих всех конфессий. Такое противопоставление (неявное для респондентов, поскольку персоналии были поданы в случайном порядке) было необходимо для отмежевания героев и популярных личностей, выявления степени четкости грани, их разделяющей. Отметим, что к селебритиз мы отнесли и современных политиков (Виктора Януковича, Юлию Тимошенко, Виталия Кличко, Наталью Королевскую, Юрия Луценко, Арсения Яценюка).

Отдельную группу стимулов составили «бытовые герои» – люди, в быту борющиеся с обстоятельствами, болезнями, совершающие заметные на локальном уровне поступки (мальчик, спасающий сестренку в пожаре; мать, воспитывающая двадцать приемных детей; и т.д.). Завершающим пунктом анкеты стал стимул «герой», абстрактный образ, который респонденты должны были наполнить конкретными сущностными чертами.

Результаты эксперимента в целом подтвердили то, о чем говорят многие исследователи: у молодежи нет сформированной идентичности, ассоциирования с позитивными стереотипами поведения. Украинская исследовательница Г. Луцишин утверждает, что сегодняшние украинцы страдают от кризиса идентичности «по всем фронтам» – в социально-политической, духовной, геополитической сферах (Луцишин 2013: 169).

Из опрошенных нами 108 сумчан 38,5% не смогли назвать ни одной ассоциации к понятию «герой», среди 101 опрошенного черкасчанина таких было 31,5%. Только двое людей в Черкассах и один в Сумах отметили черту, которую социологи называют одной из наиболее частотных, – способность быть примером. Среди оставшихся вариантов ответа черкасчане характеризовали героя как «Супермена», «Спайдермена», «Железного человека», «героя из комиксов», «неизвестного», «невозможного», «воображаемого», «только название». Подобные ответы суммарно заняли около 10% от общего числа информантов. В Сумах героев характеризовали как «Суперменов», «вымирающий вид» и «любовников» (эти ответы указали около 6% респондентов).

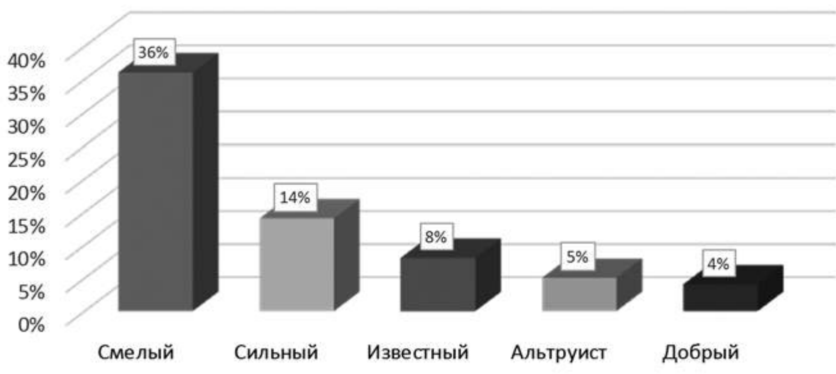
Таким образом, в обоих регионах больше 40% респондентов не могут охарактеризовать понятие героя или «понижают» его до уровня героев комиксов, героев-любовников, указывают на несостоятельность образа (ответы «только название», «несуществующий» и подобные).

Примечательно также то, что в двух исследуемых регионах нет общего понятия о героизме. И в Сумах, и в Черкассах бесспорно главной чертой героя респонденты называют смелость (в Сумах – 22% от общего количества с учетом «нулевых» ответов (отказов от характеристики) или 36% от числа данных характеристик, в Черкассах – 20% и 29% соответственно). Однако второстепенные характеристики существенно отличаются. Для Сум первые пять позиций, характерных для героя черт (см. диаграмму 1), – смелость (22%/36%), сила (8%/14%), известность (5%/8%), альтруизм (3%/5%), доброта (2,5%/4%), тогда как респонденты из Черкасс (см. диаграмму 2) характеризуют героя как смелого (20%/29%),

альтруиста (7,5%/11%), сильного (6,5%/10%), спасителя (3%/5%), молодца (3%/5%).

Такие показатели кардинально отличаются от полученных американскими исследователями данных: американская молодежь характеризовала героев как умных (29%), любящих (23%), религиозных (22,5%), заботливых (18%), лидеров, талантливых (по 16,5%) (Sullivan & Venter 2010: 477), что свидетельствует о национальной специфике полученных данных; характеристики показывают не только реальное положение дел с героями, но также и отражают наиболее затребованные в обществе черты. Очевидно, что в украинском социуме существует запрос на смелость, способность к действию, однако о целостном образе мы говорить не можем. Характеристики героя сильно распыленные: например, третья по количеству ответов черта в Сумах – известность – в сумме по двум регионам занимает только 2%/3%, поскольку черкасчане не считают ее существенной. Таким образом, можем выделить только некоторые базовые черты, а не целостную модель героизма, общую хотя бы для двух исследуемых регионов. Полученные данные показывают, что мы не можем говорить о критической важности образа героя для самоидентификации, одна выделяющаяся черта не является залогом различения, отделения от других, выработки украинской модели поведения, способствовать этому мог бы только целостный образ.

Диаграмма 1.
Характерные черты героев (по мнению сумчан)

Нами также было предложено респондентам подобрать ассоциации, которые возникают относительно определенных личностей, среди которых были предполагаемые герои и так называемые селебритиз, известные люди (писатели, поп- и рок-звезды, политики).

В качестве основного отличия между героями и селебритиз мы принимали положение британских психологов о том, что герои – это личности, способные

порождать смыслы, идеи, которые имеют влияние на общество, они могут быть известными или неизвестными, тогда как *селебритиз* – известная личность, которая способна порождать идеи, имеющие намного меньшее влияние на общество (или не имеющие такового вообще) на протяжении более короткого периода времени (North, Bland & Ellis 2005: 40). Также предполагаемые герои отбирались по критериям соответствия моральным идеалам, наличия «истории» (т.е. сложного жизненного пути, преодоления преград и т.д.).

Опрос показал, что респонденты более склонны к узнаванию известных людей, тогда как предполагаемых героев преимущественно смогли охарактеризовать меньше 50% опрошенных. Например, борца за независимость Украины, диссидента Вячеслава Черновола не смогли охарактеризовать 60% опрошенных, диссидента Левка Лукьяненко – 75,5%, митрополита Украинской греко-католической церкви Иосифа Слепого, отбывшего 18 лет сталинских лагерей за просветительскую деятельность, – 88%. Выше процент узнавания из предполагаемых героев разве у писателей Тараса Шевченко (ассоциаций не смогли подобрать только 5% респондентов), Ивана Франко (13%), Василия Стуса (45%). Объяснить это можно довольно просто: их творчество входит в школьную программу по литературе, поэтому узнавание этих личностей должно быть закономерным для людей со средним образованием.

В противовес приведенным выше показателям селебритиз вызывают ассоциации (большинство из которых положительные) у 76–92% респондентов. Кроме того, если предполагаемые герои вызывали преимущественно только одну ассоциацию, то отклик на селебритиз намного выше. Большинство героев получили 209–215 реакций с учетом «нулевых» (напомним, опрошенных было 209, т.е. 209 ассоциаций – минимально возможное значение; исключения составили

только уже упомянутые выше Василий Стус, Иван Франко и Тарас Шевченко, получившие 226, 243 и 320 характеристик соответственно). Среди селебритиз такой низкий отклик вызвал только художник Иван Марчук (209 реакций), что можно объяснить его малой известностью. Средние показатели для селебритиз же – 225–250 характеристик (у тогда еще действующего президента Януковича этот показатель – 280, у политика, бывшего боксера Виталия Кличко – 275), что заметно выше, нежели у героев.

Примечательно также, что у селебритиз выше показатель положительно оценочных ассоциаций (красивый, классный, крутой и т.п.), нежели у героев: для селебритиз он колеблется от 5% (у политиков Юрия Луценко и Арсения Яценюка) до 51%, тогда как для героев обычно не превышает 5%. Например, среди селебритиз лидером по количеству положительно оценочных характеристик является поп-певица Ани Лорак, которую респонденты описывали как «красотку», «яркую», «очаровательную», «чудесную». Такие отзывы в сумме составляют 51%. Актрису Ольгу Сумскую респонденты характеризовали как «красотку», «симпатичную», «яркую», «хорошую» и т.д. Суммарно подобные ответы занимают 33%. «Неординарным», «крутым», «позитивным», «красавчиком» респонденты называли рок-певца Олега Скрипку (положительно оценочных отзывов – 32%). Меньше всего эмоциональных характеристик респонденты давали боксерам Виталию Кличко («крутой» – 6%), Владимиру Кличко («симпатичный», «крутой» – 7%), футболисту Андрею Шевченко («красивый», «позитивный» – 7%). Для политиков этот показатель колеблется на уровне 5–13%. Для остальных селебритиз (писатели, певцы, актеры) количество позитивных оценок составляет около 20%.

Среди предполагаемых героев наибольший эмоциональный отклик вызвали поэт Василий Стус (5% положительных оценочных ответов) и драматург Лесь Курбас (5%). Чуть меньше позитивных оценок – у политика Вячеслава Черновола (4%), писателей Ивана Франко (3%) и Тараса Шевченко (3%). Остальные предполагаемые герои получили от респондентов по 1–2 позитивные оценочные характеристики (церковного деятеля Иосифа Слепого два респондента считают «хорошим», бывшего митрополита Украинской греко-католической церкви Любомира Гузара – один; диссидент и политик Левко Лукьяненко не получил ни одной положительной оценочной характеристики).

Следует уточнить также принципиально важный факт: из-за значительного преобладания общего количества характеристик селебритиз над количеством характеристик героев (выше мы отмечали, что некоторых героев не знают 60–88% респондентов) абсолютные показатели положительных оценочных характеристик при сходных процентных выражениях могут сильно отличаться. Например, 5% у Леся Курбаса – это всего лишь 4 ответа респондентов, тогда как 6% у Виталия Кличко – это 16 ответов респондентов.

Приведенные показатели, очевидно, свидетельствуют о том, что в сегодняшнем украинском обществе героические фигуры имеют намного меньшее

влияние на процесс самоидентификации, чем «легкие» в восприятии известные личности, не способные продуцировать общественно значимых идей. Большинство предполагаемых героев даже не узнаваемы среди молодежи, вызывают значительно меньший эмоциональный отклик, поэтому, естественно, не способны приобщать к позитивным ценностям, быть ролевыми моделями.

Одним из способов активизации скрытого потенциала формирования идентичности, который заложен в героических образах, может служить трансляция этих моделей поведения (поскольку, по замечанию М. Салливана и А. Вентера, герой – скорее тип, нежели личность (Sullivan & Venter: 482) средствами массовой информации.

Нами исследованы сумской областной общественно-политический еженедельник «Ваш шанс» и черкасская еженедельная газета «Акцент» за 2012 год (по 52 номера) для выявления особенностей транслируемых региональными СМИ героических образов. Выбор исследуемых источников обусловлен тем, что эти газеты принадлежат к наиболее тиражным в своем регионе, освещают разные аспекты жизни области – от политики до культурно-массовых мероприятий (мы не принимали во внимание коммунальные газеты, которые отличаются большой необъективностью, освещают преимущественно действия органов, от которых зависят).

За указанный период выявлены 51 публикация по теме исследования в «Вашем шансе» и 42 – в «Акценте». Именно такой материал, на наш взгляд, способен позволить достичь сразу двух целей – выявить особенности региональной идентичности жителей украинского севера и центра, бытующие стереотипы (в том числе и исторические), способные разделить украинцев, а также на пересечении региональных образов героев выявить общие черты, способные их объединить (это возможно благодаря тому, что элементы региональной идентичности частично входят как составная часть в идентичность национальную).

Российский социолог А. Гофман отмечает, что «идентичность в современных обществах носит множественный характер, поэтому уместно говорить скорее об “идентичностях” во множественном числе, об идентичностях разного рода и масштаба» (Гофман 2010: 250), что ярко проявляется в украинских реалиях: в ситуации, когда идентичность национальная только формируется, региональная идентичность зачастую выступает главной (именно это объясняет ситуацию противостояния между западом и востоком страны, которое с разной силой проявляется все время независимости). Поэтому выявление элементов региональной идентичности, которые могут обеспечить образы транслируемых региональными СМИ героев, является достаточно важным.

Исследование материалов региональных газет показывает, что на самом деле принципиальной разницы между транслируемыми героическими образами на севере и в центре нет, большинство выявленных групп героев общие для обоих регионов. Так, наиболее численную группу и в сумском, и в черкасском еже-

дельнике составили материалы о ветеранах Второй мировой войны (около четверти публикаций в каждом из изданий). Единственная разница в освещении в том, что черкасская газета лояльно относится и к ветеранам Советской армии, и к людям, воевавшим на стороне украинских повстанцев. Сумская же газета единственный материал о ветеранах Украинской повстанческой армии подает под заголовком «*Станут ли эсэсовцы героями Украины?*» (Ваш шанс. – 2012. – № 19. – 9 мая), при этом всех украинских повстанцев газета не совсем корректно уравняла с дивизией СС «Галичина», которую назвала «преступной организацией». При этом подчеркивается, что «нормальные сумчане» понимают, кто истинные герои, потому в акции в поддержку повстанцев приняли участие «*всего десяток молодых людей, ранее замеченных в разного рода экстремистских выходках*». Таким образом формируется впечатление, что поддерживать украинских повстанцев могут только «экстремисты», хотя на западе страны ветераны повстанческой армии почитаемы наравне с ветеранами Советской армии.

Общие для обеих газет героические образы – еще и врачи (для которых подвигом, если судить по газетным публикациям, является качественное выполнение своей работы), спортсмены (в том числе – паралимпийцы, просто люди с ограниченными возможностями, занимающиеся спортом, ветераны спорта), экстремалы (альпинисты, дайверы, «моржи»).

В то же время около четверти материалов – характерные для отдельного региона. К сумским героям можем отнести верующих людей, представителей правоохранительных органов, местных исторических личностей (фабрикантов, меценатов, просветителей) и культурных деятелей (преимущественно заграничных писателей, театралов, которые испытали притеснения цензуры). Культурные герои характерны и для Черкасс, однако здесь они – местные колоритные уроженцы этого края (поэты Тарас Шевченко, Василий Симоненко, художник Даниил Нарбут). Выделяется черкасский еженедельник еще и изображением вундеркиндов как маленьких героев (мальчики, один из которых в 9 лет стал самым младшим шахматным гроссмейстером Украины, а второй – начал писать учебник по истории).

Анализируя особенности медийных героических образов двух регионов, можно отметить несколько особенностей.

Во-первых, зачастую СМИ героизируют людей просто за то, что они выполняют свои обязанности: к примеру, с медиками можно добавить также милиционеров в Сумах, пожарников, спасателей в Черкассах. Подобное явление наблюдаем и при описании исторических личностей в сумском еженедельнике: как героев журналисты подают местных меценатов, крупных промышленников, которые подвигов не совершали, однако их служение городу и горожанам в сегодняшних реалиях воспринимается как героизм.

Во-вторых, ключевой чертой для героя СМИ является сила воли, а не мужественность, храбрость, как это было присуще герою мифологическому. При

описании большинства историй местных героев еженедельники делают упор на силе характера. Если описывают спортсменов, то чаще черты героев можно увидеть у спортсменов с ограниченными возможностями, которые достигают вершин вопреки болезням. Отдельная большая группа материалов – о людях, побеждающих болезни, жизненные невзгоды и помогающих другим это делать (например: *Мы не согласились жить с ДЦП*. – Акцент. – 2012. – № 9. – 29 февраля; *Мы должны помогать друг другу*. – Акцент. – 2012. – № 16. – 18 апреля; *Большая победа маленькой женщины*. – Ваш шанс. – 2012. – № 3. – 18 января; *Паралич, который не могли диагностировать врачи*. – Ваш шанс. – 2012. – № 51. – 19 декабря).

Заметна одна общая тенденция – героями сегодня являются не совсем героические личности (к классическим типам героев-воителей относим разве ветеранов Второй мировой войны и ветеранов-афганцев), институт геройства претерпевает значительные трансформации, от heavy figures, как их называл В. Онг, мы переходим к light figures, своего рода «легким» героям. Однако последние – совсем не селебритиз, а простые «маленькие» люди, способные качественно выполнять свою работу и преодолевать жизненные трудности. Не совсем корректно говорить о том, что герои сегодня исчезли, поскольку их вытеснили селебритиз. Скорее, герои просто стали менее заметными – из-за потери масштаба фигуры.

Это в целом подтверждает результаты Д. Порпоры, по исследованиям которого первое место среди героев респонденты отдали «местным героям» – преимущественно родственникам, знакомым опрошенных (Порпора 1996). Можем сказать, что героизм перестал быть привилегией избранных, но стал характеристикой множества фигур меньшего масштаба.

Это замечание важно в контексте идентификации человека. В нашем опросе респондентам было предложено также охарактеризовать предполагаемых «маленьких» героев (были выбраны наиболее типичные или, наоборот, наиболее неожиданные фигуры – от инвалида-колясочника, побывавшего в трех десятках стран мира, до пенсионерки, которая смогла разоружить напавшего на нее грабителя и чуть не задержала его). Опрос показывает, что именно такие фигуры имеют наибольшую ассоциацию с героизмом; не только в СМИ, но и в представлении респондентов именно маленькие люди, а не предполагаемые нами heavy figures (диссиденты, просветители, борцы за независимость страны) оказываются героями. Примечательно, что эта тенденция характерна и для газет обоих регионов и для обеих групп респондентов из Сум и Черкасс. Именно эти «негероические герои» сегодня и являются связующим звеном для идентификации представителей разных регионов страны, а СМИ этому активно способствуют.

По результатам опроса, относительно всех 10 предложенных «маленьких» героев респонденты использовали прямую номинацию (герой) или ее походные (геройский, героический и т.д.). Меньше всего (2% от количества ассоциаций)

называли героем «мужчину, который получил диплом Кембриджа и осуществил мечту – вернулся преподавать в Украину», больше всего (17%) – «приемную мать, воспитывающую двадцать детей». Средний показатель – 4%.

Заметно выше у этой группы персонажей и показатель отклика респондентов. Преимущественное большинство смогло подобрать хотя бы одну характеристику к предложенным личностям (самый высокий процент отказа – 25,8%, тогда как для «классических» героев этот показатель – почти 90%). Также существенно отличается и количество ассоциаций. Если «классические» герои имели преимущественно до 215 реакций от 209 опрошенных респондентов, то для «маленьких» героев эти показатели колеблются от 237 до 290 реакций.

Следует отметить и качество этих реакций: для всех «маленьких» героев доминантными будут те, которые обозначают традиционные для heavy figures черты – смелость, силу воли, патриотизм, мужественность, преданность делу, физическую силу. При этом по результатам опроса заметно, что «маленькие» герои в представлении респондентов обладают большим количеством «настоящих» героических черт, чем им («маленьким» героям) приписывают газеты.

Исходя из результатов мониторинга СМИ и опроса, можем говорить о выработке нового типа героизма. Это своеобразные неклассические герои постнеклассической эпохи. Именно они являются связующим звеном для идентификации жителей разных регионов Украины. Если раньше люди были склонны к почитанию великих, то сегодня простые люди, совершающие в десятки раз меньшие по масштабу подвиги, вызывают у реципиентов больший позитивный эмоциональный отклик. Однако о новых героях можем говорить только в контексте личностной идентификации. Для формирования региональной, а тем более национальной идентичности эти образы, очевидно, окажутся непродуктивными. «Маленькие» герои способны научить, как действовать в бытовых ситуациях, как одолевать бытовые сложности, однако они не способны служить ролевой моделью для решения более сложных заданий. Новый тип героизма оказывается функционально редуцированным.

Таким образом, герои для любого общества – необходимый элемент общественного регулирования, а также мощный инструмент формирования идентичностей разных уровней. В условиях довольно ощутимых отличий разных регионов Украины именно общие герои могли бы послужить основополагающим элементом общей национальной идентичности. Однако наше исследование в двух городах страны (на севере и в центре) показало, что сегодня среди украинской молодежи нет сформированного представления о том, кто такие герои, классические героические образы не воспринимаются как герои, они узнаваемы среди меньшей части опрошенных. В то же время эмоциональный отклик и стойкие позитивные ассоциации у респондентов вызывают так называемые селебритиз, известные люди, оболочки, подменяющие собой сущность.

Не способствуют выработке единого образа героя, способного сплотить вокруг себя, и СМИ. Исследование показывает, что газеты тиражируют образы новых героев, которых по аналогии с «маленьким человеком» А. Чехова можно назвать «маленькими» героями. Это люди, совершающие мини-подвиги в быту и на работе. Именно их украинская молодежь склонна воспринимать как героев (используя и прямые номинации и наделяя «маленьких» героев чертами классических героических типов – смелостью, отвагой, силой и т.д.). Очевидно, именно эти герои способны не подменить, но заменить собой heavy figures, стать своеобразным противовесом пустых образов селебритиз.

Если говорить о последствиях такой трансформации героизма для идентификации, следует отметить большой потенциал «маленьких» героев в контексте личностной идентификации (из-за сильного эмоционального отклика, близости, понятности этого образа реципиенту), однако в контексте поиска национальной идентичности такие мелкие единичные образы оказываются непродуктивными (подтверждает это тот факт, что при большом количестве примеров «бытового героизма», тиражируемых медиа, в украинском социуме отсутствует представление о героизме как таковом).

Литература

Гофман, А.Б. В поисках утраченной идентичности: традиции, традиционизм и национальная идентичность // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С. 241–254.

Карлейль, Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. М.: Эксмо, 2008.

Луцишин, Г. Чинники консолідації української нації // Українська національна ідея: реалії та перспективи розвитку. 2011. Вип. 23. С. 165–169.

Луцишин, Г. Проблема національної ідентичності в умовах глобалізації // Українська національна ідея: реалії та перспективи розвитку. 2013. Вип. 25. С. 166–171.

Нагорна, Л. Поняття «національна ідентичність» і «національна ідея» в українському термінологічному просторі // Політичний менеджмент. 2003. № 2. С. 14–30.

Суравнева, И.М. Героизм как социальный феномен: автореферат. Тверь: Тверской государственный университет, 2006.

Boorstin, D.J. The Image: A Guide to Pseudo-events in America. New York: Vintage Books, 1992.

Harvey, J., Erdos, G., Turnbull, L. How do we perceive heroes? // Journal of Risk Research. 2009. Vol. 12, no. 3–4 (April–June). P. 313–327.

Klapp, O.E. The Creation of Popular heroes // American Journal of Sociology. 1948. Vol. 54, no. 2. P. 135–141.

North, A.C., Bland, V., Ellis, N. Distinguishing heroes from selebrities // British journal of Psychology. 2005. Vol. 96. P. 39–52.

Porpora, D.V. Personal Heroes? Religion and Transcendental Metanarratives // Sociological Forum. 1996. Vol. 11, no. 2. P. 209–229.

Sullivan, M.P., Venter, A. Defining Heroes Through Deductive and Inductive Investigations // The Journal of Social Psychology. 2010. № 150(5). P. 471–484.

Оксана Даниленко

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИСТОРИИ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В УКРАИНЕ (2005–2006; 2013–2014)

Abstract

The paper analyzes the results of the sociological research of the conflict potential of socio-cultural identities in Ukraine based on the use of the author's linguistic and conflictologic approach to research aimed at the exposure of potential proneness to conflict through text and discourse. Special notice is taken of the connection between the conflict of interpretations of historical events and the symbols and slogans that figure in contemporary social conflicts in Ukraine.

Deep problem-oriented interviews that were made focused on questions concerning meaningful events in history, domineering plots of oral history, acceptable ways of expressing and upholding conflict interests and other issues that made it possible to see the connection between the conflict of interpretations and contemporary social conflicts. Peculiarities of symbols and slogans of Euromaidan and Antimaidan in Kharkov during February–May, 2014 were analyzed to see the way they were perceived not only during protest actions but also at the level of everyday practices. This is done through identifying different symbols that are highlighted in the interviews by the informants in both their discussion of meaningful events in history and their characterization of the symbols and slogans that figure in contemporary social conflicts. The paper also presents elements of the photo collection that was made in Kharkov from February to May, 2014.

The analysis of the conflict potential of socio-cultural identities has been made in order to find ways to de-escalate conflict, possible variants of interpretation and transformation of meanings. The paper is aimed at finding solidarizing fields and counteracting linguistic construction of conflicts through «construc-

tion of history». It is connected with a search for ways of uniting Ukraine's citizens including those who represent different positions and opinions as well as a search for threads of unity on the value basis that contributes to the unity of Ukraine.

Keywords: linguistic and conflictologic approach, meaning, conflict, text, symbol, socio-cultural identities, oral history, «construction of history», conflict potential

Постановка проблемы

В 2005–2006 годах в рамках проектов CASE был проведен ряд лингвоконфликтологических исследований (исследования конфликтного потенциала через язык, текст, дискурс), проанализирован конфликтный потенциал социокультурных идентичностей в Украине, рассмотрены особенности формирования и трансформации социокультурных идентичностей в Восточной и Западной Украине (на примере г. Львова и г. Харькова). Сегодня полученные в 2005–2006 годах данные приобрели новое звучание, раскрывая многие внутренние детерминанты отношения к современным событиям в Украине. В связи с этим возникла потребность провести новые лингвоконфликтологические исследования, касающиеся событий 2013–2014 годов в Украине, а также сопоставить их с данными 2005–2006 годов.

Почему проблемы, которые я пыталась решить в исследовании 2005–2006 годов и которые были рассмотрены в монографии 2007 года «Язык конфликта в трансформирующемся обществе: от конструирования истории – к формированию социокультурных идентичностей» [1], остаются сегодня актуальными?

Приведу два высказывания из текстов интервью, проведенных в 2005–2006 годах, в которых отчетливо видно различия идентичностей, которые проявляются через язык конфликта:

> «Я чувствую тяготение к России. Это связано с тем, что Украина была в составе Советского Союза как единого государства» («Конструирование истории», студентка, Харьков, 2005/2006);
>
> «В союз с Россией – уже один раз обожглись. Даже обезьяна второй раз в тот же огонь не пойдет» («Конструирование истории», студент, Львов, 2005/2006).

В этих высказываниях из текстов интервью 2005–2006 годов отчетливо маркируются различия идентичностей через язык конфликта. Сегодня этот конфликтный потенциал социокультурных идентичностей актуализировался. Одновременно существует ряд общих объединяющих моментов, а представленные различия используются для разворачивания различного рода манипуляций, приводящих к лингвистическому конструированию социальных конфликтов.

Один из основных вопросов, который сегодня актуализирован в публичном дискурсе Украины и который волнует лично меня: что мы можем сделать, чтобы стимулировать объединение Украины, объединение граждан Украины, представляющих различные позиции и мнения?

С этим связан и ряд других актуальных вопросов. Что объединяет, а что разъединяет людей? Противоречие между Востоком и Западом Украины – миф или реальность? Как видят способы взаимодействия Украины с другими странами жители Украины? Каким видят будущее Украины ее жители?

Одновременно многих людей как в Украине, так и за ее пределами сейчас интересует вопрос о перспективах развития отношений Украины и России, в особенности после событий в Крыму. Поэтому приведу количественные данные Киевского международного института социологии [2], которые показывают, что большинство жителей Украины, в том числе и большинство жителей Восточной Украины, хотели бы видеть отношения Украины и России как взаимодействие двух независимых государств (табл. 1).

Таблица 1. **Данные Киевского международного института социологии «Какими бы Вы хотели видеть отношения Украины с Россией?» (распределение по регионам n = 2032, 8–18 февраля 2014)[1] [2]**

	Запад	Центр	Юг	Восток	Украина в целом
Они должны быть такими же, как и с другими государствами – с закрытыми границами, с визами, таможнями	24,0	20,9	10,5	2,0	14,7
Украина и Россия должны быть независимыми, но дружественными государствами – с открытыми границами, без виз и таможень	66,7	69,7	63,8	72,2	68,0
Украина и Россия должны объединиться в одно государство	0,7	5,4	19,4	25,8	12,5
Трудно сказать / Нет ответа	8,6	3,9	6,3	0,0	4,7

Как видим, по данным Киевского международного института социологии лишь 12,5% в Украине в целом (25,8% на востоке Украины) выбрали вариант «Украина и Россия должны объединиться в одно государство». Однако и это количество респондентов создает предпосылки для различного рода манипуляций, в том числе для лингвистического конструирования конфликтов, когда несуществующие конфликты могут быть представлены как реальные для осуществления определенных действий и их оправдания (как это было в Крыму). Важно знать образы конфликтов прошлого и связанные с этим интерпретации символов, на которые могут опираться эти манипуляции, чтобы создать предпосылки для разработки антиманипулятивных механизмов.

Важным является исследование конфликта интерпретаций, так как связанные с событиями прошлого конфликты интерпретаций, а также символы и мифы, которые возникают в контексте рассмотрения этих событий, могут использоваться как мобилизационные механизмы в современных социальных конфликтах.

Предлагаю осуществление анализа обозначенных проблем с помощью лингвоконфликтологического метода. Этот метод позволяет рассматривать язык конфликта как индикатор конфликтного потенциала социокультурных идентичностей во взаимосвязи социокультурных идентичностей с «конструированием истории».

Язык конфликта как индикатор социокультурных идентичностей: лингвоконфликтологический метод и результаты его применения в 2005–2006 годах

Язык конфликта понимается как определенная семиотическая система, способная маркировать и передавать определенный уровень конфликтного потенциала, который может быть оценен по шкале «конфликт–согласие». Язык конфликта имеет определенные нормы, которые непосредственно связаны с нормами и ценностями определенной социальной системы, в соотношении с которыми рассматривается язык конфликта. Социологическая интерпретация понятия «язык конфликта» была представлена в книге «Язык конфликта в трансформирующемся обществе: от конструирования истории – к формированию социокультурных идентичностей» [1], которая была подготовлена при поддержке CASE и отображает не только методологию, но и методику исследования, а также полученные результаты. Проблема языка конфликта нашла свое выражение также в ряде статей [3–6 и др.]. Эмпирическая база исследования – 96 глубинных проблемно-ориентированных интервью с представителями различных поколений и с экспертами, а также около 200 учебников истории, которые были проанализированы с применением различных элементов лингвоконфликтологической экспертизы: построение карты метаязыка конфликта, нарратив-конфликтологический контент-анализ и др.

Одна из основных идей исследования связана с тем, что конфликты в настоящем и будущем существенно определяются конфликтами в прошлом. При этом обосновывается, что субъективный взгляд на историю имеет большое значение как в региональном, так и в поколенческом сравнении, так как на место истории СССР на уровне официального дискурса пришли истории отдельных государств – России, Украины, Беларуси, Молдовы и др. При этом контент-анализ показывает не только отличие учебников истории этих стран от бывшей советской истории, но также и друг от друга. Эти национальные истории конструируются, с одной стороны, социальными институтами общества (например, средствами

массовой информации, образованием и политикой как ретрансляторами дискурса, связанного с доминирующей идеологией, обозначим его как легитимный дискурс), с другой стороны, на уровне повседневных практик фиксируются и ретранслируются пересечения различных дискурсов, в том числе связанных с устной историей и историей семьи.

Нарратив-конфликтологический контент-анализ учебников истории, а также анализ материалов, полученных методом фотографии во Львове и в Харькове, позволили выдвинуть следующие основные исследовательские гипотезы, которые проверялись в ходе проведения глубинных проблемно-ориентированных интервью:

1. Существует конфликт интерпретаций ряда ключевых событий истории, которые как для жителей Востока, так и Запада Украины являются значимыми, но наделяются различными смыслами в связи с различиями в «биографической ситуации», в семейной истории.

2. Отношение жителей Украины к актуальным событиям коррелирует с особенностями восприятия событий истории, в том числе на символическом уровне. Это находит свое выражение в различных вариантах символической борьбы, в лозунгах, плакатах, граффити, флагах, лентах.

3. Поколенческие и региональные различия пересекаются, и результат этого пересечения определяется определенной комбинацией легитимного и повседневного дискурса.

Для проверки этих гипотез, а также для выявления особенностей пересечения различных интерпретаций, которые являются одной из основных детерминант того или иного варианта отношения к современным событиям, рассмотрим основные результаты исследования 2005–2006 годов, чтобы затем перейти к результатам 2013–2014 годов.

Основные характеристики сбора эмпирических материалов в 2005–2006 годах (анализ которых нашел свое выражение, прежде всего, в монографии «Язык конфликта в трансформирующемся обществе: от конструирования истории – к формированию социокультурных идентичностей» [1]) следующие:

– проведение глубинных проблемно-ориентированных интервью с представителями различных поколений (66 интервью, Львов, Харьков);

– проведение интервью с экспертами (40 интервью, прежде всего в Киеве, Львове, Харькове, а также в Автономной Республике Крым, также внешние эксперты);

– проведение качественно-количественного контент-анализа учебников истории, которые были рекомендованы в школах и в вузах СССР, Украины, России и Беларуси в период с 1924-го по 2005 год (более 200 учебников истории).

Основные характеристики эмпирического исследования, проведенного с применением лингвоконфликтологического метода в 2014 году:

– проведение глубинных проблемно-ориентированных интервью с представителями различных поколений (26 интервью, Харьков, март–апрель 2014);

– проведение анкетирования студентов с применением открытых вопросов с дальнейшим лингвоконфликтологическим контент-анализом ответов (153 анкеты, Харьков, март–апрель 2014);

– анализ лозунгов и плакатов акций протеста в Харькове, а также вариантов отображения символической борьбы в повседневности (февраль–май 2014).

В центре внимания – 4 поколения как носители определенных социокультурных характеристик:

– поколение 1 – современные студенты (которые изучали историю преимущественно через дискурс независимой Украины);

– поколение 2 – «дети перестройки», студенты 1990-х годов, которые в школе изучали еще историю СССР, но в вузе уже историю Украины;

– поколение 3 – «советское поколение» – в течение времени их обучения в школе и в вузе доминировал и даже господствовал советский дискурс;

– поколение 4 – старшее поколение, т.е. свидетели времен Второй мировой войны, предвоенного и послевоенного времени; при этом следует обратить внимание, что Львов только в 1939 году стал советским.

Для каждого поколения характерны свои особенности, которые прослеживаются одновременно с отчетливыми региональными различиями между Западной и Восточной Украиной. Кроме того, анализ интервью львовян показывает особенно отчетливо пересечение сюжетов детей и внуков с устной историей, которая противоположна советскому дискурсу. И эти пересечения особенно отчетливо видны в соответствии поколения 2 и поколения 4, т.е. внуков и бабушек и дедушек.

Прежде всего охарактеризуем основные вопросы, с помощью которых были получены нарративы, содержащие характеристики языка конфликта.

Один из главных вопросов глубинных проблемно-ориентированных интервью (как в 2005–2006, так и в 2014) был сформулирован следующим образом: «Назовите, пожалуйста, три исторческих события, которые Вы считаете наиболее значимыми. Охарактеризуйте, пожалуйста, каждое из этих событий: содержание, участники, значение, "герои" и "антигерои", что произошло, как произошло, хронология и пр.».

Лингконфликтологические маркеры социокультурных идентичностей отображаются не только в выборе значительных событий истории, но и в характеристиках нарративов об этих событиях. При маркировании конфликтного потенциала речь идет как о реальных конфликтах, так и о конфликтах интерпретации. При описании исторических событий информант неосознанно маркирует через языковые конструкты свою позицию по отношению как к историческим событиям, так и к современным, невольно маркируя также лингвистически, кто для них «мы», а кто – «они», кто – «свои», а кто – «несвои».

Следующие вопросы также дают возможность получить нарративы, содержащие характеристики языка конфликта: «Какие конфликты в ближайшем будущем Вы считаете опасными, а какие полезны и нужны обществу?», «Каким Вы видите будущее своего государства?» и «К чему тяготеет Украина больше – к России или к Европейскому союзу?». В полученных нарративах о будущем и о прошлом лингвистически маркировались социокультурные идентичности.

Аналогичные вопросы были заданы в ходе интервью с представителями четырех различных поколений в Харькове, а также при анкетировании студентов (открытые вопросы) в марте–апреле 2014 года, но в 2014 году бланк интервью и анкета были дополнены также вопросами, связанными с ключевыми символами Евромайдана и Антимайдана. Для понимания связанных с ними конфликтов интерпретаций представляется важным изложить сначала данные, полученные в 2005–2006 годах, так как через анализ интервью, проведенных во Львове и в Харькове, мы можем выйти на различные варианты интерпретации событий истории в Восточной и Западной Украине во взаимосвязи с современными социальными конфликтами.

В качестве важнейших событий жителями Харькова были названы следующие (сначала приводится доминирующая номинация события, затем в скобках связнанные с этим событием другие варианты номинаций):

– «Великая Отечественная война» («война», «война против Германии», «Вторая мировая война», «исторические события войны», «победа», «победа над фашистской Германией»);

– «развал СССР» («Украина обрела независимость», «август 1991 года», «путч после перестройки, когда Советский Союз развалился»);

– «Октябрьская революция 1917 года» («Октябрьская революция», «Великая Октябрьская революция»).

Информантами из Львова в 2005–2006 годах были названы в качестве значимых исторических событий следующие:

– «оранжевая революция» («наша революция прошлого года», «зима–весна 2004 – это была революция»);

– «1991 – Украина стала независимой» («украинская независимость», «развал СССР», «ГКЧП», «решение судьбы Украины в Беловежской пуще»);

– «Вторая мировая война» («Великая Отечественная война», «деятельность Украинской повстанческой армии (УПА)»).

Как показывает сравнение, здесь доминируют следующие пары событий, которые были названы информантами в Харькове и во Львове как имеющие наибольшее значение:

– «развал СССР» (Харьков) – «назависимость Украины» (Львов);

– «Великая Отечественная война» (Харьков) – «Вторая мировая война» (Львов).

События, которые воспринимаются информантами поколения 2 и поколения 4 во Львове в качестве важных, преимущественно связаны с историей Украины. В интервью харьковчан центральным моментом является история СССР, а также, в более широком смысле, «история славянских государств», хотя при этом назывались также события мировой истории и истории Украины, последнее особенно релевантно для поколения 1. В целом здесь фиксируются отчетливые поколенческие различия, связанные с существенным изменением в построении нарративов по поводу исторических событий в современных украинских учебниках.

Следующей темой глубинных проблемно-ориентированных интервью, которые проводились с применением лингвоконфликтологичесих индикаторов, позволяющих осуществить лингвоконфликтологическое измерение социокультурных идентичностей, были сюжеты устной истории, которые связаны с воспоминиаными родных (в первую очередь, родителей, бабушек и дедушек) по поводу исторических событий и назывались информантами в качестве значимых сюжетов.

В нарративах устной истории, представленных в интервью харьковчан, доминировали следующие сюжеты устной истории: «Великая Отечественная война», «фашистская оккупация», «коллективизация», «ликвидация кулачества», «голод 1933 и 1946 годов», «аресты и репрессии в сталинское время», «строительство заводов, железных дорог, городов», «смерть Сталина», «культ личности и его развенчание», «комсомольская юность деда».

Наиболее часто повторяющимися сюжетами устной истории в рассказах жителей Львова являются следующие сюжеты устной истории: «неприятие коммунистической партии» (дедушка часто менял рабочее место, потому что не хотел вступать в партию, бабушка оставалась завучем и не была назначена директором по этой же причине), рассказы о голоде (преимущественно с номинацией «голодомор», с описанием многих ужасов), рассказы о жестокостях и зверствах НКВД, рассказы о войне («дед участвовал в Великой Отечественной войне», участие деда во Второй мировой войне), рассказы об УПА (Украинской повстанческой армии[2]), рассказы об УД «Галичина» (например, о деде, который был в УПА, и о прадеде, который был в УД «Галичина»).

В сюжетах устной истории есть моменты, которые являются общими для жителей Харькова и Львова, есть, конечно же, и различия. В качестве общих можно отметить: коллективизация и раскулачивание, голод и война. Однако, если речь идет о войне, здесь проявляются также различия: победа на фашизмом доминирует в интервью жителей Харькова (Восточная Украина), противоречивые коллизии борьбы представлены в интервью львовян, где также часто представлены сюжеты об УПА («это были наши братья и сестры»), описывается жестокость НКВД; в Восточной Украине описывается жестокость «бандеровцев» в послевоенное время. Также фигурируют с обеих сторон сюжеты о «переодева-

ниях» и об уничтожении мирного населения. Отношение к УПА и к Советской армии имеет в интервью львовян и харьковчан много различий, в нарративах представлено различное, как правило, диаметрально противоположное представление о справедливости. Для львовян эти представления в большей мере соотвествуют дискурсу сегодняшних учебников истории в Украине, при этом в интервью харьковчан, как правило, этот дискурс вызывает конфликтное отношение. Так, например, идея примирения воинов УПА и воинов Советской армии, которую неоднократно выдвигал в своих речах бывший президент Украины Виктор Ющенко, только обостряла этот конфликт.

Следует заметить, что для жителей Львова доминирует негативный образ «советского», для харьковчан – соединение негативного с ностальгией, что отображает восприятие советского периода как собственного прошлого, со всеми его «плюсами» и «минусами». Это приводит к различным вариантам переживания культурной травмы (по П. Штомпке), что связано с формированием и трансформацией идентичностей: для одних регионов доминирует переживание «коммунистической травмы» (для Львова), для других – посткоммунистической (для Харькова).

Очень важно при переходе к анализу лозунгов и символов сегодняшних конфликтов не забыть о двух основных выводах исследования 2005–2006 годов:

1. Важнейшие конфликты интерпретаций, которые показывают различия Восточной и Западной Украины, связаны со следующими историческими событиями: «Великая Отечественная война» – «Вторая мировая война» и революция 1917 года.

2. Негативное восприятие «советского» доминирует во Львове («…они всегда нас порабощали, уничтожали»), в Харькове же выдвигается на первый план «светлый образ советсткого» («мы строили, восстанавливали, мы победили»).

Исследования с применением лингвоконфликтологического метода, которые были проведены в феврале–мае 2014 года, показывают, что эти выводы остаются для Харькова релевантными. Кроме того, анализ лозунгов и плакатов Евромайдана и Антимайдана показал, что они связаны с сюжетами устной истории, отображающими конфликт интерпретаций в интервью львовян и харьковчан, прежде всего, по поводу событий войны и по поводу советского прошлого. Именно это послужило причиной, что при проведении интервью в 2014 году в качестве вопросов глубинных проблемно-ориентированных интервью были добавлены вопросы, связанные с выявлением смыслов, которыми наделяют георгиевскую ленту и лозунг-приветствие «Слава Украине! – Героям слава!». Это позволяет выявить взаимосвязь между конфликтом интерпретаций событий истории с современными социальными конфликтами через анализ символов и связанных с ними различных смыслов.

От конфликта интерпретаций в конструировании истории – к анализу лозунгов и символов Евромайдана и Антимайдана в Харькове (февраль–май 2014)

Обратимся к событиям в Украине сегодня, а именно – обратим внимание на содержание лозунгов и плакатов в Харькове. Это позволит выйти на взаимосвязь конфликта интерпретаций событий истории и современных социальных конфликтов. С одной стороны, что собой представляют основные события и сюжеты, вызывающие конфликт интерпретаций в интервью львовян и харьковчан? Еще раз напомню, что основными историческими событиями, маркирующими различия социокультурных идентичностей на Востоке и на Западе Украины (Львов – Харьков), как показывают данные исследования 2005–2006 годов, являются Великая Отечественная – Вторая мировая война, а также революция 1917 года.

Сопоставляя доминирующие символы и лозунги Евромайдана и Антимайдана, можно заметить, что они связаны с ключевыми сюжетами устной истории, вызывающими конфликт интерпретаций в интервью львовян и харьковчан. Раскроем это положение через анализ конкретных символов и лозунгов с февраля по май 2014 года в городе Харькове.

Рис. 1. Сторонники Евромайдана с флагами Украины возле памятника Т.Г. Шевченко (Харьков, апрель 2014)

Представители Евромайдана наряду с относительно «нейтральными» по отношению к противоположной стороне символами (флаг Украины, символика Евросоюза – хотя это тоже вопрос: нейтральны ли они для противоположной стороны, но поскольку они связаны с настоящим больше, чем с прошлым, пока что остановимся на прошлом) используют лозунг «Слава Украине! – Героям Слава!», который может рассматриваться как язык конфликта, поскольку способен вызывать конфликтное отношение, в особенности для старшего поколения ассоциируется с фигурой Степана Бандеры (это действительно был лозунг УПА), являющегося антигероем для большинства проинтервьюированных на Востоке Украины, и вызывает в связи с этим неприятие. Несколько иначе выглядит картина для студентов, где такой вариант перестает быть доминирующим и вытес-

няется другой ассоциацией – Евромайдан. Кроме того, черно-красный флаг УПА также фигурирует на Евромайдане, и некоторые интервьюируемые в Харькове отмечают это как негативный момент, в том числе студенты.

Приведу примеры суждений представителей поколения 1 (студент) и поколения 4 (старшее поколение).

Поколение 1, Харьков (студент).

Суждение, которое было высказано, как один из аргументов, почему информант за федерализацию Украины:

«Когда я вижу людей на митинге с красно-черным флагом – я не понимаю! Это не наша культура. Мой прадед боролся против этих людей. Организация Бандеры боролась против этих людей (в контексте было понятно, что имеет в виду – против его деда). Много погибло русских солдат. Сегодня говорят – они против нацистов боролись, но я читал немецкий интернет-сайт, там нет сведений о погибших от бандеровцев фашистах» (далее возмущается, что в украинских учебниках предлагают рассматривать Степана Бандеру как героя).

Поколение 4.

Суждение, которое было высказано в ответ на просьбу ответить на вопрос в ходе интервью: «С чем у Вас ассоциируется лозунг "Слава Украине! – Героям Слава!"?»:

«Это тяжело… не смогу я на этот вопрос отвечать (выглядит очень расстроенной)… Зачем дразнить людей! Знают же, с каким прошлым это связано…».

Приведу также типовые суждения из текстов интервью, связанные с ответами на вопрос по символике, которая в большей мере ассоциируется с Евромайданом, выявляя глубинные смыслы и взаимосвязи с ответами на вопросы о событиях истории.

Таблица 2. **Различные варианты смыслов, раскрывающиеся при ответе на вопрос «*С чем у Вас ассоциируется лозунг “Слава Украине! – Героям слава!”?*» (Харьков 2014)**

• «Ни с чем хорошим. С украинским национализмом» (1) • «Это чисто бандеровский лозунг. Он никак не приемлем для нас, для восточных людей. Это целиком бандеровское приветствие» (4) • «Национализм… Фашизм, национализм» (2) • «Неоднозначное… Есть осадок… от УПА» (2) • «Я думаю о том, что некие герои в кавычках, которые в общем-то разобщили нашу большую страну, нашу державу… я не одобряю»	• «Я считаю, что героям – действительно слава, потому что Украина – это, прежде всего, дух единомыслия, дух, когда произошли все эти события, я считаю, что в большей степени люди объединились и поняли, что наша Украина – единая Украина» (2) • «Когда я слышу такой лозунг, то я реагирую позитивно. Я знаю и видел людей, которые стоят под этими лозунгами. В целом, я позитивно отношусь к людям, которые используют подобные лозунги» (2) • «Патриотические ассоциации» (4) • «Ассоциируется с народом, который защищает свою страну» (1)

Таблица 3. **Отображение «трансформации смыслов» и «дистанцирования от прошлого» при ответе на вопрос: «*С чем у Вас ассоциируется лозунг “Слава Украине! – Героям слава!”*?» (Харьков 2014)**

«Трансформация смысла»: • «Честно, сначала мне казалось, что это как-то… ну, что они издеваются, что ли, смеются, что ли… Потом как-то я вникла и, наверное, действительно “Слава!” Почему нет? Надо же славить свое государство, я отношусь сейчас положительно» (2) • «Я думаю, что в последнее время наша страна как-то объединилась, стала более едина, и очень немногие связывают, что это – клич, лозунг, приветствие бандеровцев, мне так кажется, во всяком случае, и меня это радует» (3) «*Без прошлого»:* • «Сам по себе лозунг. Я не так давно о нем узнал. Если вдуматься в значение этих слов: замечательный лозунг – “Слава Україні! – Героям слава!”, что тут можно об этом лозунге сказать, кроме того, что этот лозунг хороший» (3) • «Для меня герои могут быть разные: те, кто воевали, освобождали, те, кто совершили в наше время героические поступки. Спасли человека на пожаре или от смерти. Если герой на Украине, то ему – “Слава!”» (2)

Во-первых, эти высказывания интересны с точки зрения того, насколько различными субъективными смыслами наделяется один и тот же лозунг. Во-вторых, эти смыслы при соотнесении либо с прошлым, либо с настоящим приобретают различные значения, при этом даже оценка может смениться на противоположную, порой даже в пределах одного суждения. Можно также заметить, что при соотнесении с прошлым лозунг вызывает преимущественно негативные ассоциации, с настоящим – как позитивные, так и негативные. Есть и нейтральные варианты, и противоречивые. Есть высказывания, отображающие рефлексию по поводу трансформации собственного отношения к лозунгу в связи с последними событиями. Это является вариантом придания нового смысла лозунгу в современном контексте, попыткой дистанцироваться от его прошлого употребления. Для одних это возможно, другие же накладывают негативную коннотацию прошлого на настоящее, что коррелирует с их негативным отношением к произошедшим в стране событиям.

Следует также учитывать, что не все в достаточной мере информированы об историческом прошлом, и это может быть причиной, почему некоторые лозунг не связывают с Бандерой и воспринимают положительно.

В любом случае этот вопрос требует дополнительного исследования. Следует также отметить, что на уровне повседневности уже сейчас закрепляется, а далее будет закрепляться все более повседневный смысл, связанный с настоящим и для многих никак не связанный с прошлым, а именно – использование лозунга «Слава Украине! – Героям Слава!» как маркера принадлежности к Евромайдану и его поддержки. Можно предположить, что этот новый повседневный смысл, ассоциирующийся с настоящим, будет постепенно закрепляться, вытесняя связанные с этим лозунгом образы прошлого, т.е. будет все меньше соотноситься с деятельностью УПА и Степана Бандеры для многих, кто его использует (хотя и не для всех), а все больше – с Евромайданом и с борьбой за независимость Украины в настоящем (см. фотографию на рис. 2). Мы не рассматриваем в этой статье вопрос о связи первой части лозунга с деятельностью УНР (Украинской народной республики), поскольку это требует дополнительного исследования, и на данном этапе связь информантами лозунга «Слава Украине!» с деятельностью УНР не нашла своего отображения в исследовательских материалах. В ходе исследования были выявлены также варианты трансформации лозунга в вариант «Слава Украине! – Украине слава!» (см. фото), отдельное использование «Слава Украине!», а также «Слава Украине! – Навеки слава!».

Перейдем к анализу символов и лозунгов представителей противоположного лагеря, рассматривая взаимосвязь конфликтов прошлого и современных социальных конфликтов.

Представители Антимайдана (или «пророссийских митингов», или… здесь много названий и самоназваний, даже трудно определиться, какой вариант использовать – и это тоже материал для размышлений; есть и такое самоназвание

как «харьковчане», и такое название со стороны оппонентов, как «сепаратисты») используют следующие варианты символики, которая связана с событиями истории, вызывающими конфликт интерпретаций: георгиевская лента, портрет Сталина, красный флаг, на котором может быть написано «СССР 2.0», что означает СССР – вторая версия, красная звезда на красном флаге. Не касаясь множества других вариантов символики, которые актуализируют конфликты современности – российский флаг, плакаты по поводу Путина, по поводу НАТО, остановлюсь только на комментировании тех символов, которые связаны с историей.

Рис. 2. Фотография забора, который в дальнейшем стал полем для символической борьбы: одни лозунги закрашивались – другие появлялись (Харьков, апрель 2014)

Во-первых, СССР, красный флаг, звезда на красном флаге, Ленин – все эти символы совершенно по-разному воспринимаются на Востоке и на Западе Украины. В Западной Украине вся символика советского прошлого воспринимается крайне негативно. Неоднозначно воспринимается и Советская армия (не негативно, а именно неоднозначно, есть различные нарративы).

Напомню, что один из выводов исследования 2005–2006 годов: в текстах интервью львовян можно обнаружить признаки «коммунистической травмы» и связанное с этим доминирование негативного восприятия советского прошлого, а в интервью харьковчан – в большей мере признаки «посткоммунистической травмы», когда «развал Советского Союза» рассматривается как утрата определенных идеалов, появление границ с Россией, в которой осталось много родственников, ослабление экономических связей с Россией и пр., и воспоминания о советском прошлом несут гораздо меньше негативных моментов, гораздо больше ностальгирующе романтических. Кроме того, в текстах интервью харьковчан как 2005–2006 годах, так и в 2014 году в качестве одного из наиболее значимых событий выделяется Великая Отечественная война.

Сегодня мы видим использование в символике представителями Антимайдана георгиевской ленты. В качестве одной из гипотез исследования предлагалось исходить из того, что георгиевская лента у жителей Харькова ассоциируется, прежде всего, с Великой Отечественной войной (именно с Великой Отечественной, а не Второй мировой) и с Советской армией, которая воспринимается как освободитель от фашизма. Это закреплено на уровне повседневных практик: эта лента многие годы является атрибутом праздника День Победы (9 Мая), ее носят ветераны в этот день, она украшает памятные венки погибшим в войне, она изображена на открытках к 9 Мая и 23 февраля. Это нашло свое выражение также в сформированной в рамках исследования фотоколлекции, а именно в тех фотографиях, которые отображают фотографии из повседневности «до Майдана», где лента фигурирует как вариант символизации победы над фашизмом и памяти о ветеранах. Хотя даже предварительный анализ публикаций относительно георгиевской ленты позволяет заметить, что этот символ также связан с конфликтом интерпретаций. И это можно рассматривать как дополнительную гипотезу. Но мы сейчас говорим об опривыченном, закрепленном на уровне повседневности смысле, характерным для Восточной Украины до «Майдана» и «Антимайдана» – доминирует Великая Отечественная война. Хотя современные события в Украине закрепляют уже иной смысл даже на уровне повседневности, который сочетается с прежде опривыченным повседневным смыслом в тех или иных комбинациях.

Рис. 3. Символы Антимайдана во время митинга на площади Свободы: красный флаг, портрет Сталина, георгиевская лента (Харьков, апрель 2014)

В охватываемый исследовательский период, нашедший выражение в формировании фотоколлекции в г. Харькове (февраль–май 2014 года), георгиевская лента является одним из ключевых символов во время митингов Антимайдана. СМИ и наблюдения акций (как непосредственное, так и онлайн) дают новый контекст прочтения этих символов. Они оказываются маркером принадлежности к Антимайдану, поскольку его участники активно используют эту символику. Но одновременно сохраняется и прежнее значение. Увидев на улицах Харькова человека с георгиевской ленточкой (см. фотографию на рис. 4), мы не

можем точно знать, какой смысл он вкладывает в эту ленту. Мы не можем также точно знать, какие смыслы считывают те, кто видят на улице этого человека.

Рис. 4. Повседневная практика ношения геориевской ленты (Харьков, апрель 2014)

Рассмотрим результаты анализа текстов интервью, проведенных в апреле 2014 года в Харькове, отображающие, что видят харьковчане в георгиевской ленте, какие различные смыслы с ней связывают, чтобы раскрыть их возможное многообразие, хотя и не претендуя на полный перечень возможных вариантов.

При анализе особенностей восприятия лозунгов и символов Евромайдана и Антимайдана необходимо учитывать полисемантичность символов и многовариантность их интерпретации, с одной стороны, в плоскости «свои–чужие», с другой стороны, в плоскости «прошлое–настоящее».

Необходимо учитывать также, что меняется значение перечисленных символов прошлого, включенных в акции протеста в проанализированный период февраля–мая 2014 года в Харькове. Эти символы приобретают новые значения, актуализируют новые смыслы благодаря тому, что во время акций протеста они попадают в новый контекст, используются во время определенных социальных действий, что придает им новые смыслы, которые, повторяясь, типизируются, легитимируются, и возникает новый вариант конструирования смыслов, исходя из сегодняшних повседневных практик.

Таблица 4. **Различные варианты смыслов, раскрывающиеся при завершении предложения: *«Если я вижу человека с георгиевской лентой, я думаю…»* (Харьков, 2014)**

• «Человек уважительно относится к прошлому» (1) • «Раньше я думал, что приближается 9 Мая, а сейчас я думаю, что приближается… как это называется... сепаратизм» (3) • «Я думаю, что наконец-то справедливость восторжествовала. Только хорошие ассоциации» (4) • «Символ победы» (1) • «Я думаю о составе нас в большой державе, в составе России, других странах СССР, дружественных отношениях русскоязычного народа» (1) • «Раньше… мы ходили на 9 Мая с этой георгиевской ленточкой, и это было очень уважительно… сейчас вкладывается пророссийское видение этой ленточки. Очень зря» (2) • «Не вызывает никаких особых ассоциаций у меня» (1) • «Это русский» (4)	• «Я думаю, что если этот человек молод, то он либо глуп, либо куплен… А если это человек зрелого возраста, то он не хочет отказаться от своих идей, от своих правил и почувствовать, что его всю жизнь обманывали, с этим смириться трудно, поэтому он за ним прячется, за этой ленточкой» (3) • «Я знаю, кто из них бандит, а кто обманут. Ассоциации – 9 Мая, война, победа» (2) • «Раньше были ассоциации с Днем Победы, а теперь – с какими-то непонятными людьми» (2) • «Ассоциируется с патриотизмом в моей стране, с уважением к воспоминаниям старших, к истории» (3) • «…что он пророссийски настроенный, ну и не захочу, наверное, с ним общаться. Вообще она у меня вызывает ассоциации, ну, сразу воспоминания о войне Великой Отечественной, потому что такую ленту всегда использовали на День Победы» (2)

При этом продолжают жить и прежние поля смыслов. И в силу различных биографических ситуаций, различных вариантов осажденного опыта для разных людей оказываются актуализированы (релевантны) различные смыслы, поэтому наступает многомерный конфликт интерпретаций, задействующий и образы конфликтов прошлого, и образы конфликтов настоящего при прочтении этих символов.

Таким образом, наличие этих символов у обеих сторон протестующих способствует эскалации конфликта, препятствует поиску путей его завершения, практически блокирует диалог сторон.

Таблица 5. **Отображение «трансформации смыслов» и «дистанцирования от настоящего» при завершении предложения: *«Если я вижу человека с георгиевской лентой, я думаю…»* (Харьков, 2014)**

«Трансформация смыслов»: • «Изначально идея георгиевской ленты была очень хорошей, т.е. идея уважать людей, которые отдали свою жизнь за Родину. Но сейчас для меня, думаю, и для многих людей стала чем-то негативным, поскольку сейчас ей пользуются под прикрытием люди, которые совершают самые разные неоправданные и жестокие поступки» (2) *«Дистанцирование от настоящего»:* • «О ветеранах войны. Великой Отечественной войны. Ну, Второй мировой. Никак не о противостоянии России и Украины, или как это сейчас… русско-настроенные, украинско-настроенные – нет. Именно только о ветеранах» (2)

Обратимся к текстам интервью, проведенных в Харькове в апреле 2014 года. В качестве наиболее значимых событий, названных харьковчанами, можно выделить следущие:

- «Великая Отечественная война» («война», «Вторая мировая война», «победа над фашизмом»);
- «развал СССР» («Советскиий Союз развалился и Украина стала независимой», «перестройка и развал Советского Союза»);
- «Октябрьская революция 1917 года» («Октябрьская революция», «Великая Октябрьская революция», «революция»);
- «сегодняшние события в Украине» («Майдан», «Евромайдан», «недавняя революция», «события зимы–весны 2013–2014», «третье событие происходит уже сейчас: третья мировая война, которая является войной технологий и связана с новым переделом мира»).

Как показывает анализ текстов интервью, в 2014 году, как и в 2005–2006, остаются наиболее значимыми событиями истории для харьковчан «Великая Отечественная война» и «распад СССР», именно с такими доминирующими названиями. Есть также новый момент: в качестве значимого события называют «сегодняшние события в Украине» и «Майдан». В 2005–2006 годах называли в качестве значимого события во Львове (в некоторых интервью с комментариями – «это была наша революция»), в Харькове это событие не доминировало. Сегодня Майдан фигурирует в качестве значимого в интервью харьковчан, причем с разными вариантам восприятия – от восхищения до катастрофы. В одном из интервью поколения 4 (старшего поколения) прослеживаются четкие параллели с пережитой в прошлом войной, что детерминирует катастрофичность восприятия. Одновременно представители поколения 2 и поколения 3 отмечают, что Майдан был связан с борьбой с коррумпированной властью, с

надеждами на позитивные изменения в обществе, с движением к Европе и европейским ценностями. Но внутри поколений тоже есть различные мнения, в отличие от исследования 2005–2006 годов, теперь уже внтури поколений также фиксируются противоречивые оценки.

Хотелось бы обратить также внимание, что, несмотря на все различия интерпретаций символов и связанных с ними событий, информанты при ответе на вопрос о том, какие варианты реагирования на конфликт они считают для себя приемлемыми, отвечали, что они за диалог, против насилия и войны.

Отметим также, что в Харькове становится все более распространенной повседневная практика ношения желто-голубой ленты на одежде или сумке (рис. 5, 6), также все больше появляется в Харькове флагов Украины на окнах и на машинах (рис. 7). Это коррелирует с такой социальной рекламой, которая появилась в Харькове и в Харьковской области: «Харьков – это Украина. Родину не продают!» (см. фотографию на рис. 7).

Рис. 5. Повседневная практика ношения желто-голубой ленты, отображающей цвета украинского флага (Харьков, апрель 2014)

Рис. 6. Повседневная практика – украинский флаг на павильоне (Харьков, апрель 2014)

Рис. 7. Банерная реклама на трассе Харьков – Белгород (Харьков, апрель 2014)

В сформированной фотоколлекции содержится также ряд фотографий, фиксирующих различные варианты символической борьбы, связанные с закрашиванием одних символов и появлением на их месте других, и вновь закрашивание или надписи сверху. Все это может стать предметом анализа отдельной статьи, пока лишь обозначим, что в этой символической борьбе также можно проследить взаимосвязь конфликтов прошлого и конфликтов настоящего.

Основные результаты исследований конфликтного потенциала социокультурных идентичностей (2005–2006; 2013–2014)

Таким образом, на основе проведенного анализа можно сформулировать следующие выводы.

Во-первых, существует конфликт интерпретаций ряда ключевых событий истории, которые как для жителей Востока, так и Запада Украины являются зна-

чимыми, но наделяются различными смыслами в связи с различиями в «биографической ситуации», в семейной истории.

Одновременно представляется важным обратить внимание на то, что, когда речь идет о мифе о «двух Украинах», Восточный регион представляется как более менее однородный, и тогда размышление идет по линии: Восточная Украина vs Западная Украина (или нет). На самом деле, сегодня можно заметить наличие различных воззрений и полюсов мнений и в самой Восточной Украине. Сегодня можно заметить, потому что происходящие события сделали видимыми различия.

Во-вторых, в Восточной Украине происходит поляризация взглядов и мнений, происходит разрыв смысловых полей, меняются варианты смыслов, которыми наделяют символы. Наиболее ярко этот разрыв можно наблюдать в поколенческой плоскости, что связано с тем, что старшее поколение выросло в СССР и получило образование в рамках советского дискурса, что создает предпосылки для восприятия определенных конструктов, внедряемых политтехнологами, прежде всего в рамках пророссийских митингов. Существуют также внутрипоколенческие различия, в частности, внутри поколения студентов Харькова существуют различные типы отношения к происходящим событиям, в том числе полярные, и связанные с ними полярные варианты восприятия прошлого.

В-третьих, отношение к событиям современности коррелирует с особенностями восприятия событий истории, в том числе на символическом уровне. При этом символы прочитываются по-разному, в том числе внутри поколений, с различной выраженностью в интерпретации символов событий прошлого или настоящего.

В-четвертых, кроющиеся за символами и образами конфликтов различные варианты биографически детерминированных ситуаций определяют остроту конфликтов, эмоциональную личностную вовлеченность.

Для снижения эскалации конфликта и противодействия манипулятивным технологиям, базирующимся на образах конфликтов прошлого, необходим уход из исторической плоскости (в том числе на уровне символическом), перенесение акцента на решение проблем в настоящем (то, с чего начинался Евромайдан): движение в сторону Евросоюза (но, возможно, добавить – при сохранении экономических связей с Россией как с соседним государством), борьба с коррумпированной властью, преодоление низкого уровня материального положения большинства населения и резкого социального расслоения, социальная защита, в особенности наиболее незащищенных слоев населения (пенсионеров), акцент на общечеловеческие ценности (нет насилию, соблюдение прав человека, в том числе подчеркивать, что не ущемляются права по поводу русского языка, чтобы не давать возможность манипуляций). Все это векторы, которые могли бы способствовать снижению эскалации конфликта. Эти моменты должны отображаться в деятельности парламента и получать своевременное освещение в СМИ.

Литература

Даниленко, О.А. Язык конфликта в трансформирующемся обществе: от конструирования истории – к формированию социокультурных идентичностей: монография. – Вильнюс: Изд-во ЕГУ, 2007. – 402 с.

[Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kiis.com.ua/?lang=ukr.

Даниленко, О.А. Язык конфликта как объект лингвосоциологии // Социологические исследования. – 2006. – № 4. – С. 89–98.

Даниленко, О.А. Лингвистическое конструирование социальных конфликтов в условиях Пограничья // Перекрестки: журнал исследований Восточноевропейского Пограничья. – 2008. – № 2–4. – С. 35–47.

Даниленко, О.А. Методика построения карты метаязыка конфликта: от конструирования истории к новым идентичностям // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: збірник наукових праць. – Харків: Видавничий центр Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна, 2005. – С. 200–205.

Даниленко, О.А. Конфликтный потенциал в Крыму: различные образы конфликтов в пересечении различных дискурсов // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: збірник наукових праць: у 2 т. – Харків: Видавничий центр Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна, 2006. – Т. 2. – С. 288–295.

Примечания

1 Характеристики регионов:
Западный макрорегион – Волынская, Ровенская, Львовская, Ивано-Франковская Тернопольская, Закарпатская, Хмельницкая, Черновицкая области;
Центральный макрорегион – Винницкая, Житомирская, Сумская, Черниговская, Полтавская, Кировоградская, Черкасская, Киевская области, г. Киев;
Южный макрорегион – Днепропетровская, Запорожская, Николаевская, Херсонская, Одесская области, АР Крым (включая г. Севастополь);
Восточный макрорегион – Донецкая, Луганская, Харьковская области.

2 По поводу Украинской повстанческой армии (которую также называют армией Степана Бандеры, поскольку С. Бандера был одним из руководителей УПА) имеется конфликт интерпретаций, связанный с отображением ее деятельности: так, например, в современных украинских учебниках истории представлена деятельность армии как борьба одновременно и против Советской армии и против фашистов. Этот аспект нашел свое выражение во множестве дискуссий в масс-медиа, в особенности в 2005–2008 годах. Следует отметить также, что в учебниках других постсоветских стран предствлены и иные варианты интерпретации, в частности, в учебниках истории Беларуси идет речь о том, что воины УПА были предателями и коллаборационистами, поскольку они сотрудничали с фашистами. Это отображает конфликт интерпретаций.

Светлана Коч

ЭТНИЧЕСКОЕ ЛОББИРОВАНИЕ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА В ПОГРАНИЧЬЕ (на материалах исследования Бессарабии)

Abstract

The paper discusses features of ethnic lobbying. The conditions, under which ethnic groups form the need to lobby group socioeconomic and political interests, are analyzed on the example of the borderland of Bessarabia. Ethnic culture under the conditions of the region has become a significant element of the social space designing: from the organization of city landscape to ethnic representation in the socioeconomic activity of the majority of the «traditional» and «new» ethnic groups living in the region.

The ethno-social groups create a social network, inside which the main socio-cultural activity of the group is realized: adaptation to the environment of other cultures, retention of the part of social space and the city infrastructure within the limits of which the group is functioning and conducting the translation of the cultural tradition, which is necessary for maintaining identity and reproduction of the group.

The conditions for the development of socioeconomic environment of the researched region determine conscious demonstration of belonging to ethno-cultural and confessional communities. This was the natural condition for forming lobbying groups on the basis of cultural, ethnic and religious affiliations. Their activity is directed towards providing assistance for the development of economic and social projects initiated by the members of the groups.

Traditional ethnic groups of the region (Jews, Armenians, Greeks, Bulgarians, Russians, and Tatars) and a number of the «new» ethnic groups, whose economic and demographic possibilities allowed them to act as capable subjects in the sociopolitical

space of the city (Chechens, Azerbaijanis, Chinese, Vietnamese), carry out the lobbying activity under the conditions of the city.

The presence of the already formed social ethno-cultural systems under the conditions of the region has become an important moment in the process of forming groups of pressure with ethnic features. It has made ethnic groups a convenient reserve for electoral recruitment during election campaigns.

Keywords: Bessarabia region, ethnic lobbying, borderland, rthno-cultural systems.

Сочетание модерных и постмодерных принципов развития общества, появление сетевых социально-экономических институциональных систем, способных адекватно решать проблемы адаптации, социализации и презентации групп и индивидов, поставили Пограничье в один ряд с моносредовыми пространствами в вопросах социально-экономической и политической дееспособности.

Социальная реальность проявляется как система связей, социальная инфраструктура в виде синхронных (внутрипоколенных) и диахронных (межпоколенных) связей. Любой вариант социального порядка возникает под влиянием объективных факторов социально-политического развития: экономической целесообразности, политической потребности, действующей системы государственного управления, а также под влиянием ряда субъективных факторов: социально-культурных особенностей населения, исторического и геополитического контекста.

Оба блока факторов влияют на формирование «лица» региональной системы и формируют характерный «порядок» в социально-экономических отношениях, диктуют логику «поведения» и навязывают тактику присутствия для локальных групп в определяемом пространстве.

Пространство Пограничья как объект реализации социальной практики приобретает характеристики действующего субъекта в силу сформированной социокультурной системы, где индивиды «воспроизводят» социальные структуры тем, что участвуют в них. Согласно Энтони Гидденсу, структурирующие свойства социальной системы предопределяют существование более или менее одинаковых социальных практик во времени и пространстве, они способны определять базовые характеристики социальных систем и коллективных образований, определять порядок элементов, оформлять образцы поведения и правила взаимодействия субъектов отношений.

Задачей работы является анализ социальных практик (визуальных, поведенческих, коммуникационных), используемых этнокультурными группами Бессарабии с целью закрепления социально-экономических и политических ресурсов за этнокультурными группами региона.

Исторические и геополитические особенности региона обусловили формирование уникальной социальной системы, структура которой выступает как

генератор правил и средств, благодаря которым обеспечивается процесс трансляции традиции как наследуемого актуального опыта социальной организации. Результатом традиционных социальных практик стало обеспечение возможности поддержания толерантной мультиэтнической среды в регионе, презентации этнической культуры как способа социальной адаптации в регионе. В то же время степень и формы социокультурной активности зависимы от особенностей миграционной истории и геополитических возможностей этнокультурных групп.

Социальная сеть региона формировалась, подчиняясь условиям «заселения» и «освоения», потребностям «центра», и под влиянием возможностей локального пространства в системе существующих отношений. Геополитическая система, демографический и коммуникационный ресурсы, социально-культурная сегментация в условиях заданных стратегий адаптации, этнополитическая и экономическая структуры выступили как исходные условия регионального развития и предопределили логику социально-культурной и политико-экономической системы региона (иерархии, структуры, ресурсы).

Особенностью Бессарабии – пограничного региона, находящегося в границах Украины и Молдовы и в зоне постоянного геополитического внимания со стороны Румынии, Турции, России, – является ее поликультурная среда, которая всеми участниками региональных отношений рассматривается как ресурс, как потенциальный источник влияния и власти, как возможность действия. И если для локальных этнокультурных групп сохранение и презентация этнической культуры рассматриваются как способ резервирования социального пространства и обеспечение социальной дееспособности группы, то для центров геополитического влияния этничность выступает как ресурс для создания социальных и политических институтов, реализации манипулятивных практик в пространстве этнического и национального взаимодействия.

Важно, что принципы «локального» и «универсального» в системе социальной памяти и действующей социальной структуры не получили в регионе устойчивого определения. Это объясняется: 1) отсутствием устойчивого ядра в социокультурной системе региона на протяжении длительного исторического периода; 2) невозможностью в рамках региона определения понятия «коренное население»; 3) ситуативностью политического влияния на протяжении всего исторического времени, включая современное состояние.

Каждое из функционирующих коммуникационных пространств в системе региона предполагает наличие своего «центра» и «периферии», которые создают причудливый ландшафт социально-культурной системы реальных отношений. Невозможность уверенно синхронизировать данное пространство с какими-либо универсализирующими системами привела к закреплению в социальной структуре региона устойчивых этнокультурных сообществ, которые способны выступать в различных качествах, таких как этнические диаспоры, группы хо-

зяйствования, устойчивые социальные группы, способные осуществлять административное управление.

Возвращаясь к характеристике исходных условий действующей социальной системы в регионе, отметим, что этносоциальные и конфессиональные группы традиционно взаимодействуют в рамках нескольких плоскостей системы (культурно-коммуникационной, ценностно-семиотической, рационально-прагматической). То есть формирование системы значительно зависит от средовых характеристик, а функционирование подвержено историческим и геополитическим изменениям.

Социальная региональная система сформировалась в результате взаимодействия самодостаточных этнических общин (местных и эмигрантских этнических групп), которые создали механизм удержания за собой необходимой для развития части социального пространства. Сформировался принцип этносоциального сегментирования, согласно которому границы социальной группы совпадали с границами этнических или конфессиональных групп. Этот механизм складывался на протяжении столетий. Социальная структура с ярко выраженными «горизонтальными» этническими системами была свойственна региону еще в период Османского влияния, а в период хозяйственного освоения края Российской империей этот механизм сохраняется и поддерживается протекционистской политикой государства в отношении организующихся земледельческих колоний системой социально-экономических и правовых льгот в отношении новопоселенцев *единоверцев* (греков, болгар, гагаузов, албанцев) и *инородцев* (выходцев из Центральной Европы (немцы и швейцарцы; евреи из Польши и Белоруссии)) (Уварова 2007). В этот период культурные отличия поддерживались социально-экономическими механизмами, а со временем стали их заложниками (Коч 2011). Этническая культура переселенцев, кроме того, стала основанием для правовой регламентации их статусов (Красняков 2009).

Особенностью региона стала устойчивая актуальность этнического маркера в структуре идентификации населения (Коч 2012). Это объясняется существованием уникального механизма идентификации в регионе, который был вызван: устойчивой политической периферийностью региона, которая привела к слабости гражданской и национальной составляющих идентичности; маргинальностью социально-политической среды; анклавностью этнокультурного расселения и активным процессом этнизации социального пространства (использование энтокультурных структур как социальных меценатов); способностью локальной этнической идентичности сочетать элементы культурной, социально-экономической и региональной идентичностей, стремлением локальных этнических сообществ к формированию практик «родственной солидарности»; существованием разнообразных конфигураций надэтнической культурной идентичности, конфессиональной, языковой, региональной.

Успеху социально-экономической адаптации этнических общин способствовали принцип групповой коллективной адаптации, выбор и закрепление хозяйственных ниш: 1) во многом сохранялся традиционный для группы сектор хозяйствования (аграрные формы хозяйствования, перенесенные в новые условия традиции природопользования, промыслы и ремесла, производства); 2) интенсивно развивался тот вариант хозяйственных отношений, который в новых условиях воспринимался как наиболее выгодный. То есть реализовывался алгоритм поведения, который воссоздавался участниками переселенческого процесса – действующими субъектами локального пространства в формах, адаптированных к собственным культурам.

Каждая из этнических групп, занимая участок целинной земли, ощущала себя «первопоселенцами», формировала свое жизненное пространство, адаптировалась к новым природно-географическим и социально-хозяйственным условиям. Этноспециализация в перспективных отраслях экономики обеспечивала успех на внутреннем и внешнем рынках, гарантировала закрепление за группой «права на проживание» – закреплялось коллективное право на жизненное пространство. Греки, армяне, евреи доминировали в торговле и ремесле; молдаване, болгары и немцы – в земледелии; русские – в рыболовстве; татары и гагаузы – в животноводстве.

Практика «освоения» региона способствовала развитию системы этноэкономической презентации, которая впоследствии составила функциональную основу региональной социальной системы. Последняя реализуется в виде: использования этнокультурных ресурсов для формирования или увеличения спроса и продвижения продукта; развития индустриальных форм хозяйствования с использованием ресурса этнокультурных групп (практического, демографического, финансового); производства изделий в этническом стиле из местного сырья; этнографического и этноэкологического туризма; этнической продукции культурного комплекса, включая сферу досуга и обслуживания.

Условия развития региона обусловили практику сознательной демонстрации причастности к локальным этническим группам, что является условием формирования на их основе групп давления (*лобби)*, деятельность которых направлена на оказание содействия в развитии экономических и социальных проектов, инициированных членами групп.

Такая практика оказалась удобной и перспективной как для исторических этнических групп, так и для «новых» этносоциальных групп, которые формируются в регионе. Формы групповой самопрезентации формируются постепенно, складываясь в сложную систему отношений как внутри групп, так и между ними. Остановимся на некоторых формах презентации, которые сложились на практике.

Символизация пространства в практике социального действия этнокультурных групп

Создание «узнаваемого» образа этнической или религиозной группы – это механизм, с помощью которого в регионе обеспечиваются формирование позитивных «имиджей», презентация общегрупповых характеристик, формирование коммуникационных принципов, резервируется социальное пространство для развития.

Использование самотождественных знаков в ландшафтах региона всегда имеет цель: закрепление «присутствия» в социальном пространстве, трансляцию желаемого смыслообразующего образа, который призван демонстрировать дееспособность субъекта. Символизация, согласно П. Бурдье, – это способ конструирования реальности, установление и обозначение действующих иерархий в структуре политической власти, социальных отношениях, культурных и конфессиональных пространствах. Закрепление «символической системы» позволяет установить принцип, лежащий в основе конформно-стабильных отношений социального целого (Бурдье 1986).

Сегодня практически все группы стремятся иметь «свое» информационное пространство в виде печатных изданий или эфирного времени на телевидении, но самым доступным и эффективным стали интернет-ресурсы: сайты этнических общин и культурных центров с подробным описанием структуры общины, ее истории и деятельности. Характерно, что традиционные для региона группы имеют сложную систему социальных сетей в интернет-пространстве: web-презентация отдельных сельских общин сочетается с массовым созданием групп-землячеств из односельчан или выходцев из соседних районов в соцсетях. Такая практика характерна для болгарской, гагаузской, еврейской и даже для старообрядческой этноконфессиональной групп региона. Новые диаспоры (китайская, вьетнамская, чеченская, арабская и др.) в социальных сетях представлены скромнее, предпочитая менее публичные способы организации коммуникационной среды (Стоянова 2013). Важно, что подобное информационное пространство не только предполагает оперирование процессом коммуникации, но и выступает механизмом ретрансляции традиции: собирание исторических и этнографических материалов, организация выставок и других культурных публичных акций.

Важнейшей частью культурного пространства остается территория региона и областных центров. Исторически сложилось, что Бессарабия строилась при участии различных этнических групп, каждая из которых осваивала, «окультуривала» новое пространство, давала ему имена и маркировала его своими объектами архитектуры, сакральными и бизнес-центрами. Такие «узнаваемые» пространства (факты присутствия) выступают в качестве «аргумента» в ходе соперничества между группами за право выступать «хозяевами» и принимать

социально значимые решения. Именно «присвоение имени» является неотъемлемым условием существования вещи, явления, события.

«Именные пространства» сумели закрепить за собой в пределах региона большинство этнических групп: греки, немцы, евреи, армяне, русские, украинцы и др.

Это ярко отражено в названиях городов и сел региона. В названиях закреплено присутствие различных этносов: греков (Одесса, Тира, Киллия), римлян (Овидиополь), генуэзцев (Смил, Рени), немцев (Тарутино, Березино, Лейпциг, Глюксталь, Гнаденталь, Лихтенталь), болгар (Болград), румын (Сарата), русских (Некрасовка, Муравлевка), нойгайцев и татар (Аккерман, Томарово, Шикирли-Китай, Татарбунары, Бендеры, Жебрияны) и др. народов. Причем само имя населенного пункта не всегда соответствует его современной «этнической принадлежности». Так тюркские по происхождению названия «Шикирли-Китай» или «Жебрияны» принадлежат старообрядческому селу и болгарскому соответственно. В этой связи призывы народных «будителей» вернуть старые «исконные названия» взамен названий советского периода звучат временами комично.

За многими городами закреплены статусы неофициальных «столиц» традиционных этнических групп региона. Так, Болград – болгарская столица, а Тарутино – немецкая, Комрат – гагаузская и т.д.

На картах городов региона представлены такие топосы, как «Греческая площадь», «Греческий рынок», «Еврейская улица», «Польский спуск», «Итальянский бульвар», «Фанариотская улица», «Армянская улица» и др.

Показательным является существование экскурсионных маршрутов в пределах Одессы: «Еврейская Одесса», «Греческая Одесса», «Немецкая Одесса», в 2013 г. объявлен конкурс на создание туристического маршрута «Польская Одесса» (Официальный сайт города Одессы). В Кишиневе предлагаются «Греки на карте Кишинева», «Кишинев – Балканы в миниатюре», «Армяне на карте Кишинева», «Немцы на карте Кишинева» и др. Действуют не только этнографические музеи и выставки, где демонстрируется мультикультурная палитра региона, как например, «Степова Україна» (Одесса), «Придунавье» (Измаил), «История Бессарабской земли» (Тарутино), но и экспозиции, повествующие о конкретном вкладе отдельных народов в историю края: выставка «Причерноморские немцы»; выставка «Хачкары – сакральные памятники армянской культуры»; музей «Филики Этерия», в котором, помимо истории тайного революционного общества, рассказывается о деятельности греческой колонии в Одессе; музей истории евреев Одессы «Мигдаль-шорашим»; этнографический музей в армянском культурном центре, музей Гагаузии в Комрате и др. На информационном портале болгар Украины можно познакомиться со списком «Болгарских святынь в Украине», большинство из которых находятся в Одесской области (Информационный портал Болгар Украины). Цель подобных культурных

акций – популяризировать «свой» вклад в историю города и региона, продемонстрировать право группы на социальную активность и присутствие в регионе. Так, на сайте Одесской областной общины греков им. Г.Г. Маразли говорится: «*Господь отвел Одессе еще одно важное место в истории греческого народа. (!) Она стала колыбелью Независимости Греции...*» (Одесская областная община греков им. Г.Г. Маразли), а на сайте Одесской еврейской общины говорится: «*Одесская еврейская община стала одной из крупнейших, ее считали "самой современной в черте оседлости", наиболее "окультуренной" в Европе и наиболее полно отразившей опыт жизни евреев Российской империи*» (Международная общественная организация еврейский общинный центр «Мигдаль»).

Традиционные этнические группы региона осознают себя как «первостроителей», их хозяйская стратегия проявляется в отождествлении истории своей группы и истории края. Показательна эта ситуация с Одессой как городом, который выступает в качестве культурно-политической модели всего региона. Одесса представляется как «русский город» (этот город был построен благодаря российской политике в Причерноморье); как «греческий город» (именно греки первыми освоили это побережье и позже стали крупнейшими меценатами); как «еврейский город» (субкультура города немыслима без этого этноса и его культуры). Характерным в этой связи является описание еврейского центра, данное на официальном сайте: «*…наш центр представляет собой прекрасную метафору самой Одессы: мы рассказываем о еврейской культуре, но при этом мы открыты абсолютно для всех!*» (Еврейский Культурный Центр «Beit Grand»). О «возрождении» исламской традиции в городе ведет речь молодая мусульманская община, аргументируя это тем, что «город появился на месте древнего татарского поселения Хаджибей» (Калмыков 2010); Одессу считают «своим» городом – немцы, болгары, украинцы и др. Показательным является текст, помещенный на сайте армянской диаспоры, сопровождающий проект «Наши земляки...», который «создан с целью ознакомить общественность с выдающимися личностями г. Одессы с армянскими корнями. Дать возможность познать историю *своего города* и неоценимый вклад людей, которые имеют армянские корни».

Подобная ситуация характерна многим городам Бессарабии. Так, древнейший город в Украине – Белгород-Днестровск, его история зафиксирована в названиях, которых до нас дошло более двадцати (!) (Тира, Офиусса, Алба-Юлия, Аккерман, Монкастро, Четате Албэ, Белгород и др.). Каждое имя – это история отдельного народа, который внес вклад в историю всего региона. Показательна судьба Смила/Измаила – греческого поселения, турецкой крепости, города русской славы! Пересечение границ иконографических (символьных) пространств демонстрирует невозможность однозначного вычленения «границ локальности».

Демонстрация успешности и влиятельности этнической группы в исторической ретроспективе выступает аргументом в пользу ее социальной дее-

способности сегодня. Так, например, немецкое общество «Wiedergeburt» ходатайствовало перед городскими властями об установлении памятных знаков одесситам немецкого происхождения (садовнику Г. Герману, который по представлению Новороссийского генерал-губернатора графа М. Воронцова был удостоен звания Потомственного почетного гражданина; немецкому архитектору Г. Шеврембранту и др.) (Плесская. Немецкое национально-культурное общество «Wiedergeburt»). Греческая община настаивает на передаче им в пользование ряда архитектурных сооружений и на установке исторических памятников выдающимся грекам Одессы (ТРК «Круг». 05.04.2008). Представители русских общин активно спорят с украинской за право определять национальную специфику города (например, спор по поводу возвращения ландшафту города памятника основателям Одессы).

Особую форму самопрезентации составляют действия группы, которые направлены на популяризацию своей истории. Символическая история, иконографические образы составляют ресурс, капитал, который, по мнению Питера Престона, позволяет индивиду осознавать собственное место в системе благодаря включению в сеть смыслов, которые аккумулируются в памяти, образуя основу для социального и межличностного взаимодействия и взаимопонимания. Этот ресурс предполагает взаимосвязь трех моментов: «места», «сети» и «памяти» (Preston 1997).

Практика закрепления присутствия в ландшафте сохраняется в действиях новых этнокультурных сообществ, чья историческая связь с регионом только начинается. Речь идет о так называемых новых диаспорах. Так, сегодня в Одессе функционирует «Китайский рынок», строится «Китайский ландшафтный парк», сдан и начал функционировать «Вьетнамский жилой комплекс “Лотос”» (Вечерняя Одесса. 24.10.2009), заложены два парка «Азербайджанский» (на пересечении улиц Сегедской и Пионерской) и «Стамбульский» (в районе улиц Ланжероновской, Приморского бульвара и Потемкинской лестницы).

Сохранение «мест памяти», строительство/разрушение мемориальных и архитектурных комплексов, кладбищ, охрана сакральных центров, создание музейных коллекций, книги, названия городов и улиц, имена – все это в комплексе для многих живущих в Бессарабии является исторической данностью. Задача состоит в выборе стратегии памяти, цель которой акцентировать значимые моменты истории. В то же время такая форма транслируемой культуры названа социологами Питером Бергером и Томасом Лукманом «искусственной», так как любой анализ и описание традиции – уже есть способ ее интерпретации и «переписывания» на современный язык (Бергер, Лукман 1995). Но так как мир, состоящий из множества реальностей, отдает предпочтение одной из них – повседневной жизни, то «историческая память» – это всего лишь проекция настоящего в прошлое, позволяющая современности находить основание для легитимности в «пережитом».

Локальная этнокультурная среда как социальный ресурс

Практически все активно действующие этнические общины в регионе провозглашают главной целью своей деятельности организацию локальной «социальной среды» в рамках этнокультурного сообщества с целью поддержки и адаптации представителей «своего» этноса. Реализация этой задачи начинается со строительства сакральных центров (церквей, костелов, мечетей, синагог и др.), культурных и учебных центров (школ, языковых курсов, университетов), сферы услуг (медицинских учреждений, магазинов, кладбищ), коммерческих предприятий и др.

В Молдове зарегистрировано около 100 этнокультурных организаций, из них только болгарских – 13. В Приднестровье созданы болгарские, белорусские, еврейские, армянские, тюркские национально-культурные общества. В Одесской области, которая включает Южную Бессарабию, зарегистрировано более 150 национально-культурных организаций, культурных сообществ (Официальный сайт города Одесса).

Максимально развитую социальную структуру на сегодняшний день сумели создать представители местных еврейских и болгарской общин: детские сады, школы, университет (Одесса), отделение иудаики в Академии наук Молдовы, филологические отделения в государственных университетах, театры, обширная сфера досуга, кошерные магазины, кафе, рестораны, ритуальные центры и пространства и др. Близкой по охвату социальных проблем становится молодая мусульманская диаспора, которая в силу религиозной специфики остро нуждается в собственном социальном пространстве, поэтому активно наблюдается открытие мечетей, появление воскресных исламских, арабских школ, медицинских учреждений, кафе, магазинов и сферы обслуживания «*халяль*» в городе.

Большинство этнических групп, относящихся к христианской конфессии, пользуются значительной частью общего социального пространства (магазины, медицинские центры, школы, библиотеки), однако активно существуют практики формирования стабильной социальной среды и социальной инфраструктуры из членов «своих» групп (семейно-клановый бизнес, основанный на «родственной» солидарности, и др.).

Неформальная социальная инфраструктура, создаваемая не органами исполнительной власти, а этническими или конфессиональными группами, выполняет в этом случае роль социальных меценатов. Речь идет о льготном обучении в национальных школах или получении образования в метрополии, занятиях в культурном центре (такую практику реализует болгарская, польская, немецкая, греческая, румынская, русская группы); помощи при устройстве на работу (через этнические землячества и механизм «родственной солидарности»); материальную и социальную поддержку членам «своих» общин пред-

лагают немецкая, греческая, польская, армянская группы и др. Относительно последнего тезиса можно привести характерный пример: обращение Греческой общины к одесситам с просьбой оказать помощь ребенку из «семьи первых греков-поселенцев на одесской земле» (Odessa Daily. 06.07.2012). Активную работу в среде армянской диаспоры проводит благотворительный фонд «Цициан», учредителем которого стал концерн «Веселка» (президент – Эдуард Хачатрян). В Молдове заметной является финансовая поддержка Американского Еврейского Распределительного Комитета (Джоинта), за счет которого более 6000 нуждающихся евреев получают благотворительную помощь и около 12 000 имеют возможность получить еврейское образование.

Говоря о создании социальной инфраструктуры этнической группы, следует заметить, что ее развитие тесно связано с успехами в предпринимательской сфере членов диаспоры. Так, пример армянской диаспоры демонстрирует эффективность такой взаимосвязи: К. Арутюнян (директор Одесского ОАО «Цемент»), Э. Хачартян (президент концерна «Веселка», владелец крупнейшего торгового рынка в Одессе, сети ресторанов), Э. Мкрутумян (директор предприятия по выпуску стройматериалов), А. Аветиян (директор асфальтового завода) и др. выступают меценатами в процессе формирования социальной среды диаспоры.

Важен механизм оказания поддержки в организации бизнеса для представителей «своего» этноса или для организации из метрополий. Например, при греческой общине Одессы с 2003 г. действует Клуб предпринимателей.

Механизмы социальной поддержки в этнокультурных группах имеют различные формы реализации: финансовая поддержка, предоставление бесплатного или льготного образования, поддержка бизнеса и т.д. Такой же стратегии придерживается ряд «новых» этнокультурных сообществ, чьи экономические и демографические возможности позволяют выступать в качестве дееспособных субъектов в социально-политическом пространстве города (чеченцы, азербайджанцы, китайцы, вьетнамцы и др.).

Этносоциальная инфраструктура может выступать как адаптирующая среда. Исходя и тезиса о том, что локальная этнокультурная среда – это место реализации повседневных практик, которые направлены на достижение социального результата, понятно, что уровень этнизации социального пространства предопределяет потенциальные возможности среды адаптировать новых мигрантов из родственной культурной среды.

Этническая группа, в случае продолжающейся миграции, выступает в качестве «принимающей стороны», обеспечивая условия для первичной адаптации прибывающих, оказывая социальную и психологическую поддержку. Этнизация социального пространства в принимающей стране и наличие адаптирующей родственной диаспоры напрямую связаны с проблемами миграций.

Одной из наиболее динамично развивающихся диаспор сегодня является армянская диаспора, чья история прослеживается с XIII в., однако ее современный

состав молодой и имеет значительные демографические и социально-экономические перспективы роста. Это подтверждается тем, что в Одессе в 2008 г. открылся крупнейший (площадью 4000 кв. м) в Восточной Европе армянский центр, цель которого – «удовлетворить духовные и культурные потребности Одесской общины, которая насчитывает около 25 000 членов, а также станет важным региональным центром для армян юга Украины» (Вечерняя Одесса. 04.12.2008). В Кишиневе в 2009 г. восстановлена армянская церковь, которая не действовала 60 лет, открылись культурный центр «Армения», воскресная школа.

Интенсивный демографический прирост за счет миграций демонстрируют китайская, арабская, азербайджанская, чеченская, казахская диаспоры.

Мультикультурная среда, возможность функционирования этноспецифических социальных систем, трансрегиональная ориентация экономики являются условием для интенсификации миграционных процессов.

Внешнеполитическая активность как реализация социальных программ этнических групп

Регионы Пограничья в условиях политической неопределенности обладают способностью ситуативного «выбора» центра, который выступает в качестве гаранта реализации социальных задач. Этнические группы Пограничья могут выступать в качестве «лоббистов», «проводников» интересов, «своей» группы в метрополии или, наоборот, выступать в качестве «зарубежного лобби» метрополии и становиться инструментом воздействия на политические и экономические институты страны пребывания. Эта деятельность имеет целый ряд предпосылок. Основными являются: включенность этнической диаспоры в международную сеть, созданную представителями «своего» народа; наличие системных связей с метрополией.

Современное развитие диаспорных социальных сетей в регионе демонстрирует активное участие локальных этнических групп в международной сетевой системе. Так, например, председатель Конгресса болгар Украины Юрий Граматик является заместителем председателя Всемирного парламента болгар, а делегация украинских болгар считается «наиболее представительной» из 28 участвующих стран (Вечерняя Одесса. 27.10.2009). Еврейские общественные, культурные организации и федерация еврейских общин Украины являются членами Всемирного еврейского конгресса.

В 2007 г. Одесса стала местом проведения Совещания постоянного комитета Конференции европейских раввинов – крупнейшего международного объединения еврейских общин и их лидеров. «Одесса в этом для нас является не только примером для Восточной Европы, она настолько удачна, что может служить моделью общины и для Западной Европы», – подчеркнул директор по международным связям Конференции европейских раввинов Филипп Кармель (Новый

регион. 30.05.2007). Еврейская община Молдовы представлена более чем 20 организациями разного уровня, а Ассоциация еврейских организаций и общин Республики Молдова (АЕООРМ) является основной зонтичной организацией еврейской общины. Все общины являются членами Европейского еврейского фонда.

Общество греческой культуры «Элефтерия» в республике, Одесская областная община греков имени Г.Г. Маразли, как член Федерации греческих общин Украины с 1995 г., находится в поле зрения Всемирного Совета Греков Зарубежья (Периферия стран бывшего СССР. Всемирный Совет Греков Зарубежья).

Немецкая лютеранская община Украины, структурно входящая в ЕЛКРАС (канцелярия находится в Одессе (Церковный центр Святого Павла) является членом Всемирной лютеранской федерации. Национально-культурное общество армян Одессы, как член Союза армян Украины, сотрудничает с Министерством диаспоры Республики Армении. Так, воскресная школа при армянском культурном центре Одессы награждена Дипломом министерства Диаспоры РА как «Лучшая школа Диаспоры» (Армянский культурный центр в Одессе). Активное присутствие мигрантов из Чечни (начиная с 1996 г.), проведение в Одессе Мирового конгресса чеченцев и Всеукраинского конгресса вайнахов завершились институализацией и регистрацией еще одной этнической диаспоры в городе «Диаспора чеченского народа» (зарегистрирована в мае 2012 г.).

Еще более существенным моментом в характеристике политического и экономического потенциала этнических групп региона являются действующие и перспективные контакты между метрополией и государством пребывания диаспоры, которая выступает в роли посредника и реализатора договорных отношений, демонстрируя непосредственную социально-экономическую заинтересованность в таком сотрудничестве. Такая практика в полной мере характерна региональным диаспорам. Так, появление чеченской диаспоры связывают с покровительством городских властей и коммерческим интересом с обеих сторон. В 2012 г. в Одессе предметом обсуждения стало взаимодействие органов исполнительной власти города с Союзом армян Украины и Одесской армянской общиной (Официальный сайт города Одесса). Сотрудничество городских властей Одессы с КНР стало толчком к реализации ряда проектов: открытию культурного центра имени Конфуция на базе ОНУ, интенсификации студенческих обменов между вузами двух стран, созданию в Одессе парка в китайском национальном стиле, созданию в Одессе музея китайского чая, созданию центра китайской медицины и др. Кроме того, речь идет об организации прямого авиасообщения, обслуживанию китайских судов, контейнерных перевозок и др. То есть коммерческий интерес тесно связан с презентацией присутствия диаспоры в городе.

Важным механизмом, через который метрополия реализует свой интерес к диаспоре, стало побуждение представителей «своей» культуры к возвратной

миграции. Привлечение соотечественников активно используют сегодня Болгария, Румыния, Россия, Польша, Израиль. Применяется практика выдачи «этнических карт» или предоставления льготного гражданства. Элементом этой стратегии является широкое предоставление детям из диаспор права получать образование на этнической Родине. Такая «перспектива» становится причиной актуализации этнической идентичности и даже попыток изменения/возвращения «нужного» этнического корня в структуре идентичности претендента. Показательным является практика районных судов по принятию решений о внесении изменений в актовую запись с целью изменения национальности в связи с условиями допуска к экзаменам за рубежом или получением других «этнических преференций» (Решение Килийского районного суда Одесской области от 19.06.2003 г. о внесении изменений в актовую запись).

Культура этнических групп и их связь со своими метрополиями, даже если она реализуется исключительно в сфере политики, остаются значительным дипломатическим ресурсом. В этой связи следует упомянуть отношения между Молдовой и Грецией, чьи позиции на окраине Европейского союза имеют много сходных проблем. При этом безоговорочной является и поддержка греческими властями европейских устремлений Молдовы. Как отметил мэр Афин на встрече с президентом Молдовы в 2007 г.: «Молдова и Греция – это страны, где встречаются религии и цивилизации, это – места, где сходятся Запад с Востоком. В истории Греции и Молдовы – много общих страниц и общих героев» (Старыш 2007). Аналогичная ситуация складывается в другом союзе – Гагаузско-Турецком. Анкара пытается взять под контроль политические и социальные процессы в Гагаузской автономии. Главная задача – сокращение культурной дистанции между гагаузами и турками. И хотя Гагаузия 2 февраля 2014 г. на референдуме высказала желание интегрироваться в Таможенный союз, Турция остается активным «меценатом» в культурной и образовательной сферах. Главный вуз Гагаузии – Комратский университет – имеет партнерские связи с пятью (!) вузами Турции. Каждый год туда поступают около 60 студентов по спонсорским программам. Турция формирует инструментарий для влияния на политические процессы в Приднестровье, Молдове и на юге Украины.

Это далеко не полная характеристика сетевого ресурса, в котором участвуют этнические группы Бессарабии, но даже поверхностная характеристика дает основание предполагать, что расселенные здесь этнические группы имеют реальные возможности выступать в качестве активных внешнеполитических игроков.

Возрастающие условия глобализации, размеры миграционных процессов в регионе превращают этнические группы и выстраиваемое на их основе лоббистское движение в один из важнейших рычагов воздействия как для экономики, так и для социально-политического пространства взаимодействующих государств.

Практика социально-политического участия как форма лоббирования интересов этнокультурных групп

Заинтересованность этнической группы в принятии выгодных для нее решений и проектов активизирует ее взаимодействие с органами и институтами государственной власти страны проживания. Такая форма социальной активности в регионе имеет двойственную направленность. Происходит постоянный обмен статусного характера во взаимодействии между институтами власти и активистами этнических групп, которые локализованы в регионе.

Представленность этнических групп в органах государственной власти сегодня обеспечивается разными путями. Наиболее заметным в практике региона является участие в избирательных кампаниях деятелей этнических общин и культурных обществ. В этом случае политическая карьера строится на активном лоббировании интересов конкретного этноса или региона, в котором данная группа социально значима. Общественные деятели могут использовать этничность (свою или группы, к которой они обращены) с целью приобретения или накопления социального капитала. Они могут «предлагать» свою этничность как основание для получения социального доверия (статуса). Так «активист» официально признается представителем (предводителем) группы на данной территории.

В свою очередь органы власти ожидают получить от такого соглашения возможность контроля над этнической диаспорой, и, если достичь этого не удается, власти рассчитывают на дивиденды «имиджевого» характера.

Так, в избирательных кампаниях Иван Плачков опирается на брэнд Бессарабии – «забытого и потерянного края», который нуждается в возрождении. Политик является почетным президентом организации «Наша Бессарабия» и инициатором Бессарабского Форума, который призван решить проблемы региона (Новостной портал Бессарабии). Практически во всех личных презентациях: в биографии, в «Лекции о саморазвитии» (Лекция о саморазвитии известного болгарина Плачкова И.В.) – И. Плачков подчеркивает свое этническое происхождение, привлекая внимание к себе, как к яркому представителю болгарской диаспоры. Как «Бессарабского политика» себя представляет Антон Киссе – председатель Ассоциации болгар Украины. Его политическая карьера подкрепляется научной и просветительской деятельностью в кругу болгарской диаспоры (Сайт Ассоциации болгар Украины).

С одной стороны, такая политическая активность позволяет повысить престиж группы и создать дополнительные возможности для представления ее интересов в городе. С другой стороны, члены этнических групп являются удобным резервом для *электорального рекрутирования* в период избирательных кампаний.

Политический потенциал этнических групп ярко проявился во время политических автономистских акций в Молдове. Так, в июле 2012 г. второй по ве-

личине, преимущественно русскоязычный город Молдовы, Бельцы потребовал автономии. Муниципальный совет города инициировал проведение референдума об автономии. В апреле 2013 г. Тараклийский районный совет единогласно принял обращение к властям Молдовы о наделении Тараклийского района, населенного преимущественно болгарами, национально-культурной автономией, а депутаты Народного собрания Гагаузии заявили, что сложившаяся в Молдове ситуация «вынуждает народ Гагаузии пересмотреть свое согласие на самоопределение в составе Республики Молдова в статусе "автономно-территориального образования с особым правовым статусом"» (Бельцкая независимая газета. 16.04.2013).

Активно участвуют в органах городской власти представители армянской общины Одессы: Ф. Петросян, К. Арутюнян, Э. Хачатрян. Лидер греческой областной общины В. Симвулиди баллотировался в депутаты городского совета.

К механизму «участия» этнических групп во власти следует относить в том числе и определение техники квотирования мест при учете интересов этнических общностей органами государственной власти и местного самоуправления. Такая практика в Украине пока не узаконена, однако, анализируя выступления политиков, можно предположить, что сам механизм активно формируется. Например, Виталий Алайбов в выступлениях заявляет, что «он убежден, что городская община греков будет достойно представлена в новом составе Одесской городской Думы» (Видеоматериалы, новости с участием Виталия Алайбова). Этому заявлению предшествовало подписание Меморандума о сотрудничестве и принципах взаимодействия между Одесской общественной палатой, председателем которой является глава областной организации партии «Справедливость» В. Алайбов, и Одесской областной общиной греков им. Г.Г. Маразли во главе с В. Симвулиди.

В Молдове эта проблема стоит еще острее. Предоставления квоты в парламенте активно добивается Гагаузия. По расчетам Народного собрания Гагаузии, квота автономии должна составлять пять депутатов. В рамках процесса урегулирования конфликта с Приднестровьем в 2012 г. Германия выступила с предложением выделить квоту в парламенте Молдовы для Приднестровской республики.

В силу своей активной идентичности диаспоры способны к быстрой мобилизации, когда речь идет о защите групповых ценностей и интересов. Такое поведение также является формой презентации группы в окружающей их социально-политической среде. Греческая община Одессы активно отстаивает право на символическое закрепление в ландшафте города истории своего народа (открытые письма протеста против решений городских властей, пикетирование сессии Одесского городского совета и др.). Интересным моментом является объединение этнических групп в протестных акциях. Так, греческая община часто выступает в союзе с гагаузской и болгарской – сказывается фактор общей балканской истории, социальных условий, в которых находились колонисты

в момент переселения с территории Османской империи. Общая историческая судьба объединяет греческую и армянскую диаспоры, когда речь заходит о требованиях признать геноцидом массовые убийства христиан в Османской империи в 1915–1923 гг. или провести акции памяти, направленные на поддержание культурной и исторической традиции своих групп. Так, в мае 2009 г. в Армянском культурном центре Одессы состоялся круглый стол «Сто лет отрицания: геноцид армян и понтийских греков», посвященный трагическим датам двух народов.

Активно проявили себя балканские диаспоры в вопросе приобретения официального статуса этнических языков. Отказ болгарской диаспоре Измаила в получении их языком статуса регионального привел к систематическому бойкотированию официальных культурных мероприятий со стороны представителей диаспоры. Показательным моментом стал факт обращения активистов в Генеральное консульство Республики Болгария с просьбой отреагировать на происходящее в Измаиле (Думская.Net. 27.09.2012). Результативным стало обращение этнических диаспор в районную администрацию Болградского района Одесской области, где в июле 2013 г. сразу четыре языка – болгарский, гагаузский, русский, а также албанский – получили официальный статус региональных (Новостной портал Бессарабии).

Такая форма поведения демонстрирует превращение негосударственных субъектов этнополитики в полноправных участников политического процесса. Сетевые системы этнических групп выступают альтернативной структурой официальным государственным институтам. Особое влияние и развитую систему «социальной инфраструктуры», которая позволяет достойно представлять интересы группы, демонстрируют традиционные региональные этноконфессиональные группы: еврейская и армянская. Несколько утратили позиции на современном этапе греческая, немецкая, татарская группы, что объясняется политикой государства относительно данных этносов в середине XX в. Однако их исторические амбиции и социальная роль в прошлом позволяют группам сохранять относительное влияние. К активно развивающимся, социально-мобильным этническим группам в регионе следует отнести традиционные (болгарскую, гагаузскую, старообрядческую, молдавскую, румынскую и др.) и новые группы этнических мигрантов (арабскую, чеченскую, вьетнамскую, китайскую и др.). И те, и другие демонстрируют способность к мобилизации и способность закрепиться в социальном пространстве. И если традиционные исторические для региона этносы активно формируют структуры социального и политического лоббирования своих интересов в государственной власти, то особенностью «новых» этнических групп является союзничество с органами власти в обмен на инвестирование.

В условиях маргинальной социально-политической среды региона этническая культура стала значимым элементом конструирования социального про-

странства. Все этнические сообщества региона демонстрируют уникальную способность адаптироваться, «встраиваться» в социальную систему, становясь ее «звеном» и предопределяя статус своих членов. Конфигурации полиэтнических социально-экономических сетей отражают процесс социальной и политической истории региона и города. Важно, что этническая культура в условиях Бессарабии стала значимым элементом конструирования социального пространства, тут не только параллельно существовали, но и интенсивно пересекались политические, социальные и культурные иерархии.

Формирование групп давления и лоббистских структур стало социальной и становится политической реальностью. Этнический фактор «присутствует» в структуре групп влияния разной природы: в отраслевых и корпоративных, в территориальных и конфессиональных. Этнокультурные группы региона ориентированы на создание социальной сети, внутри которой реализуется основная социокультурная деятельность.

Литература

Армянский культурный центр в Одессе [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://armenia.od.ua/index/armjanskaja_shkola/0-28%20.

Ассоциация болгар Украины / Официальный сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://abuodes.org.u/.

Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

Болгары Молдавии требуют автономии // Бельцкая независимая газета. 16.04.2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://esp.md/2013/04/16/bolgary-moldavii-trebuyut-avtonomii/.

Болградский район: болгарский, гагаузский, русский, албанский языки получили статус региональных // Новостной портал Бессарабии [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bessarabiainform.com/bolgarskij-gagauzskij-russkij-i-albanyazyki-poluchili-status-regionalnyx-v-bolgradskom-rajone/#ixzz2cMYmhduM.

Бурдье, П. Социальное пространство и символическая власть. Текст лекции, прочитанной в Университете Сан Диего в марте 1986 г. // THESIS. Альманах. 1993. Вып. 2. С. 137–150 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hse.ru/data/157/314/1234/2_2_3Bourd.pdf.

В Одессе открылся Армянский культурный центр // Вечерняя Одесса. 04.12.2008. № 183(8920).

В Одессе состоялось заседание Союза армян Украины / Официальный сайт города Одесса [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.odessa.ua/ru/news/39511/.

В Одесской области болгары бойкотируют официальные мероприятия из-за языкового шовинизма власти // Думская. Net. 27.09.2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dumskaya.net/news/v-odesskoj-oblasti-bolgary-bojkotiruyut-oficialn-021933.

Варианты экскурсий по Кишиневу. Экскурсионное бюро в Кишиневе [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bamba.md/ru/gift-dad/kishinev-ya-lyublyu-tebya.html.

Видеоматериалы, новости с участием Виталия Алайбова [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.alaibov.info/Video-60.
Еврейский Культурный Центр «Beit Grand» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.beit-grand.odessa.ua/about/.
Изменение национальности. Решение Килийского районного суда Одесской области от 19.06.2003 г. о внесении изменений в актовую запись [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://todorov.od.ua/publ/21-1.
Информационный портал Болгар Украины [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bg-ua.org/?name=svyatini.
Калмыков, О. О возрождении исламских традиций в Одессе / Ислам в Украине [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://islam.in.ua/4/rus/full_articles/6214/visibletype/1/index.html.
Коч, С.В. Локальная идентичность в кризисной ситуации (на материалах истории греческой диаспоры Украины) // Человек в истории и культуре. Мемориальный сборник материалов и исследований в память лауреата государственной премии Украины академика РАЕН, профессора, доктора исторических наук В.Н. Станко / отв. ред. А.А. Пригарин. – Одесса: СМИЛ, 2012. – С. 374–383.
Коч, С.В. Социально-экономические модели адаптации этнических групп (на примере «старых» и «новых» диаспор юго-западного региона Украины) // Предупреждение насильственных конфликтов в мультикультурных сообществах и формирование культуры мира: сб. науч. трудов / ред.-сост.: М.А. Араджиони, И.В. Брунова-Калисецкая; Крымское отделение Института востоковедения имени А.Е. Крымского Национальной академии наук Украины. – К.: ЧП «Золоті Ворота», 2011. – С. 61–71.
Красняков, Н.И. Закрепление политико-правового статуса Бессарабской области в составе Российской империи: опыт применения конституционализма // Вопросы управления – 2009. – № 6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vestnik.uapa.ru/ru-ru/issue/2009/01/19/.
Лекция о саморазвитии известного болгарина Плачкова И.В. Социальная сеть ВКонтакте. Мероприятия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vk.com/event39226556.
Маленькому одесситу, потомку старинного греческого рода, срочно нужны деньги на операцию на сердце! / Odessa Daily. 06.07.2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://odessa-daily.com.ua/news/dengi-na-operaciu.html.
«Маленький Вьетнам» на Грушевского // Вечерняя Одесса. – 24.10.2009. – № 158–159(9092–9093).
Международная общественная организация еврейский общинный центр «Мигдаль» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.migdal.ru/odessa/566/.
Национально-культурные объединения Одессы / Официальный сайт города Одесса [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.odessa.ua/cooperation/national_societies.
Новостной портал Бессарабии [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bessarabiainform.com/ivan-plachkov-bessarabskoe-ekonomicheskoe-chudo/.
Одесская областная община греков им. Г.Г. Маразли [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://grekiodessa.web-box.ru/.
Одесские греки – против переноса памятника Г. Маразли / ТРК «Круг». – 05.04.2008. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://krug.com.ua/news/3069.

Официальный сайт города Одесса [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.odessa.ua/ru/news/49092/.
Периферия стран бывшего СССР. Всемирный Совет Греков Зарубежья [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.greeks-su.com/ru/maps/popup/823.html.
Плесская, Э. Немецкое национально-культурное общество «Wiedergeburt» // Вечерняя Одесса. – 11.03.2010. – № 35(9166).
Раввины всей Европы собрались в Одессе // Новый регион. 30.05.2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old.nr2.ru/odessa/121442.html.
Старыш, К. Молдова–Греция: политический роман // Независимая Молдова. 15.06.2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nm.md/article/moldova-greciya-politicheskiy-roman.
Стоянова, Г. Репрезентация этничности в социальных сетях: конструирование реальности и идентичности (на примере этических групп Одесщины) // Постфактум: історико-антропологічні студії. – Одеса, 2013. – С. 72–82.
Суслов, О. Болгарская диаспора и этническая родина // Вечерняя Одесса. – 27.10.2009. – № 160(9094).
Уварова, О.О. Російська «політика покровительства» щодо греків-іммігрантів в кінці XVIII – першій третині XIX ст. (на матеріалах Херсонської губернії): дис. … канд. іст. наук: 07.00.02 / Одеський національний ун-т ім. І.І. Мечникова. – Одеса, 2007. – 214 с.
Preston, P.W. Political / Cultural Identity. Citizens and Nations in a Global Era. – London–Thousand Oaks–New Delhi: SAGE Publications, 1997.

Андрей Артеменко

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА

Abstract

The article is dedicated to the problem of the topology of local identity. According to the author, the idea of topological approach to the problem of identity changes attitudes to the role of the social self's space. The author shows how the ideas of the state and citizenship were changed in 20th-century social philosophy. Modernity is characterized by the changing of attitudes to the value of political and social structures. Individualization of society has led to the changing of the importance of a person's social roles and to the emergence of the human world's new operating structure. The author proves the necessity of a new topos formula of personality, which reflects the status of equality, law activism and fundamental social and political transformation of society. A citizen means an actor of the social space, which changes the circumstances of his being in the world. The idea of the «return of the actor» and «personalization» of society revealed the interdependence of a person and the environment.

Keywords: topos, topology, identity, personality, state, citizenship, conflict.

В системе социальных наук ощущается потребность в разработке новых методов объяснения природы, структуры и значения мировых и региональных событий начала XXI века. Очевидна недостаточность традиционной методологии социальных исследований, которая не может адекватно описать усложнившиеся социальные процессы. М. Кастельс, П. Бурдье, А. Негри, У. Бек и другие исследователи отмечали новую природу и характер социальных отношений в современном обществе, «изменчивую геометрию социальных

структур», а также ключевое значение контенгентности и топологичности социальных явлений. В рамках акторно-сетевой теории исследователи попытались обобщить целый ряд концептов, отражающих структурные и функциональные связи информационного общества, глобализации, упорядочить представления о топологии социального объекта. В этой связи представляется перспективным использование топологической методологии для исследования феномена региональной идентичности, поскольку декларируемая связь объекта и окружения в ситуации образования и функционирования этого вида идентичности наиболее выразительна.

Методологически топология социальной идентичности позволяет предотвратить образование спекулятивных схем объяснения общества, которые игнорируют уникальные моменты множественных локальных культур и сообществ, создающих собственные социальные практики и формы организации жизнедеятельности. Топология возвращает нас к идее идентичности как способности образовывать целостное единство и дает возможность перейти от технического применения пространственной метафорики к рационально обоснованному представлению о социальном пространстве, его структурах и акторах социального взаимодействия.

Топология социальной идентичности исходит из способности объектов к трансформации, связанной не только с их собственными свойствами, но и со свойствами и многообразием пространств, к которым они принадлежат. «Пространственность» рассматривается как конвенция, для которой недостаточно только геометрического описания. Пространственность и непрерывность объектов могут измениться, если изменяются условия конвенции, заключаемые акторами социального действия. Таким образом, объекты сохраняют свою целостность до тех пор, пока отношения между ними стабильны и неизменны. Следовательно, стабильность системы определяется стабильностью порядка отношений ее участников. В свою очередь, характер отношений определяется принципом контингентности, зависимости конфигурации социального пространства от его участников.

Обращение к проблеме окружения всегда порождает вопросы определения его статуса активности. В системе социальной топологии объекты воспринимаются как своего рода релятивные, подвижные акторы с множеством социальных взаимодействий. Они одновременно вовлечены в различные социальные отношения и диспозиции, конструируют различные социальные пространства с уникальными свойствами. Так возникают системы особого рода сети предметно-знаковых образований, в которых задействованы одни и те же объекты (в качестве акторов и актантов), но входящие в отличные и разнородные социально-пространственные структуры.

В топологическом смысле под региональной идентичностью понимаются скорее изменяющиеся и динамичные явления, нежели зафиксированные неиз-

менные пространства с четкими границами. В рамках методологии социальной топологии мы можем говорить о региональной идентичности как об объекте пространства потоков. Региональная идентичность выступает как репрезентация представлений, в рамках которой один человек или территориальная общность оценивают свое положение по отношению к внешнему миру. Контингентность и релятивность этой модели идентичности способствуют ее динамичной природе.

Модерная традиция социальной философии вынуждает к обращению к общности, которая определяет себя через факторы территории, культурных и языковых особенностей. В условиях выделения региональной идентичности эти факторы действуют как дань модерной схеме, но при этом здесь может быть прослежена связь с тенденциями развития индивидуализированного общества, о которых писал З. Бауман (Бауман 2002). Выделение региональной идентичности из некой национально-территориальной общности обретает черты исключения себя из общих правил или противопоставления этой общности. Региональная идентичность выступает и как форма протеста против унификации.

Социальная философия XX века трансформировала идеи государства, гражданства, нации как правового сообщества и вместе с этим сделала наглядным парадокс социального развития современных обществ. Борьба за устойчивость социального мира закончилась открытием «деятеля», который может не только зависеть от обстоятельств, объективных законов и процессов, но и влиять на окружающих только своим присутствием. Присутствие – это уже действие, которое активирует топологические условия объектов, попадающих в единое пространство. В то же время произошло переформатирование понимания системы социальных связей, где понятия «субъект», «актор», «деятель» становятся лишними по причине своей антропологической перегруженности. Идеи «возвращения деятеля» (Турен 2003) и «индивидуализации» общества выявили зависимость человека от окружения и одновременно представили его в статусе актанта. Индивидуализация общества привела к уменьшению значимости социальных ролей, но также выявила действующие структуры окружающего мира, которые предстали в качестве самостоятельного актора.

Таким образом, в современных условиях сложился новый способ экстериоризации функций личности. Он связан с идеей правового сообщества, где принцип социального функционирования работает по образцу сетевой схемы «включен/выключен». Это требует активности субъекта, поскольку для современного индивидуализированного общества единственная ось – технология активности, которая возвращает в мир деятеля, который вправе определять себя по собственному желанию.

Именно этот аспект активности субъекта становится ключом к пониманию функционирования региональной идентичности как формы политического протеста. Несогласие с унификацией политических моделей, официального

курса государственной политики, который не учитывает или открыто игнорирует интересы региональных общин, активируют реализацию права определять себя в рамках иной ситуативной общности. При этом в качестве системы легитимизации используется отсылка к региональной специфике истории, традиции, жизненного уклада.

Здесь особо следует отметить изменения в подходах к самой проблеме идентичности. Дискуссии по поводу множественной идентичности, наслоенной идентичности, различных форм гибридной или креольской идентичности – все это последствия модерной схемы описания социального взаимодействия, которая предполагает монохромность идентификации, линейность и иерархичность социальных связей. Один из главных аспектов определения идентичности – это не отождествление с окружением, не причастность к архаичному «коллективное Мы», а выявление отличительных черт индивидуального Я. Проблема идентичности вернула исследователей к идее субъекта, актора, который определяется как «коллективное Я». В нем нет множественности, оно подобно тому, как Х. Ортега-и-Гассет определял Я человека в виде «гвоздя в пространстве, к которому привязывается все остальное» (Ортега-и-Гассет 1997: 529). Это способность создавать единство, а вернее, целостность своего пребывания в мире.

Идентичность, понимаемая как результат самоопределения себя, связана с идеей изменчивости социальных пространств и множественности социальных ролей («образы игры» Й. Хейзинга, «соответствие обобщением других» Ч. Тейлора и «множество социальных ролевых воспроизведений» Дж. Мида). Определение идентичности через окружение привело к актуализации проблемы «топоса» как пространственного и временного очертания социального действия или явления. Концепции «хронотопа», «фронтира», «социального тела» направили проблему топоса в русло определения форм взаимодействия культур («Другого», «Чужого»). Топос для социальной философии получил онтологические характеристики как пространственное подтверждение факта существования явления, события.

Однако в последнюю четверть века проблема идентичности из чисто теоретической сферы философии перешла в плоскость политической практики. Решения, к которым прибегают современные политики, все чаще обосновываются совпадением или несовпадением моделей идентичности участников социально-политических процессов. А объяснения причин политических конфликтов и протестов опираются на тезис о «конфликте идентичностей» в обществе со многими культурными составляющими. Даже экономические факторы развития регионов связываются исследователями с моделям совместимости социокультурных идентичностей (Роккан 2003).

Региональная идентификация – процесс управляемый, и этот тезис вполне обосновывается выводами, которые в свое время сделали столь разные исследователи, как Б. Андерсон (Андерсон 2001), М. Фуко (Фуко 1996) и С. Хантингтон

(Хантингтон 2004). Однако при применении линеарной методологии социального анализа региональная идентификация затрудняет формирование общенациональной идентичности. Унификация общенациональной идентичности по образцу даже XX века предполагает отсылку к критериям «язык, культура, история», но при этом забывается возможность интерпретации каждого из этих критериев и их нестабильность в связи с этим. Конструирование национальной идентичности по принципу причастности к правовой системе, которое появляется как ответ на потребности глобализации, могло бы смягчить жесткость модерной модели, но это воспринимается как размывание привычной модели идентичности. Хотя вполне реально в современных условиях поставить вопрос о невозможности гомогенной национальной идентичности.

Присутствие носителя иной культуры в культурно-гомогенном обществе всегда вызывает взаимодействие, ведущее к изменению всех участников социального контакта. Это проявление принципа контингентности, который упрямо игнорируется при анализе политической ситуации и прогнозировании ее развития. В современном мире наличие закрытого, этнически однородного и культурно-гомогенного общества скорее исключение. В результате структура самого общества и модели социальных практик существенно меняют критерии социальной идентификации личности в новых условиях и приобретают элемент множественности. Это не исключает одновременность противоположных определений себя социальным субъектом. Быть мусульманином и быть европейцем не означает совмещать противоположное. Точно так и в ситуации Украины – быть русскоязычным не означает не быть украинцем. Это больше напоминает ситуацию сетевого узла, который позволяет соединить пространства языкового, религиозно-культурного и территориально-правового функционирования.

В Украине прослеживается наличие устойчивых локальных идентичностей (крымчане, слобожане, галичане и т.п.). Однако их роль в общей структуре идентичности украинца до недавнего времени была довольно скромной. Актуализация региональной идентичности прослеживается как результат политического кризиса и конфликта. В такой ситуации несогласие с определенными программными положениями политических групп, которые претендуют на общегосударственный статус, получает репрезентацию в форме конфликта с региональной идентичностью.

Конфликт идентичностей происходит не только, если две или более групп претендуют на одну и ту же историческую, культурную, социальную, политическую территорию. Это понимание конфликта в рамках линеарной концепции идентичности, где нет динамики и осознания возможности сохранения устойчивости функциональных связей вне модерной схемы самоопределения. Однако эта модель конфликта легко актуализируется и превращается в обоснование политических требований. Ее практичный механицизм и укоренение в истории становятся основой для результативности такой же линеарной и иерархичной

модели политического действия: «нация или смерть», «слава нации, смерть врагам», «кто не с нами, тот против нас».

Второй вариант «накладки идентичностей» проявляется не в случаях политических притязаний на спорные географические территории, а в ситуации противопоставления локальных идентичностей, вернее, претензиями региональных идентичностей на общенациональный статус. Именно так это произошло в Украине в 2005–2007 и 2010–2013 годах, когда представители региональных политических элит попытались экстраполировать свои модели идентичности на все общество. Как результат мы видим игнорирование интересов локальных сообществ, рост ксенофобских настроений, поиск политических союзников за пределами государства. Игнорирование культурного плюрализма регионов привело в Украине к глубокому социально-политическому конфликту, который в современных условиях перерос в открытое противостояние. Ярким примером непонимания ситуации стала акция «Единая страна», проведенная на всех украинских телеканалах, которая сопровождалась видеороликом со следующим текстом: «Не имеет значения, где ты живешь и на каком языке ты разговариваешь! У нас единая страна, одна Украина». Таким образом, даже в условиях открытого политического столкновения, когда вопросы языковой политики, правового и экономического статуса региона приобрели форму выражения политического несогласия, принципиальных требований защиты права на определение своей идентичности, официальная украинская идеология продолжает игнорировать факт культурного плюрализма украинского общества. Если бы действительно «где ты живешь и на каком языке ты разговариваешь» не имело значения, то протесты на юго-востоке Украины и события в Крыму не приобрели такого масштаба и не имели бы таких последствий.

В условиях современных социальных конфликтов региональная идентичность используется как форма политического протеста. Несогласие с политическим решением или условиями предстает в виде апелляции к специфике и традиции определенного региона. Демонстрация своей региональной принадлежности становится маркером для определения системы ценностей, методов решения политических проблем, демонстрации круга друзей и врагов вне государства. В ситуации Пограничья локальная идентичность многократно усиливается, поскольку получает легитимацию через связь с несколькими внешними социально-культурными образованиями. Проблема локальной идентичности – это последствие многих процессов современного общества, которые проявляются во всем мире. Это последствие глобализации, поскольку тенденции к унификации социально-правовых и культурных практик заставляют локальные идентичности трансформироваться, но при этом сам процесс глобализации заинтересован в сохранении региональных различий.

Это также проблема, порожденная вниманием современного общества к защите прав человека, пониманию личности как активного участника социальных

процессов. Реализация этих прав зависит от права конструировать свою идентичность, используя весь социальный, политический и культурный арсенал средств экстериоризации Я (Артеменко 2013: 131–149). Человечество отходит от «крупных и монохромных форм» для самоопределения личности и все больше уделяет внимания вопросам отличия. Поэтому региональная идентичность дает возможность решить проблему сочетания разных уникальных особенностей и комбинаций моделей самоопределения личности.

Таким образом, региональная идентичность может использоваться как форма выражения политических требований, направленных на защиту прав человека, а именно – права самоопределения. Однако невнимание к этому праву может быть использовано для дестабилизации политической ситуации, обоснования сепаратистских требований, а также для спекуляции на общих идентификационных маркерах и легитимизации аннексии территории сопредельного государства.

Литература

Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках нации и национализма / пер. В. Николаев. – М.: «КАНОН-пресс-Ц»; «Кучково поле», 2001.

Артеменко, А. Топологія Я в мережевих структурах соціуму. – Харків: Цифрова друкарня № 1, 2013.

Бауман, З. Индивидуализированное общество / пер. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2002.

Ортега-и-Гассет, Х. Избранные труды / пер. А.М. Руткевича. – М.: Издательство «Весь Мир», 1997.

Роккан, С. Политика территориальной идентичности. Исследование по европейскому регионализму // Логос. – 2003. – № 6(40). – С. 117–132.

Турен, А. Повернення дієвця / пер.: О. Гуджен, О. Полемченко, Т. Шваб. – К.: Альтерпрес, 2003.

Фуко, М. Воля к истине / пер. С. Табачниковой. – М.: Магистериум, 1996.

Хантингтон, С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности / пер. А. Башкирова. – М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Транзиткнига», 2004.

Дзвенислава Ганус

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНСКО-ПОЛЬСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ (по материалам полевых исследований)

Abstract

The paper examines the historical conditions of the cultural space formation of the population of the Ukrainian-Polish borderland. The formation of the Ukrainian-Polish border area was carried out in the conditions of mass deportation of the population, which the respondents still remember. Changes that took place in culture because of the domination of the Soviet totalitarian regime are analyzed on the basis of the field data. Features of new «Soviet rituals», which appeared as a result of the persecution of the church, are considered. The article focuses on globalization and urban processes that today are typical of the cultural space of the borderland population. Interethnic cooperation, migration, and media lead to gradual leveling of traditional culture and formation of «mass culture» the processes of identification of the population taking place on the grounds of the common historical past, traditions, language, religion, and territory are analyzed, based on the author's field data. Consequently, today the identification of the population of the Ukrainian-Polish borderland can be traced not only among the Ukrainians and Poles, but also among the Ukrainians themselves, which is defined by historical and ethnographic zoning and religion. In addition to the field materials, the data of Social Statistics of Ukraine on migration and a number of church organizations are also used.

Keywords: Ukrainian-Polish borderland, mass culture, globalization, migration, identification, religion.

Изучение Пограничья сегодня требует комплексного подхода, в частности анализа его исторических и культурных характеристик. Сохранение собственной культурной иден-

тичности у населения Украинско-польского Пограничья обусловлено спецификой самого Пограничья, поскольку жителям порубежных территорий в основном присущи общие культурные ценности, но, тем не менее, одна из культур всегда доминирует. В результате контактов между представителями разных национальностей, независимо от типа административно-географических и социальных границ, образуются культурные пространства, размер которых зависит от интенсивности межэтнических взаимодействий.

В процессе формирования культурного пространства Украинско-польского Пограничья прослеживаются следующие этапы:

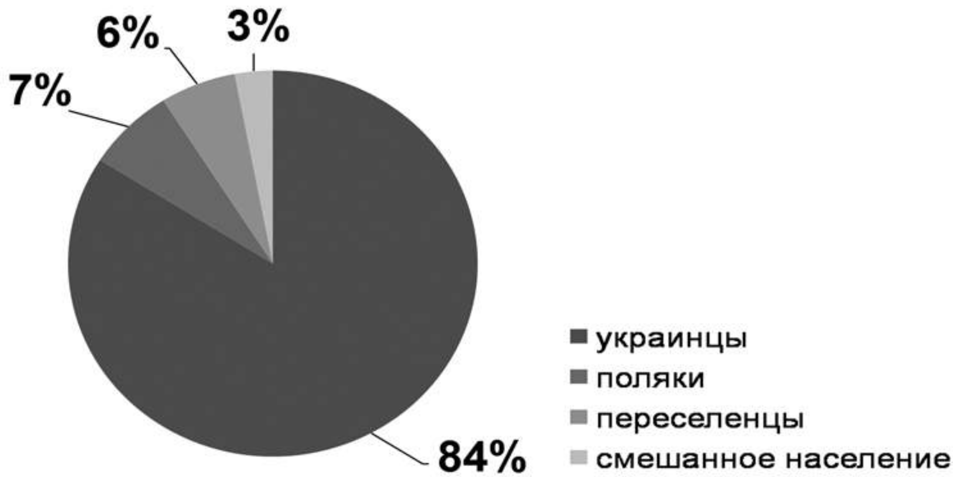
– установление границы, которое сопровождалось массовыми депортациями населения;

– изменения в культуре в годы советской власти и распространение «советской обрядности»;

– трансформация этнокультурного пространства в XXI в. и формирование «массовой культуры».

Вопрос влияния определенного исторического периода с его особенностями на культурное пространство в украинской этнологии на сегодняшний день является малоисследованным, несмотря на то, что Украинско-польское Пограничье привлекает внимание социологов, фольклористов, историков и лингвистов. Отсутствие достаточного количества научных источников, касающихся данной проблематики, вызвало необходимость сбора собственных полевых материалов среди населения Украинско-польского Пограничья. Экспедиционные записи, вводимые в научный оборот, были зафиксированы во время этнографических экспедиций в села Волынской (Шацкий, Владимир-Волынский, Любомльский, Иваничевский районы), Львовской (Сокальский, Жолковский, Яворовский, Мостисский, Старосамборский, Турковский районы) и Закарпатской (Великоберезнянский район) областей. Выбор сел для исследования продиктован, с одной стороны, их территориальным расположением относительно государственной границы, а с другой – характерными для них взаимосвязями и иноэтническими воздействиями между двумя культурами: украинской и польской. Во время сбора материала внимание акцентировалось на национальной и конфессиональной принадлежности населения, которая обусловлена социальной структурой самого Пограничья. Среди опрошенных респондентов большинство (84%) составили украинцы, заселяющие исследуемую территорию с древних времен. Часть информаторов (7%) презентуют поляки, которые компактно проживают в пределах отдельной общины, и смешанное население (3%), возникшее в результате заключения браков между украинцами и поляками. Незначительное количество респондентов (6%) составляет украинское население, которое было переселено при установлении границ УССР (1944–1951 гг.).

Соотношение опрошенного населения Украинско-польского Пограничья

Формирование Украинско-польского Пограничья сопровождалось значительными территориальными спорами, которые привели к длительным переговорам и подписанию ряда соглашений между правительствами СССР и Польши: 1944, 1945, 1946, 1947, 1951 гг. Установленная граница полностью изменила жизнь и судьбу почти 1,5 млн украинцев и поляков. Пренебрежение этническими, историческими и другими аспектами при определении границы привело к массовым депортациям украинцев и поляков по этническим признакам на территорию соответствующей страны во время операции «Висла» (1947 г.) и обмена государственными территориями между СССР и Польшей (1951 г.). Проведение границы полностью базировалось на политических компромиссах. Как справедливо отмечает украинский исследователь А. Калакура: «Трагедия обоих народов заключается в том, что, потерпев величайшие человеческие и материальные потери в годы Второй мировой войны, они оказались заложниками геополитического противостояния СССР и западных держав» (Калакура 2007: 323). Граница была установлена по линии Керзона со значительными отклонениями в пользу Польши. Для украинцев болезненным ударом стало их переселение и потеря украинских этнических земель (Холмщина, Лемковщина, Надсанье и Подляшье), оставшихся в составе Польши. Единственным критерием для депортации была украинская национальность. Депортированные лемки потеряли любую связь с Украиной.

Для украинского и польского населения это было тяжелое время, которое определялось неизвестностью и неуверенностью в завтрашнем дне. Респон-

дентка из села Крысовичи Мостисского района Мельник Мария Антоновна (1938 г.р.) рассказывает:

«Я жила в Краковской области, за границей, нас всех погрузили на поезд и повезли. Это уже после войны, после (19)45-го, вывезли в Харьков. Мы там побыли год, а потом мы сами с мамой переселились сюда. Там, в Харькове, было мало людей, и нас везли туда, чтобы увеличить население. Некоторым даже квартиры давали, а некоторых селили к таким людям, которые сами жили. Мы жили у таких двух старичков. А потом мы уехали в Дрогобычский район, то все бежали оттуда. Мы приехали в (19)47-м и были до (19)58-го. А потом у нас квартиру забрали, и мы поехали дальше... А когда отсюда выезжали поляки, то оставили дом, и мы переехали в такой дом».

Другая респондентка Чупак Анна Сидоровна (1936 г.р.) вспоминает:

«Жили в Краковской области. Когда вывозили нас, то мы брали только одежду, не давали нам брать больше ничего. Переселяли нас в Харьков. Были сначала в одном селе, а потом нас переселили в другое село. Тогда был голод, и все бежали на Украину, сюда, потому что здесь были продукты. Там не было ничего кушать. И мы переехали в Дрогобыч, там прожили десять лет».

Стоит отметить, что на процесс установления границ население Украины не имело никакого влияния, его мнение не учитывалось. Как рассказывает одна из информаторок:

«Мой дом там, пошла на работу, а провода протянули, и я уже не попала домой, и то много нас таких было».

Воспоминания респондентов о событиях прошлого свидетельствуют об уничтожении традиционного образа жизни и необходимости начинать все сначала. В восприятии местного населения граница нарушила их традиционный общественный уклад, ограничила свободное передвижение. Например, жительница села Пацковичи Старосамборского района Бабняк Эмилия Ивановна (1927 г.р.) отмечает:

«Могилы родителей в Польше, а провели границу, и я осталась здесь, а они там, то еще ни разу не была на их могилах».

Последние же территориальные изменения при установлении границы были внесены в 1951 г. В их основу был положен принцип эквивалентного обмена – «километр на километр», в результате чего к Польше отошла Дрогобычская область взамен на часть Люблинского воеводства – современный Сокальский район Львовской области Украины (Червоноград, Белз, Угнев). Договоренность касалась не только передачи земель, но и взаимного перемещения населения. На новые земли СССР переселили украинцев, проживавших на приграничной территории, отошедшей к соседнему государству, – бойков. Про выселение респондентка Гембар Екатерина Ивановна (1931 г.р.) рассказывает:

> «*В 1952 году нас переселяли, Сталин переселял. Там полякам отдали земли, а сюда надо было переселять людей и оттуда забирать. Вот так одних переселяли в Донецк, других – в Херсон, а нас сюда переселили. Мы не верили сначала, что будут переселять, а потом начали, всех подряд вывозили. Дом оставили, бросили, но одежду взяли и кусок хлеба и в вагоны, где скот возили, вот так нас и повезли*».

Проведение украинско-польской границы привело к исчезновению целого ряда сел – Тарнава, Локоть, Журавин. Население переселяли на юг и восток Украины, однако они не теряли надежды вернуться обратно в родительский дом. В результате традиционная украинская культура переселенцев, вернувшихся с юга или востока Украины, пополнилась сведениями из других регионов, о чем свидетельствует рассказ респондентки, которая проводит параллели в семейной обрядности: «…а у нас так делали, а они по-другому». Переселенное население вынуждено было приспосабливаться к непривычным новым климатическим условиям и методам хозяйствования. Они попадали в окружение людей с несколько иным историческим опытом и ментальностью. Таким образом, в результате формирования границ украинско-польских территорий была прервана традиция, уничтожены материальные и духовные ценности и, соответственно, культурные особенности. Исследователь А. Савчук делает вывод, что насильственно проведенные депортации привели к серьезным последствиям не только на этнокультурном уровне для депортированных украинцев, но и на политическом, духовном, хозяйственном – для польского общества, которое потеряло богатую полиэтническую среду (Савчук 2012). Украинцы как элемент общественной польской жизни почти исчезли, а если и упоминались, то, собственно, в контексте исторических событий (Конечна 2001: 5). Аналогичная ситуация была и по другую сторону границы, в Советском Союзе.

После завершения формирования территории Украинско-польского Пограничья для украинцев начинается тяжелый период господства тоталитарного режима советской власти. Именно в этот период украинская традиционная культура, общая историческая память подвергаются значительному разрушению,

под жестким ассимиляционным давлением формируется новое культурное пространство. Советская власть сознательно прерывает процесс этнокультурной передачи традиций, уничтожает ощущение «малой родины», разрушает самобытные черты народной культуры. Соответственно, это приводит к упрощению значительного количества традиций, обрядов, формируется так называемая советская обрядность, а параллельно создается образ советского человека с коммунистическим мировоззрением. Подчеркивалось, что именно в советском социалистическом государстве угнетаемые поляками, венграми, чехами трудящиеся Западной Украины получат «все возможности для строительства обеспеченной и культурной жизни, будет всячески развиваться материальная и духовная культура» (Симоненко 1958: 69). Для советского народа создавалась единая празднично-обрядовая культура, которая была бы идентичной для всего населения СССР. На формирование обрядовой культуры населения исследованного ареала существенное влияние имела партийно-государственная политика. Советская власть использовала командно-плановый принцип в построении новой обрядности. Украинско-польское Пограничье воспринималось советской властью с большим недоверием, поэтому построение новой обрядности осуществлялось невероятно интенсивно. Отношения между властью и Пограничьем сводились к оппозиции «периферия – центр».

Массовое истребление традиционной народной культуры, как видно из полевых материалов, прежде всего началось с запрета Церкви, ликвидации религиозных и духовных основ. Так, по словам В. Келембетовой, «уходит в небытие необходимость в обрядах религиозных, старых, консервативных, которые ни по содержанию, ни по форме, ни символикой и мировоззренческими, идеологическими основами, на которые они опираются, не соответствуют социалистической современности» (Келембетова 1984: 188). Данное явление четко прослеживается в обрядах жизненного цикла человека: свадьба без церковного обряда венчания, регистрация брака под «символами коммунизма», торжественная выдача свидетельства о рождении заменяет церковный обряд крещения ребенка. Семейная обрядность приобретает идеологическую окраску, происходит ее максимальная интернационализация. Специально для этого были разработаны праздничные сценарии, которые исполнялись «проверенными» профессиональными кадрами, на смену религиозным обрядам приходят торжественные гражданские ритуалы, обязательным элементом которых становится идеологическая окраска. Так как респонденты чаще всего рассказывают об обрядах, связанных с рождением ребенка, то на этом примере попробуем показать изменения, которые произошли за годы правления советской власти. Новый интернациональный обряд приобщения ребенка к обществу, который заменял обряд церковного крещения, в соответствии с рассказом респондентки Чибиряк Галины Ивановны (1946 г.р.), осуществлялся следующим образом:

«Ребенка не крестили в церкви, такие крестины делали в клубе, вручали свидетельство о рождении ребенка. Давали ребенку именную звезду, там было написано имя ребенка. Так красиво было, девушки стояли в вышитом, в украинской одежде с рушниками. Мама шла с ребенком к сцене, шла под рушниками, ибо девушки так ей над головой держали рушники. Была ведущая, она торжественно вручала матери свидетельство о рождении ребенка. От колхоза давали коляску. Но так было у нас только три года, а потом это все заглохло».

Нежелавшие принять новую идеологию советской власти подвергались жестоким наказаниям, которые могли сводиться как к увольнению с работы, так и к депортации в Сибирь, Воркуту, где проводилось «перевоспитание» личности. Однако даже в условиях неволи украинцы продолжали сохранять свои традиции и обычаи. Об этом рассказывает респондентка Дмитров Ольга Александровна (1921 г.р.), которая была вывезена в Воркуту:

«На Воркуте была, туда меня вывезли. Там было много наших... Священники были. У одной женщины был ребенок, а я ее кумой была, окрестили младенца там, он еще маленьким был».

Тем не менее, несмотря на запрет Церкви, население Украинско-польского Пограничья продолжало быть верным ей, что прослеживается на примере тайного крещения ребенка. Так, учительница Кобзяк (Наумчук) Эвелина Семеновна (1938 г.р.) рассказывает о запрете крещения детей:

«Нельзя было ни детей крестить, ни венчаться, ни в церковь ходить. Люди крестили и венчались тайно, чтобы никто не знал. Искали потихоньку священников, привозили домой и там уже венчались или детей крестили. Я работала учительницей и детей не крестила, ибо боялась потерять работу, а могли и вообще вывезти. Вот когда уже мои ребята стали старше, где-то было им три и два годика, так мы их окрестили. Муж нашел священника, и мы собрались с детьми и поехали».

Так как обряд церковного крещения выполнялся строго по церковным канонам, трансформация коснулась ритуалов, которые предшествовали и выполнялись после данного обряда. Количество крестных родителей с двух-шести пар уменьшается до одной, празднования по поводу совершения обряда минимализируются – событие отмечают в узком кругу в основном только родители и крестные родители ребенка. Так, респондентка Коваль Оксана Степановна (1943 г.р.) рассказывает:

«Когда-то давно все было по-другому, мне еще моя мать рассказывала, что ребенка крестили до недели, а потом стали крестить, как получалось. Когда-то в качестве крестных нельзя было брать родных, брали соседей, свидетелей, ибо это кумовья, чтобы семья была больше, а потом стали брать только родных, чтобы тебя не сдали, т.к. за такое наказывали, с работы могли выгнать. Когда я крестила детей, то поехала еще с одной женщиной, она моему ребенку была крестной матерью, а я – для ее ребенка. А ведь раньше так не делали».

Обновление традиционной обрядности прослеживается при анализе свадьбы. Наиболее болезненной потерей для населения в свадебной обрядности становится запрет церковного венчания молодоженов. Вместо этого власть предложила новый обряд – регистрацию брака, который сразу же начал вытеснять обряд венчания. Необходимо отметить, что в отличие от торжественной регистрации новорожденного свадебная церемония намного быстрее укоренилась в обыденной жизни. На трансформацию свадебной обрядности в значительной степени повлияло обнищание населения Украинско-польского Пограничья, которое было не в силах совершать празднования по случаю бракосочетания.

В созданной новой обрядности наиболее уязвимым местом оставались похороны. Так как погребальная обрядность наряду с христианскими верованиями содержала дохристианские, то полностью ее ликвидировать советской власти не удалось. В селах исследуемого ареала погребения совершались при участии священника, аналогичная ситуация прослеживается и в небольших городах Пограничья.

В календарном цикле для вытеснения старых главных праздников (Рождество, Пасха) были искусственно разработаны новые советские праздники (Новый год, День Победы, День солидарности трудящихся). В сфере зимней обрядности запрещалось исполнение колядок, хождение вертепов. Роль смотрителя за соблюдением общих правил легла на сельскую интеллигенцию, в частности на учителей. Тем не менее население Украинско-польского Пограничья, несмотря на запреты празднования религиозных праздников, продолжало их отмечать. Искусственно введенные советские праздники воспринимались населением «как дополнительный выходной день».

Особенностью формирования новой обрядности становится ее массовость. «Советская обрядность является достоянием, общей моральной ценностью всей семьи советских народов. Каждая нация обогащает новую обрядность, вносит в нее свои лучшие элементы, все то, что способствует укреплению чувства социалистического братства» (Орлик 1983: 11). Всего в формировании новой обрядности прослеживается два пути: первый – формирование новых обрядов, которые наполнялись советским содержанием («красные крестины», «красная свадьба»), второй – изменение традиционных обрядов, удаление из них «ненуж-

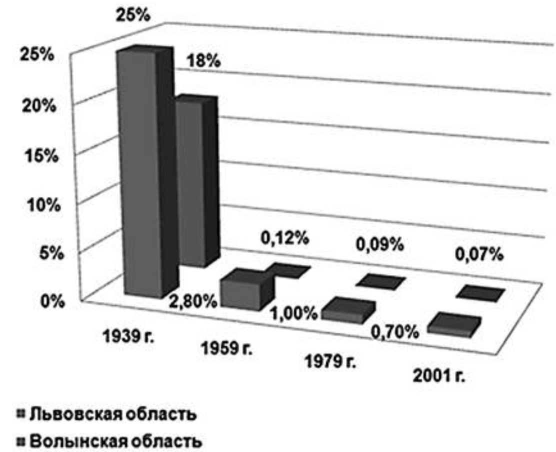
ного» содержания и дополнение необходимым, так называемая трансформация обрядности. Оба эти пути были взаимосвязаны между собой и органично дополняли друг друга. Внедрение новой обрядности варьировалось также в зависимости от типа населенного пункта: население сельских пунктов чаще придерживалось религиозных традиций, в отличие от города, где украинские традиции подвергались пагубным воздействиям, поскольку жители города быстрее приспосабливались к новым условиям жизни.

Борьба советской власти с религией осуществлялась методами преследования и запугивания населения, повсеместно сокращались и закрывались культовые учреждения, часто церкви превращались в колхозные склады. Разрушение религиозных ячеек привело к отходу населения от религии, который заключался в постепенном обесценивании религиозных представлений и потере участниками культовых обрядов представления о специфическом религиозном смысле этих действий, в замене интеллектуально-эмоционального отношения к религии на формально-традиционное (Сабурова 1974: 6).

После обретения Украиной независимости Украинско-польское Пограничье превратилось в территорию взаимодействий между данными государствами, началась межгосударственная экономическая, социальная и культурная система сотрудничества. Соответственно, угроза постепенного нивелирования и отмирания традиционной культуры с каждым новым поколением становится все более ощутимой. Как отмечает А. Скрыпник, украинская культура особенно остро чувствует свою незащищенность перед космополитическим наступлением масс-культуры, поскольку только теперь, после многовекового подневольного периода, она начала развиваться как целостность в единых географических и политико-административных границах (Скрипник 2008: 3).

Трансформация культурных ценностей населения Украинско-польского Пограничья зависит от многих факторов глобализационного механизма влияния, однако важное место занимает межэтническое взаимодействие украинцев и поляков, проживающих на исследуемой территории. Этническая структура длительный период времени (в течение XIX – первой половины XX в.) отличалась многочисленными иноэтническими представителями в преобладающем автохтонном населении. Соответственно, тесные взаимосвязи между представителями разных народов, особенно между украинцами и поляками, оказали значительное влияние на жизненный уклад, традиционную материальную и духовную культуру, которая дополнялась иноэтническими элементами и претерпевала значительные трансформации. Об этом свидетельствуют статистические данные переписи населения в УССР.

Количество поляков по отношению к общему числу жителей области

Изменение ситуации со второй половины XX в. приводит к массовому исчезновению иноэтнических воздействий. Отношения между украинцами и поляками разделяются границей. Поляки сегодня проживают компактно в пределах двух районов Львовской области: Мостисский (7,61%) и Старосамборский (4,82%). В других районах Львовской области количество поляков незначительное: Сокальский район – 0,02%, Жолковский – 0,11%, Яворовский – 0,01%, Турковский – 0,43%. В Волынской области польское население прослеживается лишь в двух районах – Владимир-Волынском (0,01%) и Иваничевском (0,01%), а в Шацком и Любомльском количество поляков сводится к 0,00%. Аналогичную ситуацию наблюдаем и в Великоберезнянском районе Закарпатской области (0,00%).

На особенность культуры в значительной степени влияют смешанные браки между украинцами и поляками. Межэтнический брак в культурном аспекте сводился лишь к изменению вероисповедания украинцами (не учитывалось при этом, был ли это мужчина или женщина), посещением католического костела. Дети тоже посещают костел и польскую школу, хотя в обыденной жизни они оставались верными украинским традициям. Необходимо отметить, что количество смешанных браков сегодня зависит от взаимосвязей между двумя этносами.

Процессы глобализации сегодня оказывают значительное влияние на формирование культурного пространства Украинско-польского Пограничья, это особенно заметно в пограничных областях, где уровень международного общения растет с каждым днем. Под термином «глобализация» зачастую понимают «развитие экономической и политической взаимозависимости стран и регионов мира до такого уровня, когда необходимым становится создание единого

мирового правового поля и мировых органов экономического и политического управления» (Возняк). Соответственно, формирование глобальных институтов влияет на традиционные способы самореализации личности, изменяя ее мировоззрение, разрушая систему привычных ценностных ориентиров. Сегодня мы можем наблюдать, как происходит стирание различий между национальной культурой и культурой западного образца, во многих аспектах традиционная культура начинает превращаться в интернациональную. Поэтому многие исследователи в унисон говорят о потере национальных ценностей и выступают за возрождение национальной культуры. Глобализация – это не только то, что «где-то там», что-то дистанцированное и слишком удаленное от индивида, она касается феномена «вот уже здесь», что влияет на интимные и персональные стороны нашей жизни (Гіденс 2004: 65).

Анализ полевых материалов показывает, что последствия, к которым ведут процессы глобализации, можно оценивать по-разному. С одной стороны, это процесс разрушения традиционного культурного пространства, в результате чего проблема сохранения национальной идентичности становится все более актуальной, поскольку наблюдается стирание границ между народами. С другой – происходит осознание своего отличия от других представителей. По утверждению С. Хантингтона, глобализация ведет к росту цивилизационного самосознания, к углублению понимания различий между цивилизациями и общностью в рамках цивилизации (Хантингтон 2004: 87).

Глобализация влияет на все сферы традиционной культуры человека, от материальной до духовной. Однако в материальной культуре она не так заметна, как в духовной. Причину этого можно увидеть в том, что материальная культура зависима от экономического фактора, традиционных способов ведения хозяйства, климатических условий. Наибольшее влияние сегодня испытывает та часть духовной обрядности, которая связана с христианским прошлым. Население осуществляет переосмысление магически-суеверных обрядов, меняет их смысловую нагрузку, главным основанием для выполнения традиционных обрядов становится рациональный подход. Функционирование духовной культуры сегодня обеспечивают два принципа – это традиция и религия. Благодаря традиции система обрядов передается из поколения в поколение, что обуславливает ее историческую устойчивость. Сочетание обрядности и христианской традиции привело к ее переоценке и постепенному изъятию из нее магически-суеверного содержания.

Формирование массовой культуры приводит к унификации культурных различий не только среди украинцев и поляков, но и среди самих украинцев, поскольку установить границы историко-этнографического района становится все тяжелее.

Особенно ярко процессы глобализации прослеживаются под влиянием средств массовой информации, пропагандирующих образцы западной куль-

туры. По мнению А. Астафьевой, «информационный космос обладает почти безграничными возможностями влияния на жизненный мир каждого человека и, соответственно, способен трансформировать ценностно-смысловые системы, составляющие основу национально-культурной ментальности населения разных стран» (Астафьева 2004: 40). Как видно из полевых материалов, это четко прослеживается в копировании обрядов западного образца, что особенно актуально в городской среде. Тем не менее это не означает полного исчезновения традиционного обряда, поскольку происходит адаптация элементов западной культуры к местным традициям.

Следующим путем распространения массовой культуры и глобализации становится миграция населения. По мнению Л. Орбана-Лембрика, именно миграция приводит к формированию нового человека, отчужденного от общества. Основной причиной массовой миграции у населения исследуемой территории является низкий уровень жизни населения, который проявляется в росте безработицы, низкой заработной плате. В зависимости от стран направления мигрантов миграции в Волынской, Львовской и Закарпатской областях существенно отличаются друг от друга. Население северной части Волынской области больше тяготеет к странам СНГ (Беларусь, Россия), что связано с недостаточным количеством пропускных пунктов с Польшей, а южная ориентируется на европейские страны (Италия, Польша). Во Львовской области основными пунктами трудовых поездок являются страны Европы, в частности Польша. Данное явление можно объяснить соглашением между Украиной и Польшей от 16 марта 2009 г. о малом пограничном движении: населению 30-километровой зоны разрешено пересекать границу без визы по специальным разрешениям. С этого момента у населения сформировался новый вид заработка в результате так называемой челночной миграции. Соответственно, во Львовской области мы больше чувствуем влияние западной культуры. В Закарпатской области миграция обычно происходит в Чешскую Республику, Венгрию и Словакию. Проанализировав полевые материалы можно констатировать, что выбор страны миграции в основном зависит от следующих факторов: географической близости к границам данных государств, знания языка, этнических особенностей, исторических связей, наличия родственных связей. Любая миграция имеет значительное влияние на мировоззрение человека: с одной стороны, человек получает новые знания и навыки, с другой стороны, заграница меняет мировоззрение человека, происходит потеря украинской идентичности. Миграция ведет к разрушению устоявшихся традиций в обществе, семейных ценностей. Универсальной ценностью становится «рынок», который функционирует в его наиболее жестокой модели, где гуманистические ценности занимают в иерархии более низкое место, нежели деньги и прочие материальные блага (Гапон 2008: 72). Перед лицом, которое только вернулось из-за границы, возникает такая проблема, как потеря своего места и в семье, и в обществе.

Не стоит забывать, что именно миграция сформировала новый вид сиротства детей, а именно «социальный». В дистантных семьях невозможно полноценно реализовать воспитательную функцию семьи, суть которой заключается в передаче знаний и опыта, необходимого для полноценного вхождения в социум. Длительное отсутствие одного из родителей формирует нестабильность отношений в семье, которые зачастую заканчиваются разводом. Стоит обратить внимание на то, что сегодня процессы миграции характерны как для украинского села, так и для города. При этом в села миграцию «принесло» молодое поколение, которое сегодня не заинтересовано работать «на земле», а предпочитает искать лучший заработок за рубежом.

Таблица 1. **Внешняя миграция населения Украинско-польского Пограничья (сумма межрегиональной и межгосударственной миграций)**

	2007			2010			2013		
	прибыло	убыло	сальдо	прибыло	убыло	сальдо	прибыло	убыло	сальдо
Сокальский	318	346	–28	280	344	–64	269	316	–47
Жолковский	377	323	54	419	372	47	325	358	–33
Яворовский	299	401	–102	176	301	–125	250	238	12
Мостисский	79	111	–32	105	80	25	83	88	–5
Старосамборский	259	238	21	195	189	6	181	158	23
Турковский	91	320	–229	138	245	–107	137	206	–69
Великоберезнянский	121	134	–13	55	73	–18	83	74	9
Шацкий	67	112	–45	70	99	–29	100	81	19
Любомльский	133	207	–74	162	207	–45	149	175	–26
Владимир-Волынский	125	115	10	118	115	3	166	91	75
Иваничевский	172	216	–44	113	136	–23	143	151	–8

Источник: Державна служба статистики України.

Большое влияние на трансформацию культуры имеет отток молодежи из села и ее переезд в город. Такая миграция приводит к так называемому старению населения, из-за чего происходит не только социальный упадок села, но и культурный. Основными причинами массовой миграции в города является безработица крестьян, которую население объясняет упадком колхозов, низкой заработной платой, недостаточным медицинским обслуживанием. Отметим, что миграции в города больше характерны для сельского населения Волынской области, нежели для Львовщины. Выезд из села в город во Львовской области в основном вызван большим расстоянием до пунктов пересечения границы. С другой стороны, мы наблюдаем массовые переезды из небольших городов в на-

селенные пункты, расположенные в пограничной зоне у дорог международного сообщения. Миграция в города приводит к формированию массовой культуры, большинство украинских обычаев просто невозможно выполнять в городских условиях. Однако не стоит воспринимать данный процесс однозначно, поскольку может происходить и противоположный процесс – рурализация – влияние сельской культуры на городскую, которое четко прослеживается в небольших экономически отсталых городах Волыни.

Таблица 2. **Внутренняя миграция населения Украинско-польского Пограничья**

	2007			2010			2013		
	прибыло	убыло	сальдо	прибыло	убыло	сальдо	прибыло	убыло	сальдо
Сокальский	1167	1109	58	902	795	107	690	783	–93
Жолковский	1412	1017	395	1234	1202	32	954	938	16
Яворовский	1492	1523	–31	1255	1120	135	924	882	42
Мостисский	189	470	–281	468	507	–39	378	382	–4
Старосамборский	1053	960	93	1095	1013	82	1087	857	230
Турковский	136	426	–290	312	376	–64	286	337	–51
Великоберезнянский	115	136	–21	119	132	–13	146	80	66
Шацкий	148	142	6	118	109	9	104	120	–16
Любомльский	255	420	–165	292	298	6	231	247	–16
Владимир-Волынский	555	599	–44	453	479	–26	424	429	–5
Иваничевский	337	453	–116	279	377	–98	216	313	–52

Источник: Державна служба статистики України.

Стоит обратить внимание на факт, что сегодня в селах культура сохраняется намного лучше, чем в городах. Данное явление можно объяснить недостаточным количеством распространения массовой культуры, более низким социально-экономическим положением. Например, по этому поводу респондентка говорит о семейной жизни:

«*У нас в селе люди верующие, ходят в церковь, а в городах все по-другому. Теперь модно жить без брака, так на веру живут. И уже не поймешь, они женаты или нет*».

Распространение массовой культуры приводит к все более активному стремлению сохранить собственную, традиционную идентичность, прежде всего языковую, культурную и религиозную. Сегодня процесс самоидентификации на-

селения Украинско-польского Пограничья предполагает обращение к своему историческому прошлому, традициям, духовной и материальной культурам, религии – ко всему тому, что создает особый неповторимый вид традиционной культуры. Идентификацию можно передать с помощью понятия «самосознание». Личность не выбирает себе национальность среди других национальностей, а всего лишь выясняет, уточняет свои личные характеристики и соотносит их с характеристиками этнической общности (Стегній), характеризуется общностью языка, традиций, религии, истории, территории. В соответствии с этим у населения Украинско-польского Пограничья сегодня идентификация проявляется в трех вариантах:

– на уровне осознания границы между украинцами и поляками: «мы» – «они»;

– в зависимости от этнического состава населения Украинско-польского Пограничья: «свой» – «чужой»;

– в соответствии с историко-этнографическим районированием, культурными и религиозными особенностями: «свой» – «другой».

Современная граница между Украиной и Польшей стала не только границей для двух государств, но и разделила два народа: украинский и польский. Национальная идентичность начала выполнять функции идентификационной линии между понятиями «мы» и «они». Среди самых важных аспектов национальной идентичности Д. Миллер выделяет сознательные убеждения членов нации касательно общего существования, общего исторического прошлого, территориального единства (проживание в одной стране), общей культуры (общие представления, политические принципы, социальные нормы, культурные идеалы, религиозные убеждения) (Енциклопедія 2000: 366–367).

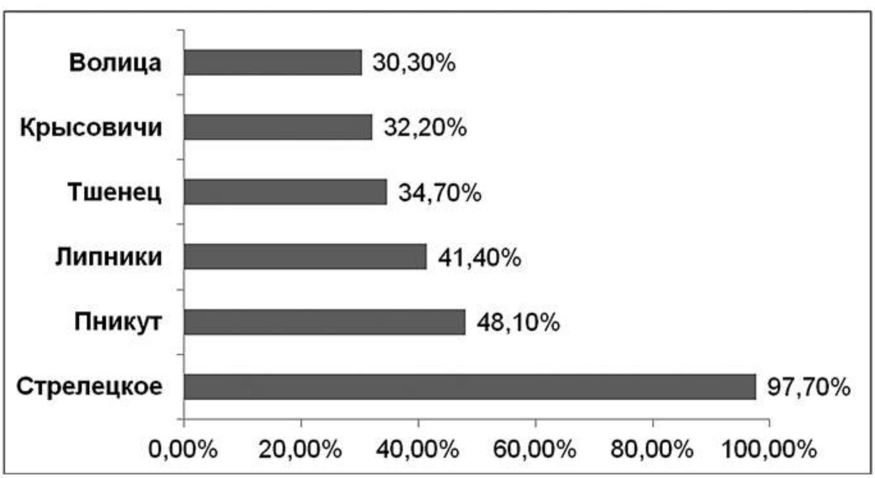
Однако определение нации начинает разрушаться, если обратить внимание на поляков, проживающих на территории Украинско-польского Пограничья. Вопрос «свой» и «чужой» у населения Украинско-польского Пограничья в основном проявляется между украинцами и поляками. Это ярко прослеживается на примере сел Крысовичи, Пникут, Тшенец, Волица, Липники и Стрелецкое Мостисского района Львовской области Украины, где большую часть населения составляют поляки. Этническая идентификация и, соответственно, разделение на «свой» – «чужой» базируются на религиозном и языковом аспекте. Как отмечает Р. Чмелик, на границе, где территория и общее прошлое часто становятся своеобразными объектами соперничества как минимум двух народов, большое значение для национальной идентичности имеют язык, культурная и религиозная принадлежность (Чмелик 2011: 948). В религиозном вопросе происходит дифференциация: украинцы – православные или греко-католики, а поляки – римо-католики. В зависимости от религиозного отношения варьируются и культурные особенности, как отмечают сами респонденты: «*У них свои обычаи в костеле, у нас свои в церкви*». Происходит наложение религиозного разделения на этниче-

ское. Сегодня вероисповедание выступает главным указателем в формировании оппозиции «свой» – «чужой».

Определение «свой» – «чужой» по языковому аспекту начинает исчезать, что объясняется достаточно высоким процентом двуязычного населения. О значительной степени двуязычия поляков свидетельствует перепись населения Украины 2001 г.: лишь 18,6 тыс. поляков из 144,1 тыс. назвали родным языком польский (12,9%). Хотя нам удалось пообщаться также с поляками, которые с рождения проживают на территории Украины, но не владеют украинским языком. Ярким примером являются села Тшенец, Липовец, где описанное явление объясняется замкнутостью общины поляков относительно украинцев. Распространение двуязычия сегодня происходит через тесный контакт, который в основном проявляется в смешанных браках. Ярким примером является семья Вйонцека Юзефа Мариановича (1930 г.р.), который до сих пор со своей женой не владеют украинским языком, его же дочь, выйдя замуж за украинца, знает как украинский, так и польский языки:

> «*Мы говорим по-польски, но Вы с нами говорите по-украински, мы понимаем. У нас в семье всегда был польский язык. И сейчас в селе большая часть населения это поляки. Сейчас много смешанных семей. Моя дочь вышла замуж за украинца, теперь она уже знает украинский язык, но с нами общается по-польски, а внуки знают как украинский, так и польский языки. Здесь в селе есть костел, его уже построили при независимой Украине, еще ни один поляк не перешел на другую веру. Поляки сохраняют свои традиции*».

Польскоязычное население на Украинско-польском Пограничье

Население Украинско-польского Пограничья имеет сегодня двойную самоидентификацию: со всей страной и со своим регионом. Деление на «свой» – «другой», так называемая региональная идентичность, сегодня вышла на новый уровень актуализации. Регионы и межрегиональные интересы способствуют образованию различных региональных идентичностей и региональной трансформации самого института государства, обусловливают переоценку критериев доминирования его роли в процессе социального развития, возможности эффективно использовать свои экономические и этнокультурные функции (Татаренко 2009: 52). При наличии таких признаков, как общая территория, язык, общие культурные и религиозные ценности, общая историческая память и политическая солидарность, можно говорить о региональной идентичности. Самоопределение украинцев к своему региону Севера или Юга, Востока или Запада происходит сегодня на основании исторического, политического, языкового, культурного и религиозного факторов. Соответственно население Украинско-польского Пограничья идентифицирует себя относительно своего региона, т.е. Запада. В формировании национальной идентичности в данных регионах Украины заметны значительные различия, которые возникли под влиянием исторической памяти прошлого в настоящем. Различная история является следствием многовековой разорванности украинцев как этноса. Основными факторами «региональности» Востока и Запада являются разные темпы и средства ассимиляции. Причина неоднозначности взглядов на исторические события и разную территориальную самоидентификацию граждан, как отмечает А. Романуха, кроется не только в географической близости областей Украины к России или странам Западной Европы, но и в проживании там значительного количества национальных меньшинств (Романуха 2009: 83). Сегодня пропасть между Востоком и Западом сохраняется, несмотря на обретение независимости украинским государством. Население востока и запада Украины по-разному относится к историческим событиям прошлого, к языковому вопросу и культурным особенностям.

Разделение на «свой» – «другой» происходит также внутри населения Украинско-польского Пограничья, что можно увидеть на примере историко-этнографических районов Украинско-польского Пограничья: Лемковщины, Бойковщины, Надсанья, Волыни. Основой для историко-этнографического районирования служат генетически родственные (общие) и однотипные особенности, свойственные традиционной бытовой культуре промежуточных единиц (субэтносов и этнографических групп) определенного этноса, которые сформировались в результате взаимодействия различных природно-географических, исторических, социально-экономических, внутренних и внешних факторов (Глушко 2009: 179). Региональное своеобразие сегодня в данном случае базируется на осознании своей принадлежности к определенной традиционной обрядовой культуре и осуществляется на основании различий в традиционной

культуре, которые, несмотря на интенсивный процесс глобализации, продолжают существовать, влияя на сохранение самоидентификации личности. Разделение на «свой» – «другой» зависит от чувств и принадлежности к «малой родине». Формирование чувства принадлежности к определенному историко-этнографическому району базируется на особенностях традиционной духовной и материальной культур, особенностях речевого диалекта по сравнению с другими регионами. Так, сегодня четко прослеживаются различия в культурном пространстве между Бойковщиной, особенно в горной части, и Надсаньем. Архаичная дохристианская составляющая традиционной культуры, которая характерна для бойков, продолжает существовать в соединении с христианскими обрядами.

Данное явление обусловлено сразу несколькими факторами: недостаточная урбанизация населения из-за отсутствия больших экономически развитых городов; закрытость культурного пространства, обусловленная исключением иноэтнических воздействий на традиционную культуру, что связано с отсутствием пропускных пунктов в Польшу. У населения Надсанья, где имеется высокий миграционный показатель, традиционная культура попадает под влияние «западной культуры», что особенно хорошо прослеживается в населенных пунктах вблизи пропускных пунктов и в пограничных городах. На процесс стирания региональных историко-этнографических особенностей в значительной степени влияет процесс внутренней консолидации украинской нации, распространения массовой информации.

Проведение параллели «свой» – «другой» может осуществляться в пределах одного административного района, что характерно только для населенных пунктов Сокальского района, где в результате массовых депортаций сформировались целые села с бойковским населением: Угринов, Себечев, Поддубное, Стаивка, Корчев. Основным принципом идентификации является общая историческая память о выселении. Потеря родной земли была важным фактором объединения населения, сохранения своей идентичной культуры. Разделение «свой» – «другой» прослеживается в особенностях традиционной культуры, на диалектном уровне между местным населением и бойками. Переселенцы с юга Львовской области (Турковский район) проживают компактно в пределах данных сел, где местное население составляет незначительную часть. Например, в селе Поддубное из местного населения осталось две женщины:

«*Здесь уже местных мало, одни переселенцы живут, из местных осталось только две сестры, они уже старше*».

Отметим, что переселенцы сами отмечают свое культурное различие, которое прослеживается в более архаических обычаях и традициях с дохристианскими элементами и суеверного характера. Как говорит местная жительница:

«*То те из гор все знают и гадать умеют, мы такого не знаем*».

Необходимо отметить, что все же на традиционную культуру бойков сегодня в этом регионе влияют массовая культура и процессы урбанизации, что связано со значительно более высоким экономическим положением данного региона в отличие от предыдущего места их дислокации (Турковского района).

Деление на «свой» – «другой» у населения Украинско-польского Пограничья сегодня диктуется религией. Речь идет о разделе между греко-католиками и православными с одной стороны и «верующими» (христиане евангельской веры, евангельские христиане-баптисты) с другой стороны.

Таблица 3. **Религиозные организации приграничных областей (по состоянию на 1 января 2013 г.)**

	УПЦМП	УПЦКП	УАПЦ	УГКЦ	РКЦ	ВСЕХБ	ВСХЕП	УЦАСД	СИУ
Львовская область	69	469	393	1588	163	85	102	28	102
Закарпатская область	648	40	2	447	30	75	55	64	164
Волынская область	666	362	17	23	102	137	198	46	23

УПЦМП – Украинская православная церковь (Московский патриархат)
УПЦКП – Украинская православная церковь (Киевский патриархат)
УАПЦ – Украинская автокефальная православная церковь
УГКЦ – Украинская греко-католическая церковь
РКЦ – Римо-католическая церковь
ВСЕХБ – Всеукраинский союз евангельских христиан-баптистов
ВСХЕП – Всеукраинский союз христиан евангелистов-пятидесятников
УЦАСД – Украинская церковь адвентистов седьмого дня
СИУ – Свидетели Иеговы в Украине

Источник: Звіт про мережу церков і релігійних організацій.

Протестантские центры считают, что сегодня, когда Украина переживает решающий период духовной и культурной трансформации, Церковь должна помочь обществу обрести новое, творческое видение (Еленский 2004: 6). Баптисты, свидетели Иеговы, «пятидесятники» сегодня равно как в городах, так и селах предстают перед украинским обществом «как динамические церкви с крепким духовным и нравственным потенциалом действия». Для «верующих» наиболее важными видами деятельности являются евангелизация, то есть распространение духовной литературы, оказание помощи нуждающимся, работа с детьми и молодежью, обучение «верующих», создание новых церквей. По рассказам респондентов, на территории Украинско-польского Пограничья распространение печатной религиозной продукции осуществляется через пропагандистские разговоры, для осуществления которых верующие ходят по селам и стучатся буквально в каждый

дом. Православная церковь выделяет в качестве приоритетных: проведение ритуалов и обрядов, продажу духовной литературы, создание воскресных школ для детей. Очевидно, что современная Православная церковь ставит на первое место ритуальную, обрядовую сторону (Коренькова). Православные пытаются как в общественных, так и в экономических отношениях изолироваться от данной группы «верующих». Соответственно, это приводит к более компактному расселению представителей «верующих» в пределах одной общины.

Переход к новой религии повлек за собой не только изменения последней, но и разрушительные процессы в традиционной культуре, которая стала неприемлемой и неподходящей для новой религии. Данное явление ярко прослеживается на примере духовной культуры: празднование календарной обрядности, совершение обрядов жизненного цикла человека. Как показывают полевые материалы, первым шагом к столкновению двух религиозных общин становятся разные дни недели для празднования: у православных – это воскресенье, у «верующих» – суббота. В обрядах жизненного цикла «верующих» исчезает обряд крещения ребенка, поскольку в соответствии с новыми каноническими правилами данный обряд должен осуществляться в более зрелом возрасте. Запрещаются любые магические суеверия. Например, респондентка из села Княгини (Закарпатская область), которое относится к Лемковщине, на вопрос об обряде крещения ребенка отвечает:

> *«Вы меня это не спрашивайте, я этого не знала, я этого не делала. Я как первого мальчика родила, то еще крестила, а уже как девочку – то нет. Мы стали верующими, и больше мы не крестили. Это неверующие все знают, а я не знаю. Нельзя так делать, как сейчас делают, гадают что-то. Я с мальчиком то еще все делала, и на стол его клала, и крестить носила, но грех такое делать. Я этого больше не делаю».*

Претерпела изменения и календарная обрядность, поскольку среди христианских праздников отмечаются лишь те, которые тесно связаны с именем Иисуса – Рождество, Пасха, Троица, при этом дохристианские элементы из них выброшены. У «верующих» четко прослеживается культура «массового образца», которая характерна для всей их мировой общественности. Довольно часто сегодня они ограничиваются лишь сферой религиозности. Одиночное общение с представителями «верующих» в основном сводится к убеждению в правильности их религии и их толкованиям Библии.

Актуальной проблемой для «верующих», как видно из полевых материалов, стало нежелание их детей быть в данной «Церкви». Такое явление могло быть обусловлено желанием стать равноправным членом общества своего населенного пункта, поскольку на «верующих» всегда смотрели с некоторой опаской, что особенно было характерно для сел и при незначительном количестве самих

«верующих». Желание стать «таким, как все» привело к нарушению основных правил Церкви, а в соответствии с этим, к покиданию религиозной общины. Лицо, покинувшее эту религиозную среду, занимало неопределенное социальное положение, оно не принадлежало ни к одной из категорий – ни к «своим», ни к «другим».

Таблица 4. **Количественные изменения в религиозных организациях приграничных областей**

	Львовская область		Закарпатская область		Волынская область	
	2000	2010	2000	2010	2000	2010
УПЦМП	58	60	511	586	475	626
УПЦКП	382	450	4	35	196	339
УАПЦ	342	371	1	2	14	17
УГКЦ	1433	1496	293	393	8	16
РКЦ	121	130	81	92	23	24
ВСЕХБ	62	73	60	70	89	122
ВСХЕП	65	83	40	52	127	189
УЦАСД	17	24	47	52	24	46
СИУ	86	55	138	164	16	23

Источник: Церковно-релігійна ситуація 2011: 3–36.

Выводы

Таким образом, на сегодняшний день можно констатировать, что значительное влияние на культуру населения Украинско-польского Пограничья имели исторические факторы формирования границы: массовые депортации; ликвидация любых культурных особенностей населения. Целенаправленная партийная политика советской власти пыталась предоставить украинской традиционной культуре коммунистическую окраску. Атеистическая пропаганда привела к постепенному нивелированию церковных обрядов. Население отказывалось от церковных ритуалов перед страхом наказания. Трансформация народной обрядности привела к ее значительному упрощению.

Современное формирование культурного пространства зависит от природных факторов (вызов постмодернистского общества), межэтнических связей и влияний, которые во Львовской области значительно выше, чем в Волынской и Закарпатской, и проявляются в торгово-предпринимательской деятельности. Удаленность Пограничья от центра характеризуется не как культурная отсталость, а скорее как дополнительная возможность экономического развития.

В формировании культурного пространства сегодня прослеживаются два вектора: первый направлен в сторону «массовой культуры», которая идет из

западных стран, второй осуществляется в сторону своей страны и руководствуется желанием сохранить традиционную культуру, идентичную всей территории Украины.

Рост влияния «массовой культуры» приводит к вытеснению и отмиранию традиционной народной культуры, происходит процесс «культурной ассимиляции». Традиционная народная культура в XXI в. оказалась перед угрозой нивелирования в условиях глобализационных процессов. Сегодня в условиях Пограничья происходит формирование новой личности – интернациональной. Идентификация позволяет человеку гармонично влиться в определенное сообщество, почувствовать себя его частью, сформировать чувство ответственности перед ним (Романуха 2009: 82). Этническая идентификация украинцев и поляков в повседневной жизни сводится к религиозному уровню: украинцы – греко-католики и православные, поляки – католики. Культурные различия прослеживаются не только среди украинцев и поляков, но и среди самих украинцев, что связано с историко-этнографическим районированием. Несмотря на сложные исторические и культурные процессы формирования Украинско-польского Пограничья, украинцам удается сберечь свою культурную самобытность.

Литература

Астафьева, О. Модели этнокультурной идентичности в современном информационно-комуникационном пространстве // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. – 2004. – № 3. – С. 40–44.

Возняк, Т. Глобалізація як виклик людства [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ji.lviv.ua/ji-library/Vozniak/polit-kuchma/globalizac.htm.

Гапон, Н. Українська родина та трудова еміграція: реалії та перспективи // Міграція – додана вартість? / за ред. К. Марковського. – Люблін, 2008. – С. 71–80.

Гіденс, Е. Нестримний світ: як глобалізація перетворює наше життя. – К.: Альтерпрес, 2004.

Глушко, М. Етнографічне районування України: стан, проблеми, завдання (за матеріалами наукових досліджень другої половини XX – початку XXI століть) // Вісник Львівського університету. Серія історична. – 2009. – Вип. 44. – С. 179–214.

Державна служба статистики України Головне управління статистики у Волинській області [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.lutsk.ukrstat.gov.ua/.

Державна служба статистики України Головне управління статистики у Львівській області [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lv.ukrstat.gov.ua/ukr/si/inf_2009.php?vid=1&code=18&ozn_news=3&show=1&show2=1.

Державна служба статистики України Головне управління статистики у Закарпатській області [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.uz.ukrstat.gov.ua/statinfo/dem/index2013.html.

Енциклопедія етнокультурознавства. Ч. II: Особа, нація, культура. – К., 2000.

Єленський, В. Релігійний фактор у сучасній Україні // Людина і світ. – 2004. – № 4. – С. 2–8.

Звіт про мережу церков і релігійних організацій в Україні станом на 1 січня 2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.irs.in.ua/files//statistic/2013.01.01_zvit_f1_irs.in.ua.pdf.

Калакура, О. Поляки в етнополітичних процесах на землях України у ХХ столітті. – К.: Знання України, 2007.

Келембетова, В. Суспільно-побутові функції радянської обрядовості. – К.: Наукова думка, 1984.

Конєчна, Й. Польща – Україна: Взаємний образ. – Варшава, 2001.

Коренькова, М. Протестантизм у духовному житті України // Філософські дослідження. Збірник наукових праць Східноукраїнського національного університету імені Володимира Даля. – Луганськ, 2008. – Вип. 9. – С. 174–180.

Розвивати нові радянські обряди. Інтерв'ю з заступником Голови Ради Міністрів УРСР, головою Комісії по радянських традиціях, святах та обрядах при Раді Міністрів УРСР М.А. Орлик // Людина і світ. – 1983. – № 7. – С. 11.

Романуха, О. Проблеми ідентифікації українського суспільства // Наука. Релігія. Суспільство. – 2009. – № 2. – С. 82–88.

Сабурова, Л. Об изучении народных обрядов // Фольклор и этнография: Обряды и обрядовый фольклор / под. ред. Б.Н. Путилова. – Л.: Наука, 1974. – С. 3–9.

Савчук, О. Свої серед своїх. Депортації українців з Холмщини й Підляшшя у 1944–1947 рр. – Луцьк, 2012.

Симоненко, І. Формування соціалістичного побуту і культури трудящих Закарпаття // Народна творчість та етнографія. – 1958. – № 1.

Скрипник, Г. Етнокультурна традиція в контексті глобалізаційних тенденцій // Матеріали до української етнології. – 2008. – Вип. 7(10). – С. 3–8.

Стегній, О. Динаміка просторово-територіальної самоідентифікації населення України // Український соціум. – 2004. – № 2(4). – С. 62–74.

Татаренко, Т. Регіональний чинник у формуванні політичної ідентичності // Політичний менеджмент. – 2009. – № 4(37). – С. 51–60.

Хантингтон, С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкирова. – М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Транзиткнига», 2004.

Церковно-релігійна ситуація і державно-конфесійні відносини в Україні: підсумки десятиліття, тенденції і проблеми (Аналітична доповідь Центру Разумкова) // Національна безпека і оборона. – 2011. – № 1–2(119–120). – С. 2–62.

Чмелик, Р. Відображення в пам'яті місцевого населення процесу творення радянсько-польського кордону в Україні (1939–1951 рр.) // Народознавчі зошити. – 2011. – № 6(102). – С. 947–952.

Светлана Одинец

УКРАИНСКИЕ И МОЛДАВСКИЕ МИГРАНТКИ В ИТАЛИИ: ОСОБЕННОСТИ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОГО МАТЕРИНСТВА

Abstract

The article discusses similarities and differences of transnational motherhood practices of Moldavian and Ukrainian women who migrated to Italy. The author argues that these practices depend on women migrants' perception of their migration strategy: as a new life course or as an economic activity aimed only at earning money. The author shows that redistribution of family roles between children and Ukrainian transnational mobile (grand) mothers occurs during the first several years of women's absence from Ukraine. The new patterns of distance relationships and communications are characteristic of Ukrainian women migrants while Moldavian women migrants are more engaged in reunification with their children after receiving legal status in Italy.

Keywords: transnational motherhood, Moldavian and Ukrainian women migration, Italy.

Контекст и постановка проблемы. Украинская и молдавская миграции занимают четвертое и шестое место в первой десятке иммиграционных групп в Италии (ISTAT, Population Cenzus 2011). Обе эти миграции – женские (67% женщин из 132 тыс. молдаван в Италии и 82% женщин из 223 тыс. украинцев (ISTAT, Population Cenzus 2011)). Украинское этническое сообщество занимает первое место среди всех иммигрантских сообществ в Италии по количеству женщин. В общем в Италию мигрирует больше половины всех молдавских мигрантов (Морару et al., 2012), из числа тех, кто выезжают в ЕС, а для украинцев Италия является наиболее привлекательной страной в ЕС после Польши (Libanova 2013).

Общей чертой социально-экономического контекста этих стран есть очень низкий экономический уровень, вы-

сокий уровень безработицы, что объясняет масштабные миграционные потоки. До сих пор, однако, эти две национальные группы мало сравнивались исследователями, особенно в перспективе качественной природы миграций с учетом их гендерных особенностей. Формы влияния мигрантов на членов семей, которые не мигрируют, изменения этничности и социальных связей в транснациональном пространстве, трансформации ценностей, идентичностей, жизненных траекторий и укладов мигрантов и мигранток под влиянием миграции – все эти вопросы остаются открытыми как в перспективе стран происхождения, так и страны назначения – Италии.

В этой статье рассматриваются транснациональные материнские практики мигранток – способы принятия решения о миграции матерями, организация быта членов семьи, и прежде всего – детей, которые остаются, выстраивание дистанционных отношений с ними, модели управления заработанными деньгами. Эти аспекты остаются практически неизученными, за исключением исследований Яровой (2006), Fedyuk (2011; 2012), Толстокоровой (2010) в украинском контексте. Особенности транснационального материнства молдаванок – а конкретнее, гагаузок, которые мигрируют в Россию или Турцию, – также рассмотрены в одиночных публикациях (Keough 2006).

Статья написана на основе анализа десяти углубленных полуструктурированных интервью, записанных с украинками разного возраста, социального статуса, типа миграции и пятью молдаванками – во время авторской экспедиции в Италию, реализированной в июле 2012-го, июле–августе 2013 года.

Результаты исследования. Итальянские исследовательницы Сабрина Маркетти и Александра Венчурини (2013), которые практически впервые сравнили миграционные паттерны молдаванок и украинок в Италии, показывают, что первые выезжают в молодом возрасте (30–35 лет) и нацелены на превращение своей временной миграции в постоянную. После начальных периодов адаптации и получения легального статуса они забирают свои семьи и прежде всего детей с собой в Италию. Среди украинок чаще выезжают женщины после 45, которые часто являются бабушками. Они мигрируют с целью обеспечения семей своих детей и нацелены на возвращение в Украину (Marchetti, Venturini 2013). Артикуляция этих тенденций, несомненно, является очень перспективной для будущих исследований женской миграции всего постсоветского пространства. С другой стороны, в случае украинок – женщины этой возрастной группы демонстрируют гораздо более широкий диапазон миграционных стратегий – с разными мотивациями выезда, способами адаптации и способами преобразования своей временной миграции в постоянную, чем это рассмотрено в статье. Кроме того, украинки мигрируют не только после сорока, но и в молодом возрасте, хотя и в меньшей мере. Таким образом, типичная для молдаванок миграционная стратегия характерна и для многих украинок. Кроме того, существует и миграция

«поколения 1,5» – детей мигранток, которые родились и выросли в Украине, а в подростковом и в совершеннолетнем возрасте переехали в Италию.

Также далеко не все мигрантки остаются работать в секторе домашнего труда. Молодые украинки, как и молдаванки, после начальной адаптации активно развивают свои социальные сети и коммуникационные контакты, причем по принципу не этнической близости, а личностной. И, собственно, часто – между собой.

(…) Мне легче было, приятнее было общаться с молдаванами – почему, потому что они моего возраста. Среди украинцев очень нелегко найти друзей моего возраста. Если молодежь, то это ребята, которые гораздо моложе, те, кто уже приехал с родителями, кому мамы сделали фамильяре (документы на воссоединение семьи. – С.О.). И они приехали. Я им не интересна как личность, я их понимаю. А у молдаван – они все моего возраста, лет тридцати. Это девушки и парни, которые закончили университет в Кишиневе или здесь учатся. То есть это уже другой уровень (Марьяна, 37 лет, Падова)[1].

Многие украинки, которые мигрируют, замужем, и у них есть дети. Эти женщины выезжают, в основном, в возрасте после 40 лет, планируя финансово помочь своим детям, родителям и вернуться. Решение о миграции они принимают сами или советуясь с детьми, поскольку эмоциональная связь с мужем уже очень слабая или отсутствует вообще.

(…) С детьми я советовалась – сын был против. У него была страшная депрессия, ему тогда было 19, а дочери – 18. Поступил сам в колледж, на бесплатное отделение. Это было в 2005 году, когда я уехала, после развода с мужем. Он (муж. – С.О.) еще поехал на какую-то работу, и я еще очень надеялась, что он что-то заработает, чтобы детей не оставлять и маму одних. Но надежды были напрасными, он все пропил, и я все-таки должна была ехать в Италию (Надежда, 47 лет, Рим).

Следовательно, миграция украинских замужних женщин является не только попыткой решить материальные проблемы, но часто и актом фактического разрыва семьи, на который они не решились официально, через давление традиционного окружения. Особенно это касается женщин из сельской местности.

(…) К тому времени, первый год было очень трудно, хотела оставить мужа. Обида, что он не сделал то, что должен был сделать. Когда я сюда приехала (в Италию. – С.О.), я пыталась и для себя отложить денег, и для

ребенка, а он, когда был в Чехии, почти ничего не присылал нам. Вот наши мужчины, они без инициативы и ответственности (Елена, 33 года, Рим).

Если же отношения у супругов прочные, воссоединение семьи, то есть переезд мужа в Италию, происходит практически сразу после легализации женщины. Несмотря на четыре волны легализации, которые уже состоялись в Италии с 2002 до 2014 года, количество воссоединенных украинских семей значительно меньше, чем это предполагали итальянские эксперты[2]. Это еще раз доказывает то, что миграция украинок обусловлена не только экономическими причинами.

Мне кажется, что в семье, где все нормально между мужчиной и женщиной, мысль о миграции возникает очень редко. В крайней ситуации. Такая мысль возникает в семьях, где муж не приносит денег домой или где женщина не в состоянии заработать. Что-то такое есть. Я работала в школе, у нас было очень много долгов, не платили зарплату целый год. Год без зарплаты. Нам только недавно выплатили зарплату, года четыре назад я получила долги за 2005 год. У меня буквально не за что было учить, одевать, кормить детей, а муж сказал, что он ничего не может сделать (Катерина, 44 года, Рим).

Если отношения с мужем не разорваны, они также поддаются трансформации, и дети мигрантов иногда выполняют посредническую функцию между родителями, пытаясь урегулировать семейные конфликты на расстоянии.

(...) Когда приехали дети ко мне впервые, в Италию, они мне сказали: «Вы должны решить, что вам делать, вы уже нашего папы не узнаете, вы сами не знаете, что хотите, но решить должны сейчас, а не через полгода. Или вы уже едете, или забираете его к себе». Мне это сказали две моих дочери, им было 21 и 25 лет. Я спрашиваю: а сколько денег дома? Они говорят сумму, а это – копейки. А ехала я потому, что дочь поступила в университет на платное, а вторая ушла от мужа с двумя детьми. В доме четверо детей – дочери и внуки, и только моя зарплата (Оксана, 49 лет, Рим).

После первых лет в Италии женщины, которые якобы ехали на год или на два, даже после получения разрешения на проживание и работу в Италии не возвращаются домой. Причиной этого является совокупность факторов – недостаточность необходимой по мнению мигранток суммы для возвращения, отсутствие перспектив экономически стабильной жизни в Украине, а также психологическая неготовность/нежелание возвращаться.

При этом маленькие дети – до 14 лет – остаются на попечении близких родственников, чаще всего – родителей мигрантки, а дети подросткового возраста могут быть оставлены даже сами на себя, под формальным присмотром родственников или отца.

У мамы уже была несколько лет мечта – уехать, потому что там лучше. Я еще совсем маленькая была, где-то 11–12 лет мне было. Она как все уехала на юг, было очень трудно, но это я сейчас понимаю, а тогда ничего не понимала. Через год мама вернулась, без документов, ей поставили депортацию. Немного побыла на Украине, увидела, что лучше в Италии зарабатывать, и возвратилась назад, сама. Тогда Юля, моя сестра, поехала в Италию на три месяца, она еще была студенткой в то время в Украине. И ничего, когда я закончила школу, в 2003 году, Юля уже готовилась поступать в университет Италии. Я поехала следом за ней, мне было 16 лет.

Как мы жили? Сами, в деревне. Картошку садили, ягоды собирали. Мама высылала нам минимум, больше посылки, чем деньги. Это было правильно. Только морально было очень тяжело. А когда мы сюда приехали (в Италию. – С.О.), она сказала нам: выходите утром из дома, и вот там можно бесплатно поесть, там – взять одежду. Она не давала нам денег, мы должны были найти себе зароботок самостоятельно. (…) Когда мама ехала первый раз, ей было 50, а сейчас ей 64 года (*Ирина, 23 года, Флоренция).*

Общаются женщины с детьми преимущественно по телефону и скайпу. В первые годы они могут также активно переписываться, с подробным описанием каждого повседневного события.

Первый год, когда была здесь, дочери исполнилось 20 лет, я не могла ее поздравить, но я пишу стихи и написала ей стихотворение (читает очень длинное стихотворение наизусть. – С.О.). Она в ответ написала мне письмо на 32 страницы, очень мелким почерком (Оксана, 47 лет, Рим).

Если женщина не забирает детей сразу после своей легализации (а это период от 2 до 4 лет), психологическая связь с детьми очень ослабевает.

(…) То есть пока я на расстоянии, все идет гладко. Все идет очень хорошо, мы друг друга понимаем. Когда я приезжаю домой, первые 2 недели – это такой период приспособления, и он очень тяжелый как с сестрой, так и с ребенком. Ребенок разрывается на две части. Она не знает, кого ей слушать – меня или сестру, которая заменяет меня, когда я в Италии. Сестра думает, что я вот сейчас приехала, значит, я на ее авторитет как-то повлияю, она очень боится, что когда я поеду, то ребенок перестанет ее слушаться.

Поэтому она тоже немножко возбуждена. Когда две недели – мой отпуск – заканчиваются, мы видим, что мы будто притерлись и ничего страшного не происходит – мир, покой, тишина. Наверное, материнские чувства, они со временем, как это ни странно, угасают. То есть, когда только в отпуске или приезжаешь в отпуск, ты живешь каждый день мыслью о ребенке. Чем дальше идет время, тем больше ты не только забываешь о ребенке, это невозможно забыть, но о том, что является его жизнью непосредственно. То есть ты не знаешь, что она сегодня ела, с кем она сегодня виделась, какие у нее эмоции, чем она живет, о чем она думает. Потому, когда мы говорим по скайпу, она всегда отвечает: «Мама, все хорошо». Она может рассказать о своих проблемах, а может и нет (Анна, 36 лет, Рим).

За период адаптации в Италии и ожидания легализации, поскольку женщина не возвращается в Украину из-за неурегулированности своего статуса, во взаимодействии с детьми происходит психологическое переключение ролей, и поэтому говорить о воспитании детей можно весьма условно. Скорее, о сотрудничестве, которое либо происходит, либо нет. То есть дети фактически назначаются ответственными «взрослыми» в этой транснациональной семье независимо от своего возраста. Матери апеллируют к их «взрослости» и «серьезности» и ждут от них правильных поступков, то есть таких, которые не принесли бы им слишком больших хлопот, сложно решаемых на расстоянии. Когда у женщины появляется возможность забрать детей в Италию, она делает эту попытку, но сами дети не всегда на это соглашаются. Многие из этих взрослых детей отказываются мигрировать в Италию навсегда, мотивируя свой отказ любовью в Украине и неуверенностью в своем будущем в чужой стране. Те молодые люди, которые переезжают, часто сталкиваются с различными эмоциональными вызовами и в какой-то момент иногда возвращаются в Украину.

Дети – все это время в Украине (12 лет. – С.О.). Дочь вышла замуж, родила нам внука, а у сына есть документы на воссоединение семьи, он заканчивает 11 класс и может приезжать в Италию. Но решил поступать в Политехнику во Львове. Я пробовала убеждать. Дочь категорически уже не хотела быть здесь. Наверное, несмотря на то, что любишь детей, надо учитывать, что они выросли без нас. Ухудшения наших отношений нет, но и улучшения тоже нет. В каждом конфликте с ними мы с мужем должны отступиться назад (Наталья, 45 лет, Рим).

Нежелание переехать к матери в Италию частично может быть объяснено психологическим разрывом, который произошел вследствие многих лет дистанционной жизни. Очень часто, прячась за патриотическими аргументами, молодые люди пытаются сохранить модель своей одинокой и самостоятельной

жизни в Украине, которую они создали за время отсутствия матери. Однако нередки случаи очень успешной быстрой интеграции в итальянское общество представителей «поколения 1,5», которые переехали в Италию в подростковом возрасте или совершеннолетними.

Модели коммуникаций и поддержки связей с детьми выстраиваются украинками и молдаванками очень по-разному. Часть детей, прожив несколько лет без матери, следуя ее примеру, также мигрируют в Италию на заработки уже после своего совершеннолетия.

> *Мы с сестрой остались, когда мама уехала в Италию, мы очень сблизились. Сестра потом вышла замуж, родила ребенка, и у него было две мамы. С папой не сложилось. Я закончила институт, пошла работать, зарплата была чуть больше тысячи гривен, и думала: «Зато есть запись в трудовой книжке». Потом я нашла себе еще одну работу, работала сутками, писала научные статьи на английском языке. Работы были по медицине, экономике. Донецк большой, но работы нормальной не было. Купила самоучитель итальянского и через некоторое время поехала вслед за мамой (Марина, 25 лет, Флоренция).*

Среди молдавских мигранток, как уже было упомянуто ранее, больше молодых женщин, а также матерей, которые намерены забрать детей и остаться в Италии насовсем. Они проживают отдельно от дома, в котором работают, тогда как украинки, особенно старшего возраста, живут вместе с хозяевами (Marchetti, Venturini 2013). После получения легального статуса молдавские матери в большинстве забирают детей к себе, которым на тот момент в основном до 14 лет, поэтому их адаптация происходит по принципу «one way ticket». До своего совершеннолетия, когда они могут самостоятельно принимать решение о возвращении в Молдову, если бы они этого захотели, они успевают адаптироваться в итальянском социальном пространстве, поэтому остаются в этой стране.

В новом транснациональном пространстве женщины обеих национальностей пытаются активно влиять на повседневную жизнь своей дистанционной семьи. Модели такого влияния, в частности, проявляются в контроле заработков, которые мигрантка пересылает семье. Подобно как и в филиппинской миграции (Пареньяс 2008), распорядительницей денег, заработанных мигранткой, становится старшая дочь, даже в тех случаях, когда есть старшие сыновья. Особенно это характерно для украинок. Дочь часто является ответственной за организацию быта, принятие основных решений в изменении жизненного пространства дома, покупки больших вещей наравне с матерью.

Мы общались по телефону, дочь все держала под контролем, все деньги держала в руках. Она на на год младше, но психологически сильнее моего сына (Наталья, 44 года, Рим).

Выводы. Миграция украинок и молдаванок, которая воспринимается их обществами происхождения как вынужденная экономическая стратегия, часто является кардинальной трансформацией всего жизненного проекта женщины, ее мировоззрения, ценностей, самоидентификаций. При этом часть женщин, и прежде всего украинок, большинство которых выезжает после сорока лет, часто де-факто разведенные (если они были замужем), несмотря на переформатирование своего социального, индивидуального пространства, изменение ценностей и идентичностей, происходящих в этой «временно-постоянной» миграции, все же продолжают рефлексировать свою жизнь в узкой «матрице заработков». Хотя части из них это не мешает развиваться и жить в итальянском обществе, строя долгосрочные планы на будущее. Осознание «точки невозврата» – не столько в социальное постранство страны происхождения, сколько к личностному «я» и к домиграционным жизненным установкам – больше характерно для тех украинок, которые выехали в 35–40 лет, чем для тех, кто выехал около 50. Молдаванки и украинки, которые выезжают как молодые матери, значительно больше нацелены на переезд в Италию навсегда, и поэтому их миграционные стратегии являются более гибкими. Весомым фактором в проблематизации мигранткой своей траектории является уровень ее образованности, социальный статус в обществе происхождения. Часть мигранток обеих национальностей осознают значение своих личностных изменений во времени миграции независимо от возраста и переориентируются на усиленную интеграцию в Италию. Другие же продолжают жить на «два мира», где главной остается страна происхождения, и 15 лет жизни в Италии – это прежде всего содержание родных в Украине.

Принимая решение о миграции, мигрантка не всегда может рационально организовать «пространство, оставленное позади», – из-за отсутствия опыта. Все происходит впервые, и поскольку миграция рефлексируется только как возможность заработать деньги, даже через 5–8 лет жизни в Италии женщины, по привычке первых месяцев, высылают слишком большие суммы домой, несмотря на то, что главные покупки и ремонты уже совершены. Продолжают воспитывать детей по телефону или скайпу, не учитывая пространства и времени, которое их разделяет. Они и дальше функционируют в той начальной ментальной модели, которую создали себе еще в начале миграции и которая часто базируется на рекомпенсации чувства вины перед детьми. Они осознают свою миграцию как временный «заробитчанский» проект, который длится годами, и считают, что настоящая жизнь начнется после их возвращения в Украину, не осознавая, что, возможно, этого никогда не произойдет.

Немалую роль в усилении этого чувства вины у женщин играют публичные дискурсы о «плохих матерях» и «социальных сиротах», распространенные в постсоветских обществах. Как следствие, женщины, с одной стороны, фактически выстраивают новую жизнь в Италии и осознают это, а с другой – остаются в старых рефлексивных контекстах, оправдывая свою миграцию экономической «потребностью» поддерживать взрослых детей, которым часто уже 25–30 лет. Одновременно взрослые дети, которые получают несколько сотен евро ежемесячно, не спешат искать возможности самостоятельного обеспечения.

Следствием такой транснациональной модели взаимодействия становится финансовая неграмотность детей, ведущая к вседозволенности, а также к глубокому психологическому отстранению от матери. Если женщина не забирает детей в Италию, после того как получает право на воссоединение семьи, психологический раскол происходит окончательно, и именно этим можно объяснить нежелание детей переезжать к матери в Италию уже во взрослом возрасте. Хотя, поскольку среди украинок все же больше бабушек, чем матерей, описанная выше модель является распространенной, но, конечно, не единственной.

В случае молдаванок, которые часто выезжают в молодом возрасте (25–35 лет) – это молодые мамы, которые оставляют детей у своих родителей, однако после легализации забирают их в Италию. Эти женщины значительно больше нацелены на постоянное проживание в Италии.

Литература

Мораpу, В., Мошняга, В., Руснак, Г. Молдавские трудовые мигранты в Европейском союзе: аспекты интеграции и проблемы возвращения. 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/2012/0515/analit01.php.

Одинець, С. Поняття «соціального сирітства» в сучасному українському науковому та суспільному дискурсах: до постановки питання // Етнічна історія народів Європи: КНУ ім. Шевченка [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://migration-research.com/novina.html?id=296.

Fedyuk, O. Beyond Motherhood: Ukrainian Female Labor Migrants to Italy. – Budapest: Central European University. Dissertation manuscript, 2011.

Fedyuk, O. Images of Transnational Motherhood: The Role of Photographs in Measuring Time and Maintaining Connections between Ukraine and Italy // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2012. № 38:2. P. 279–300 [Electronic resource]. Mode of access: http://dx.doi.org/10.1080/1369183X.2012.646422.

ISTAT Popolazione Straniera Residente, ISTAT, Roma, 2011.

Keough, L.J. Globalizing 'Postsocialism:' Mobile Mothers and Neoliberalism on the Margins of Europe // Anthropological Quarterly. 2006. № 79(3), P. 431–461.

Libanova, E. (ed.) Report on methodology, organization and results of module sampling research on labour migration in Ukraine // International Labour Organization. – 2013.

Marchetti, S., Venturini, A. Mothers and grandmothers on the move: Labour mobility and the household strategies of Moldovan and Ukrainian migrant women in Italy // International migration. – 2013.

Tolstokorova, A.V. Where Have All the Mothers Gone? The Gendered Effect of Labour Migration and Transnationalism on the Institution of Parenthood in Ukraine // Anthropology of East Europe Review: Special Issue: Gender in Postsocialist Eastern Europe and the Former Soviet Union. – 2010. – Vol. 28, no 1. – P. 187.

Yarova, O. The Migration of Ukrainian Women to Italy and the Impact on Their Family in Ukraine // Migration Processes in Central and Eastern Europe: Unpacking the Diversity. Multicultural Center Prague. – 2006. – P. 38–41.

Примечания

1 Все имена респонденток изменены.

2 Архив исследования. Интервью с Татьяной Кузик (советник по вопросам миграции с Восточной Европы в городском совете Рима).

Украинцы:
ценностные и геополитические
ориентиры

Дмитрий Хуткий

МНЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ И УКРАИНЫ О РЕГИОНАЛЬНЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ СОЮЗАХ: МЕЖСТРАНОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ И ДИНАМИКА

Abstract

The article deals with comparative synchronous and diachronic analysis of opinions of the population of Belarus and Ukraine concerning regional geopolitical unions – the European Union and the Customs Union – based on the data of nation-wide representative sociological surveys. It was found out that Belarus and Ukraine demonstrate a considerable internal differentiation of opinions, whereas in Ukraine they are more ambivalent and polarized than in Belarus. While in Belarus orientation towards the CU dominated significantly, in Ukraine it had only slight prevalence. It was discovered that for some time Belarus and Ukraine had been displayingd a middle-term tendency of a decrease of orientation to the EU countries and an increase of orientation towards CU countries. However, in Belarus in the middle of 2013, both of these orientations equaled, and at the end of 2013 in Ukraine there was a marked geopolitical reorientation from the CU to the EU.

Keywords: public opinion, Belarus, Ukraine, European Union, Customs Union.

Геополитически Беларусь и Украина расположены между Европейским союзом и Россией, и это обстоятельство создает как возможности регионального сотрудничества, так и трудности, связанные с выбором приоритетов. В статье[1] проведен сравнительный синхронный и диахронный анализ мнений населения Беларуси и Украины относительно региональных геополитических союзов – Европейского союза и Таможенного союза – на основе данных общенациональных репрезентативных социологических опросов.

Результаты социологических опросов в Беларуси и Украине демонстрируют, что доли сторонников укрепления связей с Европейским союзом (далее – ЕС) и Таможенным союзом (далее – ТС) достаточно велики и, усиленные дискурсом в СМИ, приводят к созданию противоречивых устремлений. К тому же общественное мнение касательно этих ориентаций подвержено колебаниям в зависимости от текущих политических событий. Однако, несмотря на эту амбивалентность, и Беларуси и Украине необходима неопределенность относительно формата региональных проектов для долгосрочного сотрудничества. Причем, кроме позиции и решений политических элит, также важно общественное мнение, которое является источником легитимации для регионального сотрудничества.

Таким образом, **социальная проблема** состоит в противоречии между необходимостью выбора последовательной внешней региональной интеграционной политики и неопределенностью мнений населения Беларуси и Украины касательно региональных геополитических союзов.

Соответствующая **научная проблема** – это противоречие между необходимостью понимания предпочитаемой модели регионального сотрудничества и отсутствием целостного понимания мнений населения Беларуси и Украины о региональных геополитических союзах.

Исследований, посвященных сравнительному анализу общественных мнений населения Беларуси и Украины относительно региональных геополитических союзов на основе новых данных социологических опросов, крайне мало. Основным источником информации являются публикации Интеграционного барометра ЕАБР (Интеграционный барометр ЕАБР 2012: 2), однако они являются скорее описательными отчетами о существующем общественном мнении. Также доступны фрагментарные данные об общественном мнении населения Украины, но за разные годы и в разной формулировке (Каким путем идти Украине; Мнения населения Украины; Моцок 2008; Настроения Украины; Последствия вступления Украины...). Необходимо применение теоретических разработок в комплексе с более широким и глубоким количественным анализом данных, что и реализовано в данной работе.

На постсоветском пространстве был инициирован целый ряд региональных межгосударственных проектов, в частности: продвигаемые Российской Федерацией проекты Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), Союзного государства России и Беларуси, Единого таможенного пространства, Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Единого экономического пространства (ЕЭП), а также их альтернативы, среди которых созданная в 1997 г. организация ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан и Молдова) и другие проекты (Моцок 2008: 176). Однако для Беларуси и Украины наиболее масштабными по степени воздействия на экономику и политику, а также индикативными в плане геополитической ориентации являются ЕС и ТС, что отражено

в том, что в массовых опросах интересуются мнениями населения преимущественно о них, поэтому далее под региональными геополитическими союзами будут подразумеваться ЕС и ТС.

Таким образом, объектом исследования является население Беларуси и Украины, а **предметом исследования** – межстрановые различия и динамика мнений населения Беларуси и Украины относительно региональных геополитических союзов ЕС и ТС.

Соответственно, **цель исследования** – определить межстрановые различия и динамику мнений населения Беларуси и Украины относительно региональных геополитических союзов ЕС и ТС.

Здесь мы исходим из **концептуальной модели**, суть которой состоит в том, что оба общества исторически имели неодинаковые степени взаимодействия с европейскими странами и с Россией, а также за последние два десятилетия оба государства развиваются по отличным политическим траекториям, соответственно, население подвергается различным идеологическим влияниям, поэтому характеризуется разным отношением к региональным геополитическим союзам.

Исследовательские гипотезы состоят в том, что из-за ориентации правительства Беларуси на приоритетное сотрудничество с Россией, население Беларуси будет более положительно относиться к ТС, чем к ЕС, напротив, из-за многовекторности украинской государственной политики население Украины будет сильно поляризовано в отношении ориентации на ЕС и ТС.

Искомые межстрановые различия и динамика мнений будут исследоваться с позиций **эпистемологии постпозитивизма**, которая предполагает поиск и объяснение закономерностей.

Для поиска условно объективных закономерностей применена **количественная методология**, а эмпирическую базу составили релевантные массивы данных общенациональных репрезентативных для взрослого населения старше 18 лет социологических опросов, проведенные **методом формализованного личного интервью и самозаполнения**.

Эмпирическую базу исследования составляют:

в Беларуси – данные репрезентативных всебелорусских опросов взрослого населения старше 18 лет, проведенных Лабораторией аксиометрических исследований «НОВАК» в рамках проекта «Интеграционный барометр ЕАБР»: в 2012 г. – полевые работы длились с 23.04.2012 по 03.05.2012, объем выборки составил 1078 интервью (Интеграционный барометр ЕАБР 2012: 16; Интеграционный барометр ЕАБР. Беларусь); в 2013 г. – полевые работы длились с 20.04.2013 по 30.04.2013, объем выборки составил 1057 интервью (Интеграционный барометр ЕАБР 2013: 16);

в Украине – данные репрезентативных всеукраинских опросов взрослого населения старше 18 лет, проведенных «Research & Branding Group» в рамках

проекта «Интеграционный барометр ЕАБР»: в 2012 г. – полевые работы длились с 25.04.2012 по 10.05.2012, объем выборки составил 2077 интервью (Интеграционный барометр ЕАБР 2012: 17; Интеграционный барометр ЕАБР. Украина); в 2013 г. – полевые работы длились с 05.04.2013 по 15.04.2013, объем выборки составил 2074 интервью (Интеграционный барометр ЕАБР 2013: 17).

Таким образом, учитывая достаточно близкие даты опросов, их репрезентативность, одинаковую методологию и релевантные для нашего исследования вопросы, парные сравнения данных Интеграционного барометра ЕАБР (далее – ИБ ЕАБР) в одинаковых годах с методологической точки зрения являются сопоставимыми.

Данные ИБ ЕАБР 2012 предоставлены Высшей школой экономики в формате открытого доступа в виде одномерных распределений онлайн (Интеграционный барометр ЕАБР. Беларусь; Интеграционный барометр ЕАБР. Украина).

Динамика изменений мнений в Беларуси дополнена данными репрезентативных общебелорусских опросов взрослого населения старше 18 лет, организованных Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси (далее – ИС НАНБ) в 1999–2003 гг., представленных в работе М.Н. Хурс (Хурс 2011), а также проведенных Независимым институтом социально-экономических и политических исследований (далее – НИСЭПИ) в 2003–2008 гг. (объем выборки 1502 человек, предельная ошибка выборки не превышает 3%), представленных в отчете (Мониторинг общественного мнения в Беларуси) и публикации Р. Радзика (Радзик 2013).

Для выяснения динамики геополитических ориентаций населения Украины дополнительно используются данные репрезентативных общенациональных опросов взрослого населения старше 18 лет Института социологии Национальной академии наук Украины (далее – ИС НАНУ) и Киевского международного института социологии (далее – КМИС). Полевой этап исследования ИС НАНУ обеспечивал центр «Социс», опросы проводились методом самозаполнения, объем выборки – в среднем 1800 анкет (Украинское общество: 13). В опросах КМИС объем выборки – более 2000 интервью, а статистическая погрешность выборки (с вероятностью 0,95 и при дизайн-эффекте 1,5) не превышает 3,3% (Каким путем идти Украине; Мнения населения Украины; Моцок 2008; Настроения Украины).

Методами анализа данных выступили сравнительные анализы одномерных и двумерных распределений, а также средних арифметических. В этой статье все утверждения об одномерных распределениях рассчитаны на уровне значимости 0,05. Гипотезы о значимости разницы процентов проверялись по X^2-критерию, а гипотезы о значимости разницы средних – на основе однонаправленного анализа ANOVA. В целом наиболее общим методом исследования является **мета-анализ** данных указанных опросов общественного мнения.

Анализ данных. Среди вопросов ИБ ЕАБР были выбраны те, которые относятся к тематике ориентаций на страны ЕС и на ТС, кроме тех, которые не задавались или в Беларуси, или в Украине. Были отобраны ответы: для ЕС – суммарные доли ответов для всех стран ЕС, а для ТС – суммарные доли ответов для России и Казахстана (для сравнимости данных по Беларуси и Украины отношение к Беларуси не включалось). Избранные вопросы были упорядочены в 5 категорий: личный опыт, познавательные ориентации, миграционные ориентации, экономические ориентации, интеграционные ориентации – и рассмотрены в этом порядке.

Личный опыт предположительно является важным параметром относительно геополитических ориентаций и благодаря оставшимся после СССР межличностным связям гипотетически должен преобладать относительно ТС, а не ЕС. Как отмечается в отчете ИБ ЕАБР: «Существенным моментом, определяющим те или иные интеграционные ориентации, является уже имеющаяся у респондента практика взаимодействия с разными странами в социокультурном плане, в том числе наличие связей с родственниками, коллегами, друзьями в этих странах… Постсоветские старые национальные диаспоры определяют интенсивную личную коммуникацию между гражданами разных стран» (Интеграционный барометр ЕАБР 2013: 93).

Действительно, *личная коммуникация с представителями других стран*[2] с двумя другими странами ТС – для 47,9% респондентов Беларуси и для 38,9% Украины – почти в 3 раза превышала личную коммуникацию со странами ЕС – для 16,8% Беларуси и 13,8% Украины. Аналогично, *личный опыт посещения других стран*[3] почти в 2 раза больше с двумя другими странами ТС – для 28,8% опрошенных Беларуси и 17,1% Украины, чем со странами ЕС – 15,8% Беларуси и 8,9% Украины. В целом население Беларуси по сравнению с населением Украины более интенсивно связано коммуникативными контактами и с ЕС, и с ТС.

Познавательные ориентации предположительно должны быть более выражены не в направлении относительно хорошо известных стран ТС, а менее исследованных и более отличных в культурном плане стран ЕС. Как отмечается в отчете ИБ ЕАБР 2013, значима практика взаимодействия с другими странами, связанная с образовательными и познавательно-туристическими интересами (Интеграционный барометр ЕАБР 2013: 93).

Подтвердилось, что *познавательный интерес к другим странам*[4] сильнее выражен к странам ЕС – для 34,1% респондентов Беларуси и 32,7% Украины, чем к двум другим странам ТС – для 30,7% Беларуси и 21,9% Украины. Интерес к двум другим странам ТС более присущ для населения Беларуси, чем для населения Украины. Особенно ярко эти отличия касательно обоих союзов проявились в *туристических ориентациях и интересах*[5]: если путешествовать в Россию и Казахстан хотели около 11% опрошенных в Беларуси и Украине, то в страны ЕС – в 5 и 6 раз больше, соответственно 57,3% опрошенных в Беларуси и

65% в Украине. Таким образом, население Украины по сравнению с населением Беларуси немного более склонно к туризму в странах ЕС.

Миграционные ориентации с учетом более престижного образования и более высокооплачиваемой работы резонно прогнозировать в большей степени в ЕС, чем в ТС. Как отмечается, все чаще молодые люди стран СНГ хотели бы получить высшее профессиональное образование в дальнем зарубежье, а не в России (Интеграционный барометр ЕАБР 2013: 93).

Как подтвердил анализ, отличия разительны. *Векторы возможной временной образовательной миграции*[6] сравнительно малы в направлении двух других стран ТС – для 11,7% и 7,7% респондентов Беларуси и Украины соответственно и в почти 4 и 8 раз больше в направлении стран ЕС – для 52,9% и 59,3% Беларуси и Украины соответственно. *Векторы возможной временной трудовой миграции*[7] также меньше в направлении двух других стран ТС – для 20,2% респондентов Беларуси и для 11,8% Украины, тогда как более чем в 2 и 4 раза больше в направлении стран ЕС – для 44,7% опрошенных Беларуси и 48,1% Украины соответственно. Аналогично, *векторы возможной долгосрочной трудовой миграции*[8] менее выражены в направлении двух других стран ТС – по 8,2% респондентов Беларуси и Украины и более чем в 2–3 раза больше в направлении стран ЕС – для 20,3% населения Беларуси и 28% Украины. В этом аспекте ориентации населения Беларуси и Украины подобны, хотя проевропейская ориентация сильнее выражена в Украине.

Экономические ориентации также предположительно сильнее в направлении к ЕС, чем к ТС. Например, утверждается, что в относительно уверенно ощущающих себя в экономическом плане Беларуси и Украине население более склонно к экономическому притяжению (потребительских предпочтений и привлечения инвестиций) в направлении развитых стран Европы (Интеграционный барометр ЕАБР 2013: 94).

На индивидуальном уровне *потребительские предпочтения*[9] ориентированы на Россию и Казахстан только для немногим более 20% респондентов Беларуси и Украины и более чем в 3 раза больше на страны ЕС – для 78% Беларуси и 65,5% Украины. На уровне общества *предпочтительные источники инвестиций и бизнес-активности*[10] также более ожидаемы в направлении стран ЕС – 81,1% и 78,9% для опрошенных в Беларуси и Украине, что почти в 2–3 раза больше, чем в направлении двух других стран ТС – 42,4% и 25,9% в Беларуси и Украине соответственно. Очень близкий паттерн проявился и касательно *предпочтений по сотрудничеству в области науки и техники*[11]: явно выше в направлении стран ЕС – 73,4% и 81,8% для населения Беларуси и Украины, что почти в 1,5–2,5 раза больше, чем в направлении двух других стран ТС – 48,9% и 33,3% для Беларуси и Украины соответственно. Экономические ориентации населения Беларуси и Украины тоже близки, хоть проевропейская ориентация здесь также сильнее выражена в Украине.

Интеграционные ориентации в опросах ИБ ЕАБР измерялись преимущественно по отношению к постсоветским странам, поэтому закономерно выдвинуть гипотезу, что в таком контексте ориентации на ТС будут довольно сильны.

Действительно, по показателю *восприятия дружественности других стран*[12] Россию назвали 73,1% населения Беларуси и 54,5% Украины, Казахстан – 32,2% и 19,1% соответственно, тогда как страны ЕС – 17,9% респондентов Беларуси и 48,7% Украины. Тут очевидно явно более позитивное восприятие двух других стран ТС в Беларуси и стран ЕС в Украине.

Отношение к ТС в явно тенденциозной формулировке[13] проявилось как преимущественно позитивное: скорее или безусловно положительно высказались 60,3% респондентов Беларуси и 56,8% Украины, тогда как только меньше 6% – скорее или безусловно отрицательно. *Отношение к ЕЭП*, также в ангажированном виде[14], тоже выглядело как позитивное: скорее или безусловно положительно относились 61,8% респондентов Беларуси и 56,1% Украины, тогда как только меньше 6% – скорее или безусловно отрицательно. С такими вопросами общественное мнение Беларуси и Украины выглядит близким и преимущественно позитивным к ТС и ЕЭП.

Однако в *оценке перспектив интеграционных процессов*[15] мнения опрошенных существенно различаются: 41,1% в Беларуси и только 28,2% в Украине считают, что страны СНГ будут сближаться, тогда как 6,9% в Беларуси и целых 17,3% в Украине высказали мнение, что страны СНГ будут отдаляться друг от друга.

Важным аспектом изучения геополитических ориентаций является их диахронная *динамика изменений.* Для ее отображения использованы: для 1999–2003 гг. в Беларуси – данные ИС НАНБ (Хурс 2011), для 2003–2008 гг. в Беларуси – данные НИСЭПИ (Мониторинг общественного мнения в Беларуси), для 1994–2011 гг. в Украине – данные ИС НАНУ (Украинское общество), для 2012–2013 гг. в Беларуси и Украине – данные ИБ ЕАБР (Интеграционный барометр ЕАБР 2013), для 2013 г. в Беларуси – данные НИСЭПИ, цитируемые в публикации (Радзик 2013), и для 2013–2014 гг. в Украине – данные КМИС (Каким путем идти Украине; Мнения населения Украины; Моцок 2008; Настроения Украины).

Авторы доклада ИБ ЕАБР утверждают, что «интеграционные ориентации населения в условиях относительной экономической и политической стабильности обладают заметной инерционностью» (Интеграционный барометр ЕАБР 2013: 95). Во-первых, стоит подчеркнуть, что эти выводы сделаны на основе только 2 измерений в 2 годах. Во-вторых, как демонстрируют альтернативные данные, это справедливо для многих показателей, но не для всех, тем более, что пределы стабильности являются дискуссионными.

В соответствии с данными социологических опросов ИС НАНБ в 1999–2003 гг., в Беларуси сторонников Союза России и Беларуси (далее – СРБ) сохранялась приблизительно одинаковая пропорция, ведь она изменилась только на

0,4% (Хурс 2011). И, хотя доля противников СРБ уменьшилась, а неопределившихся – увеличилась, не совсем понятно значение этой тенденции, ведь возможно, что противники СРБ просто стали менее искренними в разговорах с интервьюерами, которых могут воспринимать как представителей официальной власти и которым высказывать свою критику небезопасно. Ведь, по другому показателю, с 2001 г. по 2003 г. отмечалось увеличение доли скептиков сближения России и Беларуси – с 14,6% до 30,1% (Хурс 2011). Аналогично, в этих годах в ситуации гипотетического референдума[16] процент сторонников СРБ составлял меньше половины опрошенных – 47,7% (Хурс 2011). В целом, хотя часть сторонников сближения с Россией была стабильной, процент противников – увеличился.

По данным опросов НИСЭПИ, в 2003–2008 гг. в Беларуси процент сторонников вступления в ЕС уменьшился (с 36,1% до 34,6%), а объединения с Россией – увеличился (с 47,6% до 50,3%). Таким образом, в этот период в общественном мнении отмечается некоторая переориентация с ЕС на интеграцию с Россией.

По данным мониторинга ИС НАНУ за 1994–2011 гг., в Украине доля сторонников присоединения к Союзу России и Беларуси[17] колебалась в пределах 53,6% до 62,8%, а противников – 20,1–37%, с 2000 г. демонстрируя некоторую долгосрочную тенденцию к увеличению ориентации на Союз России и Беларуси. Аналогично, доля сторонников присоединения к ЕС[18] варьировалась в рамках 41,4–56%, а противников – 9,6–23,2%, с 2000 г. – с долгосрочной тенденцией к уменьшению ориентации на ЕС. Основные изменения произошли в 2000–2006 гг. – в годы смены правительств с различными геополитическими векторами.

В соответствии с результатами опросов ИБ ЕАБР, в 2012–2013 гг. произошли некоторые изменения геополитических ориентаций населения Беларуси и Украины.

Личная коммуникация с населением России для представителей Украины возросла – приблизительно с 38% до 45% и практически сравнялась с этим показателем по Беларуси.

Познавательный интерес к России для представителей Украины увеличился – приблизительно с 20% до 30% – и приблизился к соответствующему показателю Беларуси; при этом познавательный интерес населения Украины к странам ЕС также увеличился – с около 21% до 28%.

Туристические ориентации и интересы в страны ЕС для опрошенных в Беларуси уменьшились – с около 37% до 30%, а в Украине – увеличились с около 39% до 45%.

Миграционные ориентации из Беларуси за границу несколько уменьшились: возможная временная образовательная миграция – с приблизительно 12% до 7% в Россию и Казахстан и с около 39% до 33% в страны ЕС; возможная вре-

менная трудовая миграция – с порядка 20% до 14% в Россию и Казахстан и с около 30% до 27% в страны ЕС.

В то же время население Украины стало более склонно к временной трудовой миграции в страны ЕС – с около 30% до 40% и к долгосрочной эмиграции в страны ЕС – с приблизительно 21% до 26%.

Экономические ориентации Беларуси относительно ЕС уменьшились: потребительские предпочтения – с 53% до 41%; предпочтительные источники инвестиций и бизнес-активности – с 42% до 37%; предпочтения по сотрудничеству в области науки и техники – с 48% до 42%.

В то же время в Украине экономические ориентации относительно ЕС усилились: потребительские предпочтения – с 43% до 50%; предпочтительные источники инвестиций и бизнес-активности – с 40% до 55%; предпочтения по сотрудничеству в области науки и техники – с 49% до 53%.

При этом в Украине усилились экономические ориентации и относительно России: предпочтительные источники инвестиций и бизнес-активности – с 22% до 27%; предпочтения по сотрудничеству в области науки и техники – с 29% до 36%.

Динамика в 2012–2013 гг. восприятия дружественности стран практически противоположна: в Беларуси большая часть населения (с приблизительно 73% до 80%) стала считать Россию дружественной страной, а в Украине больший процент населения (с около 28% до 36%) стал воспринимать ЕС как дружественный.

Также характерно изменение отношения к ЕЭП в Украине с 2012 г. до 2013 г.: процент сторонников этого объединения уменьшился с около 62% до 50% и одновременно доля его противников увеличилась с приблизительно 5% до 28%.

Таким образом, в 2012–2013 гг. население Беларуси стало более закрытым в плане туристических и миграционных ориентаций, в основном в отношении ЕС, и явно более закрытым в экономических ориентациях – на фоне политического сближения с Россией.

При этом население Украины стало более открытым: в личной коммуникации, познавательных интересах и экономических ориентациях – к России, в туристических, трудовых миграционных и экономических ориентациях – к ЕС. Одновременно наблюдалась некоторая переориентация с ЕЭП на ЕС.

В 2013 г. в общественном сознании граждан Беларуси отмечаются существенные изменения в восприятии региональных геополитических союзов. По данным НИСЭПИ, приведенным в публикации Р. Радзика[19], в 2003 г. за объединение с Россией выступал 47,6% респондентов, а за вступление в ЕС – 36,1%, тогда как в 2013 г. за объединение с Россией высказалось 40,8% опрошенных, а за вступление в ЕС – 41% (Радзик 2013). Разница между этими ориентациями практически находится в пределах ошибки выборки. Таким образом, в 2013 г. впервые геополитические ориентации населения Беларуси на ЕС и Россию стали количественно равными.

В 2013–2014 гг., по данным КМИС, в Украине произошли изменения в геополитических ориентациях относительно ЕС и ТС.

По данным опроса 21–30 мая 2013 г.[20] 35,5% украинцев считают, что Украина должна в своем развитии ориентироваться на вхождение в ТС, а 32,5% придерживаются мнения, что должна ориентироваться на вхождение в ЕС, при этом 17,7% опрошенных за то, чтобы Украина сохраняла свою независимость и суверенитет в принятии политических и экономических решений без вхождения в ЕС и ТС (Мнения населения Украины). Если спрашивать о немедленном выборе[21], 39,8% граждан Украины думают, что лучше уже сейчас вступить в ТС и ЕЭП, тогда как 36,2% опрошенных придерживаются мнения, что лучше заключить договор про Ассоциацию с ЕС, чтобы потом вступить в ЕС (Мнения населения Украины).

Через полгода, 13–23 сентября 2013 г., другой опрос[22] выявил противоречивость отношения населения Украины к вступлению Украины в ЕС и в ТС. В случае проведения отдельного референдума насчет вступления Украины в ЕС больше украинцев готовы проголосовать «за», чем «против» (43% против 30%); а в случае проведения отдельного референдума насчет вступления Украины в ТС тоже больше украинцев готовы проголосовать «за», чем «против» (40% против 33%) (Каким путем идти Украине). При постановке же вопроса с однозначным выбором[23] за вступление в ЕС проголосовали бы 41% опрошенных, а за вступление в ТС – 35% (Каким путем идти Украине).

Опрос 9–20 ноября 2013 г. был еще более конкретным в плане учета последствий присоединения – закрытия границ и введения виз и таможен с Россией[24]. Оказалось, что 31,1% опрошенных поддерживают подписание Ассоциации с ЕС даже с условием закрытия виз с Россией и 40,5% – против подписания Ассоциации с ЕС и за сохранения открытых границ с Россией (Последствия вступления Украины). Стоит учесть, что, строго говоря, этот вопрос не является нейтральным – ведь в его формулировке указаны последствия в отношениях с Россией, но не с ЕС, хотя Ассоциация с ЕС как раз предусматривает либерализацию визового и таможенного режимов.

Во время событий Евромайдана с 24 января по 1 февраля 2014 г. был проведен еще один опрос. По его результатам[25], в случае референдума 44,5% граждан Украины поддерживают вступление в ЕС, а 36,1% – в ТС (Настроения Украины).

Очевидно, что ответы респондентов частично зависят от формулировки вопросов. Если спрашивать о вступлении в каждый союз отдельно, и ЕС, и ТС набирают больше сторонников, чем противников – на 13% больше за ЕС и на 7% больше за ТС. Кроме того, чем больше негативных последствий вступления упомянуто, тем меньше поддержка соответствующего союза. Тем не менее оказывают влияние и политические события: менее чем за год в результате событий Евромайдана соотношение сторонников ЕС и ТС изменилось на противоположное: с 6% преобладания сторонников ТС на 8% преобладание сторонников ЕС.

Выводы резонно начать с дискуссии с авторами отчета ИБ ЕАБР, которые отмечают, что в Беларуси и Украине заметна дифференциация взглядов и общественных настроений, при этом в Беларуси в большей степени представлены интеграционные ориентации в направлении постсоветского пространства (прежде всего в сторону России), а в Украине довольно высоки автономистские настроения (нет притяжения ни к каким странам) и существенна многовекторность интеграционных настроений (Интеграционный барометр ЕАБР 2013: 89–92).

С одной стороны, действительно, и Беларуси, и Украине присуща значительная внутренняя дифференциация взглядов относительно региональных геополитических союзов. С другой стороны, в обеих странах интеграционные настроения все же превышают автономистские. Однако, в Украине они более амбивалентны и поляризованы, чем в Беларуси. И если в Беларуси значительно доминировала ориентация в направлении к ТС, то в Украине долгое время ориентация на ТС преобладала незначительно.

Личный опыт населения и Беларуси и Украины существенно больше связан со странами ТС, чем ЕС. Также в обеих странах довольно высоки восприятие дружественности и позитивное отношение к странам ТС. Напротив, познавательные, миграционные, экономические ориентации населения Беларуси и Украины значительно сильнее выражены в направлении ЕС, чем ТС.

С точки зрения динамики с 2003–2004 гг. и в Беларуси, и в Украине отмечается ослабление геополитических ориентаций в направлении ЕС и одновременно усиление ориентаций в сторону геополитических союзов с Россией.

В 2012–2013 гг. население Беларуси стало более закрытым в плане туристических и миграционных ориентаций, в основном в отношении ЕС, и явно более закрытым в экономических ориентациях – на фоне политического сближения с Россией. В это же время население Украины стало более открытым: в личной коммуникации, познавательных интересах и экономических ориентациях – к России, в туристических, трудовых миграционных и экономических ориентациях – к ЕС.

Существенное изменение наблюдается в Беларуси: в 2013 г. впервые геополитические ориентации населения на ЕС и Россию стали количественно равными.

И последняя тенденция состоит в том, что с начала 2014 г. в Украине наблюдается геополитическая переориентация с ТС на ЕС – впервые сторонники ЕС значимо превышают сторонников ТС.

Литература

Интеграционный барометр ЕАБР 2012. – СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2012. – 80 с.
Интеграционный барометр ЕАБР 2013. – СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2013. – 102 с.

Интеграционный барометр ЕАБР: Интеграционный барометр ЕАБР. Белоруссия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=2927&T=m.

Интеграционный барометр ЕАБР: Интеграционный барометр ЕАБР. Украина [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?T=S&S=2934.

Каким путем идти Украине – к какому союзу присоединяться? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=196&page=1.

Мнения населения Украины насчет Таможенного и Европейского союза [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=175&page=1.

Мониторинг общественного мнения в Беларуси: июнь 2008 // Бюллетень «Новости НИСЭПИ». 2008. № 2(48). С. 3–24.

Моцок, В. Новая волна демократизации в Восточной Европе: почему демократии объединяются? // Перекрестки. 2008. № 1. С. 175–197.

«Настроения Украины» – результаты совместного исследования КМИС и СОЦИС [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=227&page=1.

Последствия вступления Украины в интеграционные объединения (мнения населения за две недели до Вильнюсского саммита) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=206&page=1.

Радзик, Р. Европа или Россия? Между народом и постсоветской общностью. 2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://inbelhist.org/?p=6024#_ftn19.

Украинское общество. Двадцать лет независимости. Социологический мониторинг: в 2 т. Т. 2: Таблицы и графики / под ред.: д. филос. н. Є.І. Головахи, д. соц. н. М.О. Шульги. – К.: Институт социологии НАН Украины, 2011. – С. 29–30.

Хурс, М.Н. Мнение населения Беларуси по проблемам союзного строительства. 2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://socio.bas-net.by/Library/Publ_files/_mnenie_o_sojuzie_hurs.rtf.

Примечания

1 Статья написана по результатам на результатах исследования, выполненного в рамках индивидуального гранта CASE по программе «Социальные трансформации в Пограничье (Беларусь, Украина, Молдова)».

2 Сумма валидных процентов ответов на вопрос с совместимыми альтернативами «В каких из перечисленных стран у Вас есть родственники, близкие друзья, коллеги, с которыми Вы поддерживаете постоянную связь (лично, по почте, телефону и т.п.)?» в опросе ИБ ЕАБР 2012.

3 Сумма валидных процентов ответов на вопрос с совместимыми альтернативами «В каких из перечисленных стран Вы бывали за последние 5 лет с личными, служебными или туристическими целями?» в опросе ИБ ЕАБР 2012.

4 Сумма валидных процентов ответов на вопрос с совместимыми альтернативами «Про какие из перечисленных стран можно сказать, что Вы интересуетесь их историей, культурой, географией (природой)?» в опросе ИБ ЕАБР 2012.

[5] Сумма валидных процентов ответов на вопрос с совместимыми альтернативами «В каких из перечисленных стран Вы бывали за последние 5 лет с личными, служебными или туристическими целями?» в опросе ИБ ЕАБР 2012.

[6] Сумма валидных процентов ответов на вопрос с совместимыми альтернативами «Скажите, в какую из перечисленных стран Вы лично хотели бы поехать на учебу, с образовательной целью? (до 35 лет)/В какую из перечисленных стран Вы хотели бы отправить на учебу своих детей (после 35 лет)» в опросе ИБ ЕАБР 2012.

[7] Сумма валидных процентов ответов на вопрос с совместимыми альтернативами «В каких странах Вы хотели бы временно поработать, если бы представилась такая возможность?» в опросе ИБ ЕАБР 2012.

[8] Сумма валидных процентов ответов на вопрос с совместимыми альтернативами «В какую из перечисленных стран Вы хотели бы переехать на постоянное место жительства, если бы представилась такая возможность?» в опросе ИБ ЕАБР 2012.

[9] Сумма валидных процентов ответов на вопрос с совместимыми альтернативами «Товары из каких стран Вы предпочитаете покупать, каким больше доверяете?» в опросе ИБ ЕАБР 2012.

[10] Сумма валидных процентов ответов на вопрос с совместимыми альтернативами «Из каких стран был бы желателен для нашей страны приток капиталов, инвестиций, приход компаний, предпринимателей, бизнесменов для организации у нас своих предприятий?» в опросе ИБ ЕАБР 2012.

[11] Сумма валидных процентов ответов на вопрос с совместимыми альтернативами «С какими странами нашему государству или компаниям было бы полезно сотрудничать в области науки и техники: вести совместные исследования, обмениваться разработками, технологиями, научными идеями?» в опросе ИБ ЕАБР 2012.

[12] Сумма валидных процентов ответов на вопрос с совместимыми альтернативами «Какие страны являются дружественными для нашей страны (на поддержку которых в трудную минуту можно рассчитывать)?» в опросе ИБ ЕАБР 2012.

[13] Сумма валидных процентов ответов на вопрос «Как Вы относитесь к тому, что экономики Беларуси, Казахстана и России объединились в Таможенный союз (который освободил торговлю между тремя странами от пошлин)?» в опросе ИБ ЕАБР 2012.

[14] Сумма валидных процентов ответов на вопрос «А как Вы относитесь к тому, что в дополнение к Таможенному союзу Беларусь, Казахстан и Россия создали Единое экономическое пространство (по сути – единый рынок трех стран)?» в опросе ИБ ЕАБР 2012.

[15] Валидные проценты ответов на вопрос «Как Вы думаете, в ближайшие пять лет страны СНГ (бывшего СССР) будут сближаться или отдаляться друг от друга?» в опросе ИБ ЕАБР 2012.

[16] Валидные проценты ответов на вопрос «Если бы в ближайшее время состоялся референдум, то как бы Вы голосовали по вопросу принятия Конституции Союза Беларуси и России?» в опросе ИС НАНБ в 2003 г.

[17] Валидные проценты ответов «скорее позитивно» и «скорее негативно» на вопрос «Как Вы относитесь к… идее присоединения Украины к Союзу России и Беларуси?» в опросах ИС НАНУ в 1994–2011 гг.

[18] Валидные проценты ответов «скорее позитивно» и «скорее негативно» на вопрос «Как Вы относитесь к… идее присоединения Украины к Европейскому союзу?» в опросах ИС НАНУ в 1994–2011 гг.

[19] Валидные проценты ответов на вопрос «Если бы пришлось выбирать между объединением с Россией и вступлением в Евросоюз, что бы Вы выбрали?» в опросах НИСЭПИ.

[20] Валидные проценты ответов на вопрос «На этой карточке представлены основные точки зрения на то, как должна развиваться Украина. Прочитайте их, пожалуйста, и скажите, какую точку зрения Вы считаете более правильной, чем другие» в опросе КМИС.

[21] Валидные проценты ответов на вопрос «Что, по Вашему мнению, для Украины лучше: заключить договор про Ассоциацию с Европейским союзом, чтобы потом вступить в ЕС, или уже сейчас вступить в Таможенный союз и Единое экономическое пространство с Россией, Беларусью, Казахстаном и другими странами?» в опросе КМИС.

[22] Валидные проценты ответов на вопросы «Представьте, пожалуйста, что сейчас происходит референдум по вопросу, вступать ли Украине в Таможенный союз с Россией, Беларусью и Казахстаном. Вы можете проголосовать за вступление в этот союз, против вступления или воздержаться – не принимать участия в голосовании. Каков Ваш выбор?» и «Представьте, пожалуйста, что сейчас происходит референдум по вопросу, вступать ли Украине в Европейский союз. Вы можете проголосовать за вступление в этот союз, против вступления или воздержаться – не принимать участия в голосовании. Каков Ваш выбор?» в опросе КМИС.

[23] Валидные проценты ответов на вопрос «А если бы в ближайшее воскресенье проходил референдум о том, куда вступать Украине – в Европейский союз или в Таможенный союз с Россией, Беларусью и Казахстаном, как бы Вы поступили?» в опросе КМИС.

[24] Валидные проценты ответов на вопрос «Подписание Украиной договора об Ассоциации и Зоне свободной торговли с Европейским союзом имеет целью вступление в перспективе в Европейский союз. Вступление в Европейский союз требует введения виз со странами, которые не являются членами этого Союза, в том числе с Россией. Чему Вы отдали бы предпочтение?» в опросе КМИС.

[25] Валидные проценты ответов на вопрос «А если бы в ближайшее воскресенье проходил референдум о том, куда вступать Украине – в Европейский союз или в Таможенный союз с Россией, Беларусью и Казахстаном, как бы Вы поступили?» в опросе КМИС.

Тарас Шульга

УКРАИНСКАЯ НАЦИОНАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И КРЫМСКИЙ ВОПРОС В НАЧАЛЕ 1990-Х: ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И АВТОРИТАРНЫЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Abstract

The article covers some features of the Ukrainian National Democrats' Crimean policy in the early 1990s. The author shows significant authoritarian trends in this policy, contradicting the National Democrats' declared aim at consolidating democracy in Ukraine. However, it seems that their authoritarian project of Crimea's integration into Ukraine had little to do with ethnic nationalism, being a civic phenomenon.

Keywords: Crimea, National Democrats, authoritarianism, democracy, integration.

С того момента, как независимость Украины стала свершившимся фактом, национал-демократические политические силы оказались, по крайней мере частично и временно, на месте того самого «имперского центра», с которым они боролись раньше. Поскольку их политические программы предусматривали создание унитарного государства как гаранта территориальной целостности и орудия активной украинизационной политики (фактически – ассимиляции инокультурного населения, или же реассимиляции, в случае с русифицированными украинцами), они неизбежно сталкивались с проблемой обеспечения столь необходимых для этой политики единства и дисциплинированности властной машины – и одновременно развития местного самоуправления как необходимого элемента демократического государственного устройства. Но если в этнически и культурно украинских областях Запада и Центра Украины правоцентристы могли небезосновательно надеяться на добровольное сотрудничество центрального правительства и местных общин, то

в русифицированных регионах Юга и Востока необходимость создания механизмов принуждения не вызывала сомнений. Особенно сложной была ситуация в Крыму, где сильное пророссийское сепаратистское движение, поддерживаемое значительной частью политической элиты России, дополнялось глубокими этнокультурными различиями между полуостровом и остальной Украиной.

И именно в крымском вопросе возникали наибольшие противоречия между программными принципами и политической практикой, по крайней мере, некоторых национал-демократов. Темой данной статьи как раз и являются два ярких проявления таких противоречий.

I. Докладная записка группы народных депутатов, 1992

13 апреля 1992 года группа народных депутатов национал-демократической ориентации, которая незадолго до этого посетила Крым, в своей докладной записке (Група народних депутатів 1992: арк. 67–70) на имя президента Украины Леонида Кравчука и председателя Верховной Рады Ивана Плюща предложила среди прочего следующие мероприятия:

1. «Поручить СБУ рассмотреть связи “Республиканского движения Крыма” (РДК) с фирмой “Импекс-55” и по возможности найти незаконное финансирование»;

2. «Поручить аналитикам просмотреть позицию районных газет Крыма и финансово поддержать те из них, которые ведут правильную агитацию»;

3. «Поручить группе научных консультантов подготовить сравнительную таблицу по правам штатов США и земель ФРГ с правами, предоставляемыми Крыму. Опубликовать эту таблицу во всех газетах»;

4. «Обратить внимание украинского ТВ на то, что все передачи о Крыме должны иметь хотя бы одного русского. Желательно снять моменты о судьбе татар, их проблемах».

Иными словами, парламентские представители программно-демократических политических сил предлагали политизировать деятельность правоохранительных органов и установить государственный контроль над информационной политикой СМИ. Вероятно, такие предложения имели (по крайней мере в области формирования общественного мнения) гораздо больше шансов на успех в 1992 году, чем десятилетием позже, когда до этого реально дошло (так называемые темники) (Aspects of the Orange Revolution 2007: 155). Дело в том, что в 1992 году СМИ все еще преимущественно принадлежали государству (телевидение, включая монополию на ретрансляцию иностранных каналов) или находились в жесткой зависимости от него (печатные СМИ, которые тогда еще получали бумагу централизованно). Таким образом, центральное правительство имело легальные полномочия заставить СМИ распространять пропагандистские материалы и не нуждалось для этого в давлении незаконными методами на их вла-

дельцев или тем более самих журналистов. Тем не менее, фактическая слабость центральной власти в 1992 году ставила под сомнение возможность эффективного выполнения рекомендаций авторов докладной записки. Слабость эта была связана, среди прочего, с незавершенностью процесса суверенизации Украины, из-за чего, например, государственная телетрансляционная система выступала скорее ретранслятором российского телевидения, чем рупором украинской пропаганды. Возможность цензурировать прессу через невыделение бумаги для антиправительственных изданий также фактически не использовалась.

Следует, однако, отметить, что при всей неоднозначности самой идеи государственной пропаганды, которую предлагала вести группа депутатов, содержание этого «месседжа» выглядит сравнительно умеренным. В их плане телепередач не было места сюжетам, направленным против этнических русских, крымской автономии или Российской Федерации. На роль врага предлагалось лишь РДК, а на роль друга – как татары, так и проукраински настроенные русские. Иными словами, мировоззрение авторов записки (насколько мы можем определить это мировоззрение по тому, как они видели желаемое общественное сознание крымчан) могло быть далеким от либерально-демократического, но оно не было также и ксенофобским. Его можно охарактеризовать как территориальный (но не этнический) национализм с авторитарным уклоном. Самой известной предшественницей такой идеологии в рамках истории украинской общественно-политической мысли следует, очевидно, считать концепцию Вацлава Липинского, сформулированную им в «Письмах к братьям-хлеборобам» (Липинський 1995).

Вряд ли мы можем рассматривать записку как документ гражданского национализма, ведь предлагаемая ее авторами государственная пропаганда через буквально все доступные СМИ, а тем более использование правоохранительных органов как политического инструмента вряд ли сочетаются с формированием гражданского общества, поскольку являются средствами формирования подданнического политического сознания и соответствующего ему политического процесса. Это не значит, что авторитарные методы в политике не сочетаются с гражданским национализмом в принципе – сочетаются, но только при условии, что такие «авторитарные гражданские националисты» четко делят жителей государства на полноправных членов гражданского коллектива и остальных, которые в коллектив еще не вошли (или вообще не могут быть в него вовлечены, по мнению создателей этой политики). Так, американское правительство времен Второй мировой войны безусловно придерживалось политики гражданского, инклюзивного, ассимиляционного национализма по отношению ко всем белым этническим общинам страны, включая немцев и итальянцев (а также, хотя и непоследовательно, к черному населению США), но применяло массовые преследования по этническому признаку против японской общины в США, исключая большую часть ее членов из числа полноправных граждан страны, членов американской нации.

Никаких признаков склонности к такому разделению в записке мы увидеть не смогли: предлагаемая в ней массированная пропаганда через центральные украинские СМИ могла бы рассматриваться как нарушение гражданских прав киевских журналистов и материковой украинской аудитории отнюдь не в меньшей степени, чем крымчан.

Это заставляет нас поставить вопрос об ограниченной пригодности дихотомии «инклюзивный гражданский национализм/эксклюзивный этнический национализм» для описания явлений исторической (и текущей) действительности, поскольку возникают и длительно существуют как инклюзивный негражданский национализм (примером которого является рассматриваемый здесь документ), так и эксклюзивный гражданский национализм, столь характерный, в частности, для правительств демократических метрополий европейских (включая США) колониальных империй, которые были одновременно слугами гражданской, часто полиэтнической нации «дома» и господами неполноправных подданных в колониях.

Новая типология национализмов является особенно актуальной с учетом специфики исторического процесса в Украине XX – начала XXI века, где этнический национализм всегда оставался, по меткому выражению Уилсона, «верой меньшинства» (Wilson 1996: 117), но территориальный национализм, поддержанный силой авторитарного или гибридного политического режима, имел значительный успех.

Готовность авторов записки использовать государственные спецслужбы против РДК выглядит блестящей иллюстрацией к перерождению противников авторитарного режима (какими они были в 1990–1991 годах) в инициаторов нового авторитарного курса после их прихода (или хотя бы приближения, как в данном случае) к власти.

Очевидно также, что в случае попадания в СМИ (крымские или, скажем, российские) в 1992 году этот документ стал бы блестящим аргументом в пользу РДК и крымского сепаратизма в целом.

Интересны также явные опасения, которые парламентарии испытывали касательно превращения крымско-татарского национального движения в вооруженное, а также использования международных контактов крымских татар (в частности в Турции) против Украины (Група народних депутатів 1992: арк. 68). Эти опасения легко понять в контексте этнических конфликтов, которые как раз разгорались тогда на постсоветском пространстве, а также уже упоминавшейся слабости государственной власти в Украине с ее незавершенным суверенизационным процессом. Тем не менее, ни Турция, ни (еще менее заинтересованные в крымско-татарской проблематике) другие иностранные государства (кроме России) не имели в то время никаких реальных планов вмешательства в ситуацию на полуострове. Россию же, как и славянское большинство населения Крыма, крымские татары преимущественно воспринимали как более важного

соперника (а то и врага), чем украинское правительство, с его еще очень слабым на апрель 1992-го реальным влиянием в регионе.

Авторы докладной указывали также на необходимость налаживания отношений между украинским центральным правительством и теми районами Крыма (прежде всего северными), где идея сецессии имела наименьшую поддержку (судя по результатам сбора подписей в пользу проведения референдума о независимости полуострова) (Група народних депутатів 1992: арк. 69). Вероятно, мы здесь имеем дело с попыткой использовать против крымских сепаратистов их же оружие, пугая симферопольских политиков перспективой распада их республики. Если это действительно было так, то авторы докладной предлагали повторить в меньшем масштабе кампанию союзного правительства СССР 1989–1991 годов, которое содействовало автономистским и сепаратистским движениям в их борьбе с правительствами союзных республик (Закон СССР от 26 апреля 1990 г. «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации»), надеясь предотвратить этим отделение самих союзных республик от СССР или, по крайней мере, ослабить новые независимые государства, если они все-таки появились бы. На апрель 1992-го развитие событий уже показало, что поддержка сепаратистов второго уровня против сепаратистов первого уровня не помогла сохранить единство СССР, но способствовала обострению межэтнических конфликтов в «горячих точках» постсоветского пространства. Таким образом, курс на использование северокрымских элит против симферопольских сепаратистов следует считать достаточно рискованным и потенциально способным нарушить неустойчивый гражданский мир на полуострове. Впрочем, группа депутатов выдвигала эту часть своего плана достаточно нерешительно, а до ее воплощения и вовсе не дошло.

II. Проект введения института адмирал-губернаторов в Крыму: локальные предпосылки, национальный интерес и мировой контекст

В 1995 году во время обсуждения проекта новой Конституции Украины официальный орган Украинской республиканской партии (УРП) журнал «Республіканець» опубликовал статью «Сравнительный анализ организации исполнительной власти в Украине» (Лашко 1995), автор которой предлагал, в частности, организовать управление Севастополем следующим образом: высшим должностным лицом города должен был стать назначаемый центральным правительством Украины адмирал-губернатор, который должен был сотрудничать с городскими советами и горисполкомами собственно Севастополя, а также менее крупных городов, входивших в состав Большого Севастополя, и контролировать деятельность этих органов местного самоуправления. Характерно, что ни регион Большого Севастополя, ни собственно город Севастополь, ни менее

крупные города права иметь избранного лидера местной общины по этому проекту не получали, а полномочия городского головы фактически отдавались адмирал-губернатору. Более того, Большой Севастополь не имел бы даже выборного представительного органа, который должен был заменять исполнительный совет при адмирал-губернаторе.

Декларируемой целью такой своеобразной и, как мы увидим дальше, нетипичной не только для Украины, но и для остального мира организации местной власти в этом регионе была необходимость обеспечить «справедливое сочетание общегосударственных интересов [...] и интересов местного населения» (Лашко 1995: 25), столь необходимое, учитывая роль Севастополя как главной базы флота. И действительно, на момент написания рассматриваемой статьи, и еще в большей степени до начала сокращения Черноморского флота СССР, военно-морские силы и тесно связанные с ними предприятия были основным источником доходов и работодателем для города и его жителей.

В то же время эти военно-морские силы были по состоянию на 1995 год в основном не украинскими, а формально неразделенными постсоветскими, фактически же российскими. Таким образом, предлагаемая структура управления Севастополем в пределах украинской государственной системы имела бы смысл (даже при согласии с авторским не самоочевидным постулатом о необходимости объединения гражданской власти с военным командованием) только при условии ликвидации или хотя бы резкого сокращения российского военного присутствия в регионе. С другой стороны, объединение гражданских и военных полномочий в одном лице при фактическом преимущественном российском военном присутствии в городе и окрестностях было бы вполне логичным при условии российского суверенитета над Севастополем. Бросается в глаза тот факт, что автор статьи не предлагает подобное же военное управление для остальных гарнизонных городов Крыма или всей Украины, хотя и рассматривает в своей статье также и вопросы организации власти на всем полуострове и в общегосударственном масштабе.

Таким образом, уникальные локальные предпосылки для предложенной автором уникальной (в пределах Украины) организации власти в Севастополе отсутствовали. Единственным рациональным объяснением появления такого проекта остаются общенациональные интересы – удержание пророссийского, решительно нелояльного к украинской власти и наполненного российскими военными города в составе Украины казалось гораздо более достижимым при условии: 1) концентрации власти в руках назначаемого из Киева наместника и 2) обеспечения такого наместника максимально возможной силовой поддержкой. Очевидно, что проект, опубликованный в «Республіканці», отвечал обоим этим условиям.

В мировой истории административные единицы, которые назывались или были по существенным фактическими признаками адмирал-губернаторствами,

все-таки встречаются, хотя и значительно реже, чем, например, генерал-губернаторства. Так, французская колония Кохинхина (современный юг Вьетнама) в 1858–1879 годах управлялась адмирал-губернаторами (Salemink 2003: 59), что имело своей основной целью обеспечить единство действий французских вооруженных сил и гражданской администрации в только что завоеванной стране. Характерно, что во главе колонии стояли представители военно-морских сил, несмотря на то, что основную нагрузку при завоевании и умиротворении, так же как и оккупационной службе в ней несла французская армия (включая части, набранные из местного населения), а значительных сил военно-морского флота не только в Кохинхине, но и во всем Французском Индокитае на постоянной основе не базировалось, и никакой заметной роли в создании морского могущества Франции эти ее владения также не играли. Похоже, что создание именно адмирал- (а не, скажем, генерал-) губернаторства в Кохинхине было вызвано скорее соперничеством между видами вооруженных сил в пределах всей Французской империи (ко времени завоевания Кохинхины армейские генералы уже несколько десятилетий правили французским Алжиром), чем практическими преимуществами передачи управления Кохинхиной именно военным морякам.

Адмиралы имели широкие гражданско-административные полномочия также и в нескольких местностях Российской империи, где они выполняли функции военных губернаторов – Квантунской области с центром в Порт-Артуре, Кронштадте, Николаеве, Севастополе (Левченко 2006: 31–52). Во всех четырех случаях большинство жителей такой местности были так или иначе связаны с военно-морским флотом России (в Николаеве – как кораблестроители, в остальных городах – как военнослужащие, их семьи и лица, обслуживающие первые две категории), а следовательно, находились под юрисдикцией флотского командования независимо от административно-правового статуса своего места жительства. Подобным же образом и те регионы Российской империи, где существовало значительное армейское присутствие, возглавлялись генерал-губернаторами (на Кавказе – наместниками), которые объединяли в своих руках гражданскую и военную власть на вверенной им правительством территории. Таким образом, адмиралы с правами военных губернаторов в Российской империи были звеньями четкой и логической системы государственного управления. Следует поэтому признать решение имперского правительства об образовании этих четырех фактических (хотя и не названных так) адмирал-губернаторств достаточно рациональным – по крайней мере, более рациональным, чем организация французами такой административной единицы в Кохинхине.

Похожая должность коммодор-губернатора (или командор-губернатора) существовала в 1729–1825 годах в британской колонии Ньюфаундленд (Bannister 2003: 104–140), но там главной задачей этого должностного лица было обеспечение безопасности и поддержание правопорядка среди британских рыбаков в водах вокруг острова.

Еще меньшие по размеру и более низкие по административному рангу образования существовали между мировыми войнами в тихоокеанских владениях США и Японии, где офицеры флота (как правило, в звании капитана первого ранга) были не только местными военно-морскими командующими, но и гражданскими губернаторами отдельных островов или островных групп (Rottman 2002: 84–85).

Впрочем, все описанные выше примеры адмирал-губернаторств или похожих на них образований объединяет одно: вполне авторитарный характер власти. Они существовали или в колониях западных империй (для целей данного сравнения Япония может считаться частью Запада), или в абсолютных монархиях (например, России раннего модерна). Нам не удалось найти ни одного примера военной администрации мирного времени в стране или регионе с демократическим политическим режимом.

Это, в конечном счете, вполне понятно: вооруженные силы по самой своей природе являются едва ли не наиболее авторитарной организацией даже в самом свободном обществе, поэтому демократические правительства обращаются к военному управлению на собственной национальной (не колониальной или оккупированной) территории очень неохотно, и то лишь в моменты глубочайших кризисов, когда как раз сам суверенитет такого правительства над национальной территорией находится под вопросом – так, правительство США установило военную администрацию в отвоеванных, но все еще мятежных штатах Юга во время Гражданской войны 1861–1865 годов и сохраняло ее в некоторых из них до 1877 года, когда известный компромисс Тилдена-Хейса привел к новому присоединению всего Юга к национальному «политическому организму» (body politic). Эти процессы были тесно связаны – как не могло существовать полноправной выборной гражданской власти на Юге **до** компромисса, когда большинство его жителей все еще считало свою землю оккупированной, а страна находилась в состоянии «гражданской войны низкой интенсивности», так и не могло продолжаться военное правление **после** компромисса.

Опубликованный «Республіканцем» проект организации государственной власти в Большом Севастополе фактически ставил этот регион в положение колонии, оккупированной территории или зоны боевых действий. Неудивительно, следовательно, что он не получил сколь-нибудь существенной поддержки, и авторы Конституции 1996 года ограничились лишь указанием в ст. 140 на то, что «особенности осуществления местного самоуправления в городах Киеве и Севастополе определяются отдельными законами Украины».

На практике эти «особенности» заключаются в назначении председателя Севастопольской городской государственной администрации (фактического мэра Большого Севастополя) президентом Украины при параллельном функционировании городских советов в городах, составляющих этот регион. Единственным реальным отличием от проекта «Республіканця» является граждан-

ский статус президентского наместника в Севастополе – но это различие как раз ключевое. Практика демократических или гибридных политических режимов знает массу примеров гражданской постоянной назначаемой администрации на местах – достаточно вспомнить губернаторов индийских штатов, украинских глав областных государственных администраций, префектов французских департаментов, воевод в посткоммунистической Польше или лордов-лейтенантов английских графств.

Такая готовность демократических обществ (а также обществ, в которых существуют гибридные политические режимы) поддерживать назначаемую гражданскую местную администрацию одновременно с тотальным неприятием военного управления в мирное время может выглядеть непоследовательно, но она является фактом политического сознания.

В конкретных же условиях постсоветской Украины вооруженные силы, хотя и бывшие намного популярнее остальных государственных институтов, испытывали в 1990-х годах последствия успешной политики советского режима по недопущению сколь-нибудь самостоятельного участия военных в политике, особенно внутренней. Тоталитарная советская политическая система сумела обеспечить надежный гражданский контроль над военной организацией, и постсоветская Украина это наследие полностью сохранила. Упадок вооруженных сил в этот период тем более не способствовал повышению их роли в управлении государством.

Был ли у исследуемого здесь проекта практический управленческий смысл (к которому, собственно, он и апеллировал)? Мировая и украинская практика показывает, что объединенная военно-гражданская администрация может быть относительно эффективной в авторитарном государстве, но в демократической политической системе именно четкое отделение вооруженных сил от государственного управления, как правило, позволяет обеспечить эффективное функционирование как самой военной организации (которая не отягощается несвойственными ей функциями), так и государства в целом. Поскольку более широкий проект организации всеукраинской государственной власти, предложенный в той же статье, строился на вполне демократических началах, нам кажется, что милитаризация (и авторитаризация) государственного управления именно в Севастополе была бы чужеродным элементом для предлагаемого автором видения Украины.

* * *

Таким образом, даже не имея реального контроля над рычагами власти, по крайней мере, некоторые украинские национал-демократы первой половины 1990-х годов были готовы не только поддерживать, но и инициировать проекты, направленные на усиление, в том числе внеконституционными средствами, цен-

трализованной государственной машины за счет местных центров политического контроля и гражданского общества в целом. Эти авторитарные тенденции отражали как неуверенность конкретно правых политических сил в потенциале демократии как механизма утверждения независимого государства, так и в целом слабые позиции последовательно демократических проектов в Украине того периода.

Тем не менее, авторитаризм, даже у партий с относительно сильным националистическим окрасом (таких как УРП), имел мало общего с этническим национализмом или ксенофобией. Такая ситуация во многом объясняет межэтнический мир в Украине 1990-х годов на фоне тяжелого экономического кризиса и волны кровавых войн в других полиэтнических постсоциалистических государствах.

Литература

Група народних депутатів. Доповідна записка. Центральний державний архів вищих органів влади та управління України. Ф. 5233, оп. 1, спр. 54, арк. 67–70. К., 1992.

Закон СССР от 26 апреля 1990 г. «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации».

Лашко, О. Порівняльний аналіз організації виконавчої влади в Україні // Республіканець. 1995. № 2. С. 20–25.

Левченко, Л. Історія Миколаївського і Севастопольського військового губернаторства (1805–1900). Миколаїв: Вид-во МДГУ ім. П. Могили, 2006.

Липинський, В. Листи до братів-хліборобів // Інститут Східноєвропейських досліджень національної академії наук України. К. – Філадельфія, 1995.

Aspects of the Orange Revolution 2007. Ibidem-Verlag, Stuttgart.

Bannister, J. The Rule of the Admirals. – Toronto: University of Toronto Press, 2003.

Rottman, G. World War Two Pacific Island Guide. Greenwood Press, Westport, CT. 2002.

Salemink, O. The Ethnography of Vietnam's Central Highlanders. – Honolulu: University of Hawai'i Press, 2003.

Wilson, A. Ukrainian Nationalism in the 1990s: A Minority Faith. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Алексей Шестаковский

РАДИКАЛИЗИРОВАННЫЕ ЕВРОПЕЙЦЫ: ЦЕННОСТИ И СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА ЕВРОМАЙДАНА[1]

Abstract

Euromaidan is the name of mass civic protests that shook Ukraine in the winter of 2013–2014. It was provoked by V. Yanukovych's refusal to sign the Ukraine–European Union Association Agreement. One of the ostensible questions for protesters was whether they were really Europeans and shared the same values. Our study aims at finding an answer by comparing values that were held by Euromaidan participants at its initial stage, by Ukrainians and residents of European countries. We use S. Schwartz's methodology concerning the measurement of values.

The results clearly show that in this respect Euromaidan was significantly closer to the people in Nordic and Western European countries than to Ukraine, but in a specific way. The main reason for this was the prevalence of openness to change and concern-for-the-others values. At the same time, on an average the protesters demonstrated a very low importance of values that related to personal success and comfort. The importance of risk and universalism and disregard of conformity were almost unprecedented.

In terms of social base urban middle strata, mostly from Kyiv and Western Ukraine, were overrepresented at Euromaidan. The percentage of the highly educated and entrepreneurs was considerably larger than among the general population. They seemed to demand institutional changes more than many other social groups. Apparently, they became the driving force of the protests.

Keywords: Euromaidan, Eurorevolution, values, middle strata, Schwartz values, Yanukovych.

Беспрецедентно многочисленные протесты миллионов граждан Украины, происходившие с 21 ноября 2013 года по 22 февраля 2014 года, весь мир увидел под именем Евромайдана.

Он начинался как мирная реакция на отказ правительства подписать Соглашение об ассоциации с Европейским союзом, но очень скоро перерос в борьбу против режима В. Януковича. В результате отчаянного противостояния (приведшего к неслыханному для постсоветской Украины количеству жертв) Янукович и его правительство были свергнуты. Новая власть (в основном бывшая оппозиция) продолжила евроинтеграционный курс и начала экономические и политические реформы. Однако вслед за этим Украина подверглась агрессии со стороны России на фоне чрезвычайно обострившихся внутренних проблем, что поставило под угрозу не только обретенный шанс на развитие, но и украинскую государственность как таковую.

Один из вопросов, который возник у наблюдателей такого упорного и массового стремления в Европу, – насколько украинцы действительно являются европейцами, а не просто хотят безвизового режима и ожидают, что от ассоциации с Евросоюзом уровень жизни в стране быстро поднимется?

Сформулированный по-другому вопрос состоит в том, насколько участникам протестов на самом деле были близки европейские ценности. В данной статье мы пытаемся дать ответ на этот вопрос с помощью анализа данных опроса участников начального этапа Евромайдана и их сравнения с аналогичными результатами для всей Украины и стран Европы.

Мы также обсуждаем связанный с этим вопрос о социальной базе Евромайдана и, соответственно, европейских ценностей в Украине. Это важно понимать для более ясных перспектив успешности дальнейшего развития украинского общества.

Теория ценностей Ш. Шварца

Шалом Шварц разработал один из самых известных и общепринятых подходов к кросс-культурному изучению ценностей. Согласно этому подходу ценности можно определить как убеждения о том, что важно. Они сводятся к желаемым, надситуативным целям, которые служат ведущими принципами в человеческой жизни (Schwartz 1992). Другими словами, ценности – это типы осознаваемых мотиваций высшего порядка.

Они следуют из универсальных потребностей человеческого существования: индивидуальных биологических нужд, необходимости скоординированного социального взаимодействия и выживания и благополучия человеческих групп (Schwartz 1992). Поэтому ценности и их общая структура должны наблюдаться во всех культурах и их должно быть возможным сравнивать.

Благодаря абстрактному характеру ценности не привязаны жестко к конкретным объектам, действиям или ситуациям. Скорее, они выступают общими критериями их оценки (Schwartz 1992). В этом их отличие от установок и убеждений по узким вопросам общественной жизни. Стоит сказать, что ценности связаны с поведением, но не всегда эта связь является определяющей. Влияние ценностей опосредуется ситуацией, социальными нормами и тем, насколько мотивы осознаются (Bardi, Schwartz 2003).

Кроме того, ценности отличаются по важности. Значение имеет не столько абсолютная выраженность ценности, сколько относительная, на фоне важности прочих ценностей. Она тем сильнее мотивирует к действию, чем более высокую важность занимает в их иерархии.

После многолетних исследований (по меньшей мере, с 1987 года (Schwartz, Bilsky 1987)) в разных странах и контекстах Ш. Шварц и его коллеги выделили набор из десяти базовых ценностей (ценностных типов), в разной степени присущих людям практически любых культур. Структурируются ценности довольно оригинально – в виде круга, что отражает одну из ключевых идей теории о непрерывности мотивационного континуума (Schwartz 2012) (рис. 1). Чем ближе в нем друг к другу находятся ценности, тем сильнее соответствующие мотивы согласовываются. Если ценности находятся на противоположных сторонах – они связаны обратным образом; другими словами, конфликтуют. Краткое описание ценностей изложено в таблице 1[2].

Рис. 1. Взаимосвязь между десятью основными ценностями в «ценностном круге» Ш. Шварца. Источник: Магун и Руднев 2007b: 25

Десять ценностей условно объединяются в четыре ценностных ориентации более высокого порядка[3], которые, в свою очередь, образовывают два ценностных измерения: Сохранение – Открытость изменениям и Самоутверждение – Забота о людях и природе. Чем более приоритетны ценности одной группы, тем менее

важны другие. К примеру, чем важнее для меня изменения и создание нового, тем меньше я ценю сохранение старого. Если я хочу стать сильнее лично, меня меньше будет волновать судьба других.

Заметим, что деление на десять типов ценностей довольно условно (Schwartz et al. 2012), на практике число наблюдаемых ценностей в пределах круга может отличаться. Так, существуют варианты выделения 19 (Cieciuch, Davidov, Vecchione, Beierlein, Schwartz 2014; Schwartz et al. 2012) и 7 (Davidov, Schmidt, Schwartz 2008; Лебедева, Татарко 2009) ценностей. Разное число секторов круга зависит от числа вопросов в конкретном варианте методики, статистической обоснованности объединения этих вопросов в переменные и от смысла, который исследователи вкладывают в группировку ценностей.

Таблица 1. **Содержание 10 ценностей согласно методике Ш. Шварца и их группировка**

Ценностные измерения	**Ценностные ориентации II порядка**	**Ценности**	**Описание ценности**
От сохранения к открытости к изменениям	Сохранение	Безопасность	Безопасность и стабильность общества, отношений и себя
		Конформность	Сдерживание действий и намерений, которые могут быть осуждены или повредят другим
		Традиция	Уважение и принятие обычаев и идей, идущих от традиционной культуры и религии
	Открытость к изменениям	Самостоятельность	Независимость суждений и принятия решений, творчество, познание
		Риск–Новизна[4]	Увлеченность, новизна, острота ощущений, жизнь с вызовами и сложными задачами
		Гедонизм	Собственное наслаждение и чувственное удовлетворение
От самоутверждения к заботе о людях и природе	Самоутверждение		
		Достижение	Личный успех с помощью собственных способностей в соответствии с социальными стандартами
		Власть–Богатство	Статус, престиж, доминирование над людьми и ресурсами
	Выход за пределы своего «Я»	Благожелательность	Поддержание и увеличение благополучия близких и знакомых
		Универсализм	Признание, толерантность и защита благополучия всех людей и окружающей среды

Ценностные приоритеты украинцев согласно методологии Шварца становились предметом исследования в 2007 году. Оказалось, что у жителей Украины ценности Сохранения были более выражены, чем в большинстве других европейских стран, с ценностями Открытости к изменениям ситуация была прямо противоположной (Магун, Руднев 2007b).

Кроме того, Благожелательность среди жителей Украины была выражена меньше, а Власть–Богатство больше, чем во многих странах Европы (Магун, Руднев 2007b). Жители Западной Украины выделялись большими значениями Открытости к изменениям, однако наиболее консервативными оказались жители центральных областей; сравнение же макрорегионов по отдельным ценностям давало менее однозначную картину (Магун, Руднев 2007a).

Данные и методы

Опрос Евромайдана

Его участники были опрошены инициативной группой социологов и студентов социологических факультетов 7–8 декабря 2013 года. Выборка составила 443 респондента возрастом от 17 лет на майданах Киева (357 человек) и Львова (86 человек). Метод опроса – личное интервью *face-to-face*. Общая теоретическая погрешность выборки с доверительной вероятностью 0,95 не превышает 4,8%.

Методика отбора респондентов была маршрутной и имитировала случайный отбор. Площади Киева и Львова, где проходили демонстрации, были разбиты на маршруты, охватывавшие всю их территорию. Интервьюеры получили задание опрашивать каждого двадцатого (во Львове – каждого десятого) участника. Стоит отметить, что согласно отчетам интервьюеров, отказов от участия практически не было, от дополнительных желающих не было отбоя. Это весьма отличается от практики обычных опросов общественного мнения (не только в Украине) с их уже традиционно высоким процентом отказов.

В пользу репрезентативности выборки свидетельствует тот факт, что ее социально-демографические характеристики схожи с таковыми в исследовании *Майдан–2013* Фонда «Демократические инициативы» и Киевского международного института социологии (Майдан–2013 2013). Они проводили свой опрос в те же дни, их выборка была больше и была построена независимо.

Для измерения ценностей использовалась методика, взятая непосредственно из опросника *ESS* (см. ниже) для Украины. Дополнительно было задано несколько вопросов социально-демографического плана и для оценки опрошенными сущности Евромайдана. Респонденты могли выбирать украинский либо русский вариант опросника.

Контекст опроса и репрезентативность

Для понимания представительности исследования следует иметь в виду, что дни, когда проводился опрос, можно считать своеобразным пиком мирных демонстраций Евромайдана. По всей видимости, митинги 8 декабря стали самыми массовыми. В Киеве прошел Марш миллиона, на который собралось, по разным оценкам, от 100 тыс. до 1 млн участников[5]. Так много демонстрантов одновременно в столице больше не собиралось. В других областных центрах также прошли многолюдные собрания (особенно на западе страны).

С другой стороны, на демонстрациях все еще массово преобладали миролюбивые настроения. Страна была растревожена разгоном Майдана и избиением студентов в ночь на 30 ноября 2013 года, однако большинство считало, что на власть нужно воздействовать исключительно ненасильственными методами сопротивления[6]. Уже имели место попытка штурма Администрации Президента на улице Банковой 1 декабря 2013 года, как и захват радикалами Киевской городской государственной администрации на Крещатике. Вечером 8 декабря был снесен памятник Ленину у Бессарабского рынка. Однако все эти акции не получили массового одобрения на Евромайдане, не были санкционированы или одобрены большинством его лидеров. Уже 19 января 2014 года, когда начались события на ул. Грушевского, ситуация была прямо противоположной[7].

Таким образом, мы полагаем, что опрошенные более-менее представляют широкий круг сторонников Евромайдана на его начальном мирном этапе – во всяком случае тех, кто добрался до площадей Киева и Львова. Безусловно, в этой выборке был существенный сдвиг в сторону жителей западных областей, обусловленный как составом Евромайдана в принципе, так и тем, что каждый пятый респондент был опрошен во Львове.

Европейское социальное исследование

ESS – крупный академический проект сравнительного изучения европейских обществ (в нем также участвуют Турция и Израиль), существующий с 2001 года. Украина в нем участвует с 2004 года.

В рамках *ESS* каждые два года проводится волна общенациональных опросов. К методологии организации и проведения опросов и составлению анкет предъявляются, пожалуй, самые жесткие требования среди подобных проектов, чтобы сделать данные по разным странам максимально сопоставимыми. Объем эффективной выборки в каждой стране составляет не менее 1500 респондентов. Таким образом, теоретическая погрешность для каждой страны не должна превышать 2,6% с доверительной вероятностью 0,95. Данные исследования доступны через интернет[8].

Для наших целей был взят массив пятой волны *ESS*[9], которая прошла в 2010–2011 годах. Хотя для многих стран уже доступны данные шестой волны, мы отложили сравнения с ними до момента, когда будут доступны данные для Украины. В то же время в исследованиях однозначно указывается, что на уровне обществ ценности изменяются очень медленно (Schwartz 2006; Инглхарт и Вельцель 2011), поэтому временной лаг в 2–3 года можно считать допустимым.

Данные пятой волны были доступны для 27 стран. Для упрощенного сравнения мы разбили их на четыре категории. К Западной Европе были отнесены Бельгия, Швейцария, Германия, Франция, Великобритания, Ирландия, Нидерланды. К скандинавским странам – Дания, Финляндия, Норвегия и Швеция. К Южной Европе – Кипр, Испания, Греция, Португалия. Группа постсоциалистических стран включала Болгарию, Чехию, Эстонию, Хорватию, Венгрию, Польшу, РФ, Словению и Словакию. При этом данные для каждой страны перевзвешивались таким образом, чтобы составлять долю, пропорциональную доле ее населения среди стран той или иной группы. Украина анализировалась отдельно[10].

Методика измерения и расчет ценностных индексов

Ключевым инструментом был так называемый Портретный ценностный опросник *(Portrait Values Questionnaire)*, модификация методики Шварца, которая используется в *ESS*.

Респондентам предлагался 21 «портрет» некоего индивида. По поводу каждого из них опрошенные должны были по 6-балльной шкале указать, насколько они на него похожи, от 1 («очень похож на меня») до 6 («совсем не похож на меня»). Примеры характеристик: «Для него важно жить в безопасном окружении. Он избегает всего, что может угрожать его безопасности»; «Для него важно самостоятельно принимать решения о том, что делать. Ему нравится быть свободным и независимым». Полный набор вопросов из русскоязычной анкеты (мужской вариант опросника) приведен в приложении 1.

Расчет ценностных индексов происходил одним из рекомендованных Ш. Шварцем способов[11]. Абсолютные индексы для каждой из 10 ценностей, описанных выше, вычислялись как среднее арифметическое из оценок соответствующих портретных характеристик – по 2 на каждую ценность (3 для Универсализма).

Далее вычислялись относительные индексы. Дело в том, что разные респонденты склонны определенным образом отвечать на подобные батареи однотипных вопросов, например, чаще позитивно или негативно, более или менее категорично (Welkenhuysen-Gybels, Billiet, Cambré 2003). Подобный «стиль ответов» никак не связан с ценностными предпочтениями. Кроме того, как мы указывали, мотивирует не столько ценность сама по себе, сколько ее выраженность в общей иерархии ценностей. Относительные индексы нужны, чтобы учесть эти

особенности. Для этого вычислялось среднее арифметическое для всех 21 характеристик для каждого опрошенного. Потом этот показатель вычитался из каждого ценностного индекса.

В дальнейших расчетах использовались только 10 относительных ценностных индексов. Они показывают, каким ценностям при прочих равных должно отдаваться предпочтение.

Два ценностных измерения высшего порядка вычислялись так. Из среднего арифметического ценностей Открытости к изменениям (Самостоятельности, Риска–Новизны и Гедонизма) вычиталось среднее ценностей Сохранения (Конформности, Традиции и Безопасности). Таким образом, получалось измерение, большие значения на котором говорили о предпочтении Открытости к изменениям, а меньшие – о предпочтении Сохранения порядка вещей.

Так же из среднего для ценностей Выхода за пределы своего «Я» (Благожелательности и Универсализма) вычиталось среднее для Самоутверждения (Власти–Богатства и Достижения). Большим значениям на этом измерении соответствовала большая вероятность предпочесть самоутверждению заботу о других людях и природе.

Прочие источники данных

При сравнительном анализе распределения участников Евромайдана и всего населения Украины по полу, возрасту и проживанию в селе/городе мы дополнительно пользовались данными Государственной службы статистики Украины. Поскольку нам была нужна информация не для всех жителей, а для населения возрастом от 17 лет, мы не могли воспользоваться самыми последними данными. Нужные показатели мы рассчитывали на основе данных на 1 января 2013 года (Розподіл 2013).

К сожалению, настолько же свежие данные по уровню образования в Госслужбе статистики отсутствуют, а занятость населения учитывается ею подругому. Для оценки этих показателей мы прибегли к данным мониторинга Института социологии НАН Украины (ИС НАНУ) *Украинское общество*. Данный опрос проводится каждые два года по репрезентативной выборке для взрослого населения Украины возрастом от 18 лет. Мы использовали результаты последнего доступного опроса, который проходил в апреле 2012 года (Українське 2012). Выборка, репрезентативная для всего взрослого населения Украины, составила 1791 опрошенного. Теоретическая погрешность выборки не превышает 2,4% с вероятностью 0,95.

Если варианты ответов мониторинга и опроса на Евромайдане относительно структуры образования совпадали, то ответы относительно положения на рынке труда пришлось укрупнить. Респондентов мониторинга спрашивали: «Какой статус занятости Вы имеете на работе?» Те, кто выбрали варианты «ра-

ботодатель» и «самозанятый», были отнесены к категории «индивидуальный бизнес/частный предприниматель». Категории наемных работников и неработающих были оставлены без изменений. Доля этих категорий в выборке вычислялась без учета затруднившихся с ответом, которых набралось 5%.

При использовании данных, собранных несколько раньше массовых протестов, мы исходили из того, что нужные нам показатели структуры населения изменяются очень медленно и этой разницей можно пренебречь.

Результаты

Социально-демографическая структура Евромайдана

На наш взгляд, продуктивнее указывать не сами по себе характеристики участников Евромайдана, а в сравнении со структурой всего населения Украины. Это позволит ярче показать специфику протестного движения.

Почти все собравшихся на протесты в Киеве и Львове – горожане[12], причем киевлян среди них половина (рис. 2). Большинство (хотя и не всех) остальных горожан следует считать жителями Западной Украины. Во-первых, 44% некиевских горожан были опрошены во Львове, во-вторых, удельный вес приезжих из западных областей в Киеве тоже был высок (Майдан–2013 2013).

Среди участников Евромайдана несколько большей была доля мужчин (54%), в то время как среди всего населения их 46% (Розподіл). На Майдане было заметно больше молодежи, особенно участников до 25 лет (рис. 3).

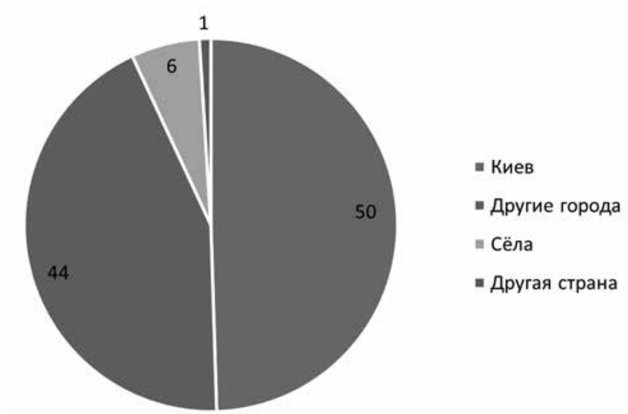

Рис. 2. Распределение опрошенных на Евромайдане по поселенческой структуре, 7–8 декабря 2013 года, %

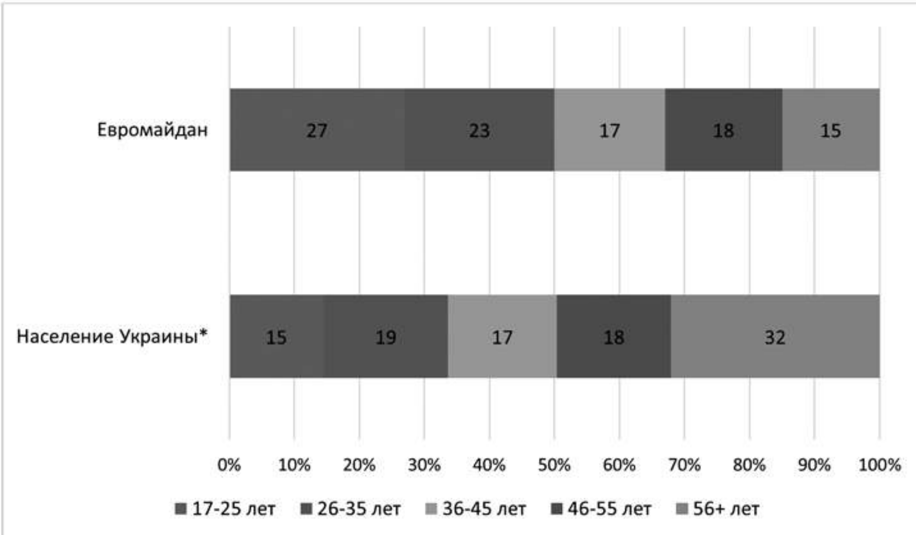

Рис. 3. Сравнение возрастной структуры опрошенных на Евромайдане и всего населения Украины, %
(Рассчитано по: Розподіл 2013)*

Пожалуй, самым разительным оказались различия в уровне образования. Среди опрошенных протестующих 67% имели законченное высшее образование, тогда как среди всего взрослого населения они составляют примерно 13% (рис. 4).

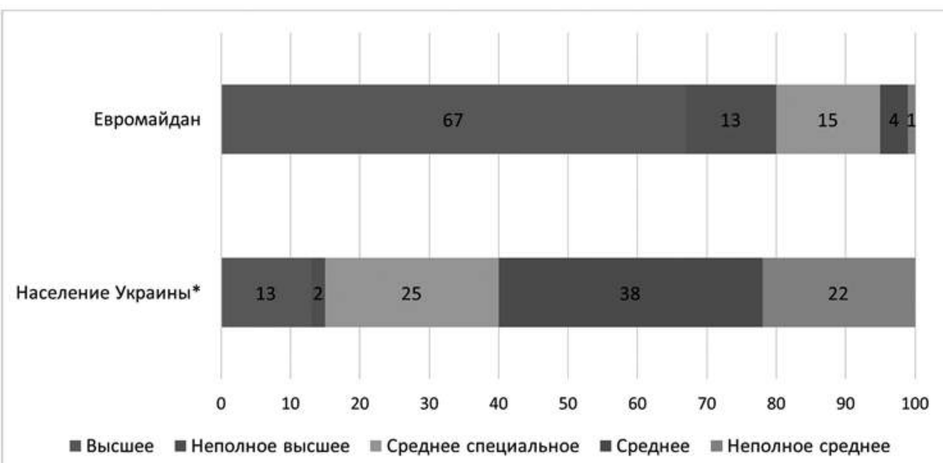

Рис. 4. Сравнение структуры опрошенных на Евромайдане (7–8 декабря 2013 г.) и всего населения Украины по уровню образования, %
(Источник: Українське 2012)*

Сравнение структуры занятости показывает, что на Евромайдане было заметно больше экономически активного и предприимчивого населения. Удельный вес мелких бизнесменов и частных предпринимателей был больше, чем среди всего населения, доля наемных работников была сравнимой (рис. 5).

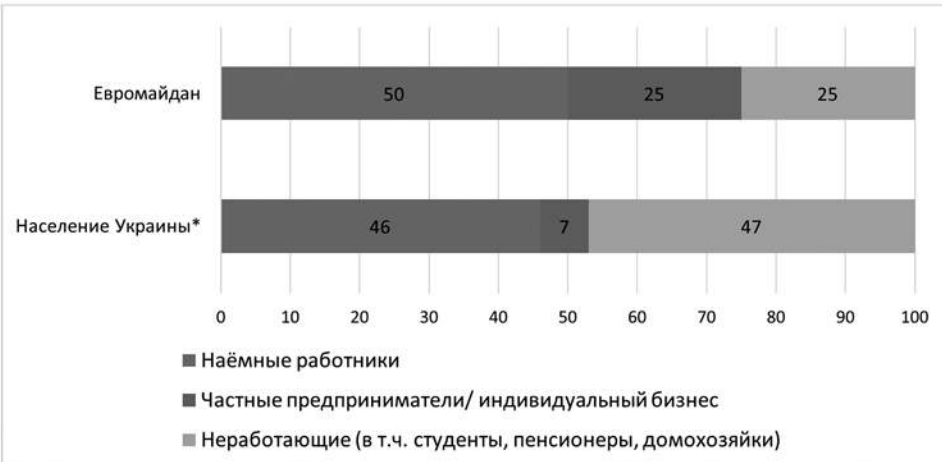

Рис. 5. Сравнение структуры занятости опрошенных на Евромайдане (7–8 декабря 2013 г.) и всего населения Украины, %
(Рассчитано по: Українське 2012)*

Говоря о неработающем населении, стоит учесть не только то, что оно было намного меньше представлено на Евромайдане. Следует полагать, что из этих 25% существенную часть составляли студенты. Об этом говорят и возрастная структура участников, и данные опроса *Майдан–2013*, на который мы ссылались выше.

В целом, среди участников Евромайдана были сверхпредставлены городские средние слои: экономически активные, образованные, довольно молодые и инициативные. Из них не состояли все участники поголовно, однако их роль явно была существенна. Помимо того, результаты показывают необоснованность суждений о том, что на Евромайдан вышли преимущественно западно-украинские безработные либо незанятые студенты.

Восприятие Евромайдана

Нелишне обратить внимание на мнения о Евромайдане самих участников.

Для подавляющего большинства опрошенных Евромайдан – гражданское сопротивление властям и проявление воли неравнодушных граждан (рис. 6). Самыми популярными мотивами поддержки Евромайдана были стремление побороть коррумпированный политический режим и радикально изменить систему власти, а также подписание Соглашения об ассоциации с ЕС (рис. 7).

Большинство опрошенных сказало, что они вышли на Евромайдан, чтобы высказать свою гражданскую позицию (68%) и поддержать митингующих (60%), а также оказать им конкретную помощь, например, едой, деньгами, медикаментами (29%).

Предсказуемо, что почти все респонденты поддерживали Евромайдан либо полностью (89%), либо в большей мере (9%).

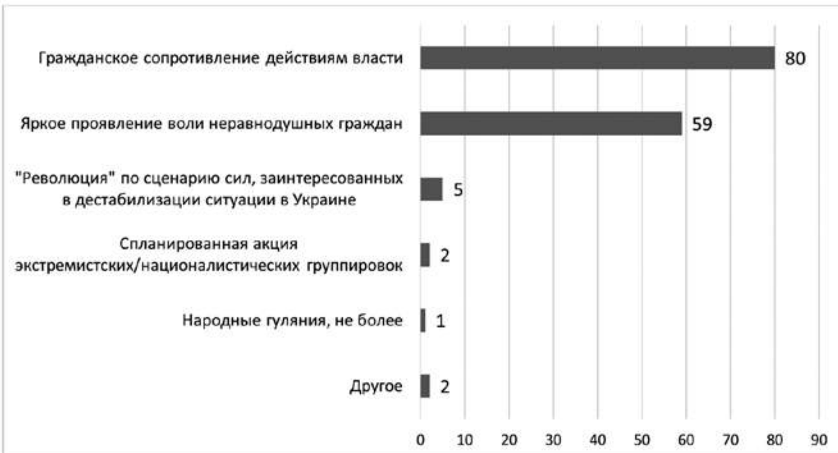

Рис. 6. Ответы опрошенных на Евромайдане на вопрос «Евромайдан – это …?», 7–8 декабря 2013 года, %
(возможно было выбирать несколько вариантов ответа)

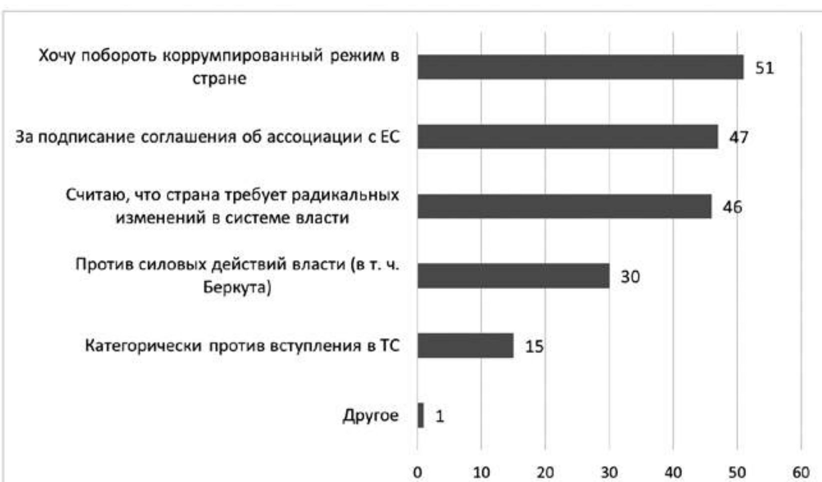

Рис. 7. Ответы опрошенных на Евромайдане на вопрос о том, почему они поддерживают Евромайдан, 7–8 декабря 2013 года, %
(возможно было выбирать несколько вариантов ответа)

Ответы еще раз свидетельствуют, что протест был добровольным всплеском гражданской активности, прежде всего, в попытке изменить коррумпированный политический режим в Украине, но также и добиться ассоциации с ЕС.

Ценностные профили и их сравнение

Среди участников Евромайдана самыми выраженными оказались ценности Заботы о людях и природе, Самостоятельность и Безопасность (рис. 8). Самый низкий приоритет имели Власть–Богатство, Гедонизм и Конформность. То есть для большинства участников Евромайдана действительно благо для всех было ценнее, чем для себя лично, и для его достижения они были склонны идти на неудобства и издержки.

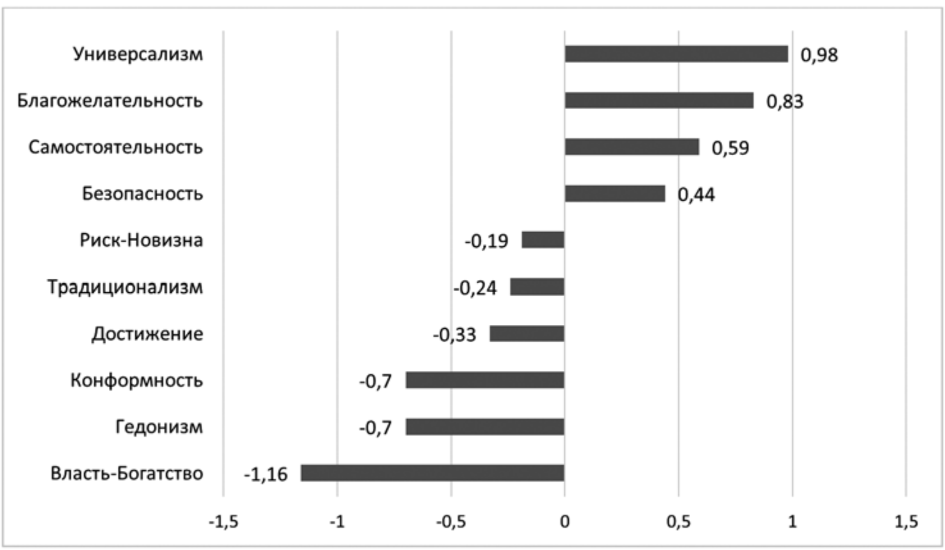

Рис. 8. Средние показатели относительной важности ценностей по Шварцу среди участников Евромайдана, 7–8 декабря 2013 года, баллы

На рис. 9–10 приведены наглядные графики относительной важности ценностей для участников Евромайдана, граждан Украины и стран Европы. Значения индексов и статистическая значимость отличий от показателей Евромайдана приведены в приложении 2.

Безопасность довольно важна для протестующих, однако намного меньше, чем для жителей большинства стран, особенно Украины (рис. 9). Ближе всего участники протеста находятся к гражданам Западной Европы. Ценность Традиции отрицательна, и в этом отношении Евромайдан близок обществам Скандинавии. Беспрецедентно низкой оказалась ценность Конформности, аналогов

которой не оказалось. Для населения Украины в целом ценность Конформности, скорее, позитивна.

Ценности открытости к изменениям, напротив, были весьма выражены. Индикатор самостоятельности был самым высоким среди участников Евромайдана. Статистически значимых отличий не было только по сравнению со странами Северной Европы. Ценность Риска–Новизны, опять-таки, не имела аналогов. Значение ее показателя было отрицательным, однако существенно большим, чем для Украины или любой другой группы стран. Следовательно, среди участников протеста доля людей, для которых Риск–Новизна были достаточно важны, была выше, чем среди граждан любой страны в целом.

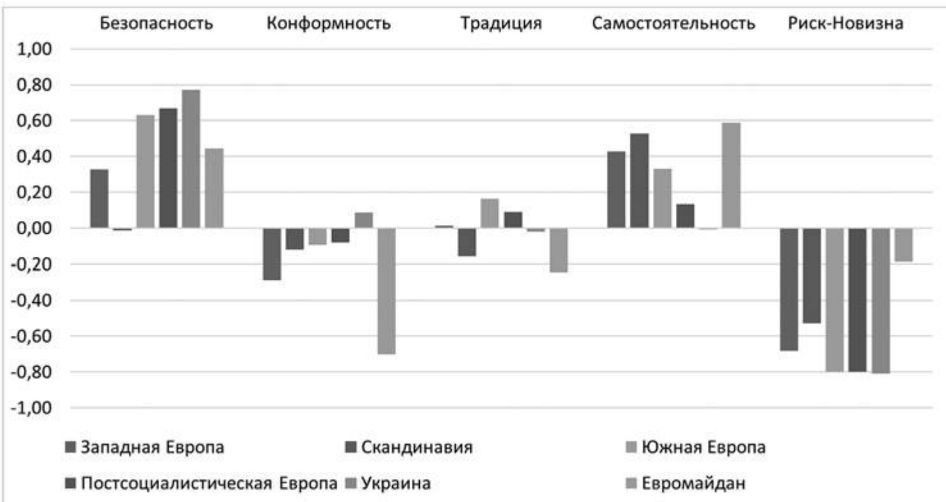

Рис. 9. Относительная важность ценностей по Шварцу для участников Евромайдана, жителей Украины и европейских стран, баллы

Любопытна ситуация с ценностями, связанными с самоутверждением (рис. 10). Низкая важность Гедонизма на Евромайдане практически не отличается от таковой для жителей Украины и постсоциалистических стран. Ценность Достижения также в среднем отрицательна и выражена так же, как и для всей Украины. Однако показатели Власти–Богатства чрезвычайно низки, и в этом Евромайдан ближе ко всем европейским странам, кроме постсоциалистических и Украины.

Показатели ценностей заботы об окружении опять ставят Евромайдан ближе к жителям Европы, чем Украины (рис. 10). Уровень Благожелательности статистически неотличим от всех стран, кроме постсоциалистических и Украины. Ценность Универсализма превышает показатели для всех страновых категорий.

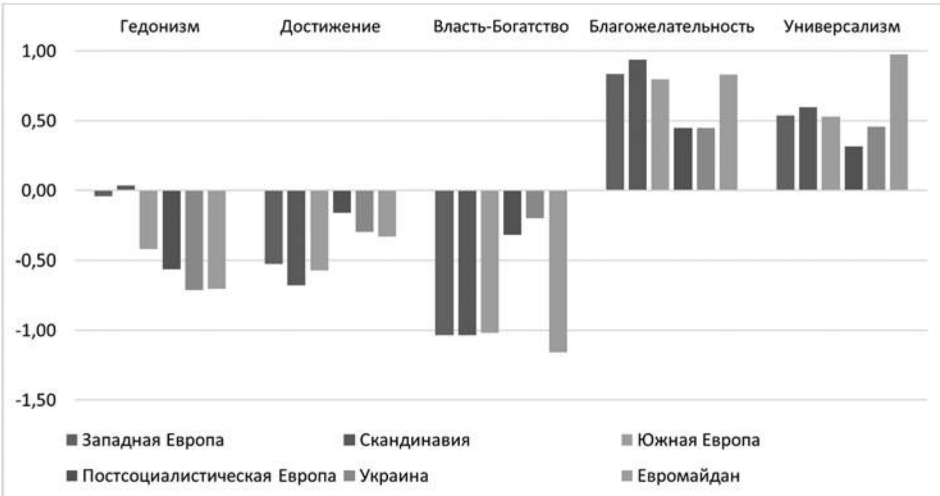

Рис. 10. Относительная важность ценностей по Шварцу для участников Евромайдана, жителей Украины и европейских стран (продолжение), баллы

Мы также сравнили относительную выраженность ценностей для Евромайдана и отдельно взятых стран. Соответственные гистограммы для каждой ценности находятся в приложении 3.

Общая картина осталась примерно такой же, хоть и несколько более неоднозначной. Связано это с тем, что показатели отдельных стран могли статистически не отличаться от Евромайдана, тогда как категории, куда страны входили, имели отличающиеся индексы. Например, это касалось отдельных постсоциалистических стран, несколько чаще других – Эстонии и Чехии. Впрочем, страны Северной и Западной Европы тоже не всегда были одинаковы в плане наличия или отсутствия статистически значимых отличий ценностных показателей. Самой противоречивой оказалась ситуация с ценностью Достижения. Хотя все группы стран отличались от Евромайдана по этому показателю, по отдельности многие страны имели схожие показатели. Универсализм на Евромайдане был выражен сильнее, чем в любой стране. Но показатель Риска–Новизны статистически не отличался от Финляндии, а Конформности (точнее, ее неважности) – от Швейцарии. В целом, чаще всего отсутствовали статистически значимые отличия от Евромайдана у Финляндии: в шести из десяти случаев. В пяти случаях значимых отличий не было у Норвегии и Германии.

Наконец, мы попытались разместить отдельные европейские страны, Украину и Евромайдан в пространстве двух ценностных измерений более высокого порядка: Сохранения – Открытости к изменениям и Самоутверждения – Заботы о людях и природе (рис. 11). Евромайдан и вся Украина оказались в

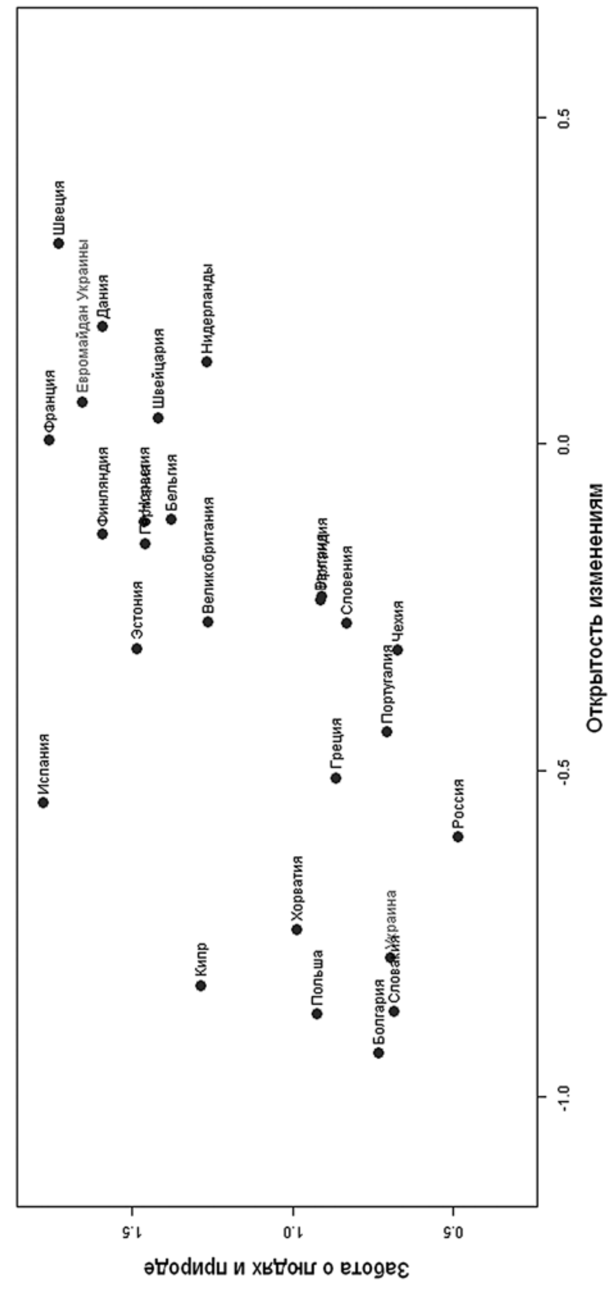

Рис. 11. Евромайдан, Украина и европейские страны в пространстве двух ценностных измерений, баллы

противоположных углах импровизированной карты ценностей. Ближайшими соседями Евромайдана оказались Дания и Франция, чуть дальше – Швеция, Финляндия и Швейцария. Тогда как ближайшими к Украине были Словакия и Болгария, в меньшей мере – Польша, Россия и Хорватия.

Обсуждение

Результаты, на наш взгляд, убедительно показывают: по своим ценностям участники начального этапа Евромайдана были достаточно близки к средним жителям европейских стран, намного ближе, чем к среднему жителю Украины. Схожесть с Западной Европой и Скандинавией обусловлена прежде всего большой важностью ценностей Открытости к изменениям (прежде всего, Самостоятельности) и Благожелательности и неважностью Власти–Богатства и Традиции.

Главный нюанс состоял в очень низкой важности ценностей, связанных с личным успехом и устроенностью. Если низкая ценность Гедонизма и Достижения для Евромайдана такая же, как и для Украины, то аномально низкие Конформность и высокие Риск–Новизна и Универсализм почти не имели аналогов.

Радикализированные европейцы – такова, на наш взгляд, краткая и адекватная характеристика сторонников Евромайдана. Для большинства из них общее благо было намного ценнее, чем власть, достижения и комфорт лично для себя, и за это они были готовы бороться и идти на риск.

Еще раз подчеркнем, что речь идет именно об участниках первого этапа Евромайдана. Мы не распространяем эти результаты на постоянных жителей Майдана в зимние месяцы, участников боев на ул. Грушевского, а также на представителей отдельных групп протестующих, в частности парамилитарных. Эти группы имели свою специфику, кроме того, протестующие на Майдане радикализировались вместе с усилением противостояния (Від Майдану-табору 2014). Их ценностные приоритеты заслуживали отдельного изучения, хотя вполне возможно, что и для них были более характерны «европейские», чем «украинские» ценностные профили.

Нужно учитывать, что мы сравнивали протестующих со средними гражданами европейских стран, поэтому такие показатели Конформности и Риска–Новизны понятны. Разумно предположить, что люди, выходящие на протест с реальной вероятностью пострадать за это, в среднем менее конформны и более рискованны.

Более пристальный взгляд на социальную базу Евромайдана дополнительно убеждает, что общий вектор его устремлений был направлен к экономическому и политическому устройству, в целом характерному для стран Западной и Северной Европы.

Евромайдан, как мы показали, во многом состоял из представителей средних городских слоев, образованных, предприимчивых молодых и по факту социально активных. Не будет преувеличением назвать их мотором зимних протестов.

Нельзя не заметить, что именно на эти социальные группы возлагалась особенная надежда на экономический прорыв. Тезис о том, что успешная экономика в Украине должна базироваться на знаниях и инновациях, высоком человеческом капитале, наукоемких производствах и продукции с высокой добавленной стоимостью, стал общим местом и в публицистике, и в академических текстах. Известно, что подобные производства, как правило, не окупаются быстро, поэтому особо требуют защищенных прав собственности, инвестиций и возможности долговременного планирования. Практически необсуждаемой стала и рекомендация всячески способствовать развитию мелкого и среднего предпринимательства. Эти идеи были прописаны даже в объемном послании Президента Украины, составленном для В. Януковича Национальным институтом стратегических исследований (Модернизация 2011).

Однако требуемые экономические, правовые, политические изменения серьезно ограничили бы власть и возможность бесконтрольно обогащаться для В. Януковича и его «Семьи». Поэтому при сохранении его режима они были невозможны. Наоборот, плохой инвестиционный климат, тотальная коррупция, рейдерство успешных предприятий, подконтрольные фискально-контролирующие органы делали невозможным развитие постиндустриального сектора экономики. Мелкий бизнес душился налогами, проверками и чрезмерной забюрократизированностью.

Запрос на смену режима Януковича, таким образом, был сильнее всего у наиболее креативных и предприимчивых средних слоев, которым прочили роль локомотивов экономического развития. В большой степени Евромайдан можно считать именно их восстанием. Они требовали новых правил игры, воплощение которых они видели в первую очередь в европейских обществах. В этом смысле было естественным соединение требований евроинтеграции и кардинального изменения коррумпированной политической системы.

В то же время остается открытым вопрос, насколько распространились в Украине близость европейским ценностям и готовность бороться за более открытое общество, несмотря на риски для собственного благополучия.

Ограничения исследования

Принципиальный вопрос – насколько мы можем сопоставлять результаты кросс-национального измерения ценностей? За ценностными индексами может стоять разное понимание сути ценностей, и даже разная их структура, о чем говорят результаты относительно недавних межстрановых сравнений с приме-

нением новых методов статистического моделирования (Davidov 2008; Руднев 2013). То есть наши обобщенные всеевропейские сравнения могут далеко не всегда оказаться корректными. Мы планируем проверку эквивалентности ценностных конструктов с помощью моделирования структурными уравнениями и возможный пересмотр выводов в ближайших публикациях.

Другой вопрос – как абстрактные ценности по Шварцу соотносятся с тем, что вкладывается в понятие европейских ценностей, а также с перспективами социетального развития? Нам неизвестны исследования соотношения списка европейских ценностей и ценностей по Шварцу. Проследить связь ценностей по Шварцу, измеряемых на индивидуальном уровне, с экономической и политической модернизацией весьма сложно. Прямо их увязать невозможно, поскольку индивид не имеет темпов роста ВВП и степени демократичности режима.

Исследования в Западной Германии и Италии показывают значимую связь Универсализма, Благожелательности и Самостоятельности с более эгалитарными политическими ориентациями; также интерес к политике и активизм позитивно связаны с Универсализмом и Благожелательностью и негативно – с ценностями сохранения (Caprara, Schwartz, Capanna, Vecchione, Barbaranelli 2006; Datler, Jagodzinski, Schmidt 2013). Впрочем, ценности объясняли только малую часть политических ориентаций.

Другой способ связать ценности граждан и предрасположенность к современному развитию – через так называемые ценности самовыражения, выделенные Р. Инглхартом и его коллегами (Inglehart, Baker 2000). Они убедительно показывают, что массовое распространение этих ценностей обусловлено переходом к постиндустриальной экономике и в свою очередь делает очень вероятным переход к демократии либо ее дальнейшее укрепление (Инглхарт, Вельцель 2011).

В целом, общие соображения и имеющаяся литература подсказывают, что ценностные ориентации Евромайдана должны предполагать, что его участники имеют благоприятные установки для участия в демократизации и необходимых экономических реформах. Однако необходимы более убедительные эмпирические свидетельства.

Третий сюжет, требующий отдельного исследования, – какими были соотношение и взаимосвязь действительных европейских ценностей, националистических сантиментов и так называемого мифа о Европе среди мотиваций участников Евромайдана. Действительно ли исследованные нами ценности стали решающим компонентом объединения участников? Или же им стал национализм? А может, все-таки мечта о том, что стоит только вступить в ЕС и жить само собой станет значительно легче? Или некоторый гибрид среди названных представлений?

Роль по-разному понимаемого национализма на Майдане была велика. Вообще, по нашему мнению, одним из самых занимательных феноменов сознания

Евромайдана было то, как, в сущности, либеральные требования без этнических маркеров быстро встали на националистические рельсы. Национализация либерального дискурса ощущалась, пожалуй, каждым. Самым ярким ее свидетельством стало приветствие «Слава Украине – Героям Слава», раньше ассоциировавшееся исключительно с радикальными украинскими националистами 30–50-х годов прошлого века[13].

Миф о Европе описывает, в частности, А. Портнов, говоря об идеализированном понимании Европы как гомогенного «пространства верховенства права, социальной справедливости, свободы передвижения и самовыражения», которое «значительно превосходит не только содержание неподписанного Украиной Соглашения об ассоциации, но и актуальное состояние Европейского союза» (Портнов 2013).

Каким же было место европейских ценностей на этом фоне? Вопрос также важен для понимания перспектив дальнейшего развития Украины, которое будет зависеть от каждодневных практик, связанных скорее с убеждениями, чем с мифами и исторической памятью. С другой стороны, возможно, какой-нибудь современный извод гражданского национализма сможет компенсировать нехватку ценностей, связанных со свободой и развитием.

Выводы

В данной статье мы сравнили ценности участников начального этапа Евромайдана и жителей европейских стран, измеренные по методологии Ш. Шварца. Участников Евромайдана вполне можно характеризовать как радикализированных европейцев.

Результаты убедительно показали, что в отношении ценностей Евромайдан был намного ближе к странам Западной и Северной Европы (таким как Финляндия, Норвегия, Германия, Дания, Франция, Швейцария), чем к Украине в целом. Схожесть выражалась прежде всего в большей важности самостоятельности и благожелательности, в меньшей – безопасности, традиции и личной влиятельности.

С другой стороны, показатели ценностей, связанных со всеобщим благом и готовностью рисковать, были так высоки, а с конформностью – так низки, как почти ни в одной другой стране. В то же время по уровню неважности гедонизма и личных достижений Евромайдан не отличался от Украины и ряда постсоциалистических стран.

Исследование также подтвердило, что на Евромайдане был большой удельный вес городских образованных средних слоев, относительно молодых, с существенной долей предпринимателей. Главным образом участники состояли из жителей Киева и городов Западной Украины. Практически все они рассматривали Евромайдан как борьбу граждан против коррумпированного режима

за радикальное изменение системы власти и подписание Соглашения об ассоциации с ЕС.

То есть Евромайдан во многом был инициирован социальными группами украинцев, которых можно назвать потенциальными локомотивами социетального развития, запрос которых на экономические и политические реформы наиболее силен. В то же время их количество в Украине может оказаться все еще недостаточным, чтобы предопределить проведение и успех необходимых изменений в обществе. Тем более в сложившихся архисложных внутри- и внешнеполитических условиях.

Данную работу стоит считать скорее предварительной разведкой о «европейскости» ценностей участников Евромайдана и связанных с этим перспектив развития Украины. В дальнейшем следует сравнить данные по Евромайдану с более недавними данными относительно жителей Украины и европейских стран; уточнить пределы сравнимости их ценностных индексов; прояснить связь между ценностями, социально-демографической структурой, активностью на Евромайдане и социальными изменениями. Отдельно стоит изучить место европейских ценностей среди вызвавших Евромайдан мотиваций, в частности, по сравнению с националистическими сантиментами и мифом о Европе.

Приложение 1. Русскоязычный вариант Портретного ценностного опросника Шварца (PVQ-21), мужская версия

Сейчас я зачитаю короткие характеристики некоторых людей. Пожалуйста, послушайте каждое описание и скажите, насколько каждый из этих людей похож или не похож на Вас. Используйте для ответа эту карточку.

КАРТОЧКА А.
ЗАЧИТАЙТЕ…

Очень похож на меня..............................1 *Похож на меня ....2* *Довольно похож на меня..........................3* *Немного похож на меня...........................4* *Не похож на меня....................................5* *Совсем не похож на меня........................6* ЗО...88	КАРТОЧКА А

A	Для него важно придумывать новые идеи и быть творческим человеком. Ему нравится все делать своим оригинальным образом	1	2	3	4	5	6	88
B	Для него важно быть богатым. Он хочет иметь много денег и дорогие вещи	1	2	3	4	5	6	88
C	Для него очень важно, чтобы в обращении с людьми во всем мире соблюдалось равенство. Он убежден, что у всех должны быть равные возможности в жизни	1	2	3	4	5	6	88
D	Для него важно демонстрировать всем свои способности. Он хочет, чтобы люди восхищались тем, что он делает	1	2	3	4	5	6	88
E	Для него важно жить в безопасном окружении. Он избегает всего, что может угрожать его безопасности	1	2	3	4	5	6	88
F	Ему нравятся сюрпризы, и он всегда ищет, каким бы новым делом заняться. Он считает, что в жизни важно заниматься многими разными вещами	1	2	3	4	5	6	88
G	Он убежден, что люди должны выполнять то, что им говорят. Он считает, что люди всегда должны следовать правилам, даже если никто за ними не следит	1	2	3	4	5	6	88
H	Он считает важным выслушивать мнения людей, которые от него отличаются. Даже если он не согласен с ними, он все равно хочет понять их точку зрения	1	2	3	4	5	6	88
I	Для него очень важно быть скромным и «держаться в тени». Он старается не привлекать к себе внимание	1	2	3	4	5	6	88
J	Для него важно хорошо проводить время. Ему нравится себя баловать	1	2	3	4	5	6	88
K	Для него важно самостоятельно принимать решения о том, что делать. Ему нравится быть свободным и независимым	1	2	3	4	5	6	88

L	Для него очень важно помогать окружающим людям. Он хочет заботиться об их благополучии	1	2	3	4	5	6	88
M	Для него очень важно быть успешным. Он надеется, что люди признают его достижения	1	2	3	4	5	6	88
N	Для него важно, чтобы правительство гарантировало его безопасность от всех угроз. Он хочет, чтобы государство было сильным и могло защитить своих граждан	1	2	3	4	5	6	88
O	Он ищет приключений и любит рисковать. Он хочет жизни полной впечатлений	1	2	3	4	5	6	88
P	Для него важно всегда вести себя правильно. Он стремится избегать любых поступков, которые могут вызвать осуждение	1	2	3	4	5	6	88
Q	Для него важно быть уважаемым человеком. Он хочет, чтобы люди делали то, что он говорит	1	2	3	4	5	6	88
R	Для него важно быть верным своим друзьям. Он хочет посвятить себя близким людям	1	2	3	4	5	6	88
S	Он твердо убежден, что люди должны беречь природу. Для него важно заботиться об окружающей среде	1	2	3	4	5	6	88
T	Для него важны традиции. Он старается придерживаться религиозных или семейных обычаев	1	2	3	4	5	6	88
U	Он ищет любую возможность повеселиться. Для него важно делать то, что доставляет ему удовольствие	1	2	3	4	5	6	88

Источник: European Social Survey [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.europeansocialsurvey.org/docs/round5/fieldwork/ukraine/russian/ESS5_questionnaires_UA_rus.pdf.

Приложение 2.
Средние значения 10 ценностных индексов для участников Евромайдана, жителей Украины в целом и европейских стран

	Западная Европа	Скандинавия	Южная Европа	Постсоциа-листическая Европа	Украина	Евромайдан
Безопасность	0.33	–0.01*	0.63*	0.67*	0.77*	0.44
Конформность	–0.29*	–0.12*	–0.09*	–0.08*	0.09*	–0.70
Традиция	0.01*	–0.16	0.16*	0.09*	–0.02*	–0.24
Самостоятельность	0.43*	0.53	0.33*	0.13*	–0.01*	0.59
Риск–Новизна	–0.68*	–0.53*	–0.80*	–0.80*	–0.81*	–0.19
Гедонизм	–0.04*	0.04*	–0.42*	–0.56	–0.71	–0.70
Достижение	–0.52*	–0.68*	–0.57*	–0.16*	–0.30	–0.33
Власть–Богатство	–1.03	–1.03	–1.02	–0.32*	–0.20*	–1.16
Благожелательность	0.83	0.94	0.80	0.45*	0.45*	0.83
Универсализм	0.54	0.60	0.53	0.32	0.46	0.98

*Значение ценностного индекса статистически значимо отличается от соответствующего индекса для участников Евромайдана на уровне *p = 0,05*. Значимость оценивалась с помощью однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA), по критерию T3 Даннета.

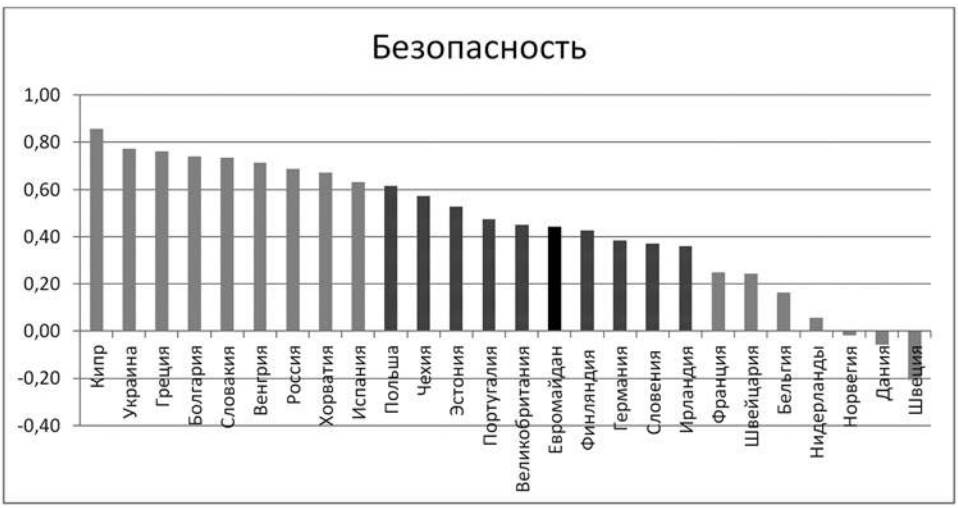
Группировка стран по категориям следующая: Западная Европа – Бельгия, Швейцария, Германия, Франция, Великобритания, Ирландия, Нидерланды; Скандинавия – Дания, Финляндия, Норвегия и Швеция; Южная Европа – Кипр, Испания, Греция, Португалия; постсоциалистические страны – Болгария, Чехия, Эстония, Хорватия, Венгрия, Польша, РФ, Словения и Словакия.

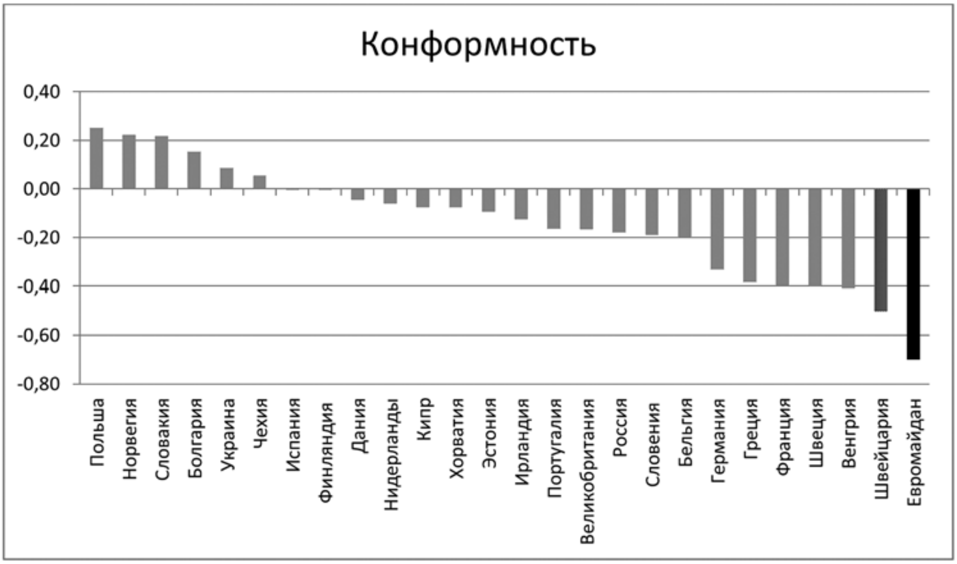
Приложение 3. Сравнение значений 10 ценностных индексов для Евромайдана и отдельных стран

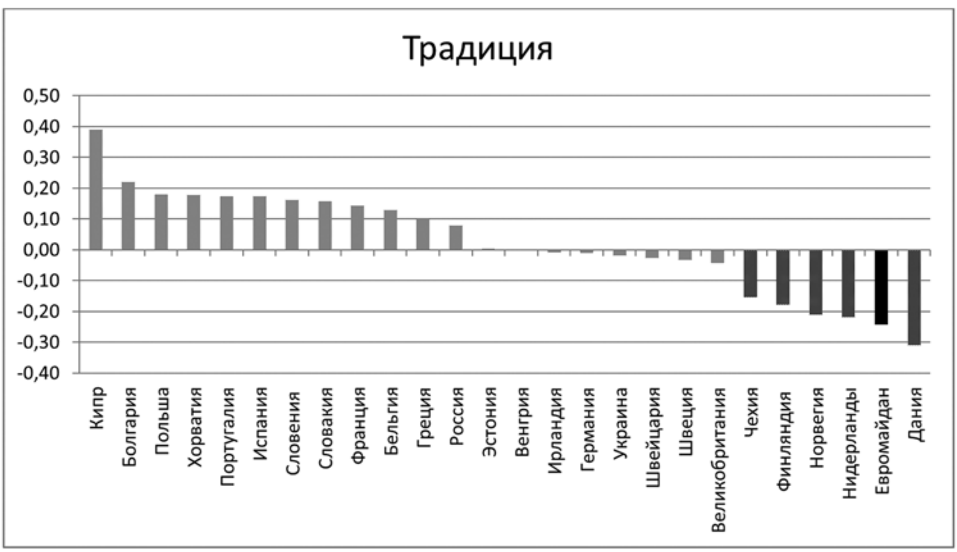
Степень отличия от ценностных индексов Евромайдана: условные обозначения

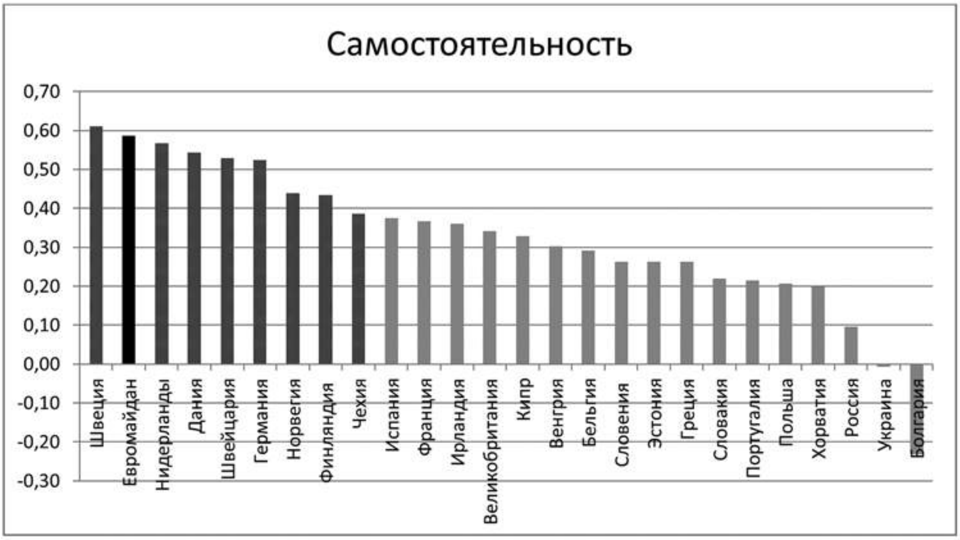
100% заливки	Значение индекса Евромайдана
70% заливки	Значение ценностного индекса статистически значимо ***не*** отличается от индекса Евромайдана на уровне *p = 0,05*
50% заливки	Значение ценностного индекса статистически значимо отличается от индекса Евромайдана на уровне *p = 0,05*

Статистическая значимость различий оценивалась с помощью однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA), по критерию T3 Даннета.

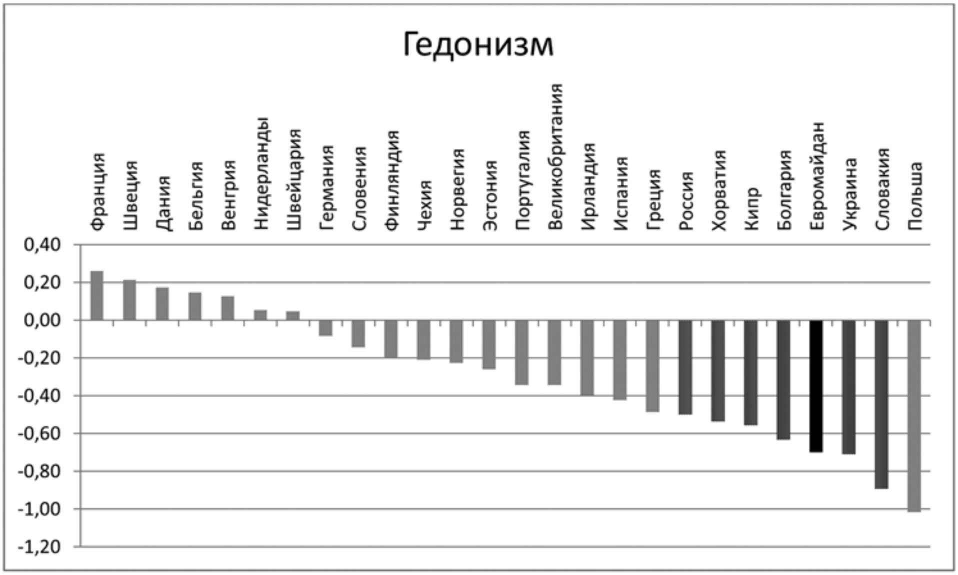

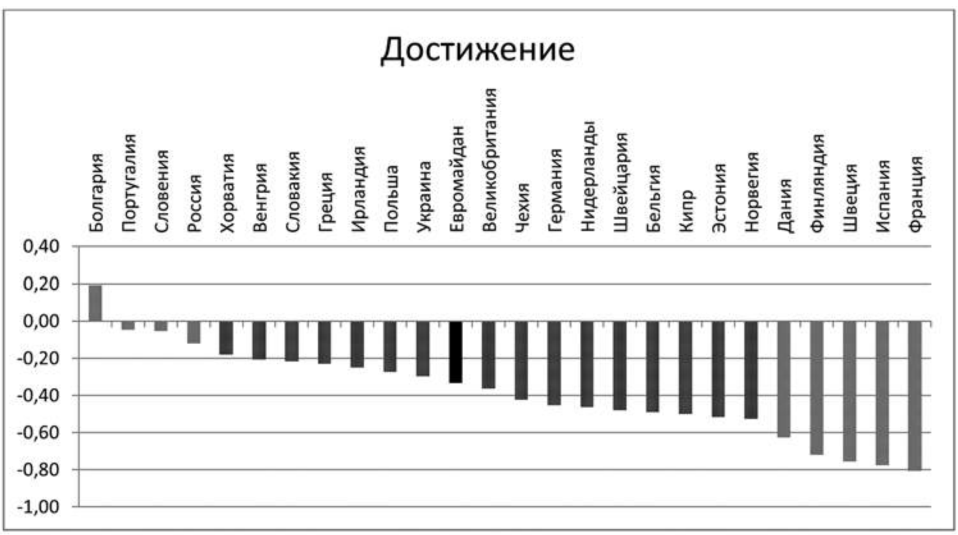

Конформность
0,40
0,20
0,00
-0,20
-0,40
-0,60
-0,80
Польша
Норвегия
Словакия
Болгария
Украина
Чехия
Испания
Финляндия
Дания
Нидерланды
Кипр
Хорватия
Эстония
Ирландия
Португалия
Великобритания
Россия
Словения
Бельгия
Германия
Греция
Франция
Швеция
Венгрия
Швейцария
Евромайдан

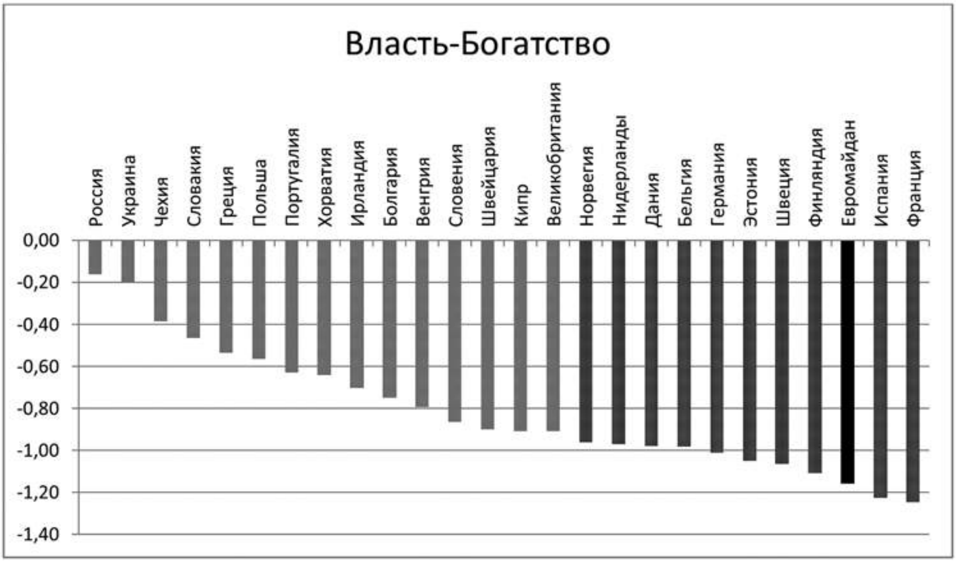

Традиция
0,50
0,40
0,30
0,20
0,10
0,00
-0,10
-0,20
-0,30
-0,40
Кипр
Болгария
Польша
Хорватия
Португалия
Испания
Словения
Словакия
Франция
Бельгия
Греция
Россия
Эстония
Венгрия
Ирландия
Германия
Украина
Швейцария
Швеция
Великобритания
Чехия
Финляндия
Норвегия
Нидерланды
Евромайдан
Дания

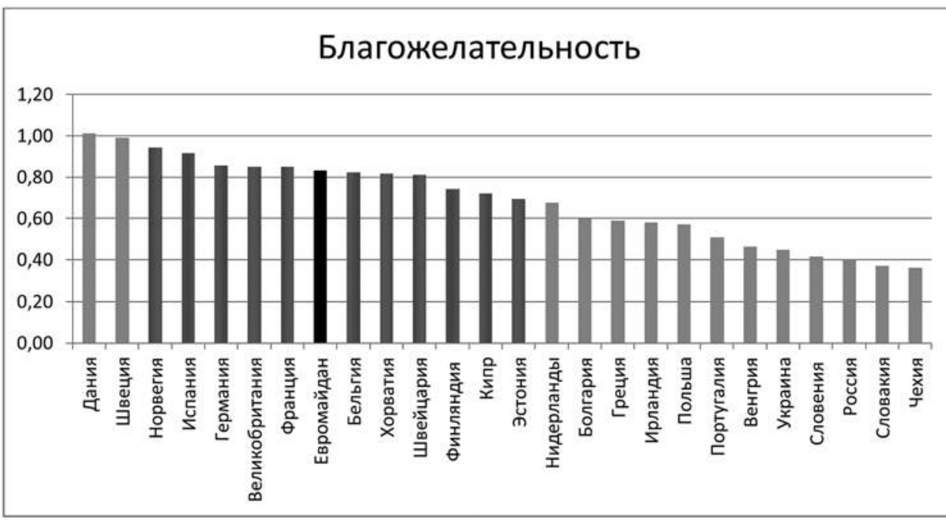

Самостоятельность
0,70
0,60
0,50
0,40
0,30
0,20
0,10
0,00
-0,10
-0,20
-0,30
Швеция
Евромайдан
Нидерланды
Дания
Швейцария
Германия
Норвегия
Финляндия
Чехия
Испания
Франция
Ирландия
Великобритания
Кипр
Венгрия
Бельгия
Словения
Эстония
Греция
Словакия
Португалия
Польша
Хорватия
Россия
Украина
Болгария

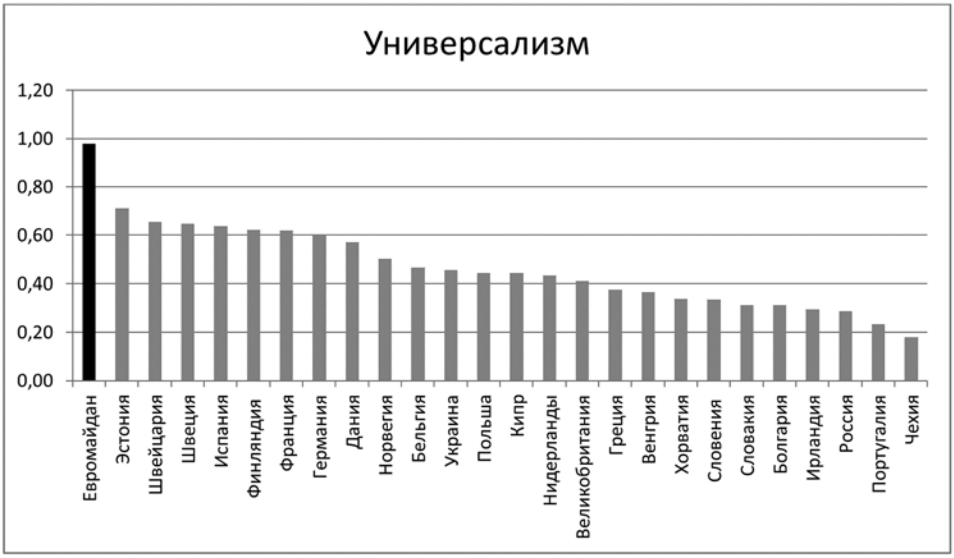

Риск-Новизна
0,00
-0,20
-0,40
-0,60
-0,80
-1,00
-1,20
Евромайдан
Финляндия
Ирландия
Нидерланды
Эстония
Швеция
Великобритания
Норвегия
Дания
Словения
Франция
Чехия
Бельгия
Португалия
Швейцария
Польша
Испания
Украина
Россия
Болгария
Словакия
Греция
Венгрия
Германия
Кипр
Хорватия

Гедонизм
Франция
Швеция
Дания
Бельгия
Венгрия
Нидерланды
Швейцария
Германия
Словения
Финляндия
Чехия
Норвегия
Эстония
Португалия
Великобритания
Ирландия
Испания
Греция
Россия
Хорватия
Кипр
Болгария
Евромайдан
Украина
Словакия
Польша
0,40
0.20
0.00
-0,20
-0,40
-0,60
-0,80
-1,00
-1,20

Достижение
Болгария
Португалия
Словения
Россия
Хорватия
Венгрия
Словакия
Греция
Ирландия
Польша
Украина
Евромайдан
Великобритания
Чехия
Германия
Нидерланды
Швейцария
Бельгия
Кипр
Эстония
Норвегия
Дания
Финляндия
Швеция
Испания
Франция
0,40
0.20
0.00
-0,20
-0,40
-0,60
-0,80
-1,00

Власть-Богатство
Россия
Украина
Чехия
Словакия
Греция
Польша
Португалия
Хорватия
Ирландия
Болгария
Венгрия
Словения
Швейцария
Кипр
Великобритания
Норвегия
Нидерланды
Дания
Бельгия
Германия
Эстония
Швеция
Финляндия
Евромайдан
Испания
Франция
0,00
-0,20
-0,40
-0,60
-0,80
-1,00
-1,20
-1,40

Благожелательность
1,20
1,00
0,80
0,60
0,40
0,20
0,00
Дания
Швеция
Норвегия
Испания
Германия
Великобритания
Франция
Евромайдан
Бельгия
Хорватия
Швейцария
Финляндия
Кипр
Эстония
Нидерланды
Болгария
Греция
Ирландия
Польша
Португалия
Венгрия
Украина
Словения
Россия
Словакия
Чехия

Литература

Bardi, A., Schwartz, S.H. Values and behavior: Strength and structure of relations // Personality and Social Psychology Bulletin. 2003. № 29(10). P. 1207–1220.

Caprara, G.V., Schwartz, S., Capanna, C., Vecchione, M., Barbaranelli, C. Personality and politics: Values, traits, and political choice // Political Psychology. 2006. № 27(1). P. 1–28.

Cieciuch, J., Davidov, E., Vecchione, M., Beierlein, C., Schwartz, S.H. The Cross-National Invariance Properties of a New Scale to Measure 19 Basic Human Values A Test Across Eight Countries // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2014. № 45(5). P. 764–776.

Datler, G., Jagodzinski, W., Schmidt, P. Two theories on the test bench: Internal and external validity of the theories of Ronald Inglehart and Shalom Schwartz // Social Science Research. 2013. № 42(3). P. 906–925.

Davidov, E. A Cross-Country and Cross-Time Comparison of the Human Values Measurements with the Second Round of the European Social Survey // Survey Research Methods. 2008. № 2(1). P. 33–46.

Davidov, E., Schmidt, P., Schwartz, S.H. Bringing values back in: The adequacy of the European Social Survey to measure values in 20 countries // Public Opinion Quarterly. 2008. № 72(3). P. 420–445.

Inglehart, R., Baker, W.E. Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values // American Sociological Review. 2000. № 65(1). P. 19–51.

Schwartz, S.H. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // Advances in Experimental Social Psychology. 1992. № 25(1). P. 1–65.

Schwartz, S.H. A theory of cultural value orientations: Explication and applications // International Studies in Sociology and Social Anthropology. 2006. № 104. P. 33.

Schwartz, S.H. An overview of the Schwartz theory of basic values // Online Readings in Psychology and Culture. 2012. № 2(1). P. 11.

Schwartz, S. Bilsky, W. Toward a Universal Psychological Structure of Human Values // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. № 53(3). P. 550–562.

Schwartz, S.H., Cieciuch, J., Vecchione, M., Davidov, E., Fischer, R., Beierlein, C., … Demirutku, K. Refining the theory of basic individual values // Journal of Personality and Social Psychology. 2012. № 103(4). P. 663–688.

Welkenhuysen-Gybels, J., Billiet, J., Cambré, B. Adjustment for acquiescence in the assessment of the construct equivalence of Likert-type score items // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2003. № 34(6). P. 702–722.

Від Майдану-табору до Майдану-січі: що змінилося? // Фонд «Демократичні ініціативи імені Ілька Кучеріва». 6 февраля 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dif.org.ua/ua/events/vid-ma-zminilosj.htm.

Инглхарт, Р., Вельцель, К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое Издательство, 2011. 464.

Лебедева, Н.М., Татарко, А.Н. Культура как фактор общественного прогресса. М.: ЗАО «Юстицинформ», 2009. 316 с.

Магун, В.С., Руднев, М.Г. Жизненные ценности населения Украины: сравнение с 23 другими европейскими странами. Статья вторая // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2007a. № 90(4). С. 39–52.

Магун, В.С., Руднев, М.Г. Жизненные ценности населения Украины: сравнение с 23 другими европейскими странами. Статья первая // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2007b. № 89(3). С. 21–34.

Майдан–2013: хто стоїть, чому і за що? // Фонд «Демократичні ініціативи імені Ілька Кучеріва». 10 декабря 2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dif.org.ua/ua/events/gvkrlgkaeths.htm.

Модернізація України – наш стратегічний вибір: Щорічне Послання Президента України до Верховної Ради України. К.: НІСД, 2011. 432 с.

Портнов, А. Украинская «Еврореволюция»: хронология и интерпретации // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. Русское издание. 2013. № 2. С. 47–48.

Розподіл постійного населення України за статтю та віком станом на 1 січня 2013 року: Статистичний Збірник. К.: Державна служба статистики України, 2013.

Руднев, М.Г. Инвариантность измерения базовых ценностей по методике Шварца среди русскоязычного населения четырех стран // Социология: 4М. 2013. № 37. С. 7–38.

Українське суспільство 1992–2012. Стан та динаміка змін. Соціологічний моніторинг // за ред.: В. Ворони, М.Шульги. К.: ІС НАНУ, 2012. 660 с.

Примечания

[1] Автор выражает глубокое уважение и благодарность всем коллегам, организовавшим сбор и первичный анализ данных, в частности Надежде Линцовой, Марте Наумовой и Дмитрию Карпенко. Максим Руднев высказал ценные замечания к одному из первых вариантов текста. Естественно, за любые ошибки и неточности данной статьи они не несут никакой ответственности. Текст был написан в рамках индивидуального гранта программы «Социальные трансформации в Пограничье (Беларусь, Украина, Молдова)»

Центра передовых научных исследований и образования в области социальных и гуманитарных наук (CASE) при Европейском гуманитарном университете.

2 Более подробное описание можно найти в работах В. Магуна и Р. Руднева (Магун, Руднев 2007b) или самого Ш. Шварца (Schwartz 2012).

3 Гедонизм, согласно наблюдаемым связям, может быть отнесен как к ориентации на самоутверждение, так и на открытость к изменениям (чаще).

4 Буквальный перевод – Стимуляция (*Stimulation*).

5 См.: Марш миллиона: на Майдан вышло рекордное количество протестующих // Ліга. Новости. 8 декабря 2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://news.liga.net/news/politics/938536-marsh_milliona_na_maydan_vyshlo_rekordnoe_kolichestvo_protestuyushchikh.htm; Марш мільйонів. ОНЛАЙН // Українська правда. 8 грудня 2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravda.com.ua/articles/2013/12/8/7005244/. Учитывая имеющиеся фото- и видеоматериалы, официальные заявления МВД о том, что на митинг собралось не более 50 тысяч человек (см.: Міліція нарахувала на Майдані лише 50 тисяч // Українська правда. 8 грудня 2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravda.com.ua/news/2013/12/8/7005417/), не выдерживают никакой критики.

6 Например, согласно упомянутому исследованию Майдан–2013, только 14% опрошенных на Майдане были готовы участвовать в захвате зданий, только 15% – в создании независимых от власти вооруженных отрядов.

7 Отметим, что в рамках статьи нас интересует именно факт отсутствия массовой поддержки насильственных действий по отношению к представителям власти и правительственным зданиям на момент опроса. В этом смысле не имеет значения, был ли штурм Администрации Президента проплаченной провокацией, спонтанным действием радикалов или промежуточным вариантом.

8 Более подробное описание проекта и сами данные можно найти по адресу http://www.europeansocialsurvey.org/.

9 Данные были скачаны с http://www.europeansocialsurvey.org/download.html?file=ESS5e03_1&y=2010.

10 Кроме того, мы исключили из анализа Израиль.

11 См.: Schwartz, S. Computing Scores for the 10 Human values // Europeansocialsurvey.org [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/ESS1_human_values_scale.pdf.

12 Заметим, что в общей структуре населения Украины горожане, по данным Госслужбы статистики на 1 января 2013 года, составляли 68,6% населения от 17 лет и старше (Розподіл 2013).

13 При такой постановке вопроса, безусловно, стоит вести речь и о параллельной либерализации националистического дискурса, примером чего может быть произошедшая реконтекстуализация того же приветствия.

Мария Колоколова

МЕЖДУ ПАТЕРНАЛИЗМОМ И САМООРГАНИЗАЦИЕЙ: К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В УКРАИНЕ[1]

Abstract

The author considers the ambivalence of political consciousness in transforming Ukrainian society. The object of analysis is the study of relations between attitudes to paternalism and attitudes to self-organization in Ukrainian political culture. The article examines the extent and manifestations of economic and political paternalism of citizens. Along with paternalistic attitudes (support of a strong leader power, ensuring the state's economic responsibility for an individual's well-being, increasing state control over business companies, etc.) there exist democratic and market values in Ukrainian political consciousness (approval of competition, fair play, willingness to display civil position in certain forms of self-organization). At the same time, citizens' initiative is (at least, as it was in July 2013) at a low level: the majority of citizens do not feel any responsibility either for the country or for their city/village; they do not wish to take the initiative for solving problems of their home or district; they are not included in the network of civil relations. The author concludes that the high level of paternalistic attitudes and lack of initiative depend not only on the post-Soviet traditions but also on the economic and political instability of the Ukrainian state.

Keywords: paternalism, paternalistic attitudes, self-organization, responsibility, private initiative.

Последние два десятилетия с момента обретения Украиной независимости социологи не перестают говорить о тех сложностях, с которыми столкнулось украинское общество в процессе посткоммунистических трансформаций. С распадом Советского Союза началась смена «правил игры»

в политической, экономической, правовой и других сферах украинского общества. Однако со временем стало понятно, что институциональные изменения не происходят так быстро, как ожидалось, и вместе с тем являются настолько противоречивыми, что парадигма перехода от авторитаризма к демократии (описанная такими исследователями, как Г.О'Доннел, А. Пшеворский, Д. Растоу, С. Хантингтон, Ф. Шмиттер и др.) уже не применима (Carothers 2002). Помимо изучения изменений на макроуровне, необходимо ответить на вопрос, насколько те или иные демократические изменения принимаются обществом и готовы ли граждане самостоятельно участвовать в политической и общественной жизни, поддерживая институциональные трансформации «снизу». Кроме того, актуальность проблемы усиливается евроинтеграционными устремлениями украинского государства, которые должны сопровождаться формированием в политической культуре таких европейских ценностей, как свобода, демократия, права человека, индивидуализм, конкуренция, интернальность, самостоятельность, самоорганизация, социальная ответственность и др.

События, которые пережила Украина за последние несколько месяцев (ноябрь 2013 г. – март 2014 г.), могут оказать существенное влияние на формирование новых традиций и практик в украинской политической культуре. Всплеск гражданской активности, самоорганизации, солидарности, социального доверия во время событий Евромайдана может либо укорениться в общественном сознании в виде новых гражданских установок на систему и свое место в ней индивида, либо ослабнуть, как это произошло после «Оранжевой революции» 2004 г., когда разочарование новой властью автоматически снизило желание граждан проявлять частную инициативу и поддерживать демократию.

Цель данной статьи – проанализировать, каким образом в современном украинском обществе соотносятся установки на патернализм и установки на самоорганизацию.

В самом общем смысле под патернализмом понимается особый тип восприятия государства (или любого властного субъекта: представителя политической элиты, политической партии и т.п.), при котором индивид, социальная группа или общность воспринимают его как «отца» и считают его ответственным за свое материальное благополучие, избегая ответственности в самостоятельном принятии решений и самоорганизованном действии там, где это возможно.

Под самоорганизацией мы понимаем готовность индивида действовать самостоятельно, брать на себя ответственность за решение проблем, а также активно участвовать в делах общества и государства.

Теоретической основой исследования послужили работы таких ученых, как Р. Арнесон, В. Вовк, Дж. Дворкин, С. Литвина, Н. Муравьева, Р. Патнам, Дж. Файнберг, П. Штомпка, Н. Шушкова, А. Уил и др. Исследованиям установок на патернализм и самоорганизацию в Украине в условиях постсоветских трансформаций посвящены работы Е. Головахи, А. Зоткина, О. Куценко, В. Сусака и др.

Патернализм является сложным и контроверсионным явлением. С одной стороны, он преследует благие цели: призван дать индивидам или социальным группам ощущение поддержки, защиты, ограждения от различных проблем. А с другой – он ограничивает свободу и подавляет частную инициативу, на которой строится гражданское общество. Чаще всего патернализм противопоставляется таким понятиям, как свобода, самоорганизация и ответственность.

Российский исследователь В. Спасов в работе «Патернализм и свобода личности» отмечает, что «под “патернализмом” понимается вмешательство в действия других лиц, которое ограничивает возможность осуществления ими самостоятельного выбора в конкретной ситуации. Патерналистское отношение, таким образом, уменьшает свободу действий человека, что, как утверждается, делается для его же блага» (Спасов 2012: 282).

Ученые называют различные причины существования патернализма в украинской политической культуре. Самым распространенным является представление о патернализме как рудименте советской политической системы, который встраивается в социальные отношения в постсоциалистических обществах. Как отмечает Е. Головаха, «патернализм характерен для граждан всех постсоветских государств – это следствие советской системы социального обеспечения. Когда от тебя требовали послушания, а в ответ обеспечивали социальный минимум. Это бесплатное образование, бесплатное медицинское обслуживание, минимальное пенсионное обеспечение, право на труд, элементарные социальные гарантии. Это базисные предпосылки для выживания, и люди ко всему этому привыкли»[2]. Вместе с тем нельзя оставить без внимания тот факт, что в Украине наблюдается устойчивое сохранение, а кое-где даже рост установок на патернализм, что заставляет поставить под сомнение его детерминированность только советским прошлым (Зоткин 2011).

Польский социолог П. Штомпка предложил оригинальную идею происхождения патернализма в постсоциалистических обществах, настаивая на том, что он является следствием тотального недоверия граждан друг к другу. По сути, патернализм является заместителем доверия и призван дать человеку чувство упорядоченности и защищенности. П. Штомпка называет патернализм одной из адаптационных стратегий, защитных механизмов в ответ на разрушение доверия в обществе. «Патернализм – это мечты о фигуре Отца, сильном авторитарном лидере, который железной рукой наведет порядок, очистит мир от всех неблагонадежных лиц, организаций, институтов и восстановит (если необходимо, с помощью силы) подобие порядка и предсказуемости» (Фреик 2006: 15). Отсутствие доверия в обществе делает невозможным формирование сети тесных гражданских связей, а следовательно, механизмов для эффективного взаимодействия с государством. Доверие является основой формирования социального капитала. Там, где социальный капитал сформирован недостаточно, люди не могут самоорганизоваться для решения своих проблем, а значит, вынуждены выстраивать

иерархию политических отношений, тем самым еще больше изолируясь друг от друга. В своей работе «Чтобы демократия сработала» американский политолог Р. Патнам на примере Италии заключил, что в регионах с высоким уровнем социального капитала и гражданской сплоченности люди обращаются в местные органы власти в основном по вопросам реформирования законодательства или политики (то есть стремятся внести системные изменения), в то время как в регионах с низкой гражданской активностью люди обращаются в основном с просьбой предоставить работу или решить какой-то конкретный вопрос, например, отремонтировать дорогу (тем самым формируют патрон-клиентские отношения с властью) (Патнам 2001).

Для анализа установок на экономический и политический патернализм/самоорганизацию мы использовали данные таких количественных исследований:

– Европейское исследование ценностей (EVS)[3] – репрезентативные выборочные опросы 3-й (1999 г.) и 4-й волн (2008 г.), проведенные в Украине;

– Мировое исследование ценностей (WVS)[4] – репрезентативные выборочные опросы 3-й (1996 г.) и 5-й волн (2006 г.), проведенные в Украине;

– Европейское социальное исследование (ESS)[5] – 5 волн, проведенных в Украине в 2005, 2006, 2009, 2011 и 2012 гг.;

– проект Pew исследовательского центра (Pew Research Center, Вашингтон) «Изучение социальных установок в посткоммунистических странах через 20 лет после начала системных трансформаций» (The Pew Global Attitudes Project, 2011)[6] – репрезентативный выборочный опрос в Украине;

– социологический мониторинг Института социологии НАН Украины «Украинское общество 1992–2013. Состояние и динамика изменений»[7].

Как любой тип социальной установки, установки на патернализм и самоорганизацию могут проявляться в отношении индивида к системе в целом и в его отношении к своей роли в этой системе. Исходя из этого, эмпирическая проверка основывается на анализе таких выборочных показателей вышеуказанных социологических исследований:

1) установки на патернализм/самоорганизацию: отношение индивида к своей роли в системе:

- ощущение ответственности за состояние дел в Украине; в своем городе/селе;
- оценка собственной инициативности и самостоятельности в решении жизненных проблем;
- готовность участвовать в различных видах общественной деятельности;
- готовность проявлять инициативу в решении проблем своей общины;
- членство в общественных и политических организациях;

2) установки на патернализм/самоорганизацию: отношение индивида к системе:

• личная ответственность за материальное обеспечение/ответственность государства;

• ориентации на поддержку со стороны государства/самостоятельное достижение жизненных целей;

• позитивное/негативное отношение к свободной конкуренции;

• установки на обеспечение контроля/свободы предприятий со стороны государства;

• установки на увеличение государственной/частной собственности в бизнесе и производстве;

• поддержка сильного лидера/поддержка демократии для решения проблем в стране.

Последние данные мониторинга Института социологии НАН Украины (июль 2013 г.) показывают, что большинство украинцев не ощущают своей ответственности за состояние дел ни в Украине в целом, ни в своем городе/селе (табл. 1).

Таблица 1. **Ощущение респондентами ответственности за состояние дел в Украине; в своем городе/селе (% к опрошенным, мониторинг Института социологии НАН Украины, 2013 г.)**

	Какую личную ответственность Вы несете за состояние дел в целом в Украине?	Какую личную ответственность Вы несете за состояние дел в Вашем городе или селе?
Полную	1,8	2,1
Частичную	15,8	23,7
Никакой	67,0	57,5
Трудно сказать	15,2	16,1
Не ответили	0,2	0,6
Всего	100	100

При этом четверть респондентов признались, что им не хватает инициативы и самостоятельности в решении жизненных проблем (25,7%), самостоятельными и инициативными себя назвали 38,8% респондентов, 30,6% затруднились ответить. Еще 4,4% высказались, что их не интересует этот вопрос, и 0,5% отказались отвечать.

Самыми поддерживаемыми видами общественной деятельности для украинцев являются: помощь нуждающимся, сиротам, инвалидам; участие в уборке и благоустройстве территории по месту проживания; участие в озеленении своего города/села (рис. 1). В этих вопросах значительная часть респондентов не просто изъявила желание самоорганизации, но и готова делать это бесплатно (42,8%, 39,4% и 37,3% соответственно). В то же время участвовать в обеспечении правопорядка, деятельности органов самоорганизации населения (ОСН), в объ-

единениях совладельцев многоквартирных домов (ОСМД) не согласны ни при каких условиях 35,2%, 28,2% и 28,4% соответственно.

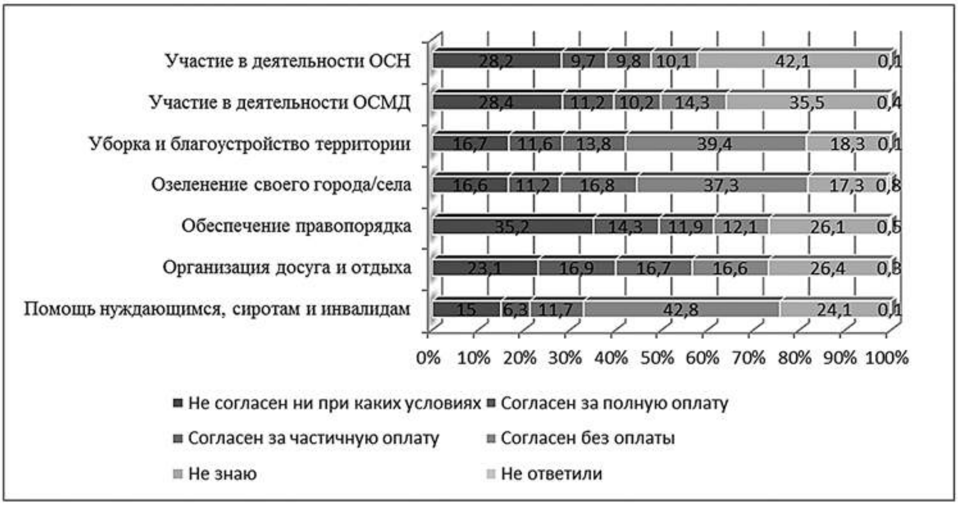

Рис. 1. Степень готовности граждан участвовать в различных формах общественной деятельности (% к опрошенным, мониторинг Института социологии НАН Украины, 2013 г.)

Результаты мониторинга показывают, что украинцы достаточно осторожны в проявлении частной инициативы. Только 10,7% респондентов однозначно готовы в меру своих возможностей проявить инициативу в решении вопросов своего многоквартирного дома, улицы, микрорайона или населенного пункта, если при этом будет поддержка общественности, еще 25,9% – скорее готовы, в то время как скорее не готовы – 20,4%, однозначно не готовы – 21,4% и затруднились ответить – 21,4%. 0,2% не ответили на этот вопрос (рис. 2)[8].

Помимо интенций и установок на участие в общественной жизни и готовности брать на себя ответственность, ярким показателем уровня самоорганизации граждан является их принадлежность к различным общественным и политическим организациям. Так, по данным Института социологии НАН за 2013 г., 87,1% украинцев не являются членами ни одной организации, объединения или движения, 9,8% – являются членами одной организации, а 3,1% – сразу нескольких. Если учесть, что под организацией понимались религиозные и церковные объединения, клубы по интересам, профессиональные, творческие объединения, спортивные клубы и сообщества, ОСМД, студенческие и молодежные объединения и др., то получается, что только каждый 7-й украинец включен в сеть общественных отношений на институциональном уровне.

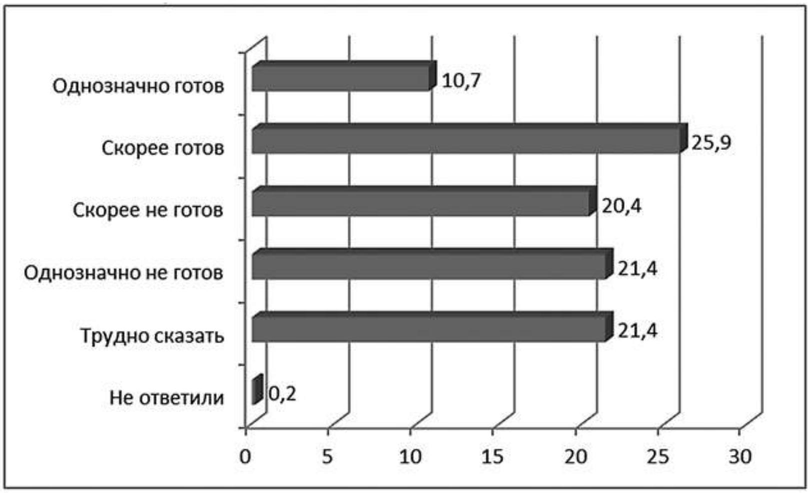

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: готовы ли Вы в силу своих возможностей проявить свою инициативу в решении проблем Вашего многоквартирного дома, улицы, микрорайона при условии поддержки общественности (% к опрошенным, мониторинг Института социологии НАН Украины, 2013 г.)

Исследование ESS-2011 ставило вопрос не просто о членстве, а о работе в неполитических организациях и ассоциациях на протяжении последнего года. Результаты показали, что только 1,4% украинцев работали в таких организациях, 98,6% ответили на вопрос отрицательно. Для сравнения: по уровню участия в общественных организациях и ассоциациях Украина находится рядом со странами Восточной Европы и Прибалтики (Болгария – 1,4%, Словения – 1,7%, Литва – 3,3%, Россия – 4%) и значительно уступает по развитию гражданского общества Скандинавским странам (Финляндия – 38,8%, Норвегия – 29%, Швеция – 28,3%, Дания – 25%, Нидерланды – 23,5%), а также Германии (25,6%).

Помимо изучения отношения граждан к своей роли в общественной системе, необходимо обратиться к оценке самой системы, какой ее видят украинцы в экономическом и политическом плане.

По данным EVS-2008, менее трети украинцев (30,2%) в целом полагают, что люди должны в большей мере нести ответственность за то, чтобы себя обеспечить (ответы 1–4 по 10-балльной шкале), в то время как 41,6% считают, что ответственность за то, чтобы все граждане были обеспечены, в большей степени должно нести государство (ответы 7–10), 28,2% – не определились (ответы 5 и 6). Уровень патерналистских установок имеет обратно пропорциональную связь с такими показателями, как уровень дохода семьи, уровень образования, размер населенного пункта, где проживает респондент, степень автономности в сфере

занятости (безработные, наемные работники, самозанятые) и прямо пропорциональную связь с возрастом респондента.

Данные исследования Pew Research Center за 2011 г. показывают еще большие ориентации украинцев на поддержку со стороны государства взамен самостоятельного достижения жизненных целей. Так, 75,7% опрошенных считают, что для Украины важно, чтобы государство играло активную роль в жизни общества, с тем чтобы никто не нуждался. Только каждый пятый респондент (19,9%) считает, люди должны быть свободны в достижении своих целей без вмешательства со стороны государства. Остальные (4,4%) затруднились ответить. Больше всего на поддержку со стороны государства полагаются так называемые экстерналы, то есть те, кто считает, что успех человека определяется не им самим, а силой внешних обстоятельств (80,5%), в то время как среди интерналов патерналистски настроенных граждан оказалось 68%.

В целом патерналистские установки большинства населения Украины во многом объясняются современной экономической ситуацией – в условиях нестабильности большинство граждан стремится обезопасить себя с помощью государственных гарантий опеки и поддержки. Согласно данным этого же опроса, только 6% назвали экономическую ситуацию в Украине в той или иной степени хорошей, 56% оценили ее как очень плохую, а 36% – как скорее плохую.

Важным вопросом в формировании гражданского общества в Украине является постепенный отказ от ценностей социализма и интериоризация новых рыночных ценностей (конкуренция, частная инициатива, свободное ведение бизнеса, ориентация на достижения, а не на уравнивание).

Данные EVS-2008 демонстрируют установки на патернализм и на самоорганизацию в экономических отношениях (рис. 3).

Как видим, украинцы в значительной степени поддерживают такие рыночные ценности, как конкуренция (47,8%) и справедливое вознаграждение за труд (72,1%). В то же время более половины опрошенных выступают за государственный контроль над предприятиями (58,4%) и увеличение государственной собственности в бизнесе и производстве (52,6%). Следует отметить, что мнение украинцев относительно приватизации предприятий отличается в зависимости от того, идет ли речь о малых или о крупных предприятиях. По данным Института социологии НАН за 2013 г., за приватизацию малых предприятий выступает 48,2%, против – 37,4%, в то время как за приватизацию крупных предприятий – 16,9%, а против – 65,9% (остальные не определились).

Экономические трудности и недостаточная поддержка рыночных институтов способствуют сохранению патерналистских установок в отношении политической системы. За 20 лет независимости Украины в общественном сознании закрепилось мнение о том, что несколько сильных лидеров способны сделать для страны больше, чем все законы и дискуссии (рис. 4). Если в первые годы Независимости превалирование согласных с такой политической системой

компенсировалось значительным процентом неопределившихся (например, в 1994 г. поддерживали данный тезис 40,5%, не поддерживали – 17%, затруднились ответить – 41,7%), то в 2000 г. существенная часть неопределившихся перешла к сторонникам данного тезиса.

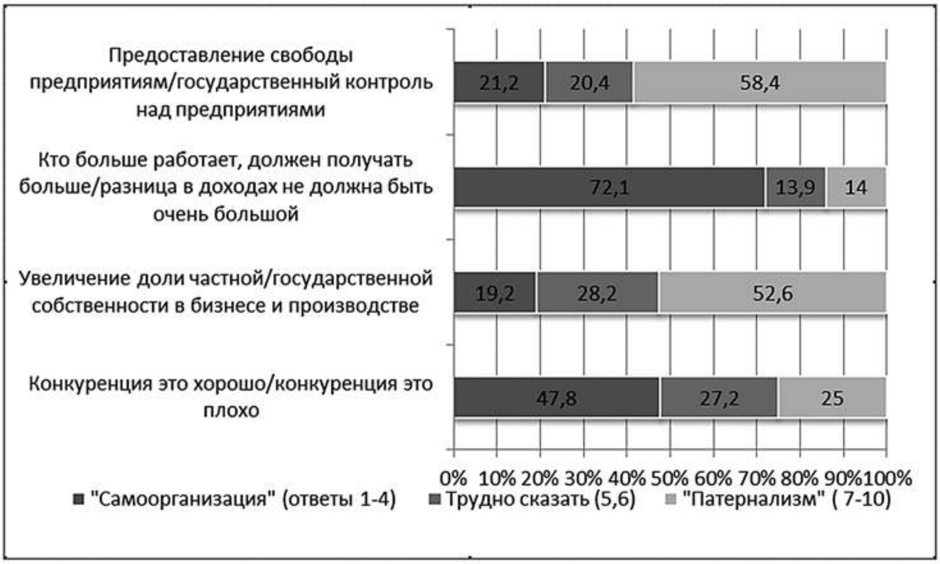

Рис. 3. Распределения установок на патернализм или на самоорганизацию в экономических отношениях (% к ответившим)

Наибольшая потребность в сильном лидере наблюдалась в 2006 г. (65,7%), который по многим показателям (доверие политическим партиям, Президенту, Верховной Раде, различным политическим институтам) можно охарактеризовать как год разочарования в «Оранжевой революции»[9].

Более половины украинцев поддерживают политическую систему с сильным лидером. Так, по данным WVS, в 2006 г. политическую систему с сильным лидером поддерживали 65,4% опрошенных. Причем в сравнении с данными 1996 г. эти настроения выросли на 10%. По данным EVS-2008 этот показатель остался примерно на том же уровне, что и в 2006-м г., и составил 66,7% (29,3% – «очень хорошо», 37,4% – «скорее хорошо»). Такой рост свидетельствует о том, что патернализм в украинском обществе является не только наследием советской политической культуры, а продолжает формироваться и сегодня под влиянием многих социальных и экономических факторов.

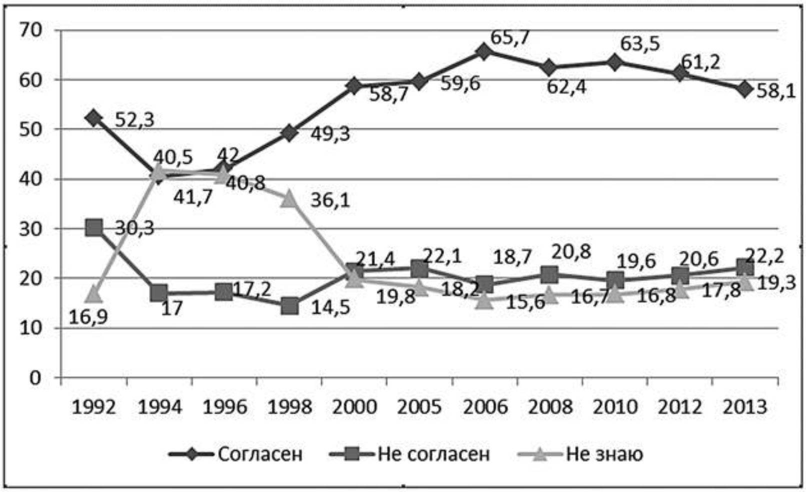

Рис. 4. Динамика распределения ответов на утверждение: «Несколько сильных лидеров могут сделать для нашей страны больше, чем все законы и дискуссии» (%, на графике не показаны «неответы»; мониторинг Института социологии НАН Украины, 1992–2013)

Пользуясь данными EVS-2008, мы можем проверить вышеописанный тезис П. Штомпки о взаимосвязи социального доверия и уровня патерналистских установок (табл. 2).

Таблица 2. **Влияние социального доверия на поддержку власти сильного лидера (по данным EVS-2008, % к ответившим)**

Как вы относитесь к политической системе с сильным лидером?	Можно ли доверять большинству людей или в отношениях с людьми нужно быть очень осторожным?		
	Большинству людей можно доверять	Нужно быть очень осторожным в отношениях с людьми	Всего
Очень хорошо	28,5	30,3	29,8
Скорее хорошо	37,9	36,1	36,6
Скорее плохо	22,5	20,6	20,6
Очень плохо	11,1	13,0	13,0
Всего	100	100	100

** Хи-квадрат не значим на уровне p>0,05.*

Как видим, распределение показывает, что существенных различий между двумя группами не существует. Статистика Хи-квадрат оказалась незначимой и ненадежной, что свидетельствует об отсутствии связи между признаками. Таким образом, наша гипотеза не подтвердилась. Предварительная проверка

связи между этими признаками для таких постсоветских стран, как Россия и Беларусь, также свидетельствует об отсутствии связи, однако в развитых европейских странах (например, Германия, Великобритания, Франция и др.) такая связь существует и является значимой.

Данные Pew Research Center-2011 показывают, что большинство граждан не просто поддерживают политическую систему с сильным лидером, но и готовы противопоставить ее демократической форме правления. В данном исследовании респондентам было предложено следующее утверждение: «Некоторые считают, что мы должны полагаться на демократическую форму правления, чтобы решить проблемы нашей страны. Другие считают, что мы должны полагаться на лидера с сильной рукой. Что ближе Вам?». 61% предпочли бы сильного лидера демократической форме правления, 29% выступают за демократию, 10% затруднились ответить, что свидетельствует о превалировании в общественном сознании патерналистских ценностей (порядка, стабильности) над ценностями демократии (свободы, прав человека и др.).

Выводы. Анализ данных подтвердил амбивалентность политического сознания трансформирующегося украинского общества. Наряду с патерналистскими установками (поддержка власти сильного лидера, перекладывание ответственности на государство за свое благополучие, поддержка государственного вмешательства в жизнь каждого для всеобщего обеспечения, увеличение государственного контроля над предприятиями и др.) в украинском политическом сознании существуют демократические и рыночные ценности (одобрение конкуренции, справедливой оплаты труда, готовность проявлять гражданскую позицию в определенных формах самоораганизации). Вместе с тем частная инициатива находится на довольно низком уровне: большинство украинцев не являются членами общественных организаций и объединений (по данным разных опросов от 87,1 до 98,6%), не ощущают ответственности за происходящее как в стране (67%), так и в своем городе/селе (57,5%), не готовы проявлять частную инициативу в решении вопросов своей общины. Результаты исследования показали высокий запрос на сильных политических лидеров для решения проблем в стране, политика которых может быть даже недемократической.

В целом можно заключить, что установки на патернализм в украинском обществе обусловлены не только рудиментами ценностной системы советского общества, но и множеством других факторов, в частности, нестабильной политической и экономической ситуацией. В то же время данные, на которых строился анализ, ограничиваются 2013 г., в конце которого началась значительная активизация гражданского общества (ноябрь 2013 г. – май 2014 г.). Учитывая появление за последние полгода множества общественных инициатив, таких как «Реанимационный пакет реформ», «Реформирование МВД», «ЕвроМайдан SOS», «Автомайдан», «Крым SOS», «Громадське ТВ», волонтерская группа «Help Army»

и др., можно ожидать определенных сдвигов в ценностном сознании украинского общества и роста установок на самоорганизацию взамен патернализму.

Литература

Carothers, T. The End of Transition Paradigm // Journal of Democracy. 2002. № 13.1. P. 5–21 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.dropbox.com/s/end2g602s63dz99/Carothers_Th_The_End_of_the_Transition_Paradig.pdf.

Зоткін, А. Патерналізм в українському суспільстві // Українське суспільство. Двадцять років незалежності. Соціологічний моніторинг: Аналітичні матеріали / за ред.: В. Ворони, М. Шульги. К.: Інститут соціології НАН України, 2011. Т. 1. 576 с.

Патнам, Р.Д. Творення демократії: Традиції громадянської активності в сучасній Італії / Р.Д. Патнам разом з Р. Леонарді та Р. Й. Нанетті; пер. з англ. В. Ющенко. К.: Видавництво Соломії Павличко «Основи», 2001. 302 с.

Спасов, В.Д. Патернализм и свобода личности // Вестник ТОГУ. Философия, культурология и история. 2012. № 2(25). С. 281–288.

Фреик, Н.В. Концепция доверия в исследованиях П. Штопки // Социологические исследования. 2006. № 10. С. 10–18 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/467/785/1219/002_Freik.pdf.

Примечания

[1] Работа выполнена в рамках программы CASE «Социальные трансформации в Пограничье (Беларусь, Украина, Молдова)» 2013–2014 гг. при финансовой поддержке Корпорации Карнеги (Нью-Йорк) и ACTR/ACCELS.

[2] Украинский характер, или конформизм украинца – это терпение и саботаж [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bigyalta.com.ua/story/43061.

[3] Данные представлены на сайте: http://zacat.gesis.org/webview/index.jsp.

[4] Данные представлены на сайте: http://www.worldvaluessurvey.org/.

[5] Данные представлены на сайте: http://www.europeansocialsurvey.org/data/.

[6] Данные представлены на сайте: http://www.pewglobal.org/category/datasets/.

[7] Українське суспільство 1992–2013. Стан і динаміка змін. Соціологічний моніторинг / за ред.: д. ек. н. В. Ворони, д. соц. н. М. Шульги– К.: Інститут соціології НАН України, 2013. – 566 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://i-soc.com.ua/institute/soc-mon-2013.pdf.

[8] Источник данных – сайт Института социологии НАН Украины [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://i-soc.com.ua/institute/soc-mon-2013.pdf.

[9] Подтверждение сказанному можно найти в данных социологического мониторинга Института социологии НАН Украины, доступных по ссылке: http://i-soc.com.ua/institute/soc-mon-2013.pdf.

Александр Коляструк

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ В НЕЗАВИСИМОЙ УКРАИНЕ: ГЕНЕАЛОГИЯ, ИНТЕРЕСЫ, СПОСОБЫ ДЕЙСТВИЯ (на примере народных депутатов Украины)

Abstract

The article deals with the results and consequences of the 1998 parliamentary elections in Ukraine conducted on the basis of a mixed electoral system to allow political parties for the first time to act as independent subjects of the political struggle for power, which led to the transformation of the party and ideological structure of Parliament (leftists – centrists – right-wing) in the party-rated business elite factional model of the Supreme Rada of the third convocation.

Keywords: elections, parliament, political parties, the Supreme Rada of Ukraine, deputies and mixed electoral campaign, factions, the business elite.

Становление современной украинской государственности было подобно процессам утверждения нового общества в западных демократиях, когда сосуществовали элементы прежнего режима и делили власть с политиками нового типа. Соответственно, в посткоммунистическом мире бывшие партийные аппаратчики делили власть с предпринимателями, рассерженными рабочими и мобилизованными этническими группами. Из 15 бывших советских республик на 1997 год только Эстония, Латвия и Армения имели лидеров, не происходивших из партийно-советской номенклатуры, но только Армения возглавлялась бывшим диссидентом. Остальные субъекты распавшегося СССР в силу разных причин свою независимость отдали в руки лидерам, демократически позиционированным, но политический опыт которых был сформирован советской государственностью. Вполне прогнозированным было бы предположить,

что они рано или поздно столкнутся с проблемой преодоления советской государственно-управленческой культуры. Для сохранения власти за собой им приходилось быть внимательными и чуткими к изменяющемуся общественному контексту, проявляя при этом оперативность и гибкость в необходимом реформировании системы власти.

Президент Украины Л. Кучма приступил к реформированию экономики, опираясь на государство, оставленное от Л. Кравчука, где национально-государственная парадигма играла ключевую роль. Экономические реформы стали возможны после того, как часть красного директората накопила определенную массу ресурсов и готова была воспринимать рыночную экономику и национальное государство, поскольку это соответствовало их интересам.

Результаты исследования 1995 года показали формирование на уровне региональной элиты пропрезидентски ориентированной сильной группы «украинских государственников». Три четверти опрошенных безоговорочно поддерживали идею целесообразности создания крепкой вертикали государственной власти во главе с президентом. Чаще всего на пропрезидентской позиции стояли представители региональной бизнес-элиты и исполнительной власти (72% и 59% соответственно)[1].

Несмотря на опыт продолжительного и трудного принятия украинской Конституции, период институционной неопределенности не закончился в 1996 году. Уже спустя год ключевые участники этого процесса заявили о своей неудовлетворенности основным законом и инициировали его обновление. Такое нетерпение объяснялось стремлением элитных групп к новому распределению властных полномочий в результате парламентских 1998-го и президентских выборов 1999 года.

В данной статье предпринята попытка проанализировать процессы формирования новой элиты после парламентских выборов 1998 года. По нашему мнению, именно после них произошло формирование нового контекста межэлитных взаимоотношений в Украине, сформировался тип народных избранников и определились его составляющие. Впервые на этих выборах политические партии выступили самостоятельными субъектами борьбы за власть. Представляя партии, в парламент вошли политики нового образца со своим видением политической ситуации, способами действия, политической культурой. Именно они, на наш взгляд, выработали такой стиль законотворчества и внутрипарламентской работы Верховной Рады Украины, по сути, имманентный их природе и отображающий реальное ценностное мировоззрение украинской политической элиты.

Напомним, что предыдущие парламентские выборы 1994 года проводились досрочно на основе далеко несовершенного закона. Вследствие чего Верховная Рада оказалась не полностью сформированной, в ней не были учтены голоса многочисленных избирателей. Как следствие, украинский парламент, атомизи-

рованный и неструктурированный, не мог позиционировать себя в качестве самостоятельного и самодостаточного субъекта в системе межвластных отношений. В 1994 году Украина была единственной из стран Центральной и Восточной Европы, применявшей мажоритарную систему на парламентских выборах. Очевидной была необходимость изменения Закона о выборах, во-первых, из-за неэффективности существующей мажоритарной системы; во-вторых, действующая избирательная система не предоставляла политическим партиям возможности формировать органы власти.

В 1997 году после длительных дебатов Верховная Рада выработала новую редакцию Закона о выборах, по которому выборы должны проводиться по смешанной избирательной системе: половина кандидатов (225) избиралась в общенациональном округе, где участвовали политические партии (порог для партий и партийных блоков составлял 4%); половина избиралась в 225 одномандатных мажоритарных округах. Для выдвижения в мажоритарном округе кандидату необходимо было собрать 2 тыс. подписей, для партий в пропорциональном – 200 тыс. голосов. Наиболее остро обсуждались вопросы об ограничении денежных фондов претендентов и депутатской неприкосновенности[2].

Изменение избирательной системы усилило процесс структуризации политических сил. Партиям, достаточно известным в обществе и обладавшим четко налаженной структурой, это дало новый толчок для их развития и превращения в активных субъектов политики. С другой стороны, накануне выборов в Украине начали возникать партии, создававшиеся лишь с целью отстаивания интересов определенных финансово-промышленных групп. Получив в свое распоряжение большие материальные ресурсы, такие партии, в случае успеха их на выборах, могли превратить фракции в будущем парламенте в верных служителей частного капитала и использовали Верховную Раду в собственных целях.

В парламентских выборах 1998 года приняли участие 30 политических партий и блоков, 21 из них выступала самостоятельно. По избирательным спискам политических партий по общенациональному округу баллотировались 3606 претендентов, в мажоритарных округах состязались 4116 кандидатов; среди них 244 народных депутата баллотировались повторно[3].

При смешанной избирательной системе политические партии имели больше преимуществ, чем кандидаты, выступавшие в мажоритарных округах, прежде всего в контексте ознакомления избирателей со своей программой. По опросам социологов, при определении избирателями преимуществ той или другой политической партии на выборах 1998 года большинство населения интересовалось двумя аспектами их программы. Во-первых, социально-экономическим (отношение к частной собственности, к государственному управлению экономикой, развитию частного предпринимательства); во-вторых, национально-политическим (использование русского языка, национального возрождения Украины, приоритеты внешней политики)[4].

Главными лоббистами Закона о выборах по смешанной системе выступили коммунистическая и социалистическая партии. Они надеялись, что парламентские выборы в 1998 году принесут им еще больший успех по сравнению с парламентскими выборами в 1994 году. Однако во время избирательной кампании они действовали не так согласованно, как в предыдущие годы. Социалистическая партия Украины и Селянская партия Украины объединили свои фракции в парламенте и еще в 1997 году одобрили решение о том, что на парламентских выборах будут выступать в качестве единого блока. На успехе левых, несомненно, отразилось постоянство их электората. Сторонники левых представляли собой наиболее преданную группу избирателей, которая не изменяла своих вкусов с годами. По данным социологических опросов, именно кандидаты от левых сил имели большие шансы на победу при мажоритарной избирательной системе[5].

Однако если на предыдущих выборах левые согласовывали между собой выдвижение кандидатов по большинству избирательных округов с целью избежания конкуренции, то на выборах 1998 года, невзирая на подписанное соглашение между левыми силами, в некоторых мажоритарных округах они становились соперниками. Руководители акционерных обществ, концернов и предприятий составляли 5,3% количества депутатов в проходной части избирательного списка Коммунистической партии Украины. Политолог Н. Томенко обратил внимание на мощное предпринимательское лобби в списках коммунистов накануне парламентских выборов. КПУ выдвинула иск против него, но Н. Томенко выиграл суд[6].

Вначале 1990-х годов в Украине возникло множество так называемых диванных партий. Этот термин характеризировал как количество членов партии, так и пределы реального влияния этих политических структур – всех представителей партии можно было разместить на одном диване, его площадью ограничивалось и влияние партии. «Диванные партии» получили второе рождение благодаря новому Закону о выборах. Их стали использовать предприниматели и представители бизнеса, чтобы создать собственное лобби в будущей Верховной Раде.

Одним из главных изъянов украинских центристских партий, по нашему мнению, была размытая и нечеткая идеологическая база, на которую опирались политические силы. Центристы исповедовали в основном либеральные и социал-демократические идеи, однако донести до избирателя саму сущность либерализма или социал-демократии они даже не пытались. Центризм рассматривался как способ избегания политического экстремизма левого и правого типов. Программы центристских партий иногда даже содержали объяснение таких позиций, как главные принципы политической деятельности партии. Но избирателю Украины, впервые вынужденному избирать партию в представительский орган власти, было крайне трудно разобраться с идеологическими тонкостями такого большого количества партий. Либерализм, консерватизм, социал-демо-

кратия превратились в дежурный избирательный слоган, малозначимый как для избирателя, так и для этих партий. Избиратели ориентировались преимущественно на лица, которых они могли знать из избирательных списков.

Еще одним фактором, который определял отношение к центристам на выборах в 1998 году, были отношения с действующей властью. Две партии – Народно-Демократическая (НДП) и Аграрная партия Украины (АПУ) – были основной опорой для исполнительной власти. Главный актив этих партий в регионах составляли преимущественно работники государственных администраций и областных советов. Аналогия с советскими временами, когда исполнительные и управленческие функции были подконтрольны коммунистической партии, позволила противникам НДП связать ее с партией власти. АПУ выполняла те же функции, что и НДП, но в аграрном секторе.

Их конкурентом в борьбе за голоса избирателей стала партия «Громада», созданная в 1993 году для участия в парламентских выборах 1994 года. Она не была известна широкой общественности, по существу, не отличалась от других «диванных партий». Ситуация для партии изменилась кардинально, когда ее возглавил бывший глава правительства П. Лазаренко. Получив огромные финансовые ресурсы, партия начала создавать сеть ячеек по всей Украине. В основу предвыборной кампании легла критика Л. Кучмы. «Громада» даже создала собственное правительство – «теневой кабинет министров», призванный заменить действующий в случае получения власти. Если «Громада» и НДП выступали как соперники, то их конкуренты по центристскому движению были менее активными в вопросе критики или поддержки исполнительной власти.

Мощное промышленное лобби Донбасса отстаивало свои интересы через избирательный блок Либеральной партии и Партии труда.

Заслуживает отдельного внимания Партия зеленых Украины. По нашему мнению, история попадания «зеленых» в парламент представляет собой пример реализации политического бизнес-плана. Сама партия, основанная в начале 1990-х годов, была маловлиятельной организацией экологического направления. Однако в середине в 1993 года, по одному из социологических опросов, Партия зеленых получила 15,6% голосов в поддержку – наивысший уровень доверия избирателей[7]. И это невзирая на то, что в начале года партия не была известна и популярна среди избирателей. По-видимому, факт возрастания симпатий объясняется увеличением финансирования партии. В условиях появления большого количества партий разного спектра, часть избирателей отдала свои голоса, как им казалось тогда, самой аполитичной партии. Но, как оказалось, вместо экологов подавляющее большинство проходной части списка «зеленых» заняли владельцы банков и больших предприятий.

Еще одним аспектом избирательной кампании стало появление в списках партий людей, далеких от политики. Ставка делалась на то, что избиратели не будут вдаваться в тонкости предвыборных программ и идеологических прин-

ципов деятельности партии, а сориентируются на известных людей, их моральный авторитет. Так, первые пятерки партий пополнили известные театральные актеры, композиторы, исполнители, спортсмены, даже космонавты. Однако большинство из них так и не стали депутатами, а просто выполнили свои функции во время предвыборной кампании.

По данным социологических исследований, потенциал «центристских» партий был достаточно высоким: на январь 1998 года их поддерживали 24% избирателей, 23% – отдали бы свои голоса левым партиям, 12% – правым[8].

Среди партий правого крыла Народный Рух Украины (НРУ) выглядел наиболее убедительным претендентом на победу. Партия опиралась на большую сеть региональных организаций, ее лидеры и идеология были хорошо известны широкой общественности. На этих выборах в партийные списки НРУ попали представители бизнеса. Однако говорить, что Рух превратился в клиенталистскую партию нельзя. Владельцы больших предприятий, бизнесмены, банкиры были представлены фактически во всех избирательных списках, даже у коммунистов, которые говорили о своей ненависти к капиталу. Это свидетельствует о том, что даже такие партии, которые имели хорошо развитую структуру и были хорошо известными в стране, нуждались во внимании и помощи частного капитала, который, оказывая финансовую помощь, в свою очередь, не обязывался разделять политическую программу партии.

Распыление национал-демократических и националистических сил привело к тому, что правые фактически провалили выборы в многопартийном округе. Их региональная база была слишком малой для того, чтобы создать партию общенационального масштаба, в то же время нежелание реформировать собственную идеологию отвернуло от правых потенциальных сторонников.

Одной из особенностей списков партий на парламентских выборах было то, что большинство в них составляли беспартийные. Случилось это из-за того, что представители бизнес-элит просто не желали даже формально примыкать к партиям, которые они собирались представлять в парламенте. Они рассматривали выборы как инструмент для получения власти.

В парламентских выборах участвовало меньше населения, чем на предыдущих выборах, соответственно, 69,64% – в 1998 году против 74,76% – в 1994 году[9]. Нужно отметить, что, несмотря на то, что это была не первая избирательная кампания в Украине, уровень осведомленности и политической культуры избирателей оставался невысоким. Невзирая на разъяснительную работу Центральной избирательной комиссии (ЦИК), порядок голосования для многих избирателей остался непонятным. Избиратели просто путались в огромных списках с именами партий и кандидатов. Иногда и бюллетени избиратели превращали в письма с пожеланиями к власть имущим, где излагали свои пожелания и волновавшие их проблемы[10]. Такие бюллетени признавались недействительными.

Победу на выборах в общенациональном округе праздновала Коммунистическая партия Украины (КПУ), она получила 24,7% голосов избирателей. Хотя коммунисты надеялись на 35%, они далеко оторвались от своих конкурентов. Благодаря победе в пропорциональном округе они получили 84 депутатских мандата, еще 39 мест – в одномандатных округах. Однако позиции коммунистов значительно ухудшились в тех регионах, где они в 1994 году имели полное преимущество: из 23 округов Донецкой области они одержали победу лишь в 7, тогда как в 1994 году они получили 50% всех мест в этом регионе[11]. Партия потеряла значительную часть сторонников при голосовании в мажоритарных округах, где их побеждали представители «центристов», которые имели достаточно ресурсов для ведения избирательной кампании. Нередко избиратели во многомандатном округе поддерживали КПУ, а в одномандатном – кандидата от центристов.

Народный Рух Украины занял второе место в многопартийном избирательном округе. Однако руховцы получили 9,4% голосов, в 2,5 раза меньше, чем коммунисты; в одномандатных округах Рух получил лишь 14 мест.

Из восьми партий, которые победили на выборах, преодолев 4%-ный барьер, только пять одержали победу в двух третях областей Украины. Партия «Громада» большинство голосов получила в Днепропетровской области. Прогрессивно-Социалистическая партия Украины победила на выборах благодаря поддержке избирателей Сумской области, Социал-Демократическая партия Украины (объединенная) СДПУ (о) – в Закарпатье. Во всех этих областях указанные партии получили свыше 30% голосов избирателей, что позволило им попасть в Верховную Раду. В то же время в других регионах эти партии не смогли даже преодолеть барьер в 4%. Более трети избирателей (35%) проголосовали за партии и блоки (около 22), которые не прошли в парламент[12].

Эти выборы стали беспрецедентными еще по одному показателю – по количеству судебных исков. Было рассмотрено около 90 дел, в них обжаловались действия участковых избирательных комиссий, в том числе было открыто 46 дел относительно постановлений ЦИК[13]. В 9 округах были назначены повторные выборы[14]. В ЦИК была создана специальная рабочая группа из восьми человек, которая работала в Днепропетровской области для рассмотрения вопросов о фальсификации результатов голосования, аналогичная группа была создана для работы в Одесской области[15].

На выборах 29 марта 1998 года удалось избрать фактически полный состав Верховной Рады. Среди них – 21% депутатов были предпринимателями и фермерами, 9% – руководителями местных органов власти, 8% – руководителями и ведущими работниками предприятий, 3% депутатов работали в СМИ. 90 народных избранников уже избирались в парламент предыдущих созывов[16].

Новая избирательная система дала толчок для развития депутатских фракций. С одной стороны, это способствовало постепенному превращению их в институализированные образования, однако несовершенное законодательное

обеспечение деятельности партий, отсутствие политической культуры сделали процесс становления фракций чувствительным к влиянию интересов бизнеса. Выборы были использованы представителями бизнес-элит для того, чтобы попасть в Верховную Раду.

13 мая в 1998 года на рассмотрение Верховной Рады был вынесен проект изменений парламентского регламента, согласно которому право на создание депутатских объединений имели лишь партии и блоки, преодолевшие 4%-ный барьер. Его поддержали 317 народных депутатов. Это решение вносило существенные коррективы в структуризацию новоизбранного парламента. Во-первых, не все партии, которые одержали победу в пропорциональном округе, имели в своем составе 25 депутатов, как этого требовал предыдущий регламент; во-вторых, такое решение фактически уничтожало депутатские группы как форму объединения народных избранников. Такой шаг должен был способствовать постепенному переходу Украины к пропорциональной избирательной системе. На самом же деле он способствовал тому, что беспартийные депутаты, которые были избраны в мажоритарных округах, вынуждены были искать сторонников в партийных фракциях для защиты своих собственных интересов.

Если в 1994 году мажоритарная избирательная система способствовала усилению формирования депутатских групп по региональному принципу, то после парламентских выборов 1998 года проблема регионализма меньше влияла на работу Верховной Рады. Среди 450 народных депутатов третьего созыва 219 – были жителями столицы[17]. Избирательные округа в регионах просто распределялись между представителями политической элиты для увеличения возможности попадания в парламент. Это, в свою очередь, лишало возможности местных лидеров конкурировать с более мощными противниками.

Наибольшую центристскую фракцию в Верховной Раде образовала НДП из 84 народных депутатов, невзирая на то, что во многомандатном округе они получили 5% голосов и соответственно 17 депутатских мест, а в одномандатных округах – 11. Фракция оказалась наиболее привлекательной для внепартийных депутатов. Близость НДП к Президенту превратила фракцию во вторую по численности депутатов в парламенте. Премьер-министр В. Пустовойтенко возглавлял партийный список во время выборов, НДП пользовалась имиджем «партии власти». Депутаты-мажоритарщики стремились войти в состав парламентской политической структуры, которая бы последовательно поддерживала политику Президента, благодаря чему могли бы обеспечить доступ к властным структурам с целью реализации определенных частных и групповых интересов, рассчитывая на эффективную помощь правительства при решении проблем в избирательных округах и регионах. Однако следует отметить, что с самого начала фракция имела в своем составе лишь 21 члена НДП, понятно, что подавляющее большинство непартийных депутатов избрали фракцию вовсе не по идео-

логическим убеждениям или из-за поддержки программных принципов НДП, а по причинам, указанным выше[18].

На втором месте после НДП по рекрутированию депутатов находилась фракция «Громада». В пропорциональном округе партия получила 4,7% голосов и соответственно 16 мест, и 7 мест в одномандатных округах. Однако во фракцию вошли 39 народных депутатов. Фракция «Громада» объединила депутатов, оппозиционных к Л. Кучме. Лидер фракции П. Лазаренко смог создать себе имидж не только влиятельного политика, но и завоевал авторитет у представителей региональной элиты, потому присоединившиеся надеялись, что в будущем фракция «Громада» станет фракцией партии власти. Если с «Громадой» НДП нужно было бороться как с оппозицией к Президенту, то с фракцией СДПУ (о) (которая, не принимая во внимание левое название и претензии быть отнесенной к европейской социал-демократии, находилась на правоцентристских позициях) нужно было делить роль фракции партии власти.

Ряды центристов пополнила Партия зеленых Украины (ПЗУ), которая, получив 5% голосов, стала главной сенсацией выборов в пропорциональном избирательном округе. Фракции СДПУ (о) и ПЗУ имели в своих составах наибольшее представительство большого бизнеса, которым необходима была близость к Президенту для реализации своих бизнес-проектов.

Следовательно, центристский блок в начале работы Верховной Рады был еще более фрагментированным, чем в парламенте предыдущего созыва. Говорить о выработке общей позиции всеми центристскими силами было невозможно, слишком разные политические векторы они представляли.

3 декабря 1998 года Конституционный Суд Украины признал неконституционным постановление Верховной Рады от 13 мая 1998 года о внесении изменений в Регламент, по которому создание депутатских групп и фракций Верховной Рады позволялось лишь на основе политических партий, преодолевших 4%-ный барьер. Решение Конституционного Суда заложило новые правила для структуризации Верховной Рады третьего созыва. Из фракции НДП отделилась группа депутатов, объединенных вокруг руководителя НАК «Нефтегаз Украины» И. Бакая. Они с помощью бывшего помощника Л. Кучмы А. Волкова образовали в январе 1999 года фракцию «Возрождения регионов». Позже из недр НДП родилась еще одна фракция – «Трудовая Украина». Сама фракция НДП на середину 1999 года состояла уже не из 90, а из 25 депутатов. Главная причина выхода парламентариев из партии и соответственно из фракции НДП заключалась в их убежденности в поражении действующего Президента, чему и соответствовала линия политического поведения. Следовательно, когда в мае 1999 года из НДП вышла группа А. Матвиенко, состав фракции уменьшился еще на 10 депутатов, бывших партийцев[19].

Вообще переход из одной фракции в другую поддерживался представителями больших фракций. Одной из наиболее пострадавших от этого оказалась

фракция ПСПУ, она даже могла вообще исчезнуть. По результатам выборов, ПСПУ получила 14 депутатских мест, однако двое стали членами «Громады»[20]. В свою очередь, фракция СДПУ (о), которая на выборах получила почти столько же голосов, как и ПСПУ, не страдала от того, что депутаты оставляют ее, напротив, численность фракции росла.

После того, как в феврале 1999 года Верховная Рада дала согласие на привлечение к криминальной ответственности П. Лазаренко, фракция «Громада» стала распадаться. Из нее были исключены А. Турчинов и Ю. Тимошенко, которые образовали фракцию «Батькивщина», куда вошли 23 депутата.

Расколы в наибольших фракциях – НДП, «Громада» и НРУ – заставили 16 марта 1999 года Верховную Раду принять постановление, по которому создание групп и фракций разрешалось лишь на основе одной политической партии или избирательного блока[21]. Однако переходы депутатов из одной фракции в другую продолжались.

Политические партии, победившие в выборах, получили возможность создавать собственные фракции в Верховной Раде, к которым могли приобщаться народные избранники, разделявшие взгляды политической партии. Элитные группы могли структурировать парламент по партийно-идеологическим признакам, что, по нашему мнению, способствовало бы институализации Верховной Рады и улучшению ее функционального потенциала. Однако в парламент попали силы, вовсе не желавшие структурирования по партийно-фракционному принципу. Главным противником такого структурирования выступили представители крупного капитала. Это оказало большое влияние как на структурирование и работу парламента, так и на соблюдение депутатами основных политических ценностей. «Политический туризм» – так можно охарактеризовать большое количество переходов депутатов из одной фракции в другую, появления большого количества новых фракций, некоторые из которых не просуществовали и нескольких месяцев. Более того, политический туризм привел в Верховную Раду большие деньги. Если сначала за переход в нужную фракцию депутаты могли получать суммы, измерявшиеся сотнями долларов, то позже ставки значительно выросли. Не только создание новых фракций сопровождалось подкупом и взяточничеством, представители крупного капитала и региональной элиты проталкивали нужные им решения через парламент, финансово стимулируя депутатов поддерживать необходимые решения, приватизировав фактически небольшие политические партии, достаточно «влив» в них финансовых ресурсов, надеясь таким образом обеспечить себе собственные филиалы в Верховной Раде.

Таким образом, Верховная Рада оказалась чувствительной как к влиянию большого капитала, так и к влиянию со стороны президентской администрации. Это привело к тому, что законодательные, представительские, контрольные функции парламента стали зависимы от внешних факторов. В начале 2000-х годов Верховная Рада «структурировалась» как орган, представляющий инте-

ресы крупных финансово-промышленных групп и уже сращенной с ними государственной бюрократии. Идеологически ориентированные политические группы, которые действительно пытались отражать и защищать интересы других общественных слоев, маргинализировались[22].

На фоне такой ситуации Л. Кучма чувствовал себя довольно комфортно. Такая Верховная Рада поддавалась внешним воздействиям: представители крупного капитала не хотели иметь проблем с исполнительной властью из-за нежелания иметь проблемы с фискальными и административными органами, партии вынуждены были искать в парламенте связи с капиталом и бизнесом, поскольку в таких условиях они просто бы не удержались на политическом олимпе. Президент продолжал переформатировать высший законодательный орган с целью создания необходимого ему парламентского большинства, которое провело через парламент решение референдума 2000 года об установлении в Украине президентской республики.

В связи с этим нам интересен процесс формирования ценностей народных депутатов, на которые они опирались в своей деятельности. Вопрос ценностей элиты неразрывно связан с существованием демократического общества в целом. Если элита не способна выработать общепринятые нормы и ценности и соблюдать их в своей деятельности, это ставит под сомнение ее компетентность и необходимость пребывания у власти ее представителей. Однако, как мы видим на примере народных депутатов Украины, в элитной среде шел процесс формирования собственных ценностей без учета потребности социума, или потребности социума трансформируются ради легитимации ценностных ориентиров элиты. С точки зрения элиты, народ сознательно некомпетентен. Однако компетентность элиты также оставляет желать лучшего. А вот провести властные решения в жизнь (независимо от их «разумности») возможно только тогда, когда они не сталкиваются с активным саботажем низов, когда между властью и населением существует обратная связь[23], связь понимания и поддержки. Демократические механизмы как раз и призваны обеспечить эту связь. Мы видим на примере Украины, что демократические механизмы в действительности подменяются политической элитой, для которой явно более важно согласие в собственной среде. В основе консенсуса элит лежат не демократические процедуры и ценности, как в идеальных моделях демократических транзитов, а неформальные практики и правила, ситуативные интересы. Его опорой выступают не институтиализованные механизмы, а личные связи, личные отношения[24].

Проблема заключается в том, что политическая элита для обеспечения контроля над ситуацией транслирует в общество те ценности, которые не способствуют его консолидации, а наоборот. В поляризованном обществе борьба идеологических программ политической элиты создает иллюзию об отстаивании собственных интересов обществом, однако на сегодняшний день именно благодаря действиям элиты социум чувствует борьбу между властными группами,

не имея при этом ни возможностей влиять на нее, ни отстаивать собственные интересы.

Такая ситуация способствует углублению состояния отчуждения между политической элитой и обществом Украины. Возможности и мотивация у социума и элиты разные. Большая часть общества пытается выжить, сохранить себя и собственную систему традиций, отчасти униженных элитой. Она стремится легитимировать превосходство собственного интереса всеми доступными средствами. Политической вербализации благодаря деятельности элиты подвергается лишь то, что имеет двойную природу: борьба Запада и Востока Украины, культурное противостояние двух языковых групп, геополитическая ориентация на Москву, на Брюссель. В языке «или-или» нет места для «третьего пути», горизонтальных отношений и нейтральных решений[25]. Хотя социум нуждается скорее в помощи в построении бесконфликтных отношений внутри страны.

Такая же, по нашему мнению, ситуация отношения политической элиты к базовой ценности – демократии. Официально декларируется поддержка основных демократических принципов и их исповедание. На самом же деле мы видим, что в работе представительных органов власти демократия не является определяющим фактором деятельности. И на выборах, и в парламенте оппонент расценивается как противник, которого следует победить любой ценой, а если нельзя победить, то следует терпеть. Если бы какая-то из элитных групп имела достаточно возможностей для установления однопартийной системы (например, как в России), то, несомненно, она эту возможность реализовала бы, несмотря на возможные фатальные последствия для нее.

Подобная ситуация делает Украину «слабым государством»: ее формальные институты не укрепились в полной мере и по-прежнему уязвимы перед прихотями удерживающих власть элит. Слабость проявляется также в неспособности принимать последовательные решения и потом реализовывать их. С момента независимости государство оставалось главным источником ресурсов и богатства, и поэтому в политике преобладала борьба различных фракций элиты за ренту. Неформальные практики – клиентела, патронаж, борьба за источники ренты – стали главными средствами отправления государственной власти президентом Украины, а формальные полномочия главы государства всегда поддерживались неформальным инструментарием. Как полагают некоторые авторы, сталкивающиеся интересы элитных фракций предотвращали в Украине консолидацию авторитарного режима, но в то же время стимулировали распространение коррупции и высокий уровень взаимного недоверия между элитами и обществом[26].

Создание ценностного мировоззрения народных депутатов испытало влияние ряда факторов: советского наследия, наличия различных идеологических программ, представленных в общественно-культурном пространстве Украины, региональной специфики Украины, неинституализованных отношений между

ветвями власти и в сфере распределения и использования собственности. Эти факторы способствовали созданию системы ценностей, которая скорее отражала ситуативные потребности политической элиты. Жажда власти, стремление к ресурсам скорее свидетельствуют не о чрезвычайной жадности (хотя не без нее), а о желании выжить и не допустить к ресурсам конкурентов. Поэтому очевидно, что элита использует любые возможности закрепить за собой властные полномочия. В результате это приводит к тому, что, во-первых, не решаются основные проблемы политической элиты и она вынуждена находиться в состоянии постоянной борьбы, при победе одной из элитных групп автоматически перерастет в внутренне групповой конфликт; а во-вторых, это существенно тормозит модернизацию страны в целом. Проигрывает при этом больше, как ни странно, сама политическая элита. Она в таком случае теряет возможности для собственной перестройки и внутренней модернизации и закрывает каналы рекрутирования, через которые могла бы пополнить себя такими представителями, которые помогли бы элитным группам преодолеть кризис.

Трансформация советских государственных институтов в институты национального государства должна означать, что в идеале они обслуживают интересы нации, поскольку именно нация (в данном случае понимается как все граждане данной страны) является источником легитимности этого государства и власти. Реальность такова, что трансформация советских государственных институтов в институты «национального государства» привела к тому, что они и дальше обслуживали те же группы, только уже в другом порядке: бюрократию и технократию, причем последняя в значительной степени трансформировалась в новый предпринимательский класс – новых капиталистов[27].

Верховная Рада Украины, призванная играть роль высшего законодательного органа власти, была превращена, по сути, новой элитой в площадку, где различные группы, контролирующие ресурсы, могли выяснять отношения между собой. На наш взгляд, такая ситуация вполне объяснима с точки зрения становления нового постсоветского общества в Украине. Переход к новым демократическим ценностям, декларируемый политиками, представляющими как законодательную, так и исполнительную власть, на практике напоминал борьбу за установление авторитарного режима, где возможности оппонентов были бы максимально лимитированы, однако создавали видимость сохранения демократии. Апелляция к общественному мнению только в преддверии парламентских выборов и, более того, навязывания социуму необходимых элите ценностей привела к отторжению восприятия в обществе Верховной Рады как демократического законодательного, а главное – представительского органа власти, которому можно доверять.

Примечания

1 Куценко, О. Тенденции формирования и структура региональной элиты в Украине // Этнические и региональные конфликты в Евразии: сб. науч. работ / общ. ред.: А. Зверева, Б. Коппитерс, Д. Тренин. – Кн. 2: Россия, Украина, Белоруссия. М.: Изд-во «Весь мир», 1997. С. 194–209.

2 Кацман, В. Все на выборы – выборы в законе // Зеркало недели. 1997. 7 марта (№ 10). С. 1.

3 Шевчук, Ю. Через терни до мандату // Голос України. 1998. 12 лютого (№ 27). С. 2.

4 Хмелько, В. Партійні системи формують механізм політичної відповідальності / В. Хмелько // День. 1998. 7 березня (№ 43). С. 4.

5 Там же.

6 Українські ліві: між ленінізмом і соціал-демократією / [А.Ф. Ткачук, О.В. Гарань, В.Є. Хмелько, О.М. Майборода (ред.)]. К.: Видавничий дім «Академія», 2000. 256 с. С. 113.

7 Harasymiw, B. Post-Communist Ukraine. Edmonton, 2005. P. 273

8 Хмелько, В. Партійні системи формують механізм політичної відповідальності // День. 1998. 7 березня (№ 43). С. 4.

9 Україна: політична історія ХХ – початок ХХІ ст. / В. Смолій, Ю. Левенець (співголови ред. кол.) [та ін.]. К.: НАН України, Інститут історії України, Інститут політичних та етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса. К.: Парламентське видавництво, 2007. 1028 с. С. 960.

10 Центральный государственный архив высших органов власти Украины [далее – ЦГАВОВ Украины]. Ф. 1, оп. 28. Спр. 83: Листування з Представниками Президента України на місцях, окремими громадянами. 11.10.1994. 22.12.1994. 82 арк.

11 На сесії Верховної Ради // Голос України. 1994. 27 липня (№ 141). С. 2.

12 Вибори – 98 (підсумки, аспекти структурування українського суспільства і парламенту) / І.Ф. Курас, Л.Ю. Беренштейн, Ф.Х. Джос [та ін.]; НАН України, Інститут політичних і етнонаціональних досліджень. К., 1998. 110 с. С. 97.

13 Піховшек, В. Розвиток демократії в Україні 1998 рік // Український незалежний центр політичних досліджень / В. Піховшек, С. Конончук, О. Ярош. К.: УНЦПД, 1999. 116 с. (Демократія в Україні). С. 89.

14 ЦГАВОВ Украины. Ф. 1, оп. 28. Спр. 16: Протоколи, постанови, прокольні рішення та стенограми засідань Центральної виборчої комісії, том 16. 18.05.1998. 27.06.1998. 275 арк. Арк. 89.

15 Коробова, Т. Вибори закінчилися. Боротьба за владу триває // День. 1998. 9 квітня (№ 66). С. 4.

16 Портрет парламенту // День. 1998. 4 квітня (№ 63). С. 4.

17 Гузенкова, Т.С. Политические партии и лидеры Верховного Совета Украины (1998–2000). М.: Рос. ин-т стратег. исслед., 2001. 216 с. С. 30.

18 Архив Верховной Рады Украины. ДФ., оп. 22. Спр. 42: Плани роботи фракції Народно-демократичної партії. 12.03.1998. 03.2002. 93 арк. Арк. 56.

19 Там же.

20 Піховшек, В. Розвиток демократії в Україні 1998 рік // Український незалежний центр політичних досліджень / В. Піховшек, С. Конончук, О. Ярош. К.: УНЦПД, 1999. 116 с. (Демократія в Україні). С. 11.

21 Юрчук, А. Фракционный передел // Зеркало недели. 1999. 20 марта (№ 11). С. 2.

22 Касьянов, Г. Держава розколота на бюрократів і населення / Г. Касьянов [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.istpravda.com.ua/articles/2013/08/24/135086/.

[23] Шубин, А. Власть и демократия в XXI веке // Неприкосновенный запас. 2006. № 6(50) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nz/2006/50/.

[24] Никулин, В.С. Основные векторы трансформации советской номенклатуры в постсоветскую украинскую элиту // Вісник Харк. нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна. 2011. № 941. С. 210 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/natural/vkhnu/soc_dos/2011_941/Nikulin.pdf.

[25] Минаков, М. Язык дистопии: идеологическая ситуация в Украине // Неприкосновенный запас. 2010. № 5(73) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://mag.russ.ru/nz/2010/5/index-pr.html.

[26] Уитмор, С. Авторитарная консолидация и народное сопротивление: размышляя о причинах «евромайдана» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nlobooks.ru/node/4423.

[27] Касьянов, Г. Держава розколота на бюрократів і населення [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.istpravda.com.ua/articles/2013/08/24/135086/.

Вадим Осин

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ, ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЫБОР И ПРОФЕССИЯ: ТИПОЛОГИЯ АКАДЕМИЧЕСКИХ КАРЬЕР УКРАИНСКИХ ПОЛИТОЛОГОВ

Abstract

This article is aimed at finding out what situational factors in post-Soviet Ukraine and in what way determine the political scientists' actions concerning the choice of profession as well as have an influence on a number of significant elements of disciplinary life starting from ideological identification to the choice of research topic. For this purpose we conducted 23 interviews with the faculty in Kharkiv, Lviv and Simferopol. When choosing the informants we drew attention to the *key* and *special* respondents who presented the information relating to the «strategic problems of research» and «research problem» respectively.

The presented interviews can be classified within the typology of motivation suggested by R. M. Ryan and E. L. Deci. According to them, the fundamental distinction is «between *intrinsic motivation*, which refers to doing something because it is inherently interesting or enjoyable, and *extrinsic motivation*, which refers to doing something because it leads to a separable outcome». We have also defined the situational factors determining the possible actions made by researchers.

On the whole, we have shown the connection between the socio-political context, emotions and drives, professional interests, scientific beliefs and ideological self-identification of Ukrainian political scientists. The proposed typology corresponds to the division of political science problems into conceptual and empiric ones. It gives a possibility of formulating verifiable hypotheses relating to all parts of professional life, being a rare subject of special research.

Keywords: political science, academic career, ideology, professional interests, intrinsic motivation, extrinsic motivation, situational factors.

§ 1 Политическая наука в политическом: идеология, призвание и статус-кво

Особенности исследовательского внимания к идеологическим идентификациям профессорско-преподавательского состава (американской или западноевропейской) политической науки конституировано неустранимой двойственностью, касающейся связи между политикой и соответствующей дисциплиной. С одной стороны, само возникновение политической науки уже традиционно[1] ставится в зависимость от укрепления и развития демократии, вследствие чего мотивация политологов должна согласовываться с фундаментальными и релевантными установками в отношении мира политики.

Указанные установки прослеживаются вне зависимости от того, какой именно операциональный критерий избирается в том или ином случае. То, что на кону стоит выявление соответствия между мотивацией выбора политической науки в качестве профессии и предназначением последней по формулированию альтернатив статус-кво, очевидно при обращении и к (массовым) опросам политологов, и к более теоретически или даже религиозно насыщенным контекстам.

В качестве примера последних можно сослаться на особенности использования в политической науке понятия *Beruf* [42, с. 708–715] – не для *объяснения*, а для *оценивания* того, насколько (подлинно) призванные и (случайно) рекрутированные исследователи способствуют реформированию политической сферы. Эта тенденция отчетливо прослеживается в среде политических теоретиков[2], методологов[3] и при обращении к более широкой аудитории[4]. Этими примерами, конечно, не исчерпывается весь спектр использования понятия «призвания»[5], однако они показательны в том смысле, что в дихотомической манере обнажают то, что на самом деле беспокоит высказывающихся по этой теме исследователей. А именно: соответствует ли мотивация политологов основополагающей функции их дисциплины, заключающейся в улучшении существующего положения дел в мире (политики).

Тот же самый вывод или, по меньшей мере, схожее направление интерпретации можно обнаружить и при обращении к опросам (академических) политологов, в основе которых лежит гипотеза, которую Э. Лэдд и С. Липсет изложили следующим образом: «дисциплины избирательно рекрутируют индивидов с подходящими интересами и ценностями» [19, p. 136]. При всей многочисленности опросов членов *Американской ассоциации политической науки* их результаты довольно однообразны: сторонников Демократической партии всегда больше, чем сторонников Республиканской [32, p. 474; 36, p. 362–363], а сама дисциплина оказывается весьма либеральной [19, p. 138–139]. Г. Тернер и К. Хетрик объясняют приверженность политологов Демократической партии тем, что в последние годы последняя «в большей степени, чем Республиканская, выступала в защиту реформ» [36, p. 374]. Соответственно, политическая наука привлекает

индивидуумов, мотивированных не столько стремлением решать теоретические проблемы, сколько желанием реформировать политическую систему[6].

С другой стороны, то, что благоприятствует генезису дисциплины в целом, может негативно отражаться на ее дальнейшем развитии, поскольку наличие идеологических ориентаций может поставить под сомнение компетенцию исследователей. Тем не менее укорененность политической науки в политическом представляется настолько обыденной и всепроникающей, что идеологические ориентации политологов ставятся в соответствие их методологическим убеждениям, а все вместе описывается в негативном и/или уничижительном ключе.

Так, Г. Алмонд для описания взаимоотношений политологов использовал название театрального хита 1955 года – пьесы Т. Рэттигана *Separate Tables*; это труднопереводимое понятие означает практику обособленного («за отдельными столиками») обеда в пансионате и самим сценаристом использовалось для подчеркивания «одиночества человеческого существования» [1, p. 13]. По мнению Г. Алмонда, в рамках единой политической науки можно выделить несколько направлений, образуемых в результате комбинации идеологических и методологических критериев. Отношения между четырьмя полученными в итоге «школами» протекают в таком ключе: «Глашатаи общественного выбора, чтобы найти место своему впечатляющему дедуктивному механизму, ищут убежище в реальности, "новом институционализме"; политические эконометристы хотят быть причастными к историческим и институциональным процессам; гуманитариев коробит нежелание "технарей" признавать политические ценности, и они страдают от чувства неприспособленности к миру, где царят статистика и техника; а радикальные или "критически настроенные" политические теоретики, уподобляясь ветхозаветным пророкам, осыпают проклятиями бихевиористов, позитивистов и само представление о профессионализме в политических науках, которое бы отделяло знание от действия»[7] [1, p. 14].

Не вызывает удивления и то, что разногласия между политологами не только носят идеологический[8] и методологический характер, но и оборачиваются констатацией ангажированности дисциплины и ее зависимости от истеблишмента [55, с. 37–85]. Дж. Сакс также приводит примеры постоянного изменения ведущими учеными своих взглядов в зависимости от того, причастны они к процессу принятия властных решений или нет. Свой вывод-вопрос автор сформулировал в саркастической манере: «Раз в два года Америка тратит миллиарды долларов на избрание политиков, которые приводят в Вашингтон ведущих научных специалистов. Может быть, это делается для того, чтобы эксперты могли затем скрывать от американского народа правду до тех пор, пока не уйдут из советников? Тогда эти люди снова начинают говорить правду» [49, с. 163].

Таким образом, идеология и/или призвание в современной политической науке используются для понимания того неустранимого напряжения, которое,

как мне представляется, составляет основание формирования множества локальных паттернов власти-знания в западной Академии. То есть рекрутируются ли в политическую науку индивиды, едва ли не *институционально* формулирующие альтернативы статус-кво, и не способствуют ли они чрезмерной укорененности в политическом и, следовательно, росту консервативности дисциплины.

Тем не менее, когда мы полагаемся на столь косвенные показатели, то в итоге не решаем задачу, которую А. Зорин сформулировал следующим образом: «Как перевести свое ощущение от жизни, проблем и т.д. на язык профессиональных задач?.. За работой есть экзистенциальный и социальный выбор, вне его она не живет…» (цит. по [53, с. 152–153]). Формулирование того или иного корпуса научного знания неотделимо от причастных к нему индивидуумов, в силу чего необходимо принимать во внимание взаимосвязь между личностным и социально-политическим. В рамках американской и европейской политической науки подобные попытки – в форме реализации устной истории дисциплины – только-только дают первые результаты [3; 8; 26]. Неудивительно, что в соответствующей области отсутствуют сколь-нибудь убедительные и достоверные модели, описывающие процесс принятия (студентами, аспирантами…) решений по поводу научной карьеры[9], а подавлющее большинство имеющихся являются излишне дедуктивными и такими, что возвеличивают удельный вес рационального элемента в этом процессе[10].

Суть эвристических возможностей рационального подхода к процессу принятия решений в Академии хорошо иллюстрирует *эффект затора*, описанный Дж. Холтивангером и М. Уолдманом. Последние отталкиваются от противоречия между допущением о рациональном поведении людей и ограниченными способностями последних в деле приобретения и обработки информации [15, p. 1]. Индивиды гетерогенны относительно имеющейся у них информации и способности на ее основании формировать подлинно рациональные ожидания. Вследствие этого выделяются две группы гетерогенных а́кторов, «искушенные (sophisticated)», т.е. обладающие правильными или рациональными ожиданиями, и «наивные (naive)», т.е. ограниченные в своих возможностях иметь подлинно рациональные ожидания [15, p. 1–2].

Известная теорема Дж. Нэша гарантирует наличие равновесия и в этих условиях, и один из сценариев достижения эквилибриума «при различных типах гетерогенности» предполагает следующее: *чем больше количество делающих один и тот же выбор, тем меньше блага получает каждый из них* [15, p. 2]. Дж. Цебелис в полном соответствии с логикой авторов, указавших на подобную сферу приложения, раскрывает значение «эффекта затора» на примере выбора профессии: «Предположим, что ряд индивидов должен сделать выбор профессии. Предположим также, что у большинства из них – примитивные представления о реальности и неправильные ожидания, но некоторые способны к рациональному расчету. Хотя в большинстве случаев принятые решения будут основаны

на недостаточной информации и, стало быть, неоптимальны, информированное меньшинство будет способно предвидеть это и компенсировать намечающийся дисбаланс путем выбора иной, чем у большинства, модели поведения. Скажем, если в избытке доктора, то искушенные индивиды станут инженерами или юристами. Так что в результате общество придет примерно к такому же состоянию равновесия, которое наступило бы при всеобщей искушенности…» [54, с. 68].

Легко заметить два недостатка подобного подхода – тавтологичность и отсутствие даже намека на связь между движущими причинами, заставляющими будущих ученых специализироваться именно в избранной дисциплине (или хотя бы стремиться к этому), и дальнейшим их профессиональным поведением, включая идеологическую самоидентификацию, выбор тем, перспектив, методов, etc. Вполне вероятно, что такого рода связь отсутствует (или же она мало значима) у физиков[11], но в случае с научными областями, имеющими дело с конструируемыми материями, наш акцент не представляется избыточным или неоправданным. Это замечание кажется тем более оправданным, что результаты масштабных опросов политологов показывают очевидную связь между активистскими установками политологов и выбором профессии.

Таким образом, основным недостатком существующих попыток увязать мотивацию, идеологию и профессию является их излишне дедуктивный характер и стремление исходить при объяснении ранее не изученных эмпирических феноменов из принципов, пригодность которых, наоборот, должна быть предметом исследования. Скажем, если основываться на результатах устной истории, то одной из трех главных характеристик (выдающихся) компаративистов выступает – наряду со страстью и способностью к риску – богатый жизненный опыт [35, p. 4–11]. Примеры зависимости и интересов, и выбора профессии от опыта непосредственного взаимодействия с будущим объектом исследования весьма многочисленны[12], даже если подчас и носят совершенно случайный характер[13]. При этом данный фактор при изучении дисциплины никто не учитывает, хотя внимание к нему обусловлено даже сугубо теоретическими соображениями. В частности, тем, что выбор профессии в политологии находится под сильнейшим влиянием личного опыта, выходящего за пределы царства науки с его акцентом на когнитивных критериях[14].

В случае с постсоветской политологией указанные недостатки еще более обнажаются, прежде всего, по причине того, что специфики власти-знания в политической науке Украины. Слабая степень влияния, если не сказать «ниже минимальной», политической науки и академических политологов на власть, очевидная методологическая, содержательная и организационная неразвитость постсоветской политологии, а также отсутствие систематических данных, касающихся большинства украинских политологов, – все это не позволяет даже просто воспроизвести уже имеющиеся (и, как правило, неудовлетворительные) алгоритмы выявления паттернов власти-знания.

В этих условиях нет смысла говорить о разнообразных опосредующих звеньях, например, идеологической идентификации политологов, отсылающих к определенным политическим силам и с ними связанным альтернативами статус-кво. В случае с постсоветской Академией мы имеем дело с изначальной, *почти* не замутненной двойственностью зарождения политической науки: потенциально (демократическая) политика, новая профессиональная и интеллектуальная идентичность, личность с присущими ей мотивационными установками и выбор, соотносимый с экзистенциальными смысловыми координатами.

Вследствие этого на постсоветском пространстве «производство социального знания… часто является культурной политикой… связываемой не только с вопросами "национального развития" и "глобализации", но также с… академическими карьерами и человеческими эмоциями аномии, дилеммы и надежды перед лицом неопределенного будущего» [2, p. 4]. Однако вопрос движущих причин обращения к (политической) науке на постсоветском пространстве, а также их последствий для профессионального поведения далек не то, что от разрешения, но даже от толковой постановки[15]. Единственное, на что приходится рассчитывать, так это на разрозненные исследования, вписываемые к тому же не в контекст политики знания, а в иные, быть может, более модные перспективы[16].

С целью устранить ряд изложенных выше недостатков я решил провести ряд интервью профессорско-преподавательского состава Харькова, Львова и Симферополя. Соответственно, основное мое внимание будет сосредоточено на том, какие ситуационные факторы в постсоветской Украине и каким именно образом обусловливают спектр действий политологов в рамках выбора профессии, а также влияют на ряд значимых элементов дисциплинарной жизни, от идеологической идентификации до выбора тематики исследований.

При выборе информантов я стремился заполучить, прежде всего, *ключевых* и *специальных* респондентов, представляющих информацию, касающуюся «стратегических проблем исследования» и «проблемы исследования» соответственно [48, с. 101]. В свою очередь, поиск пресловутых *типичных* респондентов не входил в мои намерения как по причине ограниченных возможностей, так и по этическим соображениям. В целом, я стремился брать интервью у представителей профессорско-преподавательского состава, которые являются обладателями научной степени кандидата или доктора политических наук. Однако в некоторых случаях пришлось отойти от этого правила, поскольку ряд *ключевых* и *специальных* информантов в силу ряда объективных причин либо имели научную степень по другой специальности, либо работали в другом вузе релевантного региона.

Проводимые интервью, безусловно, являются качественными, поскольку они в самом деле «нацелены на реконструкцию смысла и не строят репрезентативно обобщенных выводов» [48, с. 103]. В силу этого при определении объема необходимой выборки я руководствовался известным принципом насыщения,

«когда сбор новых данных не приносит дополнительно информации для исследовательского вопроса» [48, с. 103]. Мои предварительные исследования показали совместимость с выводами Гест с соавторами, согласно которым условная однородность респондентов приводит к тому, что «выборки из 6 интервью может быть достаточно, чтобы развить значимую тему и полезные интерпретации» (цит. по [48, с. 107]).

Всего, таким образом, были проинтервьюированы в период весны–осени 2013 года 23 украинских политолога (по 8 респондентов из Харькова и Симферополя[17], 7 человек – из Львова). Несмотря на то, что большая часть респондентов согласилась на неанонимное интервью, я все же решил при цитировании не раскрывать фамилий. Длительность интервью колебалась от 40 минут до 3,5 часов, в зависимости от временных и иных ограничений, но в среднем продолжительность одного интервью составляла около 1,5 часов. Каждое интервью записывалось на цифровой диктофон, о чем респонденты были проинформированы заранее. Места проведения интервью были самые различные, от кафедры и домашней квартиры до кафе или парка; главным при этом были соображения удобства самих респондентов. Иногда не удавалось провести интервью «в один прием», вследствие чего организовывались дополнительные встречи.

§ 2 Способности, мотивация и ситуационные факторы: разрушение унитарности профессионального выбора

Изучение (взаимо)связи, гипотетически существующей между политическими взглядами украинских политологов, и факторами, побудившими их в тот или иной момент времени выбрать политическую науку в качестве своей профессии, должно опираться на некую общую модель, объединяющую интересующие нас переменные. Я счел, что таковой является предложение П. Мучински различать способности, мотивацию и ситуационные факторы: «*Способности* отражают то, что вы можете делать, *мотивация* – то, что вы будете делать (при данном уровне способностей), а *ситуационные факторы* – то, что вам позволено делать» [47, с. 412].

Проблема соответствия способностей ученых дисциплинарным проблемам политической науки на самом деле может оказаться ключевой, по крайней мере, в плане оптимизации процессов рекрутирования. Я имею в виду то обстоятельство, что политологические проблемы обладают специфическим характером [10, с. 307–309], и сама природа политологических проблем требует недюжинных умственных способностей и высокого уровня рефлексии, позволяющих концептуализировать чрезвычайно комплексные явления, а также постигать пределы собственного участия в их становлении. Пионерская работа Дж. Восса и 3 соавторов [38] демонстрирует многие из тех черт, что характеризуют решение проблем в политической науке и в любой из естественных [14, p. 79–104] .

Тем не менее рассмотрение способностей я исключил из исследования по причинам как этического, так и эпистемологического свойства, полагая, что все проинтервьюированные респонденты характеризуются как достаточным уровнем способностей, так и комплементарностью последних дисциплинарным проблемам. В свою очередь, представление о том, что любое (профессиональное) поведение «обнаруживается в некоем средовом, или ситуационном, контексте, который влияет на это поведение, но не зависит от человека» [47, с. 412], имплицирует обращение к соответствующей теории мотивации. В данном исследовании целесообразно было воспользоваться типологией, апробированной Р. Райаном и Э. Деци в ходе их многолетних систематических исследований системы высшего образования.

В целом, я полагаю, что имеющиеся в моем распоряжении интервью украинских политологов наиболее экономным образом могут быть классифицированы в рамках предлагаемой авторами типологии мотивации. С их точки зрения, фундаментальным различием «является различие между *внутренней мотивацией*, которая отсылает к деланию чего-либо по причине того, что это в основе своей интересно или способно принести удовольствие, и *внешней мотивацией*, которая отсылает к деланию чего-либо, поскольку это ведет к отделимому результату (separable outcomes)» [33, p. 55]. В следующих параграфах я планирую рассмотреть переплетение политического, персонального и профессионального в текстах интервью украинских политологов в перспективе данной типологии мотивации. Начну же я с рассмотрения карьер украинских политологов, которые представляются внутренне мотивированными. При этом следует особо отметить, что последние представляют собой, как и вся типология, прежде всего аналитический конструкт, но никак не статистический.

Другими словами, я не заинтересован в установлении того, какая именно разновидность внутренне или внешне мотивированных политологов преобладает в постсоветской Академии. Просто потому, что моих возможностей не хватает для проведения всех необходимых измерений. Вместе с тем я полагаю, что гораздо важнее зафиксировать то, как связаны в Украине мотивация, политика и различные аспекты профессиональной жизни академического политолога. При объеме уже собранного материала возможны и разработка подобного инструментария, и его первоначальная апробация.

§ 3 Внутренняя мотивация: основные положения

Исследователей давно привлекало то, что называется *аутотелической деятельностью* [46, с. 145], то есть тех занятий, что сами по себе приносят нам удовольствие и воспринимаются как нечто самоценное. Один из ученых отмечает поразительность этого феномена: «Удивительно, но в мире, который на первый взгляд управляется борьбой за деньги, власть, престиж и удовольствия,

существуют люди, по неизвестным причинам жертвующие всеми этими целями: люди, рискующие жизнью ради восхождения к вершинам гор, посвящающие себя искусству или самозабвенно занимающиеся шахматами» (цит. по [46, с. 145]).

Распространенность подобной деятельности – достаточно сказать, что к ней принято относить совершенствование речи ребенка – привела к ее активному изучению психологами, и не только [13]. В частности, была прояснена взаимосвязь между занятиями, приносящими внутреннее удовлетворение, и внешним по отношению к ним контекстом. Так, собрано «большое количество данных, свидетельствующих о том, что стремление к внутренне значимой деятельности часто ослабевало в тех случаях, когда за нее предлагаются внешние вознаграждения, такие как пища или деньги» [46, с. 144].

Эта точка зрения обычно именуется «гипотезой внутренней мотивации креативности» [52, с. 406], а суть ее заключается в том, что «вознаграждение, в денежной или иной форме, снижает креативность» [52, с. 406]. Дж. Кондри указывал, что получающие вознаграждение «работают усерднее и более активно, но это деятельность низкого качества, со множеством ошибок, более стереотипная и менее творческая, чем работа таких же субъектов, работающих над этой же проблемой, но не получающих награды» (цит. по [52, с. 406–407]). Устоявшееся объяснение этому факту принадлежит Т. Амабайл, в соответствии с которым награда отвлекает «внимание от задачи и неочевидных аспектов среды, которые могли бы быть полезны в достижении творческой цели»[18] (цит. по [52, с. 407]).

Возвращаясь к теории самодетерминации, отмечу, что, по мнению Р. Райана и Э. Деци, сам факт аутотелической деятельности связан с внутренней мотивацией, которая определяется следующим образом: «совершение деятельности скорее в силу ей (изначально) присущего удовольствия, нежели по причине отделимых последствий. Внутренне мотивированный человек понуждаем к действию, связанному скорее с удовольствием или вызовом, а не внешними толчками, давлением или наградой» [33, p. 56]. Возможно, именно по этой причине «внутренняя мотивация своим результатом имеет высококачественное обучение и креативность» [33, p. 55], ведь люди – в наиболее жизнеспособных состояниях – активные, пытливые, любопытные и игривые креаторы, проявляющие безусловную готовность учиться и исследовать, и это не требует внешнего побуждения. Это важно, поскольку действия по причине интереса, заключенного в самом действии, способствуют росту когнитивных, социальных и физических умений. При этом внутренняя мотивация не ограничивается только детством, а составляет важнейший элемент личностного развития на протяжении всей жизни [33, p. 56].

Следует указать, что одни ученые определяют внутреннюю мотивацию в терминах интересующего задания, в то время как другие – через удовлетворение, получаемое индивидом в результате выполнения работы, к которой он

внутренне мотивирован [33, p. 56]. Р. Райан и Э. Деци «фокусируются преимущественно на психологических потребностях, а именно: врожденных потребностях в компетентности, автономии и связности (relatedness)» [33, p. 57].

Таким образом, авторы полагают, что индивид внутренне мотивирован в том случае, если определенное поведение и/или деятельность позволяют ему удовлетворить три априорные психологические потребности: в компетентности, автономии и связности. Чувство компетентности, в свою очередь, проявляется в осознании собственной эффективности, индикаторами чего выступают «межличностные события и структуры (вознаграждения, коммуникация, обратная связь)» [33, p. 58]. Отсюда, факторами, способствующими внутренней мотивации, могут выступать оптимальный вызов (challenge), эффективная обратная связь и свобода от унижающих оценок [33, p. 58].

В то же время чувство компетенции не будет способствовать повышению уровня внутренней мотивации, если оно не дополняется чувством автономии. То есть люди должны не только чувствовать осознаваемую компетенцию – они также должны осознавать свое поведение как самообусловленное. Таким образом, для поддержания высокого уровня внутренней мотивации индивиды должны быть удовлетворены как в компетентности, так и в автономности [33, p. 58]. При этом следует учитывать, что вознаграждения, конечные сроки и директивы – все это уменьшает внутреннюю мотивацию, поскольку люди в своем поведении ощущают себя контролируемыми. Выбор же и возможность самостоятельного выбора направления поиска повышают внутреннюю мотивацию, поскольку они допускают большее ощущение автономности[19] [33, p. 59].

§ 4 Внутренняя мотивация украинских политологов: конструирование априорного импульса и ситуационные факторы исследовательской повестки дня

Внутренне мотивированные украинские политологи характеризуются несколькими отличительными чертами, которые могут быть поставлены в зависимость от удовлетворения соответствующих психологических потребностей. Во многом это обусловлено рядом **ситуационных факторов**, отвечающих за «то, что вам позволено делать», или, в рамках теории толпы, тех, которые обеспечивают эффект стимулирования внутренне мотивированной деятельности. К их числу необходимо отнести:

а) наличие *хорошей (гуманитарной) библиотеки* в какой-то из сензитивных периодов жизни респондента. Как правило, речь идет о библиотеке родителей…

> …и я уже с детства, так сказать, вот, имел достаточно большую библиотеку и был вот таким вот «книжным мальчиком» (ХМД(п)–1)[20].

А так, конечно, создание определенной атмосферы в семье, наличие такой серьезной библиотеки – это повлияло вообще на формирование предпочтений (ХЖД(п)–4).

Иногда, правда, фортуна поджидает нас в самых неожиданных местах, как произошло в жизни другого респондента:

Добрі в мене враження про військову службу через те, що я саме в армії, маючи таку шикарну там бібліотеку, я познайомився з філософськими працями, і це мене зацікавило саме і призвело до університету… Серйозно! Я з пієтетом до того ставлюся – не до самої служби, а до… шикарна бібліотека (!), в якій були книжки там до XX сторіччя ще! І оці книжки, які, я не знаю, як вони збереглися, – я не знаю, там тисячу штампів було, тисячі заперечень, але вони існували – книжки. Може, так бібліотека збереглася якась, видно, армія – така найбільш консервативна форма, яка зберегла навіть таку хорошу, класну бібліотеку (ЛМД(п)–1);

б) *(материальная) поддержка семьи* в занятиях наукой, не обязательно политической, в молодом возрасте. Поддержка семьи в виде культурного капитала и определенного социального статуса выступает в качестве важнейшего ситуационного фактора внутренне мотивированных индивидов:

Кандидаты наук, оба, и мама, и папа. Оба преподавали в вузах… Я уже в 5 классе знала, что я буду доцентом (СЖД(г/у)–1).

Даже если часть своего капитала родители получали в тюрьме:

Батько. Батько, батько, батько – гуманітарій. Ну от, він закінчив, і мама, і батько закінчили гімназії, тому що інакше не можна було. Правда, будемо так казати, статки були – тобто, вони закінчили приватні гімназії в Луцьку. Ну і, відповідно, батько добре знав – скільки? – п’ять мов. До речі, дві мови він вивчив в тюрмі... Дуже корисно. Я вважаю, що часом таке усамітнення, воно стимулює, розумієте? От, він там вивчив французьку мову, от німецьку він знав, ну, латинь – то ясно, в гімназії тоді інакше не можна було. От. Так що батько, ну, завжди працював над тими… Вже перед пенсією, пенсією – він був директором школи тут, під Львовом, приміській. От, він був директором школи, викладав там і історію і географію і вже пішов на пенсію з радянської роботи. От, а мама все життя в інституті – тут мединститут львівський, в клініках вона працювала. І там, на жаль, на роботі і померла. Так що такі діла (ЛМК(ф)–1);

в) наличие *человека* или сравнительно *небольшой группы*, инспирирующих непосредственную научную деятельность (в студенческие годы). Как правило, речь идет об одном преподавателе, который выступал в качестве примера для наследования (не обязательно в политической науке):

> Так само, лекції даного викладача, спосіб викладу – це скоріш така американська, вільна манера. Його значний досвід за кордоном, оскільки він стажувався за кордоном, мені імпонували і, можливо, став навіть прикладом для наслідування (ЛЖК(п)–1).

Довольно часто роль преподавателей не ограничивалась неким личным примером, суть которого, по словам одного из респондентов, заключалась в том, что «він вмів справляти враження, він виглядав як інтелігент, він виглядав як творець, митець від науки. І не можна не було захоплюватись, на нього хотілося бути подібним» (ЛМК(п)–2). Не менее важным оказывалось более прямое воздействие преподавателей в виде организатора научного кружка…

> У нас був такий покійний зараз професор Залупко, політекономом, і він, знаєте, так, він тоді був доцентом: «Давайте, хлопці, давайте…». І нам… утворилося нас… 4–6 чоловік таких було. До речі, всі вони, як правило, доктори наук або професори, або доценти. На жаль, дехто вже помер. Ну, так, знаєте, таке життя. От. І ми почали писати (ЛМК(ф)–1)

…или научного руководителя уже в студенческие годы:

> Ну, естественно, я говорю, что, прежде всего, это профессор Мамалуй, прежде всего. Это вот как бы альфа и омега. Можно говорить и о некоторых других, тот же Андрей Андреевич Гриценко, вот. Но я бы хотел, вот, все-таки подчеркнуть это (ХМД(п)–1).

Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов и влияния в более позднем возрасте, то ли в виде человека, помогшего сделать (окончательный) выбор путем непосредственного предложения, или интеллектуально стимулирующих разговоров:

> И вот мы начали общаться с Владимиром Дмитриевичем. Я сказала, что у меня есть исторические наработки, он посоветовал мне подумать хорошо, потому что он открывает новую специальность – «политологию» и это должно быть мне интересно… Мы начали с ним в этом направлении работать (ХЖД(п)–4).

> Кроме того, я бы хотел бы сказать вообще о совершенно уникальном человеке – это Георгий Дерлугьян, профессор Университета Норд-Вестерн. Собственно, это мой интеллектуальный коллега и соавтор… и этот человек, его идеи, его такое интеллектуальное воздействие, разговоры, беседы с ним тоже оказали очень большое воздействие. То есть они прочистили, вот, как бы мое сознание (ХМД(п)–1).

Особо следует подчеркнуть значимость личностного момента, то есть контакта и/или влияния, основанного на непосредственном персональном знакомстве. Это хорошо согласуется с данными, согласно которым «у ученых, как это свойственно творческим людям в целом, относительно низкий порог социальной стимуляции, и поэтому обособленная деятельность или деятельность во взаимодействии с небольшой группой является идеальным выбором» [12, p. 118];

г) *перестройка и события середины 1980-х гг.* (для респондентов зрелого возраста). Восприятие перестройки у внутренне ориентированных политологов как будто скроено по одному лекалу, в основании которого лежит традиционное противоречие между внутренним и внешним. С одной стороны, стимулирующие обстоятельства персонального интеллектуального прогресса респондента. С другой стороны, стесняющие, ограничивающие или просто ставящие на грань выживания условиями жизни в тот период в целом. Один респондент по указанному поводу высказался в незабываемой метафорической манере:

> Будьмо, так скажімо, афористичними: намордник зняли, але миску відсунули (ЛМК(ф)–1);

д) *зарубежные стажировки, гранты, «научный туризм»* и т.п. Практически все релевантные респонденты указывают на огромное значение в их профессиональной деятельности стажировок и подобных им мероприятий, а сами впечатления от них описываются в ключе, напоминающем воспоминания о стимулирующем (интеллектуальном) воздействии перестройки.

В целом, поддержка родителями научных начинаний, работа в тесном контакте с небольшой группой единомышленников или, по меньшей мере, смотрящих в одном направлении людей, а также наличие вдохновляющего индивида – все это выступает факторами, катализирующими, прежде всего, удовлетворение потребности в компетенции. Именно в этом случае мы имеем дело и с успешным взаимодействием с социальным окружением, и с оптимальными вызовами, и с возможностью развивать и проявлять свои способности, не говоря уже о приобретаемых уверенности и успешности[21].

§ 5 Внутренняя мотивация украинских политологов: компетентность, автономность, идеология, профессиональные интересы и убеждения

Стремление удовлетворить психологическую потребность в **автономности**, катализированное соответствующими ситуационными факторами, обусловливает следующие профессиональные практики внутренне мотивированных украинских политологов:

1) *большинство внутренне ориентированных респондентов особо подчеркивают собственную активность при выборе профессии*, часто оборачивавшейся локальными семейными драмами или настоящими (финансовыми) жертвами, лишь подчеркивающими стремление респондентов к независимости:

> Ми вже продали все. Так що мені… мені не жалко, то мені давало незалежність. Я не від кого не залежав. Все! (ЛМК(ф)–1);

2) *формулирование темы кандидатской и/или докторской диссертаций является (исключительно) прерогативой самого соискателя*, а не результатом (авторитарного) влияния (научного руководителя, школы или направления). Практически всегда эта группа респондентов при описании соответствующего процесса использует симптоматические обороты с преобладанием личных и притяжательных местоимений первого лица в единственном числе. Иногда респондентами самостоятельность собственного выбора подчеркивается посредством указания на обстоятельства, угрожающие или усложняющие принятие соответствующего решения:

> Як на мене, це доволі конфронтаційна тема, суперечлива. Відповідно мене мій науковий керівник, і завідувач кафедри, і інші викладачі – вони відмовляли мене від вибору даної теми (ЛЖК(п)–1);

3) *внутренне мотивированные респонденты указывают, как правило, на априорный импульс к изучению той или иной темы или же политики вообще*. То есть источник профессиональных интересов заключается в их собственной самости. Для внутренне ориентированных политологов очевидно стремление следовать своим интересам, удовлетворять собственную любознательность и руководствоваться преимущественно своими соображениями, а не плыть по течению обстоятельств. Соответственно, это предполагает минимальные по количеству и значимости ссылки на некие внешние условия, повлиявшие на выбор профессии, исследовательской повестки дня и т.п., вместо чего можно наблюдать субъектный стиль рассуждений.

А мне хотелось пойти каким-то своим путем. Тем более, мне было действительно интересно… Да, априорный импульс (ХЖД(п)–4).

Методологія науки – це моя була, це мій початковий інтерес, він залишився до сьогоднішнього дня моїм інтересом (ЛМД(п)–1).

В целом, занятие (политической) наукой во многом представляется самодостаточным и потому не предусматривающим какого-либо результата, могущего само это занятие превратить в средство достижения определенной цели. Для одних это удовольствие в свободе поиска, пусть и испытанное уже в достаточно зрелом возрасте, для других побудительным фактором выступает любопытство и/или заинтригованность чем-то неизвестным и завораживающим настолько, что стоит ради этого рискнуть несколькими годами собственной жизни. В случае с внутренней мотивацией речь идет о некоем симбиозе свободы, игры и интереса, важных, значимых и побуждающих к исследованию явлений просто ради того воздействия, которые они оказывают на наши чувства;

4) *уверенное нежелание внутренне мотивированных политологов заниматься публичной (политической) деятельностью и вообще каким-либо образом быть связанными с практической политикой*. Показательно, сколь радикально исследователи высказывают, как правило, собственное неприятие соответствующей деятельности:

Нет. Наоборот, я избегала этого (СЖД(г/у)–1).
Ні, ні, абсолютно ні (ЛМД(п)–1).

С моей точки, подобное подчеркнутое нежелание быть вовлеченными в непосредственную политическую деятельность является вполне закономерным следствием (отражением и/или производной) врожденной потребности в *автономии*. Другими словами, можно предположить, что политика как искусство возможного и деятельность, связанная с необходимостью компромиссов, не воспринимается внутренне мотивированными индивидами в качестве совместимой с их стремлением «ощущать свое поведение как выражение собственной самости», а внешние обстоятельства – как способствующие подобному восприятию;

5) *стремление обеспечить удовлетворение потребности в автономии обусловливает чрезвычайно размытую идеологическую самоидентификацию*, когда в ответах доминируют выражения «нравственность», «критический аналитик любой власти», «нормы этики и права». Также наблюдается довольно-таки парадоксальное сочетание элементов («авторитарная демократия», «умеренный либерал и консерватор»).

Это объясняется, с моей точки зрения, тем, что множество событий, свидетелями которых могли быть наши респонденты (а почти все они студентами

были еще в советское время), на уровне экзистенциальном не может не быть наполненным самыми разнообразными эмоциями, в том числе и столь показательными, как надежда и разочарование. Многократно переживаемые и испытанные, переплетенные с требованиями профессии по объективному изучению политического, они в итоге отсылают к опыту, несовместимому ни с одной из идеологических альтернатив, предлагаемых украинской властью. Тем более, что последние не в состоянии выработать привлекательный с этой точки зрения продукт. Потому в основании установки на нравственность как центральном элементе политического кредо или отсылки к нормам права и этики лежит, как представляется, желание не ассоциировать себя с (дискредитировавшими в Украине) политическими силами и с ними связанными идеологическими течениями.

Удовлетворение потребности в **компетентности** проявляется в следующих профессиональных практиках внутренне мотивированных украинских политологов:

1) *чувство гордости*, которое прогнозируемо часто появляется в противопоставлении своих идей распространенным мнениям и/или ошибочным, но устоявшимся научным теориям в уже более зрелом научном возрасте. Следует сказать, что ощущение испытываемой гордости у большинства проинтервьюированных нами респондентов из релевантной группы связывается с периодом студенчества (даже если первые научные работы и не всегда касались политической науки). При этом апелляция к мнению «значимого Другого» также весьма часто встречается – в самых различных формах, от непосредственной ссылки на неоспоримый научный авторитет…

> Как сказал когда-то Александр Анатольевич Фисун: «Ну, по крайней мере, она знает, что такое демократический транзит. Ну, во всяком случае, единственный политолог в Харькове, который занимается этим и не шарахается от этого слова, как некоторые» (ХЖД(п)–4).

…и до указания на чувство удовлетворенности проделанной хорошей работой…

> …является вот таким важным достижением, которое открывает новый путь к пониманию постсоветских обществ, и которая [теория] как раз получает сейчас признание в центрах мировой политологии на Западе (ХМД(п)–1).

…и/или удавшейся научной карьерой:

> Є у мене, залишається моєю улюбленою та, яка залишилася – я завжди аспірантам і докторантам своїм кажу, що тему треба вибирати на сто років наперед, тобто, щоб не соромно було через рік (ЛМД(п)–1).

И в этом можно усмотреть как позитивную обратную связь, так и осознание собственной эффективности, что способствует проявлению внутренней мотивации;

2) *все релевантные политологи указывают на минимальное воздействие ученых на политиков*. Исключение делается только для политических технологов и имиджмейкеров, да и то с определенными оговорками, касающимися соображений инструментальности и/или локальности:

> По-моему, вообще не прислушиваются. Тут в данном случае можно говорить о политтехнологах: они прислушиваются к своим политтехнологам. Но это, опять же, технологии для того, чтобы прийти во власть, а по-моему очень большой разрыв происходит сегодня между политологами и политиками (СЖД(г/у)–1).

Насколько можно судить, подобная несколько настороженная оценка политики не исключает, а возможно, и предполагается особенностями знакомства внутренне мотивированных политологов с украинской политикой. Я имею в виду то обстоятельство, что практически все эти исследователи имели опыт аналитической деятельности – то ли в форме привлечения к написанию посланий Президента Верховной Раде, то ли в виде «экспертизы этнополитической ситуации в Украине», то ли в качестве политического аналитика. Направление взаимосвязи в данном случае установить практически невозможно: то ли этот опыт *отстраненного включения* в (украинскую) политику выступает фундаментом крайне пессимистического отношения к возможностям политолога, то ли в какой-то мере априорное стремление к выбору условий, способствующих реализации независимости индивида, обусловливает именно такую концептуализацию непосредственно пережитого опыта;

3) *отрицание всеми релевантными респондентами того, что на их тексты и профессиональную деятельность в целом оказывают какое-либо влияние их политические пристрастия:*

> Нет. Я стараюсь это разделять. Поэтому ни в коем случае. Там может кто-то сказать: «Ага, она коммунистам симпатизирует». Кто-то скажет: «Да нет, она еще кому-то симпатизирует». Нет, я стараюсь от этого дистанцироваться (ХЖД(п)–4).

> Нет, потому что я занимаюсь теоретической политологией, но плюс я занимаюсь аналитической деятельностью. У меня конкретно выходов на какие-то политические идеи и действия нет (СЖД(г/у)–1).
>
> Я вважаю, якщо ти займаєшся наукою політологією, ну, не може бути тут тобі і отак як і віруючий ти, і разом з тим шукаєш якусь об'єктивність в цьому житті. І тут, як шукаєш об'єктивність, і разом з тим випадаєш – якісь симпатії щодо чогось. Політика – це симпатії, вони ідуть в протиріччя з науковою системою поглядів (ЛМД(п)–1).

Такого рода отрицание выглядит несколько неожиданным на фоне тотальной уверенности внутренне мотивированных политологов в наличии вполне однозначной зависимости между политической наукой и демократией. Однако, с моей точки зрения, противоречие в данном случае мнимое, поскольку речь идет о такой взаимосвязи, когда политика предоставляет спектр актуальных проблем, а исследователи выбирают те, которые им комплементарны. Не по внешним соображения, скажем, личного участия или пристрастной заинтересованности, а в силу внутреннего импульса. Тем самым разводятся политическая *наука* и конъюнктурная политология, и рамками первой рассматриваемая группа индивидов ограничивает удовлетворение психологической потребности в компетенции.

Таким образом, наблюдается четкое и довольно традиционное разделение внутренне мотивированными индивидами двух сфер – политической науки, к которой полагают себя причастными рассматриваемые исследователи, и практической политологии, нерелевантной их интересам. Первая и с их стороны, и в принципе неподвластна политической конъюнктуре, в то время как вторая отдана полностью ей на откуп. Участие в политической науке на личном уровне согласуется с отрицанием возможности влияния идеологии на собственные профессиональные интересы, а на теоретическом – с представлением, согласно которому политика лишь ставит спектр актуальных проблем, а наука означает их свободный выбор в соответствии с (априорными) интересами исследователя;

4) *отрицательное отношение внутренне ориентированных респондентов к украинской политологии – и прямо противоположное отношение к зарубежным исследовательским традициям.* В частности, отрицательное отношение рассматриваемой группы респондентов к украинской политологии – это нечто твердо установленное и не допускающее иных толкований:

> Ну да, ну да, ну да – размечтались… Науковців в нас нема (ЛМК(ф)–1).
>
> Я не могу вам сказать, что такое есть (СЖД(г/у)–1).
>
> Ну, если там она есть, то у нас ее нет (ХЖД(п)–4).

Насколько можно судить, это связано с потребностью в компетенции – последняя как чувство успешного взаимодействия с социальным окружением имплицирует взаимодействие с близкими по духу индивидами. Это, в свою очередь, предполагает наличие негативных и положительных Других, в роли которых выступают украинская и зарубежная (политологическая) традиция соответственно.

Следующие две характеристики внутренне мотивированных украинских политологов не могут быть однозначно поставлены в соответствие с какой-то из рассматриваемых потребностей в автономности и/или компетенции. Во многом невозможность однозначной квалификации проистекает из вынесения за скобки понятия способностей или сродства определенной деятельности. По этой причине я рассматриваю оставшиеся черты в качестве производной от синергетического действия релевантных врожденных психологических потребностей и таких ситуационных факторов, как перестройка, гранты и зарубежные стажировки;

5) *преимущественный, на грани исключительности, интерес к теоретико-методологическим и/или историческим проблемам, присущий рассматриваемой группе украинских политологов*.

В действительности, при всем разнообразии объектов исследовательских интересов наших респондентов (этнополитология, политические режимы, транзитология, социальная мысль, творчество в науке и т.п.) у них всех есть нечто общее. Все они заявляют о том, что так или иначе они занимаются теоретической политологией, работают теоретиками в области социальных наук, увлечены вопросами методологии (политической) науки, а также интересуются историей политической мысли и/или политических идей. При этом многие из них прямо указывают на то, что этот интерес у них проявился достаточно рано и едва ли не с самого начала их профессиональной деятельности:

6) *принципиальная уверенность в существовании политической науки в бывшем Советском Союзе или, в более широком смысле, «до 1991 года»*. Подлинно либеральным, с нашей точки зрения, и экзистенциально насыщенным оказалось обоснование одного львовского респондента:

> Певним чином, має. Я не вважаю, що треба все відкидати. Я не вважаю взагалі, що все треба відкидати і починати з нового рядка. То ненормальне явище через те, що саме головне, що ми відкидаємо людей, які жили, які щось творили, які мають сенс на відзначення їх. Розумієте?.. Ще раз кажу, виходячи з того, що там були люди, які відстоювали ці ідеї, я кажу – заперечуючи ідеї, ми заперечуємо все: і саме буття тих людей, і їх гідність, і їх честь, і їх достоїнство як непотрібних, незначимих і т.п. Самих по собі, самих по собі теорій не існує, правдиві вони чи… не істині. Існують люди, які є носіями цих теорій. Можна їх критикувати. Але власне присутність їх відзначити

можна, що вони певним чином бачили… А що робити? Іншого немає сенсу (ЛМД(п)–1).

Предлагаемое объяснение двух последних характеристик (вкупе с ранее отмеченной идентификацией внутренне мотивированных политологов) связывает их с такими ситуационными факторами, как падение материального статуса во время и после перестройки и возможностью получать гранты и ездить на зарубежные стажировки. С моей точки зрения, в ходе стажировок (во многом необходимого элемента *научного выживания*) и усвоения зарубежного опыта могла наиболее естественно проявиться его не совсем полная релевантность политическим реалиям Украины и постсоветского пространства в целом. Соответственно, среди внутренне мотивированных индивидов с их ярко выраженным стремлением к автономии и компетентности преимущество получают не те, которые занимаются практическими проблемами[22], – просто потому, что соответствующим традициям нечего предложить в этом плане.

То есть формулируемая грантовыми организациями исследовательская повестка дня может входить в противоречие со взглядами практически ориентированных и внутренне мотивированных украинских политологов, интерес к проблемам у которых определяется непосредственным опытом участника. В силу этого видение со стороны западной политической науки часто оценивается как нерелевантное, побуждая оценивать ситуацию в терминах (пост)колониализма[23]. Врожденные потребности в компетенции и, особенно, автономности завершают этот процесс, по сути, лишая эту разновидность украинских политологов поддержки, которая бы позволила им пережить сложные времена и заниматься интересующими их вопросами.

Максимальную пользу из комбинации сложной экономической ситуации и внешней грантовой помощи имеют теоретически ориентированные и внутренне мотивированные политологи. Теория и методология представляют собой довольно-таки трансконтекстуальные материи, рецепция которых не является сильно коннотированной политическими обстоятельствами. По этой причине усвоение теорий западной политической науки, как я допускаю, не воспринимается в качестве чего-то некомплементарного имеющимся склонностям и нерелевантного, если учитывать существующие политические реалии.

Что касается почти тотальной уверенности внутренне мотивированных политологов в существовании политической науки в бывшем СССР, то подобное убеждение, насколько можно судить, объясняется тем, что теоретизирование, не говоря уже об историко-политологических исследованиях, предполагает принцип *ex nihilo nihil fit*. В любом случае, наличие истоков безотносительно к тому, реальные они или же мнимые, имплицируется самим характером подобной работы: либо в форме неких традиций интеллектуальной работы, либо в виде представления об исторических предпосылках любого явления.

§ 6 Внешняя мотивация: положения и проблемы операционализации

Р. Райан и Э. Деци отмечают, что, строго говоря, большая часть человеческой деятельности не является внутренне мотивированной. Уже после детства внутренняя мотивация все более уменьшается вследствие усвоения разнообразных социальных требований и ролей, «которые требуют от индивидов принять ответственность за внутренне не интересные для них задания. В школах, например, оказывается, что внутренняя мотивация становится слабей с каждым годом обучения (each advancing grade)» [33, p. 60]. Отсюда необходимо понимать, что мы не всегда можем полагаться на внутреннюю мотивацию по той причине, что многие задания в своей основе не представляются интересными или приносящими удовольствие [33, p. 55]. Когда наши действия не являются самодетерминируемыми – а это значительная, если не подавляющая часть человеческой жизни, – едва ли не единственным выходом становится их внешнее мотивирование.

Определяется внешняя мотивация как «деятельность, выполняемая для получения некого отделимого результата» [33, p. 60]. «Внешняя мотивация, таким образом, противостоит внутренней мотивации, которая относится к выполнению деятельности скорее просто ради удовольствия, приносимого деятельностью самой по себе, нежели ее инструментальной полезности» [33, p. 60]. Р. Райан и Э. Деци отмечают ошибочную тенденцию характеризовать внешнюю мотивацию «как бледную и ослабленную форму мотивации (даже если она действенна, even if powerful), которая противостоит внутренней мотивации» [33, p. 55].

Сами же авторы полагают, что «существуют различные типы внешней мотивации, некоторые из которых на самом деле представляют ослабленные формы мотивации, а некоторые – активные, субъектные состояния (agentic states)» [33, p. 55]. С одной стороны, внешне мотивированные действия могут ассоциироваться «с возмущением, сопротивлением и незаинтересованностью или, в качестве альтернативы, с позицией готовности, которая отражает внутреннюю приемлемость ценности или полезности задачи. В первом случае индивид испытывает внешнее побуждение к действию; в последнем случае внешняя цель подтверждается внутренне (self-endorsed) и, таким образом, перенимает смысл желания» [33, p. 55]. Скажем, студент выполняет домашнее задание, дабы избежать родительского наказания, или же студент выполняет домашнее задание по причине того, что он/она верит, что это важно в плане карьеры. Оба случая касаются внешней мотивации, поскольку что-то делается скорее из инструментальных соображений, чем интереса самого по себе. Но во втором случае есть выбор и чувство персонального одобрения/заинтересованности, а в первом – только внешний контроль [33, p. 60].

В связи со сказанным возникает следующий вопрос: в условиях, когда образовательная и научная деятельность не является, по сути, внутренне мотивированной, каким образом мотивировать студентов и аспирантов, чтобы они ценили и самостоятельно регулировали эту деятельность, без внешнего побуждения, как бы on their own? [33, p. 60]. Эту проблему авторы обозначили как проблему *интернализации* и *интеграции* ценностей и поведенческих регулятивов [33, p. 60–61]. При этом *интернализация* определяется как «процесс усвоения ценности или регулятивов (установленных образцов/правил)», а *интеграция* – как «процесс, посредством которого индивиды более полно трансформируют регулятив (установленный образец/правило) в свою собственную суть (into their own), так что он исходит из чувства их самости» [33, p. 60].

В целом, авторы выделяют – в рамках внешней мотивации – четыре подвида, в зависимости от степени интернализации внешней регуляции. Первый – *внешняя регуляция*, то есть поведение, совершаемое ради удовлетворения внешних требований или получения внешне навязанного вероятного вознаграждения [33, p. 61]. Индивиды воспринимают внешнюю регуляцию поведения как контролируемую и враждебную [33, p. 61].

Вторая разновидность внешней мотивации – это *интроецированная регуляция*. «Интроекция описывает тип внутренней регуляции, который остается все еще довольно навязанным (controlling), поскольку люди совершают подобные действия с чувством давления и для того, чтобы избежать наказания или страха или добиться увеличения/повышения своего эго или гордости» [33, p. 62]. «Классической формой интроекции является ego involvement (поражение эго), при котором лицо совершает действие для повышения или сохранения самооценки и чувства ценности» [33, p. 62]. Этот тип регуляции квалифицируется как «в какой-то степени внешний».

«Более автономной, или самообусловленной, формой внешней мотивации является регуляция посредством *идентификации*» [33, p. 62]. Другими словами, определенное поведение для индивида приобретает личностную значимость, а регуляция, таким образом, исходит из самости человека. Скажем, мальчик, который запоминает правила орфографии, полагая их релевантными для письма, которое он ценит как одну из жизненных целей, идентифицируется с ценностью этой образовательной деятельности [33, p. 62].

Наконец, «наиболее автономной формой внешней мотивации является *интегрированная регуляция*. Интеграция случается тогда, когда идентифицированные регулятивы полностью ассимилируются самостью» [33, p. 62]. Как отмечается, «интегрированные формы мотивации разделяют многие общие черты с внутренней мотивацией, обе являются автономными и неконфликтными» [33, p. 62]. Отличает же их то, что «поведение, мотивированное интегрированной регуляцией, совершается ради его подразумеваемой инструментальной ценности,

принимает во внимание некие результаты, отделимые от самого поведения, даже если оно желательно и ценится личностью» [33, p. 62].

Эмпирические исследования четырех типов внешней мотивации позволяют авторам обосновать, что конституирующим критерием этого континуума является автономность. Как было показано на примере студентов, чем более явно те контролировались внешне, тем меньше они проявляли интереса и прикладывали усилий, и тем более явно выраженной была тенденция порицать других, например учителей, за негативные результаты. Интроективная регуляция была позитивно связана с интенсивностью усилий, но также была связана со страхом и большим количеством ошибок в процессе подражания. Идентифицированная регуляция с большим удовольствием, получаемым от школы, и более позитивным копирующим стилем. А внутренняя мотивация связана с интересом, удовольствием, чувством компетентности и позитивным подражанием [33, p. 63]. В общем, целый ряд исследований показывает, что чем выше уровень автономности при внешней мотивации, тем лучше исполнение, выше качество обучения, большая вовлеченность, лучшее психологическое самочувствие и т.д. [33, p. 63].

Предложенная схема, правда, не означает, что внешняя регуляция может стать настолько интернализованной, что со временем она превратится во внутреннюю мотивацию. Р. Райан и Э. Деци полагают, что социальные ценности и правила интернализируются в течение всей жизни, но «мы не предполагаем, что континуум, лежащий в основе типов внешней мотивации, является сам по себе *развивающимся* континуумом» [33, p. 62]. Любой индивид может начинать с того или иного вида регуляции, потом менять его, но в самой направленности этой смены нет никакой обязательности. О развитии, таким образом, можно говорить только в двух смыслах: во-первых, типы поведения и ценностей, которые могут быть ассимилированы самостью, возрастают вместе с ростом когнитивных способностей и ростом эго. Во-вторых, общий регулятивный стиль людей с течением времени имеет тенденцию становиться все более внутренним [33, p. 63].

В заключение следует указать на то, что Р. Райан и Э. Деци основное внимание уделили интерпретации мотивации в терминах удовлетворения базовых психологических потребностей [33, p. 65]. Соответственно, внутренне мотивированное поведение рассматривается как таковое, что осуществляется исходя из интереса и удовлетворения внутренних психологических потребностей в компетентности и автономности. И оно представляет собой прототип самодетерминируемого поведения [33, p. 65]. В свою очередь, внешне мотивированное поведение, исполняемое в инструментальных целях и для достижения отделимых результатов, варьируется по степени, в которой они репрезентируют самодетерминацию. Интернализация и интеграция выступают теми процессами,

посредством которых внешне мотивированное поведение становится самодетерминируемым [33, p. 65].

Наибольшее количество проинтервьюированных респондентов являются внешне мотивированными, и среди них мотивация наиболее многочисленной группы украинских политологов может быть охарактеризована как *интегрированная регуляция*. Наиболее показательной подгруппой в рамках *интегрированной регуляции* являются «практики», то есть индивиды, непосредственно участвовавшие в политическом процессе либо в качестве претендентов на выборные должности, либо как политические технологи, руководители избирательных штабов и/или эксперты государственных органов исполнительной или законодательной власти[24]. Наиболее важным отличием *интегрированной регуляции* от внутренней мотивации выступает то, что соответствующее поведение «совершается ради его подразумеваемой инструментальной ценности, принимает во внимание некие результаты, отделимые от самого поведения, даже если оно желательно и ценится личностью».

В действительности, «практики» в украинской Академии во многом напоминают внутренне мотивированных политологов по эмоциональному восприятию своей деятельности. По крайней мере, в настоящее время она воспринимается как ценная, во многом самоценная и значимая, приносящая в целом позитивные эмоции, свидетельствующие о бесконфликтности и автономности ценностей, регулирующих обращение к ней. Соответственно, близость «практиков» к внутренне мотивированным политологам также позволяет судить о валидности предлагаемой классификации украинских ученых. В целом, ее адекватность устанавливается достаточно простым, хотя и несколько дихотомическим образом: *характеристики внешне мотивированных индивидов в своих сущностных чертах должны отличаться от характеристик внутренне мотивированных ученых*.

§ 7 Интегрированная регуляция «практиков» в украинской политической науке: ситуационные факторы

Ситуационные факторы для политологов с *интегрированной регуляцией* во многом те же, что и для внутренне мотивированных (хорошая библиотека, поддержка семьей их увлечений и т.п.). Наиболее серьезные отличия заключаются в трех следующих пунктах:

а) *высокая степень политизированности (родительской) семьи*. В большинстве случаев следует говорить об очевидном и непосредственном влиянии интереса к политике семьи, осознаваемом и признаваемом самими респондентами:

> Но он [интерес к политике] был весьма устойчивый потому, что мой отец, как журналист, писал на общественно-политическую тематику. Он

> был, кстати, первым редактором независимой газеты в городе Харькове, муниципальной газеты… То есть обсуждение проблем политики, политических систем – оно было. В 90-х годах, когда пошел первый обмен между городами-побратимами, у нас дома бывали журналисты из Германии и Америки, из Цинциннати и из Нюрнберга. Как-то вот была такая атмосфера свободы (ХЖК(п)–1).

Показательно, что многие респонденты свой интерес связывают не просто с интересом родителей, но и с особенностями сложной и запутанной истории некогда бывшей и общей страны. В случае со львовским регионом акценты, связанные с политическими репрессиями, расставляются более однозначно, когда позиция родителей в силу одного лишь фактора квалифицируется как «патриотическая»…

> І тут очевидно найбільше вплив відчувався в частині виховання мами. Вона завжди була так патріотично налаштована, оскільки була з такої родини сім'ї, яка була достатньо активною у всіх суспільно-політичних процесах. Родина свого часу була вивезена в Сибір, довший час значну частину перебували у Сибірі. Ці розповіді враження, про Сибір, про переслідування в сорокові–п'ятдесяті роки. Вони безперечно доводилися до дітей, до мене зокрема, в мене ще є старший брат, і безперечно що це справляло певний вплив (ЛМК(п)–1).

…в то время как представитель крымского региона, отмечая наличие в семье и героев СССР, и политически репрессированных, вынужден констатировать лишь оригинальность семейного политического спектра:

> У меня такая семья сложная. Хотя, наверное, для нашей страны это явление обычное. То есть у меня по маминой линии люди такие известные: дедушка, и не один, а… дедушки – герои войны, партизанского движения в Крыму, носят и улицы фамилию моего деда. А по папиной линии – политически репрессированные. Причем не только дед, который по 38-й статье. Был сначала Мурман-лаг, а потом уже в Среднюю Азию, когда советско-финская война началась. Но и бабушка со всеми детьми и вместе с моим отцом тоже были высланы как семья врага народа. Вот поэтому, вот если говорить политически, то у меня, конечно, было такое соединение в семье оригинальное (СЖК(п)–2).

Можно предположить, что высокая степень политизированности и политической активности семьи положительно связана с вероятностью проявления устойчивого интереса к политике со стороны детей, а также их стремле-

нием заниматься политическими феноменами на профессиональном и/или академическом уровне. Это, в общем-то, интуитивно понятный аргумент, поскольку семья всегда рассматривается в качестве важнейшего агента социализации, в том числе и политической;

б) *отсутствие серьезной материальной поддержки, которую в сложные времена могли бы оказать близкие и родные*. Красочный рассказ одного из наших просто-таки воскрешал в памяти легко узнаваемые черты 1990-х гг.:

> …когда фактически не платили зарплату. Я вспоминаю, как нам часть зарплаты выдавали носками, причем все время… То есть только мужскими, да, и женщинам. А в нашей семье двое детей: сын и дочь, ну, и как-то их надо было кормить, а мы оба преподавателя. Ну, получилось так, что я ушла из университета и пошла работать в журналистику. Да, я начинала редактором регионального отделения, региональной редакции «Аргументов и фактов», ну, а потом уже и журналы издавала, и в разных газетах работала (СЖК(п)–2).

В большинстве случаев речь идет о жизненной необходимости заниматься чем-то, позволяющим обеспечить себя и свою семью: именно необходимость зарабатывать деньги и обеспечивать семью для этой группы респондентов становится ведущим условием, определяющим саму возможность заниматься или не заниматься практической политологией. В данном случае я, конечно, рискую просто воспроизвести традиционный – со времен канонического объяснения обстоятельств зарождения античной натурфилософии и древнегреческой метафизики вообще – стереотип. Суть его заключается в убеждении, согласно которому отвлеченными материями, подобными тем, что стоят в центре исследовательского внимания внутренне мотивированных политологов, могут заниматься преимущественно те, кто не озабочен поиском пропитания и удовлетворения ежедневных потребностей. Соответственно, при отсутствии такого рода источников индивиды будут стремиться заниматься теми вещами, которые способны принести им ощутимую материальную выгоду, что в постсоветской академической реальности антонимично теоретическим проблемам и головоломкам;

в) *перестройка* (для политологов старшего поколения). Главной отличительной чертой перестройки для внешне мотивированных политологов в Украине является акцент на политической составляющей этого периода, в то время как для внутренне мотивированных индивидов наиболее важным представлялось расширение интеллектуального горизонта. То есть перестройка для рассматриваемых респондентов выступила своеобразной политической социализацией, способствовавшей их включению в политику.

Багато було подій. У мене були і дискусійні клуби, в яких я брав участь активно. Так. І вони були досить радикальними. У Львові створювався рух «Товариство української мови», що так само спонукало до дискусій. У Львові входила… працювала Гельсінська група, яка видавала Вісник, що так само постійно вела до численних дискусій. Так. Цей момент був дуже важливий. Крім того, в принципі, ну, в той період відносилися до групи, там, демократичної платформи і намагалися в інший спосіб і конструювати відносини в межах партійної структури. Тобто, ці речі, вони дійсно впливали (ЛМД(п)–2).

Эйфория. Нет, эйфория. Мы все ж были заряжены на демократию, на… Вот, и у нас как бы получилось так, что много преподавателей, которые в демплатформе были КПУ, КПСС, вернее. Вот, и они, ну, были, что называется, вот, творцами истории. Это ж не просто голые там, книжные преподаватели, а они вот реально были в этом политическом процессе. Поэтому мы как бы были тоже в каком-то виде включены в него. То есть мы не были такими, знаете, поставленными наблюдателями. Все время там какие-то конференции, круглые столы там, ходили на заседания этих партклубов, политклубов. То есть ну, такие активные были (ХМД(п)–2).

Но если для (будущих) львовских и харьковских политологов перестройка представляется, прежде всего, расширением их политических возможностей, то крымские респонденты воспринимают ее как геополитическую революцию…

Восприятие перестройки – сложное, да… Ну, знания показывали, что, собственно говоря, революция, ну, это была своеобразная революция, да, хотя не в классическом понимании этого слова, не приводит к улучшению жизни, да, в стране. Поэтому, понимая это, знаете, как говорит моя дочь, я, наверное, соглашусь с ней, я терпеть не могу большевиков за то, что они разрушили Россию, и терпеть не могу коммунистов за то, что они разрушили Советский Союз. Вот, наверное, вот, где-то такие ощущения (СЖК(п)–2).

…или даже катастрофу:

Ну как, ну, собственно, на глазах произошла геополитическая катастрофа… Допустим, плыли себе ребята на «Титанике», да, а потом врезались в айсберг, и это их подстегнуло: кто научился держаться на воде, ну, как-то приспособился к этой ситуации, нашел плавсредства и так далее, тот спасся. Вот, остальные утонули. Вот, поскольку мы сейчас беседуем, значит, все-таки как-то вот мы спаслись, да, в той ситуации (СМК(и)–1).

Здесь особо следует подчеркнуть, что указанные катализирующие обстоятельства по своему действию, насколько можно судить, отличаются от

факторов, благоприятствующих развитию внутренней мотивации. В последнем случае речь шла о выявлении и способствовании внутренних, по мнению самих респондентов, во многом априорных интересов, связанных с теоретико-методологическими и историческими дисциплинарными проблемами. В случае же с внешне мотивированными политологами можно наблюдать то, как различные обстоятельства усиливают, по всей видимости, один из возможных интересов личности, закрепляя связь с политикой и/или укорененность в соответствующей деятельности.

§ 8 Интегрированная регуляция «практиков» в украинской политической науке: профессия, идеология, интересы и прошлое

Учитывая, что врожденные психологические потребности в компетентности и автономности у внешне мотивированных индивидов выражены (значительно) слабее, я посчитал оправданным просто перечислить отличительные характеристики без соотнесения с той или иной потребностью. Вместе с тем их порядок и характер во многом является зеркальным отражением характеристик внутренне мотивированных политологов, что облегчает сравнение и соответствующие умозаключения. В целом, внешне мотивированных украинских политологов отличают следующие характеристики:

1) *выбор первой специальности не связывался исключительно с интересами и проблемами самой специальности*, достаточно часто оказываясь для рассматриваемой группы случайным, сделанным под прямым давлением родных, и, кажется, абсолютно не соответствовал первоначальным ожиданиям и стремлениям:

> Воно получилося [прийти] до політичної науки несвідомо якось, можливо навіть, дещо випадково (ЛМК(п)–1).
>
> На самом деле выбор аспирантуры был, наверное, не столько связан с желанием двигать науку вперед, сколько с тем, чтобы вообще после университета найти себе применение какое-то, чем-то заняться, в общем-то (ХЖД(п)–2);

2) *выбор украинскими политологами в качестве профессии политической науки является прагматический, по условиям которого последняя рассматривается в качестве средства достижения некоей цели, действительно важной и значимой для делающего такой выбор*.

В частности, респонденты, чьи студенческие и/или аспирантские годы пришлись уже на период независимости Украины (после 1991 года), как правило, сочетают интерес к политической науке, желание понимать окружающую их политику и стремление непосредственно участвовать в политическом про-

цессе в целях его улучшения. Тем самым они изначально увязывают интерес к определенной деятельности и «отделимые от нее результаты деятельности»:

> Ну, во-первых, это самое интересное, что мне вот по жизни было. То есть это самая интересная отрасль знаний. Вот это вот – самое главное, то, что меня привлекло. Второе, у меня, да, были там и прагматические какие-то соображения. Я думал, что, может, там, со временем, в политику пойду. Ну вот, такие (ХМД(п)–2).

Исследователи с бóльшим стажем двигались к политической науке более извилистым путем, который был связан с началом распада СССР и появлением новых суверенных государств. В свою очередь, условия, подменяющие свободную волю, иногда являются персональными, но в большинстве своем – общественными…

> Естественно, это выбор уже, так сказать, обстоятельств. Я не скажу, что меня как-то так, это, принудили или каким-то образом, там, заставило это все, просто так складывалась жизнь, так вот складывалась судьба страны, что вот я со своими, собственно говоря, профессиональными навыками, знаниями и так далее, вот, свернул на эту дорожку (СМК(и)–1).

Соответственно, окончательный выбор профессии оказывается связанным с обстоятельствами, придающими новый экзистенциальный смысл. Как правило, речь идет о гражданском воспитании, искоренении политической безграмотности и т.п.:

> И поэтому я видела свое предназначение, скорей, свое предназначение в науке, чем науки для общества… я скорее видела в знаниях, то есть в том, чтобы студенты были политически грамотные и расширяли эту политическую грамотность, то есть распространяли эту политическую грамотность потом, выходя из стен университета, на все общество. Потому что, к сожалению, у нас политологическая безграмотность – она превалирует, и не только вообще в обществе, но и, например, среди депутатов (СЖК(п)–2);

3) *богатая практическая деятельность*. Речь идет о баллотировании на выборные должности, а также об активном занятии *практической политологией*, то есть участием в избирательных кампаниях, консультированием и т.п.:

> Я поставил на себе два эксперимента, два раза баллотировался в Верховный Совет Крыма (СМК(и)–1).

> Я був в політиці, я працював в партійній організації… [Я обирався] в міську раду. Тобто, я маю такий досвід, який, в принципі, мені… є корисним в практичній роботі (ЛМД(п)–2).
>
> Ну, в принципе, я не скажу, что я суперуспешный, но и не неудачник. Нормальный такой политтехнолог (ХМД(п)–2).
>
> Я являюсь экспертом в экспертно-аналитическом совете при Совете Министров Автономной Республики Крым и также экспертом в общественном совете при республиканском Комитете по охране культурного наследия (СЖК(п)–2).

Сам масштаб вовлечения в практическую и политическую деятельность, по сути, не оставляет сомнения в том, что занятие политологией есть вторичным и не самым значимым. Обращение к последней не вызвано исключительным интересом к самой дисциплине, однако опосредуется другой деятельностью, в силу неких причин более важной;

4) *определяющая роль в процессе выбора темы диссертации принадлежит не самости индивида и его интересам в решении (политологических) головоломок, а другим факторам*. Среди таковых следует указать на научного руководителя…

> Ну, вибір теми значною мірою був пов’язаний з декількома чинниками. Перший чинник – це науковий керівник (ЛМД(п)–2).
>
> Нет, это был не целенаправленный процесс, у меня диплом был, в общем- то, нет, не диплом даже, наверное, какие-то работы предварительные по другим темам, я там изучала национальную проблематику. В основном, как-то мне это было интересно, вот. Но Николай Иванович сказал: «Если хочешь ко мне в аспирантуру, то вот мне интересен сейчас федерализм». Он сказал так. Ну, в общем-то, федерализм так федерализм (ХЖД(п)–2).

…и, особенно, ту деятельность, которая опосредует обращение к политической науке – непосредственное участие в политике, партийное строительство, ведение избирательных кампаний, политическое консультирование и т.п.

> Тобто, скоріше за все, я не планував працювати над докторською в силу різних причин, в тому числі ж треба заробляти гроші. Ось. Політична практика політичного консультанта і там, може, навіть більше, ніж консультанта, яка тоді була, вона давала заробіток, але вона потребувала ознайомлення з західним досвідом. І тому звернення до того, як функціонують політичні системи, як відбуваються політичні процеси в європейських країнах, – це була, скажімо так, необхідність. А потім, на якомусь етапі стало, ну, так, якось незручно, що роботи багато, звертаються до тебе як до професора, а ти не маєш дисертації. І прийшлося написати дисертацію (ЛМД(п)–2).

…[я] занималась политической журналистикой, естественно, это мне было не ново, но, тем не менее, все равно… приходилось расширять свои знания, в особенности, в учебно-методической литературе. И я обратила внимание, столкнулась с тем, что учебники по политологии, наши учебники по политологии, носят в основном описательный характер… Для меня это было недостаточное знание. Я начала заниматься сбором материала на составление политического атласа мира (СЖК(п)–2).

Ну, это уже вот моей больше практической деятельностью… Поэтому я больше на, ну как, проанализировал, думаю: ну, чем я сейчас занимаюсь? А я как раз уже выборы тогда там вел в некоторых кампаниях. Вот и думаю: ну, елки-палки, надо ж не только практически, но теоретически быть подкованным (ХМД(п)–2).

Насколько можно судить, в данном случае оправданно говорить не о необходимости приобретения опыта как такового, в том числе и в виде участия в исследуемых феноменах, а о роли опыта в выборе профессии и/или темы диссертационного исследования. Различие, как минимум, заключается в роли внешних обстоятельств – способствующей или обусловливающей.

Другими словами, теория самодетерминации допускает интерпретацию, согласно которой внутренняя мотивация предусматривает, в отличие от внешней, безусловный приоритет деятельности, одновременно и комплементарной способностям индивида, и позволяющей удовлетворять его врожденные потребности в компетентности и автономии. Внешние обстоятельства играют роль катализатора для проявления внутренней мотивации (поддержка семьи, позитивный пример для подражания, библиотека и т.п.), но в целом внутренне мотивированные индивиды скорее стремятся искать релевантные обстоятельства (например, зарубежные стажировки, гранты). Это, в свою очередь, предусматривает некие жертвы (распродажа имущества, как у одного респондента, долгое принятие помощи родителей, близких и т.п.), искупаемые интересом и первоочередным желанием заниматься вот этой деятельностью.

При отсутствии такого рода индикаторов мы вправе говорить о внешней мотивации, когда вероятные затраты на удовлетворение определенных склонностей оказываются неприемлемо выше, чем выгоды, получаемые при *подчинении* обстоятельствам. Это не означает, скажем, что та или иная деятельность внутренне не интересна индивиду, но это подразумевает, что отодвигаемая (на время) в тень политическая наука таковой не является.

Отсюда следует говорить о регулятивах или ценностях, с течением времени ассимилированных индивидами и теперь уже воспринимаемых в качестве неконфликтных и автономных. Потому я полагаю, что все процитированные выше фрагменты интервью имплицируют то, что не индивиды (активно) выбирают профессию и темы исследования, руководствуясь внутренними соображе-

ниями и используя при этом имеющиеся условия, а при их отсутствии стремятся обнаружить таковые. В отличие от внутренне мотивированных политологов у «практиков» скорее внешние обстоятельства формируют и «призвание», и исследовательские интересы, которые впоследствии при помощи риторических стратегий post factum легитимируются в изначально присущий интерес.

Индивид не использует внешние обстоятельства для самоактуализации, достижения заложенного в нем потенциала, а ограничивается лишь осознанием их воздействия на себя. Это не шест, позволяющий взлететь на новую высоту, а подвернувшееся под руки деревцо, переделанное в плуг для взрыхления почвы и вообще обустройства на месте, где ты себя (внезапно) обнаруживаешь. Призвание и профессия – это не замысел, воплощенный в действиях, а подлинный бриколаж, составленный из имеющихся обстоятельств, которым придан вид осмысленных и целенаправленных событий.

Занятие политической наукой с исключительным акцентом на науку никогда не было важным самим по себе. Это, скорее всего, некий эпифеномен, побочный продукт основной и/или вынужденной деятельности в политической сфере. По этой причине последняя обогащает их преподавательский опыт, но проведение исследований ничего не добавляет *существенного* или принципиально нового к уже имеющимся знаниям и навыкам. Наука как таковая часто ассоциируется с написанием диссертаций, которые есть не что иное, как попытка «вписать» или легитимировать их практику в более широкий академический контекст, но не более того;

5) *идеологическая самоидентификация политологов с интегрированной регуляцией характеризуется большим акцентом на традиционном идеологическом спектре* – в отличие от ранее рассмотренной группы исследователей, идеологическая самоидентификация которых была подчеркнуто размытой и не связываемой с традиционными рубриками. Насколько можно судить, (глубокое и всестороннее) практическое знание всех имеющихся альтернатив украинской политики обусловливает возможность выработки продуманной идеологической самоидентификации;

6) *идеология является опосредующим фактором в процессе практической деятельности*. Другими словами, украинские политологи стремятся работать с политическими силами, максимально близкими им по идеологическим убеждениям. Так, при ответе на вопрос о том, влияют ли идеологические предпочтения на их профессиональную деятельность, практически все «практики» указывают в том числе и на внеакадемическую деятельность:

> В определенной степени сказываются при выборе клиентов. На террористов работать не будем, а так стараюсь быть объективным (ХМД(п)–2).
>
> Ну, є якісь табу, там. Когось ми, радикальні структури ми не підтримуємо і не працюємо з радикальними структурами. А так, в принципі, з різними

політичними партіями працюємо… Ну, є, є якесь розуміння лінії розвитку суспільства, яка є пріоритетною, ті проблеми або ті методики, які пропонуються, які не бажані. З тої точки зору ми не вважаємо за потрібне підтримувати ті сили, які, ну, скажімо… Спектр є широкий: ліберально-демократичний напрямок – це напрямок, який відкритий (ЛМД(п)–2).

А если не удается совместить идеологию и практику, респонденты из региона с ограниченным спектром приемлемых выборов клиентов указывают на ощущение дискомфорта и раздвоенности:

Ну, наверное, «помаранчевая» революция повлияла. Все-таки я… Получилось так, что я как исследователь, в общем-то, больше, наверное, стоял на национал-демократической позиции, но во время революции я, в общем-то, был в другом лагере – так объективно сложилась судьба, вот. И поэтому, конечно, какое-то такое было раздвоение чуть-чуть сознания, которое… Дискомфорт у меня был очень сильный, потому что некоторые вещи, в общем-то, мы делали как технологи, но мне, конечно, от этого было не очень весело (ХМД(п)–2).

Соответственно, идеологическая самоидентификация облегчает выбор клиентов (с целью консультирования) по принципу наибольшего сродства. Впрочем, не исключено, что речь (также) идет о выработке идеологических предпочтений через личный контакт, по условиям чего и осуществляется селекция тех, с кем работать приемлемо, а с кем – нет. В любом случае, и речи нет о беспринципных политтехнологах, для которых имеет значение не суть продвигаемого «продукта», а его финансовая обеспеченность;

7) *политологи с интегрированной регуляцией, как правило, склонны признавать влияние на свои тексты и академическую деятельность собственных идеологических предпочтений*. Большинство об этом заявляет уверенно, вписывая это либо в контекст общенаучный…

Безумовно впливають. Це властиво всім дослідникам. Проблема активно обговорювалась під час поширення біхевіоралізму. Оскільки, одним із чинників запровадження статистичних та математичних методів в політичну науку була спроба подолати залежність між особистісними переконаннями вченого і тематикою та змістом досліджень. В данному контексті найбільше це проявляється у виборі тем (ЛМД(п)–2).

…либо в общеполитический, тем самым проясняя связь между внешними факторами (политической) науки и особенностями ее развития в данной группе респондентов…

> Певною мірою впливають, бо не можу відчути себе незалежним від тих процесів, що відбуваються в політичному житті… Ні, це частково відриває від того, що є предметом того наукового дослідження, бо займаєшся одними речами, а бачиш що на політичному рівні починаються якісь маніпуляції, починається підміна понять, приводяться ті чи інші приклади, чи утопічні ідеї які ведуть, які є неправильними по суті. І тоді намагаєшся на це реагувати... От знаєте, що це є своєрідний лікбез, «політ прос», скажімо (ЛМК(п)–1).

…или же просто констатируя неизбежность подобного влияния не только для политолога, но и человека вообще:

> Ну, конечно, есть… Нужно стремиться быть объективным… Но все равно, все равно, давайте же будем реалистами: мы никогда не сможем быть голо объективными. Все равно у нас сознание наше, оно имеет определенные вот эти фильтры, которые вот, это религиозные там и так далее, и так далее, все равно оно влияет. То есть нельзя этого. Если мы это будем отрицать, мы просто будем утопистами, я считаю (ХМД(п)–2).

Примечательно, что чем ближе респондент был к непосредственной политике, тем однозначнее он был в утверждении воздействия на свои работы политических пристрастий;

8) *в отличие от внутренне мотивированных украинских исследователей рассматриваемая группа респондентов однозначно настаивает на наличии цензуры в украинской политологии*. Насколько можно судить, подобная однозначность связана с активистской политической позицией и интересом к проблемам, представляющим непосредственный политический интерес, вследствие чего они, по всей видимости, становятся более восприимчивыми к любым проявлениям ограничений собственной свободы, в том числе и в научном дискурсе.

> Все равно, как Вам сказать, ну, попробуйте сейчас написать тему, там скажем, «Янукович как символ диктаторского режима в Украине (2010–2013 гг.)». Она пройдет где-нибудь? Не пройдет. Мы ж это все прекрасно понимаем. Все равно корни у нас оттуда, из советских времен… Кто такие политологи? Это часть политического класса, которая обслуживает элиту. Все-таки это ж так? Так. Не надо себя там кормить иллюзиями, что мы пуп Земли – мы обслуживающий персонал. Ну, интеллектуальный, и все (ХМД(п)–2).
>
> Ну, наверняка. То есть на самом деле во всех… Почему, собственно говоря, вот о штучности речь, да? Что когда это становится массовым, то вот то, что характерно для массового, оно перекочевывает вот в научную сферу. Человек не столько отстаивает свои убеждения, сколько подстраивается под,

так сказать, вот эту самую кардинальную линию. Ну, так люди устроены в своей массе (СМК(и)–1).

Відносно цензури, я думаю, що це залежить від, ну, можливо, від ситуації, яка існує в тому чи іншому навчальному закладі, залежить від ситуації, від традицій, які там склалися (ЛМД(п)–2);

9) *отрицание существования украинской политологии до 1991 года* (дата условная и связана с провозглашением независимости Украины). Насколько можно судить, успешная практическая (и/или политическая) деятельность рассматриваемой группы респондентов не может не отложить отпечатка на восприятие предыдущей деятельности. Чуть выше уже отмечалось, что диссертации этой группы людей есть попытка концептуализации своих текущих практик, и в этом случае действует похожий алгоритм. Укорененность в политически-практическом побуждает эту группу исследователей фокусироваться на уникальности именно этой черты политической сферы и, соответственно, игнорировать все остальные, включая преемственность.

Другими словами, ранняя политическая социализация обусловила восприятие политики, как она сложилась в ходе перестройки и периода становления независимости, а потому отсутствие такой ранее рассматривается в качестве симптома отсутствия предмета для возникновения (подлинной) политической науки. А учитывая, что подавляющее большинство политологов-«практиков» полагает несомненной связь между политической наукой и демократией, подобное предположение вполне можно считать обоснованным.

§ 9 Академическая мотивация украинских политологов в теоретическом контексте

Разнообразие выявленных карьер имплицирует необходимость хотя бы приблизительной и/или предварительной теоретической концептуализации. В противном случае продемонстрированная связь между социально-политическим контекстом, эмоциями и драйвами, профессиональными интересами, научными убеждениями и идеологической самоидентификацией останется единичным описанием уникальных случаев. С одной стороны, выделение внутренне и внешне мотивированных украинских политологов соответствует, с моей точки зрения, разделению проблем политической науки на концептуальные и эмпирические. Суть эмпирических – это все то в естественном мире, что требует объяснения, в то время как концептуальные возникают при несогласовании различных теорий, способов измерения и т.п. [10, p. 305–306]. Соответственно, политологические проблемы и мотивация общим источником имеют окружающую их действительность, в силу чего появление одного элемента (проблем политической жизни) влечет за собой также и появление дру-

гого (исследователей, затронутость которых контекстом способствует переводу релевантных проблем на язык академических головоломок)[25].

Предлагаемая типология не просто фиксирует наличие связи между политикой и политической наукой, что было бы банальностью, но также допускает выделение переменных и формулирование верифицируемых гипотез, касающихся всех тех сторон профессиональной жизни, которые редко становятся предметом специального исследования. Немаловажным обстоятельством выступает использование категорий других наук, первоначальная верификация которых уже была осуществлена, в том числе и в ходе лабораторных экспериментов.

С другой стороны, типология академических карьер украинских политологов позволяет примирить две точки зрения на характер прогресса политической науки. Суть расхождений двух генераций политологов – различение двух трактовок прогресса: «прогресс (политической науки)» может пониматься как **эффективность**, проявляющаяся, прежде всего, в формулировании рекомендаций, способствующих успешному решению соответствующих проблем[26]. Кроме того, «прогресс (политической науки)» может пониматься и как **рациональность**, то есть практика создания (все более адекватных) теорий, то ли приближающих нас к истине, то ли приемлемым образом увязывающих все большее количество аспектов самых разнообразных феноменов[27].

Насколько можно судить, вполне оправданно поставить в соответствие внутренне ориентированных политологов с прогрессом, понимаемым как повышение рациональности, в то время как внешне мотивированные индивиды ответственны за прогресс политической науки, интерпретируемый в смысле роста эффективности политологических исследований с их приближением к собственному «объекту».

При этом следует иметь в виду, что исторически первая интерпретация прогресса, заключающаяся в более тесной привязке к политике как таковой, свойственна либо зарождению политической науки с присущими ей требованиями по гражданскому воспитанию [22], либо периоду новой, революционной (бихевиоралистской) стадии. Другая интерпретация, по всей видимости, обусловлена и новейшими теориями науки, и им соответствующим превращением политической науки в некий самодовлеющий институт, исследования в рамках которого все дальше от непосредственной политики[28] и все ближе к проблемам карьеры[29].

Как правило, эти две интерпретации тесно взаимосвязаны, поскольку акцент на рациональности/компетентности естественно следует за тесным изучением политики на более-менее революционном основании, методологическом или профессиональном. В постсоветской же Академии можно наблюдать довольно уникальную и тем самым интересную ситуацию соседства двух групп политологов, разделенность которых подчеркивается их укоренением в разных

контекстах и исследовательских традициях. Действия, интересы, убеждения и практики внешне мотивированных исследователей питаемы, прежде всего, украинской политической жизнью и действительностью в целом, в то время как внутренне мотивированные политологи свой импульс по рационализации получают, как нам представляется, из иной действительности, не всегда релеватной в эмпирическом смысле. Это уже не первозданная, ничем не замутненная чистота власти и знания, о которой мы говорили в самом начале статьи, а более сложная констелляция факторов и событий.

Вместе с тем лишь дальнейшие систематические исследования (постсоветской) Академии позволят как прояснить и детализировать связь между различными группами политологов, политикой, дисциплинарными головоломками и состоянием украинской политической науки в целом.

Литература

Almond, G.A. Separate Tables: Schools and Sects in Political Science // Almond, G.A. A Discipline Divided: School and Sects in Political Science. Newbury Park: Sage, 1990. P. 13–31.

Amsler, S. The Politics of Knowledge in Central Asia. Science between Marx and the market. Routledge, 2007. 188 p.

Baer, M.A., Jewell, M.E., Sigelman, L. (eds.) Political Science in America: Oral Histories of a Discipline. The University Press of Kentucky, 1991. 250 p.

Ball, T. Is There Progress in Political Science? // Ball, T. (ed.) Idioms of Inquiry. Critique and Renewal in Political Science. Albany: State University of New York Press, 1987. P. 13–44.

Berndtson, E. The Development of Political Science. Methodological Problems of Comparative Research // Easton, D., Gunnell, J.G., Graziano, L. (eds.) The Development of Political Science. A Comparative Survey. London–New York: Routledge, 1996. P. 34–58.

Brintnall, M. Political Science in the United States: Notes on the Discipline / M. Brintnall, T. Affigne, D. Pinderhughes // Prepared for the IPSA Conference on International Political Science: New Theoretical and Regional Perspectives. Concordia University Montreal (Quebec), Canada April 30 – May 2, 2008. P. 1–24 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://montreal2008.ipsa.org/site/images/PAPERS/section2/2.1%20-%20Brintnall%20Affigne%20Pinderhughes%20-%20USA.pdf.

Cole, St. Why Sociology Doesn't Make Progress like the Natural Science // Sociological Forum. 1994. Vol. 9, № 2. P. 133–154.

Daalder, H. (ed.). Comparative European Politics: The Story of a Profession. London–Washington: Pinter, 1997. 369 p.

Dreijmanis, Jh. Political Science: A Precarious Vocation // Teaching Political Science. 1981. Vol. 8, № 4 (July). P. 475–485.

Dryzek, J.S. The Progress of Political Science // The Journal of Politics. 1986 (May). Vol. 48, № 2. P. 301–320.

Farr, J. Political Science // Porter, T.M., Ross, D. (eds.) The Cambridge History of Science. Vol. 7. The Modern Social Sciences. New York: Cambridge University Press, 2003. P. 306–328.

Feist, G. The Psychology of Science and the Origins of the Scientific Mind. New Haven: Yale University Press, 2006. 316 p.

Frey, B.S. Not Just for the Money. An Economic Theory of Personal Motivation. Edward Elgar Publishing, 1997. 156 p.
Gilhooly, K. Thinking: Directed, Undirected and Creative. Academic Press Limited, 1996. 300 p.
Haltiwanger, J., Waldman, M. Rational Expectations and the Limits of Rationality: An Analysis of Heterogeneity // UCLA Economics Working Papers 303, UCLA Department of Economics [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.econ.ucla.edu/workingpapers/wp303.pdf.
Holden, Jr. M. The Competence of Political Science: «Progress in Political Research» Revisited. Presidential Address, American Political Science Association, 1999 // American Political Science Review. 2000 (March). Vol. 94, № 1. P. 1–19.
Holland, J.L. Making vocational choices. Englewood Cliffs–NJ: Prentice-Hall, 1973. 150 p.
Keohane, R.O. Political Science as a Vocation // PS: Political Science & Politics. 2009. Vol. 42, is. 02 (April). P. 359–363.
Ladd, E., Lipset, S.M. The Politics of American Political Scientists // PS: Political Science. 1971. Vol. 4, № 2 (Spring). P. 135–144.
Ladd, E.C., Lipset, S.M. The Divided Academy: Professors and Politics. McGraw-Hill Company, 1975. 351 p.
Laitin, D. Culture, Rationality, and the Search for Discipline // Munck, G.L., Snyder, R. Passion, Craft and Method in Comparative Politics. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2007. P. 601–648.
Leonard, S. The Pedagogical Purposes of a Political Science // Farr, J., Dryzek, J., Leonard, S. (eds.) Political Science in History. Research Programs and Political Traditions. Cambridge University Press, 1995. P. 66–98.
Lijphart, A. Political Institutions, Divided Societies, and Consociational Democracy // Munck, G.L., Snyder, R. Passion, Craft, and Method in Comparative Politics. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2007. P. 234–272.
Merriam, Ch. Progress in Political Research // American Political Science Review. 1926. Vol. XX, № 1 (February). P. 1–13.
Moon, D.M. Pluralism and Progress in the Study of Politics // Crotty, W. (ed.) Political Science: Looking to the Future. Vol. 1: The Theory and Practice of Political Science. Evanston: Northwestern University Press, 2001. P. 45–56.
Munck, G.L., Snyder, R. (eds). Passion, Craft, and Method in Comparative Politics. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2007. 773 p.
Norton, A. Political science as a vocation // Shapiro, I., Smith, R.M., Masoud, T.E. (eds.). Problems and Methods in the Study of Politics. New York: Cambridge University Press, 2004. P. 67–82.
Oren, I. Our Enemies and US: America's rivalries and the Making of Political Science. Ithaca: Cornell University Press, 2003. 234 p.
Pedersen, M.N. Present at the Creation // Daalder, H. (ed). Comparative European Politics: The Story of a Profession. London: Pinter Publishers, 1999. P. 253–266.
Ricci, D. Reading Thomas Kuhn in the Post-Behavioral Era // Western Political Quaterly. 1977. № 1 (March). P. 7–34.
Rothman, S., Kelly-Woessner, A., Woessner, M. The Still Divided Academy: How Competing Visions of Power, Politics, and Diversity Complicate the Mission of Higher Education. Rowman & Littlefield Publishers, 2011. 282 p.

Ruget, V. Scientific Capital in American Political Science: Who Possesses What, When and How? // New Political Science. 2002. Vol. 24, № 3. P. 469–478.
Ryan, R.M., Deci, E.L. Intrinsic and Extrinsic Motivations: Classic Definitions and New Directions // Contemporary Educational Psychology. 2000. № 25. P. 54–67.
Scott, J. Peasants, Power, and the Art of Resistance // Munck, G.L., Snyder, R. Passion, Craft, and Method in Comparative Politics. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2007. P. 351–391.
Snyder, R. The Human Dimension of Comparative Research // Munck, G.L., Snyder, R. (eds.) Passion, Craft, and Method in Comparative Politics. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2007. P. 1–31.
Turner, H., Hetrick, C.C. Political Activities and Party Affiliations of American Political Scientists // Political Research Quarterly. 1972. № 25. P. 361–374.
Utter, G.H., Lockhart, G.H. (ed.) American political scientists. A Dictionary. 2nd ed. Greenwood Press, 2002. 517 p.
Voss, J., Wolfe, C.R., Lawrence, J.A., Engle, R.A. From representation to Decision: An Analysis of Problem Solving in International Relations // Sternberg, R.J., Frensch, P.A. (eds.) Complex Problem Solving: Principles and Mechanism. Hillsdale–NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1991. P. 119–158.
White, P. Education and Career Choice. A New Model of Decision Making. PALGRAVE MACMILLAN, 2007. 188 p.
Алмонд, Г. Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука: новые направления / пер. с англ. М.: Вече, 1999. С. 69–112.
Болл, Т. Куда идет политическая теория? // Политическая теория в XX веке: сб. ст. М.: Территория будущего, 2008. С. 387–411.
Вебер, М. Наука как призвание и профессия // Вебер, М. Избранные произведения / пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.
Гапова, Е. Национальное знание и международное признание: постсоветская академия в борьбе за символические рынки // Ab Imperio. 2011. № 4. С. 289–323.
Ильин, Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2002. 512 с.: ил.
Козер, Л. Нетипичная судьба социолога // Козер, Л. Функции социального конфликта / пер. с англ. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 7–24.
Макклеланд, Д. Мотивация человека / пер. с англ. СПб.: Питер, 2007. 672 с.
Мучински, П. Психология, профессия, карьера. 7-е изд. СПб.: Питер, 2004. 539 с.: ил.
Рождественская, Е.Ю. Биографический метод в социологии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 381, [3] с.
Сакс, Дж. Цена цивилизации / пер. с англ. М.: Издательство Института Гайдара, 2012. 352 с.
Соколов, М. Российская социология после 1991 года: интеллектуальная и институциональная динамика «бедной науки» // Laboratorium. 2009. № 1. С. 20–57.
Уолин, Ш. Политическая теория как призвание // Политическая теория в XX веке: сб. ст. М.: Территория будущего, 2008. С. 277–322.
Фрей, Б. Государственная поддержка и креативность в искусстве: новые соображения // Экономика современной культуры и творчества: сб. ст. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2006. С. 399–412.
Хапаева, Д. Герцоги республики в эпоху переводов: Гуманитарные науки и революция понятий. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 264 с.

Цебелис, Дж. В защиту теории рационального выбора // Современная сравнительная политология: хрестоматия / пер. с англ. М.: Московский общественный научный фонд, 1997. С. 52–83.
Чилкот, Р.Х. Теории сравнительный политологии. В поисках парадигмы; пер. с англ. М.: ИНФРА-М; Весь Мир, 2001. 560 с.

Примечания

1 Одним из первых этот тезис высказал А. де Токвиль в *Демократии в Америке* (1835): «Совершенно новому миру необходима новая политическая наука» (цит. по [11, p. 306]). Современные исследователи в своем большинстве лишь повторяют его, и сказанное относится к самым различным профессиональным группам. Так, С. Хантингтон, представитель когорты «политологов, внесших значительный вклад в развитие научной области», вместо повелительного наклонения использовал настоящее время, оставив без малейшего изменения денотат: «Не существует *американской* науки о политике – существует *демократическая* наука о политике, которая впервые и наиболее полно была разработана в Соединенных Штатах, поскольку Соединенные Штаты были первой и достигшей наивысшей точки демократией современного мира» (цит. по [5, p. 39]). Менее выдающиеся, но более многочисленные ординарные политологи, чьи достижения мало примечательны как в свете индекса цитирования, так и в плане их влиятельности, редко размышляют «над идентичностью своей дисциплины». И происходит это именно по причине того, что «они инстинктивно связывают политическую науку со свободой и демократией, даже если их тексты представляют дисциплину в качестве объективной науки» [28, p. 1].

2 Скажем, Ш. Уолин в *Политической теории как призвании* [51] попытался определить типичные установки «по отношению к миру политики», присущие бихевиоралистам и политическим теоретикам. Находясь в оппозиции к поведенческой революции, Ш. Уолин суть *подлинного* призвания видит, в частности, в культивируемой способности воспринимать политическую реальность во всей ее полноте, что дает надежду на формулирование альтернатив статус-кво. Потому различие между методологами и призванными «проходит между теми, кто хочет принудить теорию опираться на факты, которые отбираются в соответствии с тем, что определяется функциональными требованиями существующей парадигмы, и теми, кто верит, что в силу того, что факты богаче теорий, задачей теоретического воображения является переутверждение новых возможностей» [51, c. 321].

3 Так, А. Нортон [27] выделяет две разновидности этики политической науки. При этом (несомненно ложной) «политологии, ориентированной на методы (method-driven political science)», манихейским образом противопоставляется тот вид политической науки, что не просто ориентирован на проблемы (problem-oriented political science), но и является подлинной формой «деятельности ученого», заключающейся в том, «чтобы действовать в мире ради улучшения этого мира» [27, p. 68].

4 Р. Кеохейн в речи, произнесенной перед студентами-политологами, немало времени посвящает тому, какие виды деятельности характеризуют суть политологии как науки (*решение головоломок, концептуализация, описание и установление причинных отношений*), а в итоге дает ответ на вопрос о том, «почему в качестве призвания выбирают политическую науку» [18, p. 462]. С его точки зрения, «мы изучаем политику не просто

потому, что это прекрасно или легко для понимания, но и потому, что это столь важно для всех областей человеческих усилий» [18, p. 462].

5 Иногда, например, понятие «призвания» используется в качестве своеобразного ориентира, позволяющего иначе никак не мотивированным образом надеяться на преодоление ныне существующих трудностей [9].

6 Объяснение, связывающее либерализм, академический успех и поддержку реформ, было предложено Э. Лэддом и С. Липсетом [20, p. 125–167], которые отталкиваются от положения, в соответствии с которым «эгалитарно-индустриально-технологические изменения», происходящие в западных демократиях начиная с XVII века, требуют, чтобы все социальные и политические институты были вовлечены в процесс перманентной адаптации. В этих условиях становится необходимым класс людей, критическая направленность которых помогает выполнению этой социальной функции. Поскольку социальная критика требует недюжинных способностей и знаний, логично предположить, что значительное количество подобных людей будет сконцентрировано в рамках Академии, которая, в свою очередь, дифференцирована в способ, по условиям которого наиболее интеллектуальные (и выдающиеся) ученые одновременно являются социально наиболее критически ориентированными. Тестирование этой гипотезы показало ее обоснованность [20, p. 134–146], вследствие чего был сделан вывод, согласно которому «верх» академического сообщества более либерален, нежели его «низ» не по причине преимущества в заработной плате и исследовательских возможностях, а потому, что либерализм в рамках Академии ближе к идеалу (критического) интеллектуала [20, p. 148].

7 Здесь я воспользовался прекрасным переводом этого отрывка из книги Р. Чилкота [55, с. 39–40].

8 Кроме того, мы не должны упускать из виду обстоятельства, согласно которым между ценностями Академии и всего остального общества существует очевидное противоречие, и все это только способствует росту публичного внимания к политическим пристрастиям ученых в целом и политологов – в частности, особенно в периоды социальных волнений и потрясений [31, p. 63].

9 Вернее сказать, что не хватает теорий среднего уровня, поскольку нет, в общем-то, недостатка в попытках сформулировать всеохватывающие теории, которые были бы одинаково адекватно применимы к самым различным областям [17; 39]. В качестве примера можно привести известную теорию Дж. Холланда, чья типология личностных типов и их склонности к определенным дисциплинам уже давно применяется психологами. Тем не менее выделенные им 6 типов вкупе с релевантными основаниями не позволяют четко различать, скажем, социологию и политологию, ибо все они оказываются производными от склонности похожих индивидов работать вместе и таким образом создавать соответствующее окружение. Наконец, не совсем понятно также, чем различаются субдисциплины в очевидно отличных научных областях, если все они могут быть поставлены в зависимость от комбинации различных типов личности. Таким образом, сила подобных теорий, заключающаяся в стремлении подвести единое основание под науку как таковую, оборачивается ее слабостью перед лицом действительных процессов рекрутирования в науке, особенно постсоветской.

10 М. Педерсен, одна из наиболее заметных фигур (европейской) сравнительной политологии, в своем автобиографическом очерке высмеял предположение о рациональности мотивации будущих ученых и ее опоре на соответствующие когнитивные аргументы [29, p. 257]. С его точки зрения, тяжело поверить в рациональное поведение молодого

человека, получающего, как то обычно водится, весьма пестрое и неопределенное образование. Не говоря уже о том, что большинство выпускников не представляют собой ни блестящих ученых, ни совершенных глупцов, а находятся где-то посередине, будучи постоянно неуверенными в своих интеллектуальных способностях. Можно ли в этих условиях надеяться на то, что рациональность их поведения будет также включать в себя поиск Научной Истины с самых первых дней их карьеры [29, p. 257]?

11 Как остроумно заметил Ст. Коул, «физики решают исследовать кварки не потому, что они столкнулись с ними. Социологи же изучают аспекты явлений, с которыми они взаимодействуют» [7, с. 147].

12 Скажем, для А. Лийфарта пережитая в детстве оккупация Голландии немцами была источником его интересов: «Когда я вспоминаю это время, я понимаю, что мой опыт во время Второй мировой войны вселил в меня отвращение к насилию и особенный интерес к таким вопросам, как мир и демократия» [23, p. 237]. Африканист Д. Лейтин отмечал причину трансформации схоластического интереса в экзистенциально пережитый: «Также следует добавить, что ребенком я никогда не бывал за границей. Впервые я узнал, что это такое, когда вступил в Корпус мира и отправился в Сомали в 1969. В то время мой интерес к тому, что происходит за границей, был сугубо научным, а не эмпирическим. Африка была воображаемым “другим местом”, о котором мне хотелось узнать» [21, p. 602].

13 Как показывает опыт Дж. Скотта, который учился на экономиста, писал выпускную работу «по немецкой военной мобилизации во время Второй мировой войны», однако в силу личных причин никак не мог ее закончить. Добившись от своего руководителя однозначного приговора: «Убирайтесь! Вы не будете писать выпускную работу у меня, Вы ничего не сделали... Убирайтесь!», он все же настойчиво искал возможности окончить колледж: «Я ходил от одного профессора экономики к другому, чтобы узнать, не возьмет ли кто-нибудь меня. Был один парень по имени Уильям Холлингер, который работал по Индонезии, и он сказал: “Я всегда хотел что-то знать об экономическом развитии Бирмы. Если Вы будете работать по Бирме, я возьму Вас”. И я ответил: “Хорошо. А где Бирма?”. – Я не знал, где находится Бирма» [34, p. 354].

14 Так, Дж. Дрижек указывает на очевидное отличие дисциплинарных проблем политической науки от головоломок естественных наук: «В целом же, эмпирические проблемы в социальных науках внешне обусловлены, социально опосредованы и исторически созданы в способ, которого нет в естественных науках» [10, p. 315]. И это предусматривает необходимость рассмотрения социально-политической обусловленности профессиональных интересов академических политологов.

15 Можно указать на несколько примечательных исключений, одним из которых является работа Е. Гаповой, выполненная в перспективе П. Бурдье и касающаяся взаимоотношений различных групп академических элит Беларуси и России [43]. Особого внимания также заслуживают статьи российского социолога М. Соколова, особенно его концепция «бедной науки» и связанная с этим нетривиальная трактовка влияния грантов на степень включенности исследователей в академическое сообщество [50]. К недостаткам этих и ряда подобных работ можно отнести чрезмерную сосредоточенность либо на исходной теоретической перспективе, вследствие чего верификация гипотез приобретает вид подбора «удобных» фактов или цитат, а не систематической проверки всего корпуса релевантных обстоятельств. Либо же речь идет о принятии во внимание индикаторов, позволяющих осуществить (преимущественно) статистический анализ исследуемого

феномена, но никак не выявить смысл, вкладываемый непосредственными жителями постсоветской Академии в те или иные действия – как в рамках последней, так и вне ее. В том и другом случае исследование во многом оказывается дедуктивным, а его результаты запрограммированными исходной теорией или избранными показателями.

16 Например, Е. П. Ильин приводит данные, касающиеся российских ученых-женщин, для которых «ведущими мотивами являются: материальное обеспечение (50% ответов), желание проявить себя (40% ответов) и интерес к самой работе (33% ответов). Для 21% опрошенных женщин научная работа является способом борьбы с монотонностью быта, уходом от домашних дел. Лишь 6% женщин ответили, что научная работа нужна им для достижения определенного социального статуса» [44, с. 282]. Аналогичные измерения мужчин-ученых, по сути, отсутствуют, равно как и систематические исследования постсоветской Академии, в которых бы «академические карьеры и человеческие эмоции» социальных ученых *действительно* вписывались в социально-политический контекст.

17 Интервью у профессоров и доцентов Крыма проводил и расшифровывал С. Шуляк, доцент кафедры философии и социально-политических дисциплин Академии таможенной службы Украины (Днепропетровск).

18 Стоит указать и на существование противоположной точки зрения, согласно которой «систематическое поощрение стимулирует креативность». Результаты лабораторных экспериментов позволяют утверждать, что «периодическое существенное вознаграждение может эффективно помогать индивидуумам поддерживать их творческие усилия, когда успех приходит медленно и с большим трудом» (цит. по [52, с. 407]). Б. Фрей примиряет эти две противоположные точки зрения на взаимосвязь между креативностью и наградой путем указания на то, что «эффект стимулирования (повышение уровня внутренней мотивации индивидуума при внешнем вознаграждении значимого для него поведения и/или деятельности. – *Авт.*) имеет место, когда вмешательство воспринимается как поддержка, эффект вытеснения – как контроль (снижение уровня внутренней мотивации при вознаграждении значимого для него поведения и/или деятельности. – *Авт.*)» [52, с. 408].

19 Что касается чувства связности, то Р. Райан и Э. Деци полагают, что люди воспринимают деятельность или поведение в качестве желательных в том случае, когда «они ценятся значимыми другими, с которыми они, как они чувствуют (или хотели бы чувствовать), связаны, будь то семья, группа равных или общество» [33, p. 64]. В свою очередь, «это предполагает, что основой для облегчения интернализации является обеспечение чувства принадлежности и связанности с лицами, группой или культурой… или то, что мы… называем чувством relatedness» [33, p. 64]. Следует отметить, что, по мнению Р. Райана и Э. Деци, свидетельств зависимости внутренней мотивации от компетенции и автономии несравненно больше, нежели тех, что предусматривают взаимосвязь между связанностью и внутренней мотивацией. По этой причине я исключил из дальнейшего рассмотрения удовлетворение потребности в связности.

20 Расшифровка следующая: первая буква является заглавной буквой того или иного политологического сообщества. Так, «Х» означает принадлежность к харьковскому, «Л» – к львовскому, «С» – симферопольскому (крымскому) политологическим сообществам соответственно. Вторая буква обозначает пол респондента, мужской («М») и женский («Ж»). Третья буква отсылает к научной степени: «К» – кандидатская и «Д» – докторская. Буква в скобках, соответственно, указывает на специальность, по которой была по-

лучена та или иная степень: «п» означает, что речь идет о «политических науках», «ф» – о философских, «и» – исторических, а «г/у» – о государственном управлении. Наконец, цифра, как правило, не несет особой смысловой нагрузки, обозначая преимущественно первенство в получении научной степени в рамках той или иной группы респондентов (кандидатов или докторов наук по соответствующей специальности). Также стоит иметь в виду, что в дальнейшем будут цитироваться не все релевантные фрагменты интервью, а лишь наиболее показательные или необычные. Кроме того, стремясь сохранить и передать ощущение аутентичности и полифоничности, я не пожелал приводить цитируемые фрагменты интервью в «читабельный» вид, полагая более важным передать живую речь информантов, со всеми ее уникальными индивидуальными и региональными особенностями.

21 К роли последних двух ситуационных факторов я вернусь в конце следующего параграфа.

22 Другими словами, я полагаю, что потенциально внутренне мотивированные индивиды склонны ко всему спектру исследовательских интересов, которые я в настоящее время классифицирую по шкале «теоретические/практические». То есть можно ожидать, что внутренне мотивированные ученые стремятся изучать какие-то конкретные аспекты или «головоломки», интерес к которым обусловлен особенностями их экзистенциального опыта в том смысле, о котором говорили Ст. Коул и Дж. Дрижек. Они также и, возможно, с не меньшей вероятностью и по тем же самым причинам будут склонны к формулированию теорий, объясняющих с точки зрения общих принципов класс более-менее похожих ситуаций. Вполне вероятно, что внутренне мотивированные политологи более склонны к трансконтекстуальным «вещам», вроде методов или теорий, формулируемых на предельном уровне абстрагирования. Однако в отсутствие каких бы то ни было систематических данных я отталкиваюсь от положения, согласно которому в рассматриваемой группе индивидов интерес к практическим или теоретическим головоломкам распределяется равномерно. Соответственно, если в данном случае наблюдается очевидная диспропорция в сторону теоретических проблем, необходимо искать объяснение в плоскости структурных условий украинской политической жизни, благоприятствовавших рекрутированию в Академию именно данной разновидности внутренне мотивированных политологов.

23 Так, один из респондентов об этой ситуации высказалась следующим образом: «Наши исследователи могут поехать на Запад, только занимаясь Украиной или Россией и никакими другими вопросами, в общем-то. Мы им интересны только с этих позиций, потому что знаем эту специфику, способны что-то им рассказать, чего они не знают... Все проекты, которые сейчас, в общем-то, объявляются, все грантовые программы, они так или иначе [это] Восточно-европейское Пограничье, Украина, Белоруссия, Россия. В общем-то, мы им интересны только как источник информации, в общем-то, в этой сфере» (ХЖД(п)–2).

24 В данной статье я планирую сосредоточиться именно на этой группе внешне мотивированных политологов.

25 Дж. Дрижек ситуацию, по условиям которой политологи вынуждены иметь дело с проблемами, с которыми они сталкиваются в качестве граждан, описывает следующим образом. Дело не в экстернальности как таковой, но «в самом факте того, что конституирование и переопределение эмпирических проблем социальных наук социально же опосредовано» [10, p. 308]. Скажем, «в отличие от комет… новые эмпирические про-

блемы социальных наук могут быть опосредованы агентами, выступающими в качестве субъектов политологического исследования» [10, p. 308]. По этой причине политологов от остальных групп граждан, также занятых решением проблем, отличает уровень рефлексии, обусловливающий приобретение их проблемами статуса *метапроблем* в ходе процесса объяснения ситуаций, «с которыми сталкиваются и которые конституируются агентами, что сами вовлечены в решение воспринимаемых проблем» [10, p. 309].

26 Выразителем этой точки зрения можно полагать Ч. Мерриама, получившего в благодарность от потомков титул «основателя современной бихевиоральной политической науки» [37, p. 232]. В частности, при обосновании прогресса, настоящего и будущего он исходит из того, что «от нас ожидают практичности» [24, p. 5]. Вследствие этого «нашу работу необходимо будет существенно перестроить», и в первую очередь – в плане расширения круга проблем, охваченных исследовательским вниманием с тем, «чтобы быть ближе к фактам политической жизни» [24, p. 6]. Такая установка требует от политологов целого комплекса новых действий. Следует менять угол зрения с тем, чтобы изучать реальное поведение, а не формальные правила [24, p. 7]; стремиться к множественности подходов [24, p. 9]; добиваться интенсификации исследований для продвижения «микроскопического» видения проблем в противовес их восприятию с высоты птичьего полета [24, p. 8]; пытаться осуществить интеграцию с другими социальными и даже естественными науками [24, p. 9]. Только тогда политическая наука может рассчитывать на приближение к потребностям и реалиям своего «объекта».

27 Трактовку прогресса как роста эффективности невозможно спутать с пониманием любого из последующих политологов – Т. Болла [4], Дж. Муна [25] или Д. Риччи [30], даже при том, что они избегают формулировать более-менее внятное определение «прогресса (политической науки)». Г. Алмонд был одним из немногих исключений, показательным в плане расплывчатости: «“Прогрессизм” такой позиции определяется исходной предпосылкой о последовательном совершенствовании политических исследований, выражающемся в увеличении знания и улучшении его качественных характеристик относительно глубины и точности получаемых новых данных» [40, с. 70]. Как бы то ни было, своеобразным выразителем новой интерпретации выступает М. Холден третий в истории чернокожий президент *Американской ассоциации политической науки* [6, p. 6]. Он полагает, что хорошим заменителем будет понятие «компетентности политической науки», что «означает способность что-то делать» [16, p. 2]. Это предусматривает и некое качество, которым владеет политолог, и некое право действовать [16, p. 2], но в целом речь идет об интеллектуальных способностях [16, p. 3]. Другими словами, «притязать на компетентность – это не утверждать отсутствие необходимости самосовершенствования. Это, конечно, требует самоусовершенствования» [16, p. 2]. Но в любом случае «о политике мы знаем больше, чем любая другая дисциплина» [16, p. 2–3].

28 В качестве иллюстрации можно указать на недоумение Т. Болла в отношении несовпадения тематики статей в специализированных журналах с реальными политическими проблемами: «Остается только удивляться тому, как мало политического остается в политической теории. Даже самый внимательный читатель мог не подозревать, что существовал мир вне этих страниц, страдающий от проблем, беспрецедентных по своему масштабу и своим трудностям. Никто бы не знал, например, что существует экологический кризис глобальных распределений, который поднимает волнующие вопросы о правах и обязанностях в отношении будущих поколений. Вместо этого можно было прийти к заключению, что существует нечто, названное кризисом “конституции субъ-

екта” или “тела” и “желания”. Странные эгоцентричные кризисы для странных эгоцентричных времен. Посреди реального разрушения – экономического, экологического, этического – мы занялись деконструкцией» [41, с. 403].

29 В качестве примера можно привести описание судьбы марксизма в Америке, данное Л. Козером: «В то время как Маркс во всех своих работах подчеркивал тесную связь мысли и действия, современный американский научный марксизм развивается только на уровне высокой теории. “Труды” многих молодых ученых, работающих в русле марксизма, имеют целью их интеграцию в академическое сообщество, а не практические результаты. В некоторых случаях эти “марксисты”, увлеченные поиском места работы в университете, бывают совершенно неадекватны» [45, с. 21].

Любовь Жванко

УКРАИНА И ПРОБЛЕМА БЕЖЕНЦЕВ: РЕАЛИИ СОВРЕМЕННОСТИ

Напомним себе,
что в один из дней
каждый из нас может
постучать в чьи-либо двери,
прося о помощи.
Кофи Аннан

Abstract

The article reviews the problem of displaced people in present-day Ukraine over the previous decade.

It focuses on the issues of displaced people as a result of annexation of the Crimea by the Russian Federation and the initiation of the so-called hybrid war in the Eastern part of Ukraine.

The author deals with the refugee problem in the modern world, the impossibility to solve it, and difficulties in the work of the United Nations Office of the High Commissioner for Refugees.

Keywords: United Nations Office of the High Commissioner for Refugees, Ukraine, Crimea, displaced people, refugees.

XXI век – век беженства

Человеческая цивилизация, переступив порог третьего тысячелетия своего существования, оказалась неспособной преодолеть беженство как гуманитарную проблему планетарного масштаба. Более того, количество вынуждено перемещенных лиц с каждым годом все увеличивается. В докладе Верховной комиссии ООН по делам беженцев «UNHCR 2012 refugee statistics: full data» говорится: «*Глобальные тенденции показывают, что по состоянию на конец 2012 г., более*

45,2 млн человек были насильственно перемещены по сравнению с 42,5 млн в конце 2011 г. Мир находится в низшей точке своего самого серьезного кризиса с беженцами в течение почти 20 лет». От общего количества перемещенных лиц – 15,4 млн составили беженцы, 937 тыс. лица, ищущие убежища, и 28,8 млн внутренне перемещенные лица, вынужденные искать убежище в границах своих стран[1]. Только за последние полтора года из-за волны конфликтов, захлестнувшей Кот-д'Ивуар, Ливию, Мали, Сирию, Сомали и Судан, из этих стран бежало более миллиона жителей. За этими цифрами стоит нечто большее, чем просто статистика: это конкретные люди и семьи, у которых в корне изменилась жизнь, а будущее остается неясным[2]. Беженцами становятся через боязнь преследований различного характера, этнических или религиозных чисток. Все чаще покидают свои дома из-за крайней нищеты, ухудшения состояния окружающей среды, изменения климата и усиления сложной взаимосвязи между этими факторами и конфликтами. И не зря XXI век, отмерив только первое свое десятилетие, уже назван веком беженцев[3].

Проблема вынужденно переселенных лиц настолько глобальна, что с 2002 г. отмечается Всемирный день беженца. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун по случаю Всемирного дня беженцев в 2012 г. выразил мнение каждого жителя планеты: «*Никто не хочет стать беженцем. Никто не должен подвергаться связанным с этим статусом унизительным и тяжелым испытаниям. Однако это происходит с миллионами людей. Даже если только одному беженцу приходится спасаться от проблем или вновь подвергаться опасности – этого более чем достаточно.*

В связи с проведением Всемирного дня беженцев в этом году я прошу людей всего мира подумать о судьбе миллионов детей, женщин и мужчин, которые были вынуждены покинуть свои дома, жизнь которых подвергается опасности и которые в большинстве случаев желают лишь одного – вернуться в родной дом и начать жизнь заново. Давайте же никогда не забывать о том, что все мы – братья, принадлежащие к одному роду, человеческому»[4].

Всемирный день беженца в 2013 г. прошел темой «Уделите минуту, чтобы прокормить семью вынужденных беженцев». В этом году УВКБ ООН продолжает свою кампанию «1» с первым личным счетом для сбора средств на его сайте, где предлагается *«уделить минуту, чтобы прокормить семью вынужденных беженцев»*[5]. При этом возникает вопрос: насколько простой обыватель готов поделиться с несчастным изгнанником? Почти ежедневно мировые средства массовой информации сообщают о том, что в другом месте, в другом для нашего восприятия мире кто-то вынужден оставить свой дом, землю предков, разрушить свое будущее и бежать куда глаза глядят, спасая себя и семью от потенциальной опасности. Но нам, слыша такую информацию, по большому счету, безразлично. И в этом смысле знаковым является мнение Яна-Марии Пискорского, профессора Щецинского университета: «*Пока на твой дом не упадет*

бомба, пока думаешь, что то никогда с тобой не случится»[6]. Европейский континент просто обречен постоянно иметь волны беженцев. Мигранты из Африки, Азии - привычное явление в европейских городах, а трущебы мигрантов - неотъемлемый атрибут пейзажей современных европейских мегаполисов[7]. Более того, 2014 г. может принести новую волну беженцев с той стороны, откуда никто в европейских кабинетах не ожидал…

Итак, предложенная статья – попытка анализа появления новой социальной категории в Украине – внутренне перемещенных лиц, возникшей в результате военной агрессии Российской Федерации в Крыму и на Востоке Украины.

Украина: неожиданный поворот…

События конца зимы–весны 2014 г. в Украине показали насколько призрачной и зыбкой является грань между статусом простого, пусть и не всегда счастливого в меркантильном смысле обывателя и статусом изгнанника из родного дома. Украина еще совсем недавно – такая себе третьесортная страна, очень удобная для западных геополитиков буферная зона между Россией и Европейским союзом[8], с одной стороны, и часть Евразийского пространства в мечтаниях российских политиков – с другой.

Революция «Гідності» (*Достоинства*), Небесная Сотня, Майдан, аннексия Крыма российскими войсками, «гибридная война», развязанная Путиным на Востоке Украины, российские диверсионные группы и боевики, оснащенные по последней военной российской моде, бесчинствующие в Славянске, Краматорске, убитые и замученные сторонники Украины – это реалии нашей жизни. Но, по меткому выражению второго украинского президента Леонида Кучмы, «*Украина – не Россия*». И эта самая Украина в центре мировых новостей, на повестке заседаний Совета Безопасности ООН, заседаний Европарламента, ОБСЕ, повод для бессонных ночей дипломатов первого эшелона и стратегов *«гибридной войны» (hybrid warfare).*

У этого термина много дефиниций, но главное - это смесь классического ведения войны с использованием нерегулярных вооруженных формирований. Государство, которое ведет «гибридную войну», заключает сделку с негосударственными исполнителями - боевиками, группами местного населения, организациями, связь с которыми формально полностью отрицается. Эти исполнители могут делать такие вещи, которые само государство делать не может, потому что любое государство обязано соблюдать Женевскую конвенцию и Гаагскую конвенцию о законах сухопутной войны, договоренности с другими странами. Вся грязная работа в такой войне перекладывается на плечи негосударственных формирований[9]. И вот теперь Украина имеет очень сложный социальный вызов – беженцев и внутренне перемещенных лиц, причиной которого стала развязанная Россией против нее «гибридная война».

Война – всегда война, какие бы уродливые формы в XXI веке она не принимала, и неотъемлемой ее частью всегда есть беженцы. И главное задание сообщества в такой ситуации – сохранение самого ценного – права на жизнь и права на проживание на родной земле, без чего человек превращается в перелетную птицу, но без возможности вернуться домой...

Правовой статус перемещенных лиц: международные аспекты регулирования

Агентство ООН по делам беженцев возникло в результате Второй мировой войны, чтобы помочь европейцам, перемещенным в результате этого конфликта. В 1949 г. на сессии Генеральная Ассамблея ООН (специальная резолюция № 319(IV) «Беженцы и апатриды») постановила утвердить с 1 января 1951 г. Управление верховного комиссара по делам беженцев (УВКБ) как организацию системы ООН, занимающуюся оказанием помощи беженцам. На следующей сессии Генеральной Ассамблеи 14 декабря 1950 г. был утвержден устав УВКБ ООН (специальная резолюция № 428(V)). Его Штаб-квартира находится в Женеве, имеются представительства во многих столицах и конфликтных точках по всему миру. Возглавляет Управление верховный комиссар ООН по делам беженцев, на которого возложено наблюдение за выполнением международных конвенций по защите беженцев. При этом признается, что эффективность координации мер, принимаемых для разрешения этой проблемы, зависит от сотрудничества государств с верховным комиссаром[10]. С 15 июня 2005 г. им стал Антониу Гутерреш, бывший премьер-министр Португалии. На этом посту он переизбран и в 2010 г.[11].

Правовой статус беженцев содержится в двух международных договорах – Конвенции о статусе беженцев 1951 г. и Протоколе к ней 1967 г. «*В настоящей Конвенции под термином "беженец" подразумевается лицо, которое: в результате событий, происшедших до 1 января 1951 года, и в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений*»[12].

Еще одной категорией перемещенных лиц, находящихся под опекой УВКБ ООН, стали внутренне перемещенные лица (ВПЛ). Необходимость решения вопроса о предоставлении помощи лицам, вынужденным покидать места своего проживания и перемещаться в другие районы страны, актуализировалась в

начале 70-х гг. в силу гражданских войн, которые происходили на территории Судана, Вьетнама, Камбоджи, Анголы и вызывали массовые внутренние перемещения жителей этих стран. В 1972 г. УВКБ ООН, руководствуясь гуманными соображениями, включило «лиц, перемещенных внутри страны», в свои программы в области помощи и восстановления для беженцев и репатриантов. В этом же году Генеральная Ассамблея ООН и Экономический и социальный совет ООН (ЭКОСОС)[13] своими резолюциями расширили *post factum* мандат УВКБ ООН, рекомендовав ему, по предложению Генерального секретаря ООН, участвовать в таких гуманитарных операциях ООН, в которых Управление располагает *«особыми богатыми знаниями и опытом»*[14].

Итак, лица перемещенные внутри страны – лица, вынужденные внезапно бежать из своих домов в больших количествах в результате вооруженного конфликта, внутренней розни, систематических нарушений прав человека либо стихийных бедствий и находящиеся на территории собственной страны. Специфика внутренне перемещенных лиц заключается в том, что, являясь гражданами государства и оставаясь на его территории, они находятся под исключительной юрисдикцией и защитой своей страны, даже если само государство и не в силах обеспечить такую защиту. Поэтому оказание помощи таким лицам со стороны международных органов может квалифицироваться как вмешательство во внутренние дела государства.

Вместе с тем вооруженные конфликты, начавшиеся на территории бывшей Югославии с 1991 г., активизировали деятельность УВКБ ООН по оказанию помощи внутренне перемещенным лицам и вызвали необходимость разработки принципов и форм предоставления такой помощи. Указанная специфика была подчеркнута в резолюции 46/82 Генеральной Ассамблеи ООН от 19 декабря 1991 г., которая указывала на необходимость получать согласие пострадавшей стороны и уважать суверенитет, территориальную целостность и национальное единство государства. В резолюции 47/105 Генеральной Ассамблеи ООН 1992 г. содержались следующие критерии участия УВКБ ООН в оказании гуманитарной помощи внутренне перемещенным лицам:

а) просьба Генерального секретаря или иного компетентного органа;

б) согласие заинтересованного государства.

В начале XXI века УВКБ ООН реализует программы по преодолению кризисных ситуаций, связанных с беженцами в Африке, например, в Демократической Республике Конго и Сомали, в Азии, особенно в Афганистане. В то же время Агентство предложило использовать свой опыт в оказании помощи многим внутренне перемещенным лицам, возникающим в результате военных внутригосударственных конфликтов. Организация с трехлетнего мандата на решения проблемы беженцев в Европе 14 декабря 2010 г. отметила свое 60-летие, награждена двумя Нобелевскими премиями мира (1954 и 1981 гг.), готова решать новые гуманитарные проблемы человечества.

Украина в системе деятельности УВКБ ООН: нерешенные проблемы прошлого десятилетия

Современная Украина также оказывает помощь беженцам из ближнего и дальнего зарубежья. По данным УВКБ ООН – «UNHCR 2012 refugee statistics: full data» – в Украине было зафиксировано 2807 беженцев, главным образом, из Сирии и Афганистана. Всего же на середину 2013 г., по данным УВКБ ООН, на территории Украины находились 39 821 перемещенное лицо. ВПЛ на этот момент зафиксировано не было.

Таблица 1. **Категории перемещенных лиц в Украине (2013 г.)**

Беженцы	Лица, ищущие убежище	Вернувшиеся беженцы	**Внутренне перемещенные лица**	**Возвращенные внутренне перемещенные лица**	Лица без гражданства
2844	1977	0	**0**	**0**	35 000

Источник: 2014 UNHCR regional operations profile - Eastern Europe (http://www.unhcr.org/pages/49e48d4d6.html).

Если сравнить количество беженцев в Украине и других европейских государствах, то оно будет незначительным. Но страна является одним из транзитных коридоров перемещения потенциальных беженцев и мигрантов в Западную Европу.

Для реализации политики в области оказания помощи беженцам украинская власть предприняла ряд шагов, призванных интегрироваться в международное сообщество в плане решения «*...острейшей проблемы людей, ищущих убежища от преследования*». Для этого в Украине с 1994 г. действует Региональное Представительство УВКБ ООН, полномочия которого распространяются также на Молдову и Беларусь. В 2001 г. был принят Закон о беженцах, который в 2011 г. был дополнен рядом новых положений. В январе 2002 г. наша страна стала 143-м государством, которое присоединилось к Конвенции ООН о статусе беженцев. В 2013 г. в Региональном Представительстве УВКБ ООН, расположенном в Киеве, работало 37 сотрудников, включая 8 международных[15]. Возглавляет эту структуру гражданин Нидерландов Олдрих Андрысек.

Таблица 2. **Партнеры деятельности в Региональном Представительстве УВКБ ООН в Украине**

Правительственные партнеры	**Исполнительные партнеры**	**Международные партнеры**
Государственная миграционная служба	Благотворительный фонд «Рокада»	Европейская комиссия

Государственная пограничная служба	Фонд по натурализации и правам человека «Содействие»	Международная организация по миграции (МОМ)
Министерство внутренних дел	Харьковский областной благотворительный фонд «Социальная служба помощи»	Совет Европы, Европейская комиссия по делам беженцев и изгнанников
Министерство иностранных дел	Общественное движение «Вера. Надежда. Любовь»	Датский совет по беженцам
Министерство образования и науки	Международный фонд охраны здоровья и окружающей среды «Регион Карпат» (NEEKA)	Каритас[16] Чешской Республики
Администрация Президента	Общественная организация «Десятое апреля»	Каритас Австрия
Офис Уполномоченного по правам человека		Международная Амнистия Хьюман Райтс Вотч НПО Мемориал ОБСЕ посольства-доноры

Источник: http://unhcr.org.ua/attachments/article/244/Ukraine%20Country%-20profile_UKR_2013.pdf.

Источник: www.uhcr.org.ua/maps.

Деятельность и программы УВКБ ООН в Украине внедряют два проекта: один включает в себя деятельность в пределах страны, а второй направлен на региональную деятельность и проекты, включая значительное дополнительное целевое финансирование со стороны ЕС. Национальный проект сфокусирован преимущественно на предоставлении защиты беженцам.

Возвращение беженцев

УВКБ ООН оказывает помощь для добровольного возвращения, учитывая отсутствие правительственных процедур в этой сфере. УВКБ ООН инициирует возвращение людей, которыми оно занимается, с помощью сети НПО (неправительственные организации). УВКБ ООН продолжает получать большое количество заявлений на добровольное возвращение от искателей убежища, которым было отказано в процедуре предоставления статуса беженца и/или были признаны не соответствующими критериям оказания помощи УВКБ ООН.

Местная интеграция

Интеграция беженцев была долговременной проблемой для Украины (многочисленные правовые и социальные недостатки препятствовали интеграции беженцев). На основе инициативы правительств Украины, Беларуси и Молдовы, высказанной во время Встречи на высоком уровне в Стокгольме (2006 г.), исследование «Местная интеграция беженцев в Беларуси, Молдове и Украине» было начато в рамках Седеркопингского процесса[17]. В ходе исследования были проанализированы условия интеграции беженцев в этих странах и определены конкретные недостатки и препятствия в правовой и социально-экономической сферах, что позволит беженцам интегрироваться в местные сообщества. Проект, финансируемый Европейским союзом, начался в марте 2009 г. и был направлен на решение упомянутых вопросов; его вторая фаза была утверждена в декабре 2013 г.

Переселение

Переселение в основном является инструментом по предоставлению международной защиты беженцам, правовая и физическая безопасность которых не обеспечивается в Украине, и тем, кто не имеет перспектив для местной интеграции в Украине. Практическая деятельность Регионального Представительства УВКБ ООН в Украине заключается в следующем:

1. Помощь в создании эффективной системы убежища и законодательства в соответствии с международными стандартами.
2. Предупреждение выдворения.
3. Мониторинг границ.
4. Предоставление бесплатной юридической помощи и представление интересов искателей статуса беженца через сеть партнерских неправительственных организаций.
5. Заполнение пробелов в условиях приема, включая предоставление правовой, социальной и медицинской помощи.

6. Усиление роли гражданского общества в защите беженцев и искателей убежища.

7. Участие в диалоге о предоставлении убежища – миграции.

8. Проведение тренингов для представителей правительства и судей, задействованных в процедуре определения статуса беженца.

9. Обработка дел по переселению.

10. Деятельность отдела общественной информации, направленная на защиту беженцев и борьбу с расизмом, ксенофобией.

Кроме того, особенностью деятельности УВКБ ООН в Украине есть тот факт, что его роль распространяется на ранее депортированных лиц – представителей крымско-татарского народа. В 1996 г. правительство Украины пригласило УВКБ ООН для оказания помощи в восстановлении интеграции бывших депортированных лиц, вернувшихся в Крым. УВКБ ООН отреагировало на это запуском масштабных кампаний по получению гражданства, трудоустройству, восстановлению жилья и воспитанию толерантности. Помощь УВКБ ООН в объеме 5,3 млн долларов США за последние одиннадцать лет для реинтеграции вернувшихся в Крым является крупнейшей комплексной программой, связанной с предотвращением и сокращением безгражданства, которые УВКБ ООН еще реализовало в мире[18].

Вместе с тем, плодотворной работе представительства Агентства ООН по беженцам в Украине препятствуют проблемы социально-экономического и юридического характера. Страна время от времени попадает в центр скандалов, связанных с принудительным возвращением беженцев на территории постоянного их проживания. Непростой является адаптация последних в украинский социум. Кроме того, нужно указать и на следующие проблемные моменты:

– Законодательство о предоставлении убежища и его имплементация не соответствуют международным стандартам.

– Проблемы с доступом к территории и процедуры предоставления статуса беженца.

– Насилие со стороны милиции, безосновательные задержания.

– Угроза цепных депортаций.

– Значительные трудности беженцев в пользовании своими правами и достижении местной интеграции.

– Низкое качество решений по предоставлению статуса беженца, включая низкий уровень признания и длительную процедуру.

– Очень плохие условия в местах задержания.

– Расизм и ксенофобия.

О проблемах в своей деятельности высказался 29 августа 2013 г. в одном из интервью Олдрих Андрысек, региональный представитель УВКБ ООН. В частности он сказал: «*Украина – трудная для интеграции страна. Тут не только статус сложно получить. Тут трудно адаптироваться. С этим есть проблемы*

везде, даже в странах, которые имеют колоссальные деньги и могут инвестировать в людей, а в Украине только два года назад был разработан план интеграции иностранцев и беженцев до 2020 года. Но он пустой. Не приняли ни одну меру до сих пор, не нашли бюджета под него. Беженцам до сих пор никто не помогает изучать язык. Никто не предпринял ни шагу, чтобы районные и областные администрации знали, кто такие беженцы и каковы их права. Украина приняла все нужные законы о беженцах, но теперь нужно внести соответствующие поправки в еще целый ряд уже существующих. Ну, и к тому же, здесь еще только создается гражданское общество. Тут помогают сиротам, пенсионерам, больным детям, но неправительственных организаций, которые помогают иностранцам, тут нет. А это тоже люди, и им тоже очень трудно. Но, даже если готовые помогать и находятся, то им не позволяют это делать – налоговая смотрит на организации по оказанию помощи беженцам, как на потенциальные центры для отмывания денег, а гуманитарная помощь облагается налогами»[19].

Фактически вся украинская власть смотрела на проблемы беженцев, которые искали убежище в Украине, как на досадное недоразумение. Не учитывая интересов и не уважая собственный народ, трудно поверить в то, что такая власть могла заботиться о чужестранцах, нуждающихся в комплексной помощи. И то, что кажется привычным и элементарным в оказании поддержки беженцев в европейских странах, в Украине в силу вышеперечисленных проблем было просто невозможно реализовать.

2014 г. Украина. Внутренне перемещенные лица

Зима 2014 г., изменившая до неузнаваемости украинцев и Украину, отношение мирового сообщества к Украине, показала насколько «небратским» есть отношение к ней северного соседа. После аннексии полуострова Россией сепаратистские настроения, а впоследствии и вооруженные формирования боевиков были экспортированы на восток Украины. При этом режиссеры «гибридной войны» стараются придать ей окраски гражданской войны, что еще более усугубляет ситуацию, и ООН предостерегает от потока беженцев уже с востока Украины.

Первые переселенцы из Крыма появились уже в первой половине марта. Главным образом, женщины и дети крымско-татарского народа выезжали поездами в населенные пункты Западной Украины. Жители Симферополя, Севастополя, Керчи, Евпатории, Ялты обращались на горячую телефонную линию Львовского областного совета с просьбой принять их на временное проживание. Простые львовяне принимали беженцев в свои семьи по две-три семьи из Крыма. Многие владельцы гостиничных комплексов и руководители санаториев Львовщины предоставили бесплатно номера для временного проживания

крымчан. «*Есть звонки и от руководителей санаториев области. Поэтому жители из Крыма могут еще и улучшить свое здоровье*», – сказал председатель Львовского областного совета Петр Колодий[20]. На середину марта, по сообщению Львовской областной государственной администрации, в Львовской области на временное проживание было устроено уже 836 жителей из Крыма и юго-восточных областей Украины.

Львовская область стала одним из центров временного пребывания внутренне перемещенных лиц. Поэтому во второй половине марта 2014 г. в миграционной службе Львовской области состоялась встреча с представителем верховного комиссара ООН по делам беженцев. Консультационная встреча касалась урегулирования вопросов регистрации, восстановления и изготовления документов мигрантов, прибывших в Львовскую область из Крыма и восточных регионов Украины. Во встрече приняли участие советник по вопросам Управления верховного комиссара ООН по делам беженцев Дмитрий Плечко, начальник Главного управления Государственной миграционной службы Украины в Львовской области Ярослав Скиба, заведующий сектором по делам беженцев и социальной интеграции Богдан Заверуха.

На заседании обсуждались юридические основания для регистрации мигрантов, приехавших в Львовскую область из Крыма, процедура оформления тех документов, которые были утеряны, предоставление мигрантам статуса беженцев или лиц, нуждающихся в дополнительной защите, тем крымчанам, которые являются гражданами Российской Федерации. Также обсуждалась необходимость выступить с ходатайством перед МИД Украины, чтобы консульские учреждения иностранных государств, расположенные во Львове, нашли возможность выдачи виз крымчанам независимо от территориального действия этих учреждений. В результате все территориальные подразделения миграционной службы Львовщины получили распоряжение максимально содействовать в решении проблем мигрантов из Крыма[21].

Нужно сказать, что первоочередную помощь переселенцам из оккупированного полуострова оказали простые украинцы, о чем неоднократно показывали сюжеты в телевизионных новостях. Несчастные беженцы со слезами на глазах рассказывали свои истории о фактическом бегстве с полуострова. Кроме крымских татар, судьбу перемещенных лиц примерили на себя и этнические украинцы. Например, семья пенсионеров Игорь и Елена Кирющенки из Балаклавы, активные участники местного Евромайдана, под угрозами представителей «Русского блока» были вынуждены уехать в Киев. Временное жилище они нашли в помещении Киевской государственной городской администрации. «*Быть украинцем в Крыму теперь опасно*», – констатировали они в интервью журналисту канала «1+1».

В работу по организации социальной защиты внутренне перемещенных лиц включились государственные структуры разных уровней: Министерство социальной политики (куратор этого направления), областные и районные админи-

страции, общественные и благотворительные институции, региональное представительство УВКБ ООН в Беларуси, Молдове и Украине.

Одним из координирующих центров оказания помощи переселенцам стал Киевский городской координационный центр по решению вопросов размещения и жизнеобеспечения жителей Крыма, созданный при Киевской городской государственной администрации (КГГА). Основная задача центра – координация действий городской администрации, коммунальных предприятий, учреждений, организаций по решению этой проблемы. Координационный центр возглавил председатель КГГА Владимир Бондаренко. Подобные центры были созданы при областных государственных администрациях Украины.

В конце марта 2014 г. уже были подведены первые итоги работы, намечены новые направления. 25 марта на зеседании Верховной Рады Украины был заслушан доклад министра социальной политики Людмилы Денисовой, посвященный оказанию помощи крымчанам, которые вынуждены покинуть свою родину в связи с аннексией Крыма Россией. Она заверила, что работа органов по вопросам соцподдержки граждан и семей, переселяющихся из Крыма в другие области *«на временное пребывание»*, уже организована. Прежде всего, была открыта правительственная горячая линия – 0800507309. О ее открытии информируют через СМИ, на железнодорожных вокзалах, на поездах крымского направления, раз в час по громкоговорителю и при прибытии поездов из Крыма объявляется о возможности получить телефоны горячей линии, госучреждений, которые могут оказать помощь. Такая же информация у дежурного по вокзалу, в справочных бюро, круглосуточных билетных кассах. Автор статьи видела подобную информацию в автовокзалах Полтавы и Харькова.

«На сегодня в контактный центр обратилось более 3000 крымчан. Каждое шестое обращение касается вопроса расселения и обеспечения жильем», – сказала Денисова. *«По состоянию на 24 марта, нами получено (обращений) и размещены 3608 граждан, которые будут временно находиться на материковой части Украины. Всего обратилось в город Львов – более 1200 человек, в Ивано-Франковск – более 1000 человек»,* – сообщила она.

Министр соцполитики заверила, что ее ведомство организовало работу по оказанию помощи и выплат гражданам по новому месту их пребывания. Телефоны учреждений социальной защиты обнародованы на сайте Министерства и через СМИ. По ее словам, упрощенная процедура приема граждан позволяет пенсионерам обращаться в любое отделение Пенсионного фонда. *«Желающим найти работу – обращаться в центры занятости. На сегодня Минсоцполитики готово предложить 55 тысяч вакансий по Украине и способствовать трудоустройству по четырем программам: подбор работы по образованию, переквалификация, открытие предпринимательской деятельности, участие в оплачиваемых общественных работах»*, – заявила она. *«В центры занятости обратились 39 человек, из них 5 уже трудоустроено»*, – сообщила Л. Денисова.

Получатели социальных выплат, прибывающих, – в частности, беременные, семьи с детьми – тоже могут обратиться к любым органам фондов соцстрахования. Министерство также готово *«в случае необходимости разместить граждан из Крыма в гериатрических пансионатах и территориальных центрах, в которых около 2,5 тысячи мест»*. Наиболее чувствительным является решение защиты более 4800 сирот, которые остаются на территории Крыма. Л. Денисова заявила, что ее ведомство добивается создания для переселенцев необходимых условий проживания, в частности в отношении образования детей, медобслуживания, оказания психологической поддержки, помощи в восстановлении утраченных документов.

На заседании правительства будет решаться вопрос об открытии счета для тех, кто хочет перевести средства на помощь беженцам из Крыма, добавила она. Крымчан она заверила: *«Всех, кто не хочет оставаться на временно оккупированной территории в Крыму, мы всех разместим, всех ждем, всем предоставим всю необходимую помощь»*[22].

Ситуацию в сторону ее нагнетания вокруг коренного крымско-татарского народа всячески провоцирует «местная власть» полуострова. Более того, в конце марта 2014 г. Управление верховного комиссара ООН по делам беженцев заявило об угрозах в адрес крымчан, которые в связи с обстановкой в регионе покинули Автономную Республику. Об этом журналистам во Львове сообщил региональный представитель УВКБ ООН в Беларуси, Молдове и Украине Олдрих Андрысек. «*Некоторые жители Крыма, которые вынуждены были уехать, получают угрозы через SMS и социальные сети*». Их называют предателями и обещают наказать, когда они вернутся. О. Андрысек отметил, что беженцы бояться фотографироваться и давать интервью, чтобы никто не узнал о том, что они выехали. «*Некоторые крымчане рассказали, что им угрожали. Другие рассказали, что слышали об угрозах*». Также на домах уехавших крымчан появляются неизвестные знаки. Ранее сообщалось, что 2 тыс. жителей Крыма, южных и восточных областей (Харьковская, Херсонская, Одесская, Запорожская) намерены выехать на временное проживание во Львовскую область[23].

По данным Андрея Щекуна, председателя общественной организации «Украинский дом» (Бахчисарай, Крым), с аннексированного полуострова на материковую Украину вынужденно переселилось от 13 до 18 тыс. человек. Как известно, А. Щекун был одним из тех, кого накануне так называемого крымского референдума похитили пророссийские боевики и девять дней удерживали в плену, применяя к нему и другим пленным пытки. По его словам, согласно официальным данным Министерства социальной политики Украины, количество переселенцев из Крыма – около 13 тыс. человек: около 8 тыс. крымчан и еще около 5 тыс. человек из семей военнослужащих, передислоцированных с полуострова.

«Наши данные отличаются в сторону увеличения, так еще много выехавших из Крыма не зарегистрированы, и наша цифра – это около 18 тысяч в данный

момент», - сообщил А. Щекун. Он отметил, что, находясь сейчас в Киеве, ведет с другими активистами работу по созданию единой базы данных по крымчанам, которые были вынуждены переселиться на материковую Украину. В планах организации - создание совета представителей крымчан-беженцев и проведение в Киеве первого всеукраинского съезда крымчан. По его словам, работа ведется не только с целью поддержать крымчан-переселенцев, но и для помощи крымчанам, которые на полуострове и хотят сотрудничать в проукраинском направлении. *«Мы планируем создать около пяти рабочих групп, создать несколько проектов, будет, естественно, резолюция съезда и план действий, который представим украинским органам власти, в частности депутатам Верховной Рады на утверждение. И так, чтобы это было не только на словах, а чтобы под это выделялось финансирование»*[24].

20 мая 2014 г. в Женеве УВКБ ООН обнародовало отчет о беженцах в Украине[25]. В нем в частности отмечается, что в Украине с начала агрессии Российской Федерации около 10 тыс. граждан были вынуждены покинуть свои дома и количество пострадавших продолжает расти. Треть переселенцев составляют дети.

Первые беженцы из Крыма появились еще до проведения там 16 марта 2014 г. так называемого референдума по присоединению к России, после чего Российская Федерация вопреки нормам международного права аннексировала полуостров. Количество уехавших с тех пор стабильно растет. Статистика перемещенных лиц формируется на основании данных, полученных Агентством от органов местной власти. Как отмечается, среди пострадавшего населения есть люди, которые были перемещены дважды: сначала из Крыма, а затем - с востока Украины. Большинство перемещенных лиц составляют прежде всего крымские татары. Однако, следуя из отчета, в последнее время с полуострова приходят сообщения об увеличении количества беженцев среди этнических украинцев, русских и смешанных семей[26].

Большинство семей переезжают в центральную (45%) и западную Украину (26%), хотя часть людей также были размещены на юге и востоке страны. Количество искателей убежища из Украины в других странах остается низкой.

Среди причин вынужденного переселения, которые называют сами переселившиеся: прямые личные угрозы, боязнь преследований, общая опасная ситуация. Некоторые сообщают об угрозах, которые получают по телефону или через социальные сети, в виде сообщений, которые находят возле своих жилищ. Люди говорят о страхе преследования через этническое происхождение или религиозные убеждения. Журналисты, правозащитники, представители интеллигенции среди причин преследования указывают свою профессиональную деятельность. Иные говорят о невозможности занятия бизнесом.

Ключевые проблемы, которые возникают перед внутренне перемещенными лицами в Украине, – это доступ к социальным услугам, наличие постоянного жилища и оформление регистрации по новому месту жительства. Последнее

необходимо для реализации экономических и социальных прав. Помощь этим людям, в первую очередь, организуется через областные администрации, общественные организации и добровольные пожертвования частных лиц. Внутренне перемещенные лица, как указывается в отчете, временно размещаются в частных санаториях и гостиницах, на квартирах у местного населения, от которого они также получают помощь и материальную поддержку. К сожалению, возможности местных громад в сложных экономических условиях быстро исчерпываются.

«*Агентство ООН по делам беженцев провело оценку потребностей этой категории населения и тесно сотрудничает с местными властями, другими агентствами ООН и неправительственными организациями с целью поддержки наиболее пострадавших. Такая помощь предусматривает предоставление правовых консультаций, интеграционных грантов для 150 семей, пособия для 2000 человек, а также улучшение жилищных условий для 50 семей*»[27]. Об этом сообщил журналистам в Женеве пресс-секретарь УВКБ ООН Адриан Эдвардс. Кроме того, он рассказал, что Агентство приветствует недавно принятый Закон о правах переселенцев из Крыма. Закон включает меры, касающиеся свободы передвижения украинских граждан между Крымом и материковой частью Украины. Дальнейшая работа будет необходима для того, чтобы перемещенные лица пользовались равными правами и свободами в соответствии с международным правом и национальным законодательством других граждан Украины[28].

Итак, УВКБ ООН выделило главные проблемы – необходимость обеспечения постоянным жильем, расширение возможности трудоустройства, а также поддержка общественных и местных организаций в разработке долгосрочных решений для людей, ставших внутренне перемещенными лицами[29].

Для организации негосударственной помощи Региональное Представительство Управления верховного комиссара ООН по делам беженцев в Беларуси, Молдове и Украине уже объявило конкурс проектных заявок «*Правовая и социальная поддержка внутренне перемещенных лиц в Украине*». Он направлен на поиск негосударственных организаций, которые заинтересованы стать исполнительными партнерами УВКБ ООН в Украине в решении проблемы внутренне перемещенных лиц. Заявки будут приниматься до 26 мая, а результаты конкурса огласят 4 июня 2014 г.[30].

В апреле-мае 2014 г. провозглашение псевдонародных республик в Донецкой и Луганской областях, проникновение на территорию диверсионных групп и чеченских боевиков привели к развертыванию со стороны украинской власти антитеррористической операции. В этой ситуации боевики «*целенаправленно убивают, истязают и запугивают мирное население*», о чем говорится в докладе ООН[31]. Помощник Генерального секретаря ООН по правам человека Иван Шимонович после своего визита в Донецк предостерегает от потока беженцев с востока Украины. Это связано не только с нынешней ситуацией безопасности,

но и с социальными и экономическими перспективами для населения. Об этом он заявил информационному агентству Reuters. По его словам, в городе царит страх, который «*…очень распространен*». Возникновение страха, по словам вице-генсека ООН связано, в частности, с криминогенной ситуацией. «*Господствует настроение беззакония, ощущение отсутствия защиты*». К тому же И. Шимонович отметил, что многие в Донецке размышляют о том, чтобы покинуть регион. «*Это может вылиться в большой поток переселенцев, что составит чрезвычайный вызов*», - подытожил, выступая перед журналистам, вице-генсек ООН[32].

Новые беженцы стараются выбраться из эпицентров пребывания боевиков и ведения антитеррористической операции, но сделать это очень не просто. Луганск, Донецк, Славянск, Краматорск – стали опасны для жизни и ведения бизнеса. Люди подвергаются смертельной опасности со стороны боевиков. Вот только один пример. Журналист Валентин Торба пишет: «*Через какой-то месяц Луганск превратился в эпицентр бандитизма, анархии, безвластия, грабежей и убийств. С ужасного события начался этот праздничный день (9 Мая – День Победы) в Луганске. Семья бизнесмена из Антрацита, решив продать свой бизнес и оставить городок, ночью вывозила два собственных джипа. 38-летний мужчина, 42-летняя женщина и их десятилетняя дочь ночью направлялись к границе с Россией. Позади остался родной город, который в последнее время поглотил рэкет и бандитизм. Не доехав с десяток километров до пограничного поста Должанский, возле очередного бандитского блокпоста так называемой "Донецкой Народной Республики" в поселке Новоборовицы, два авто были расстреляны. Террористам поступила по рации информация о передвижении на джипах представителей Правого сектора. Джипы буквально были начинены пулями от автоматов. Убийцы скрылись, а с разбитого стекла слышался плач и стон девочки. Ранена, но жива, она стала свидетелем расстрела своих родителей*»[33].

* * *

Таким образом, проблема внутренне перемещенных лиц в Украине – новая и достаточно сложная проблема, возникшая в результате агрессии со стороны Российской Федерации в марте–апреле 2014 г. Еще несколько месяцев назад Украина никак не могла помочь нескольким тысяч беженцев, для которых стала транзитным пунктом в их движении на Запад, пребывала в статусе потенциально опасной для беженцев страны, где ни законодательство, ни соответствующие органы особо не стремились улучшить имидж страны в этом вопросе.

В нынешней непростой внутриполитической ситуации к ее решению проблемы украинских беженцев приобщились государственные и общественные структуры, неравнодушные граждане, Региональное Управление верховного

комиссара ООН по делам беженцев. Насколько удастся решить проблемы внутренне переселенных лиц – покажет время, а пока же они смогли выбрать своего президента на выборах. И это первая удача – реализовать свое конституционное право на временном, как они все надеются, месте проживания.

Литература

20 июня 2012 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/sg/messages/2012/refugeeday.shtml.

A Global Humanitarian Organization of Humble Origins [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.unhcr.org/pages/49c3646cbc.html.

Dasko, H. Remarque, kronikarz uchodźców [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://serwisy.gazeta.pl/wyborcza/1,34474,3090444.html.

Piskorski, J.M. Wygnańcy. Przesiedlenia i uchodźcy w dwudziestowiecznej Europie. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 2010. S. 25.

UNHCR 2012 refugee statistics: full data [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.unhcr.org.uk/news-and-views/news-list/news-detail/article/new-unhcr-report-says-global-forced-displacement-at-18-year-high.html.

UNHCR says internal displacement affects some 10,000 people in Ukraine [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.unhcr.org/537b24536.html.

Богачевская, И. Европейский выбор Украины: геополитическая цена вопроса // Перекрестки: Журнал исследований Восточно-европейского Пограничья. 2013. № 3–4. С. 17.

В ООН обеспокоены соблюдением прав татар и украинцев в Крыму [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://news.liga.net/news/politics/1760079.

Вербер, К. Керовані вороги // Український тиждень. 2011. № 21(186). 27 травня – 2 червня. С. 40–41.

Глава УВКБ ООН в Украине: «В Украине беженец не избавляется от своих проблем, а, наоборот, получает новые» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.unian.net/politics/827730-glava-uvkb-oon-v-ukraine-v-ukraine-bejenets-ne-izbavlyaetsya-ot-svoih-problem-a-naoborot-poluchaet-novyie.html.

Для біженців із Криму на материковій Україні все організовано [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravda.com.ua/news/2014/03/25/7020220/?attempt=1.

Конвенция о статусе беженцев [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml.

Конкурс проектов [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://unhcr.org.ua/uk/.

Короткі відомості про країну – Україна [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://unhcr.org.ua/attachments/article/244/Ukraine%20Country%20profile_UKR_2013.pdf.

Крымским беженцам шлют сообщения с угрозами – УВКБ ООН [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravda.com.ua/rus/news/2014/03/25/7020308/.

ООН застерігає від потоку біженців зі сходу України [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dw.de.

ООН: в Україні вже 10 тисяч внутрішніх преселенців. Третина з них – діти [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://life.pravda.com.ua/society/2014/05/20/169003/.

ООН: від початку кризи близько 10 тисяч українських громадян стали біженцями [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dw.de.
Павлова, Л. Внеуставная деятельность УВКБ ООН: содействие защите перемещенных лиц // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2000. № 5 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=399&Itemid=51.
Послання Генерального Секретаря ООН з нагоди Всесвітнього дня біженців 20 червня 2011 року [Электронний ресурс]. Режим доступа: http://www.unhcr.org.ua/ index.php? option=com_content&view=article&id=112:vsesvitnij-den-bizhenciv&catid=14:novostiuk&Itemid =167&lang=uk.
Представник Верховного комісара ООН у справах біженців відвідав Львів [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://gazeta.lviv.ua/news/2014/03/17/25609.
Путін веде в Україні гібридну війну – генерал Каппен [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.radiosvoboda.org/content/article/25363591.html.
Також цього тижня у Львів приїде близько сотні кримських татар, інформує Радіо Свобода з посиланням на львівський Майдан [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.unian.ua/politics/892377-lviv-priymae-bijentsiv-iz-krimu.html.
Тема Дня 2013 года: «Уделите минуту, чтобы прокормить семью вынужденных беженцев» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/events/refugeeday/.
Торба, В. Розстріляне свято [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.day.kiev.ua/uk/blog/suspilstvo/rozstrilyane-svyato.
Через анексію Криму з півострова виїхало до 18 тис. людей [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dev.tyzhden.ua/News/109967.

Примечания

1 UNHCR 2012 refugee statistics: full data [Электронный ресурс].
2 20 июня 2012 года [Электронный ресурс].
3 Dasko, H. Remarque, kronikarz uchodźców [Электронный ресурс].
4 Послання Генерального Секретаря ООН з нагоди Всесвітнього дня біженців 20 червня 2011 року [Электронний ресурс]. Режим доступа: http://www.unhcr.org.ua/ index.php?option=com_content&view=article&id=112:vsesvitnij-den-bizhenciv&catid=14:novostiuk&Itemid =167&lang=uk.
5 Тема Дня 2013 года: «Уделите минуту, чтобы прокормить семью вынужденных беженцев» [Электронный ресурс].
6 Piskorski, J.M. Wygnańcy. Przesiedlenia i uchodźcy w dwudziestowiecznej Europie. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 2010. S. 25.
7 Вербер, К. Керовані вороги // Український тиждень. 2011. № 21(186). 27 травня – 2 червня. С. 40–41.
8 Богачевская, И. Европейский выбор Украины: геополитическая цена вопроса // Перекрестки: Журнал исследований Восточно-европейского Пограничья. 2013. № 3–4. С. 17.
9 «Путин ведет в Украине гибридную войну», утверждает в своем интервью Радио Свобода генерал-майор в отставке Франк ван Каппена, член Верхней палаты парламента Нидерландов. В прошлом генерал ван Каппена также работал советником по безопасности при ООН и НАТО // Путін веде в Україні гібридну війну – генерал Каппен [Электронный ресурс].

10 Конвенция о статусе беженцев [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml.
11 A Global Humanitarian Organization of Humble Origins [Электронный ресурс].
12 Конвенция о статусе беженцев [Электронный ресурс].
13 ЭКОСОС – один из главных органов Организации Объединенных Наций, который координирует сотрудничество в экономической, социальной областях ООН и ее специализированных учреждений.
14 Павлова, Л. Внеуставная деятельность УВКБ ООН: содействие защите перемещенных лиц // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2000. № 5 [Электронный ресурс].
15 Короткі відомості про країну – Україна [Электронный ресурс].
16 Каритас (лат. *caritas* – милосердие, жертвенная любовь) – название 154 национальных католических благотворительных организаций, действующих в 198 странах и регионах мира и объединенных в международную конфедерацию «Caritas Internationalis». Цель организации «Каритас» – практическая реализация христианами-католиками социального служения, гуманитарной помощи и человеческого развития.
17 Седеркопингский процесс начался в 2001 г. с целью оказания содействия приграничному сотрудничеству между странами, которые присоединяются к ЕС, странами-кандидатами в вопросах управления убежищем, миграцией и границами. В настоящее время процесс охватывает десять стран, расположенных вдоль границы расширенного ЕС: Беларусь, Эстонию, Латвию, Литву, Молдову, Польшу, Румынию, Словакию, Венгрию и Украину. ЕК, МОМ, УВКБ ООН и БМЗ придают процессу поддержку.
18 Короткі відомості про країну – Україна [Электронный ресурс].
19 Глава УВКБ ООН в Украине: «В Украине беженец не избавляется от своих проблем, а, наоборот, получает новые» [Электронный ресурс].
20 Також цього тижня у Львів приїде близько сотні кримських татар, інформує Радіо Свобода з посиланням на львівський Майдан [Электронный ресурс].
21 Представник Верховного комісара ООН у справах біженців відвідав Львів [Электронный ресурс].
22 Для біженців із Криму на материковій Україні все організовано [Электронный ресурс].
23 Крымским беженцам шлют сообщения с угрозами – УВКБ ООН [Электронный ресурс].
24 Через анексію Криму з півострова виїхало до 18 тис людей [Электронный ресурс].
25 UNHCR says internal displacement affects some 10,000 people in Ukraine [Электронный ресурс].
26 ООН: від початку кризи близько 10 тисяч українських громадян стали біженцями [Электронный ресурс].
27 UNHCR says internal displacement affects some 10,000 people in Ukraine [Электронный ресурс].
28 UNHCR says internal displacement affects some 10,000 people in Ukraine [Электронный ресурс].
29 ООН: в Україні вже 10 тисяч внутрішніх преселенців. Третина з них – діти [Электронный ресурс].
30 Конкурс проектов [Электронный ресурс].
31 В ООН обеспокоены соблюдением прав татар и украинцев в Крыму [Электронный ресурс].
32 ООН застерігає від потоку біженців зі сходу України [Электронный ресурс].
33 Торба, В. Розстріляне свято [Электронный ресурс].

Украина:
в социальных сетях

Александр Хижняк

ЭКСПАНСИЯ СЕТЕВЫХ КОММУНИКАЦИЙ И МАССОВАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ В ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ: ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ

Abstract

The paper tries to find an answer to the question of how the transition from network communications to the online community and new ways of mass mobilization through collective action takes place. It is shown that the new format of mass mobilization during the modernization of society is defined by collective actions (movements) initiated by the network communications in the virtual space.

Network communication expansion has led to the emergence of online communities whose role in the mass social mobilization is increasing. Network communications constitute social mobilization for collective action to solve social problems. Livelihood in network communities presupposes that network individuals (members, agents) have communicative competences that can integrate them into a social network and mobilize to certain collective social actions. Therefore, the network communication expansion in the Eastern European borderland requires institutional support.

Not very high level of trust in the information contained in social networks is observed in the Eastern European borderland, and this can affect the efficiency of mass mobilization through social networks. In an industrial society large-scale involvement used to act as a standard, and in a post-industrial one an individual is involved in massive mobilization, gets involved in a collective action not so much under external influence, as consciously. Under the conditions of transition from informatization to virtualization an individual's freedom of choosing the forms, types, and mechanisms of getting involved in collective social action becomes the norm.

Keywords: mass mobilization, network communications, collective action, Eastern European borderland.

Введение

Модернизация стран Восточно-европейского Пограничья требует научного сопровождения с целью минимизации негативных последствий связанных с ней рисков. Модернизация трудно прогнозируема, ведь она происходит в условиях нестабильной агрессивной среды и массовой мобилизации, которая подвержена манипулированию с помощью различных коммуникативных технологий. В современном обществе массовая мобилизация все чаще выступает в виде социального проекта, нацеленного на использование новых коммуникативных ресурсов. Модернизацию Восточно-европейского Пограничья сдерживают коммуникативные барьеры, что влияет на ход демократических преобразований во всех сферах общественной жизни.

Массовая мобилизация часто становится протестным движением. Так, события последних лет в Украине показывают, что жители различных регионов, в т.ч. приграничных, мобилизуются, когда нарушаются их законные права, ухудшается качество жизни. Тогда при отсутствии диалога с местными властями возникает массовое протестное движение, часто неуправляемое (например, массовая мобилизация в ходе акций Евромайдана, начавшихся в ноябре 2013 г., всколыхнувшая коммуникативное пространство не только Украины и Восточно-европейского Пограничья, но и всего мира).

Исследование массовой мобилизации как ключевой категории теории общественных движений сегодня набирает обороты: Э. Хоффер – раскрыл природу массовых движений как результата мобилизации; А. Яницкий – предложил ключевые понятия теории мобилизации; И. Халий и А. Ротмистрова – обобщили классификацию массовых (общественных) движений; Джон Урри – мобилизацию социальной жизни проанализировал с точки зрения новой парадигмы мобильности.

Новый формат массовой мобилизации в ходе модернизации общества задают коллективные действия (движения) в виртуальном пространстве. В этом случае свои эвристические возможности демонстрирует сетевая теория. Ее преимущества обобщил К. Шпара, выделив три аспекта: во-первых, высокая разрешительная способность сетевой теории, которая может быть использована вместе с теориями власти, коммуникации, групп и организаций, а также выступает в качестве сцепления отдельных модулей в процессе создания общего теоретического конструкта в ходе изучения того или иного явления; во-вторых, сетевая теория мировоззренчески нейтральна, что позволяет обращаться к ней исследователям, независимо от их взглядов и позиций; в-третьих, сетевая теория предлагает для конкретных исследований абстрактные образцы, приобретая спецификацию лишь при анализе конкретных случаев в ходе обогащения другими теоретическими модулями (Шпара 2009). Принцип нормативно-ценностной обусловленности социального поведения (в т.ч. коллективного), при-

сущий системной теории, в сетевом подходе заменяется изучением процессов социальной коммуникации, в которых действуют индивидуально и в группе индивиды одновременно в нескольких реальностях через посредство новых информационно-коммуникативных технологий. Соответственно, процессы мобилизации также происходят в нескольких реальностях, включая виртуальную. Узлы, отношения, коммуникации, которыми оперирует сетевая теория, оказываются важным элементом описания экспансии сетевых коммуникаций в процессе массовой мобилизации в Восточно-европейском Пограничье.

В результате данного исследования мы предполагаем получить ответ на вопрос: как происходит переход *от сетевых коммуникаций к сетевым сообществам и новым способам массовой мобилизации через коллективные действия*.

Сетевые коммуникации и сетевые сообщества

Мобильные телефоны, интернет, факс, электронная почта – материальное воплощение новых средств коммуникаций, в т.ч. массовых. Учеными признается, что в постиндустриальном обществе они стали «средствами мобилизации, организации и реализации массовых протестных действий в процессе осуществления тех или иных конфликтов, включая широкомасштабные на макроуровне» (Иваненко 2012: 371). Один из классов сетевых коммуникаций – прагматические коммуникации, под которыми «*понимаются процессы направленной передачи информации, жестко ориентированные на получение адекватного эффекта*. То есть для коммуникатора <…> важно изменить сознание и поведение реципиента (получателя его сообщения) в нужном направлении» (Ситников, Гундарин 2003: 14).

Онлайновые социальные сети как один из видов сетевых ресурсов начинали развиваться с целью поддержки межличностной коммуникации, получения необходимой информации. Однако довольно быстро они стали инструментом информационного влияния и даже информационного противоборства, информационных войн, борьбой за возможность манипулирования отдельными личностями, группами и обществами. Поэтому дискуссионным остается вопрос о контролируемости социальной сети и коллективного действия, которое разворачивается с ее помощью. Особенно беспокойство ученых и практиков вызывает проблема обеспечения национальной безопасности в условиях экспансии глобальных социальных сетей. Так, обращается внимание на то, что Твиттер – это американская сеть, ЖЖ – это американская сеть, также и Фейсбук, а ВКонтакте – это российская сеть. Возникает вопрос: Как можно на этих платформах организовывать какие-то национальные проекты? Некоторые эксперты считают – никак. Захотят завтра в Америке этот сервер остановить – и остановят. Нельзя создавать национальное без национальной платформы (Соцсети: благо или вред…).

Экспансия социальных сетей – это общемировая тенденция. Так, по данным одной американской исследовательской компании, 20% американцев в возрасте от 18 до 34 лет продолжают пользоваться своими мобильными устройствами даже во время секса, а 12% пользователей принимают со своими смартфонами душ, 19% проверяют свою почту и заходят в соцсети во время религиозных служб, 33% не могут оторваться от своих смартфонов во время романтических ужинов. У белорусских пользователей соцсетей все чаще можно наблюдать схожую модель поведения (Соцсети: благо или вред…).

Страны Восточно-европейского Пограничья демонстрируют схожую тенденцию: расширение аудитории сетевых коммуникаций. Это характерно как для Украины[1], так для Беларуси[2]. В этой стране интернет – важный источник информации[3], прежде всего для молодежи[4], хотя спектр мотивационных ожиданий достаточно велик[5]. Однако речь может идти лишь о тенденции при сохранении значительного отставания в этом вопросе стран Восточно-европейского Пограничья от государств Евросоюза. В качестве обоснования этого вывода обратимся к исследованиям. Так, Н. Костенко, проведя сравнительный анализ медиапотребления в Украине и европейских странах, пришла к выводу о том, что в Украине наблюдается «наверстывающее включение в электронную коммуникацию, интернет и неспешное соблюдение привычных порядков приобщения к традиционным СМИ» (Костенко 2012: 394). В Молдове доминирующим источником информации остается телевидение[6].

Еще один тренд – недостаточно высокий уровень доверия к информации, содержащейся в социальных сетях, что может отразиться на оперативности массовой мобилизации через социальные сети. Социологи фиксируют: доверие к информации из интернета у пользователей ниже, чем к той, что размещают традиционные СМИ. Так, в Беларуси среди минских студентов только чуть больше половины опрошенных считают, что распространенная в интернете информация обладает точностью и достоверностью. Остальные либо затруднились с ответом, либо ответили «Скорее нет». Можно сказать, что общество уходит от эйфории по поводу размещенной в сети информации. Если когда-то она рассматривалась как равно достоверная традиционным СМИ, а то и более достоверная, то сейчас даже активные пользователи понимают, что далеко не всему в интернете можно верить (Соцсети: благо или вред…).

В Беларуси первое место занимают электронные средства массовой информации. В частности, 89% жителей страны прежде всего получают информацию благодаря телевидению. Интернет выходит на второе место – треть жителей (36%) получают информацию из этого источника. Далее идет радио, затем – родственники, друзья и т.д. К сожалению, за последнее время периодические печатные издания опустились в конец рейтинга этой турнирной таблицы. Однако рейтинг доверия интернету самый низкий – только 14% жителей Беларуси доверяют ему.

За последние годы в Беларуси структура источников информации существенно изменилась, удельный вес интернета в ней значительно вырос. Сегодня практически каждый день пользуется интернетом четверть населения, не реже 1–2 дней в неделю – 12%, не реже 1–2 раз в месяц – 7,5%, реже 1 раза в месяц – 10%. Однако степень доверия среди пользователей интернета самая низкая по разным причинам. Зачастую интернет люди используют, чтобы решать собственные, амбициозные проблемы, политические или личностные. Подавляющее большинство, прежде всего молодежи, используют интернет в развлекательных целях. Поэтому значительная часть населения на редкость критично относится к интернет-информации. Электронным и печатным СМИ доверяют значительно больше (Что думают белорусы о жизни и о стране?..).

Среди типологий пользователей социальных сетей наиболее адекватна и пригодна для применения в ходе эмпирического исследования массовой мобилизации через социальные сети, на наш взгляд, типология, предложенная Г. Ушкиным: 1) скрытый тип личности, который невозможно идентифицировать. Для такого типа характерно использование изображений-масок, частичное или полное отсутствие информации в профиле, небольшое количество социальных связей (как правило, от 0 до 10), отсутствие в профиле фотоальбомов, аудио- и видеозаписей, сообщений на стене; 2) социально-дезориентированный тип, который для верификации своей идентичности использует собственное фотографическое изображение. Для такого типа личности характерно использование средней дистанции от собеседника (социальная или публичная зоны), что подразумевает наличие поверхностных отношений, так как такая дистанция устанавливается для малознакомых людей, коллег и т.д.; 3) социально-ориентированный тип, который активно использует для верификации своей личности фотографическое изображение и данные профиля. Помимо этого, он часто прибегает к публичным каналам передачи сообщений, использует профиль для публикации фотографий в фотоальбомах, прослушивания аудиозаписей, проигрывания видео и т.д. Характерно стремление максимально приблизиться к зрителю посредством использования в конструировании визуального образа интимных и личных пространственных зон, присущих близким связям (Ушкин 2012: 167).

Поведение участников социальной сети (часто их называют агентами) зависит от нескольких групп факторов: *индивидуального* – внутренней установки агента выбрать то или иное действие, обычно без учета внешнего влияния; *социального* – зависящего от характеристик взаимодействия и взаимовлияния с другими агентами сети; *административного* – возникающего вследствие воздействия на агента сети, которое осуществляет управляющий орган (Губанов, Новиков, Чхартишвили 2010: 15). Думается, наличие такого управляющего органа, центра – объективное основание для того, чтобы говорить о контролируемости как индивидуального, так и коллективного действия в социальной сети.

Контролируемыми в этой связи могут быть и сами сетевые сообщества, и их коллективное поведение, инициируемое коммуникациями в социальной сети.

Представление о социальных статусах участников сетевых сообществ дает разделение их на страты: 1) хостинг-провайдер – компания, предоставляющая место на сервере для размещения ресурсов, от ее имени действуют системные аминистраторы, занимающие высшую ступень в иерархии и наделенные правом даже ликвидировать форум, если его создатели не соблюдают оговоренные в договоре правила; 2) администраторы сайта самостоятельно принимают решения о размещении форума, его тематической направленности, правах доступа; 3) модераторы форума – активные пользователи форума, заслужившие определенный рейтинг доверия со стороны администратора сайта и получившие право на контроль над пользователями на форуме; 4) модераторы тем – полноправные хозяева только в рамках определенных тем форума; 5) пользователи (Коноплицкий 2004: 175). Можно предположить, что чем выше структурированность сетевых сообществ и устойчивость статусных позиций их участников (агентов), тем более прогнозируемой является массовая мобилизация, происходящая через социальную сеть. Не случайно исследователи пришли к выводу (Губанов, Новиков, Чхартишвили 2010: 65): «…Структура социальной сети оказывает сильное воздействие на решение агентов о принятии участия в коллективном действии».

Переход от сетевых коммуникаций к сетевым сообществам во многом поддерживается механизмами самоорганизации. Не случайно исследователи отмечают, что «одним из основополагающих механизмов функционирования сетевых сообществ является самоорганизация. При этом возникает социальная стратификация по поводу доступа к информационным ресурсам и, соответственно, властных полномочий. В отличие от традиционного права здесь может отсутствовать специальная группа людей, осуществляющих принуждение. Вместе с тем технически не исключена возможность обеспечения в обозримом будущем контроля государства за поведением членов сетевых сообществ. Возможно, что тогда наступит конец эры интернета как квинтэссенции свободного пространства» (Коноплицкий 2004: 177).

Впрочем, к сетевым сообществам в научной среде отношение неоднозначное: от признания их ведущей роли в процессе мобилизации и установления социального порядка в современном мире до представления о них как о слабо структурированном сообществе с несерьезными целями и функциями. Наибольшим нападкам подвергаются флешмобы. Так, Е. Головаха в «Альтернативном социологическом словаре» дает такое определение флешмоба: «Флешмоб – группа людей, которые договорились по интернету собраться в публичном месте и осуществить бессмысленную акцию – последнее свидетельство торжества коллективной глупости над индивидуальным разумом» (Головаха 2005). Принципы формирования флешмоба сетевые, основанные преимущественно на горизонтальных, а не вертикальных связях. Флешмобы в социальной сфере манифестируют суть глобальных

социальных проблем, они получили название «соушлмоб» – социальная толпа. Флешмоб как коллективное социальное действие мы рассмотрим дальше, после выяснения роли и особенностей институциональной поддержки сетевых коммуникаций в Восточно-европейском Пограничье.

Институциональное поощрение экспансии сетевых коммуникаций

Прагматизм сетевых коммуникаций приводит к тому, что в их развитии начинают быть заинтересованы многие, т.е. потребность в них становится массовой и это неизбежно вызывает их институциональную поддержку. В первую очередь речь идет об институте образования как таком, что ставит приобретение коммуникативной сетевой компетентности на устойчивую основу благодаря методическому и теоретико-методологическому сопровождению процесса обучения базовым (и профессиональным) навыкам работы в социальных сетях.

Украинские социологии выявили закономерность: наиболее активно осваивает интернет-технологии молодежь в возрасте до 25 лет, однако во всех возрастных группах, кроме группы в возрасте свыше 55 лет, значительно сокращается число тех респондентов, которые отмечают в ходе опроса, что они «не имеют потребности и никогда не пользуются интернетом», а также тех, кто указывает – «имею потребность, но не имею возможностей пользоваться интернетом» (Бойко 2010: 357–358).

Одна из технологий поощрения сетевых коммуникаций разработана и реализуется в Республике Беларусь в виде социально-просветительского проекта «Сети все возрасты покорны»[7]. Этот проект – пример социального партнерства бизнеса и общественной организации, его осуществляют компания МТС и ЮНФПА при поддержке ОО «Белорусская ассоциация социальных работников» с целью обучения пожилых людей пользованию компьютером и интернетом.

Кроме института образования, к развитию сетевых коммуникаций проявляют заинтересованность институты государства, особенно в условиях перехода на систему «электронного правительства» и развития электронной демократии. Информационная демократия с развитием сетевой публичной сферы из идеи превращается в механизм функционирования современного гражданского общества. Интернет как сетевая публичная сфера приобретает такие черты:

- «Формирование новой публичной сферы в рамках интернет-дискурса происходит благодаря таким свойствам сети интернет: децентрализация, сетевая структура, неподконтрольность государству, а также беспрецедентная легкость в становлении активным актором Сети;
- интернет-коммуникации становятся фактором, разрушающим монологическую форму отношений власти с обществом и способствуют построению диалогической формы общения;

• интернет становится инструментом и пространством для демократического участия на всех уровнях, а публичная сфера в рамках сети интернет меняет аудиторный вектор с элитарности на массовость, таким образом, не выключая из участия в обсуждении никого из граждан;

• в рамках интернета идет образование сетевой публичной сферы на глобальном, транснациональном уровне» (Казаков, Кутырев 2013).

Сейчас в регионах Украины существует запрос на информационную открытость власти. Ведь реальный контроль регионального сообщества над социальной и политической сферами, органами власти и управления может обеспечить только беспрепятственный доступ к информации, которой владеет государство и местные власти. Рассмотрим состояние информационной демократии и возможности массовой мобилизации в Западном Приграничье Украины.

Проведенное в 2012 г. с участием автора исследование позволяет сделать некоторые выводы относительно места и роли интернет-ресурса в медиапространстве одного из регионов Западной Украины – Львовщины. Новые информационные технологии (в частности, сайты местной власти) все еще не получили значительного влияния на территориальные общины, что сдерживает массовую мобилизацию.

Во-первых, следует указать на сохранение в регионах Украины информационного неравенства, которое проявляется и внутри региона. Так, на Львовщине 47% населения не пользуется интернетом (табл. 1–3). Наименее популярен этот канал коммуникации на юге Львовской области (пользуется 47% опрошенных), а наиболее популярен – во Львове (пользуется 63%). Чаще всего респонденты ищут информацию, связанную с работой или учебой (60%), а также общаются в социальных сетях, таких почти половина – 46%.

Во-вторых, местные информационные ресурсы не пользуются популярностью: 68% пользователей интернета не обращают внимания на местные сайты. Поэтому при массовой мобилизации актуальным становится обращение к социальным сетям и всеукраинским интернет-ресурсам.

Трудно не согласиться с Р. Бараш (2012), который отмечает всеохватность и доступность интернета различным аудиториям и считает, что на сегодняшний день интернет-сообщества являются, пожалуй, единственным действенным механизмом горизонтальной самоорганизации. Наличие в Восточно-европейском Пограничье пространств с ограниченным доступом населения к социальным сетям (что было нами показано на примере Львовского региона Украины) не позволяет в ходе выборных кампаний опираться на современные технологи массовой мобилизации. В этих условиях институциональная поддержка сетевых коммуникаций все еще актуальна.

Таблица 1. **Ответы респондентов на вопрос: «*Пользуетесь ли вы интернетом?*», % (Украина, Львовский регион, апрель–май 2012 г., n = 1821)**

Пользование интернетом	**По массиву**	**Территориально-географическое расположение**			**По типу поселения**		**По возрастному составу**		
		Северная часть региона	Южная часть региона	г. Львов	Городское население	Сельское население	Молодежь	Лица среднего возраста	Пожилые
Да	**53**	**48**	**47**	**63**	**58**	**37**	**85**	**56**	**14**
Нет	**47**	**52**	**53**	**37**	**42**	**63**	**15**	**44**	**86**

Таблица 2. **Ответы респондентов на вопрос: «*Для чего, как правило, вы используете интернет?*», % (Украина, Львовский регион, апрель–май 2012 г., n = 1821)**

Вид деяльности в интернете	**По массиву**	**Территориально-географическое расположение**			**По типу поселения**		**По возрастному составу**		
		Северная часть региона	Южная часть региона	г. Львов	Городское население	Сельское население	Молодежь	Лица среднего возраста	Пожилые
Поиск информации, связанной с работой/учебой	**60**	**54**	**63**	**61**	**59**	**66**	**67**	**57**	**37**
Поиск информации на экономическую и социальную тематику	**11**	**12**	**11**	**11**	**11**	**14**	**9**	**15**	**10**
Общение электронной почтой, ICQ, чаты, форумы	**21**	**31**	**23**	**14**	**22**	**18**	**27**	**17**	**13**
Интернет как энциклопедия	**19**	**22**	**21**	**14**	**18**	**20**	**18**	**19**	**17**
Поиск информации на политические темы	**7**	**8**	**6**	**6**	**7**	**5**	**5**	**7**	**15**

Ведение блога	**1**	**3**	**1**	**1**	**2**	**1**	**2**	**1**	**<1**
Общение в социальных сетях Одноклассники, ВКонтакте	**46**	**51**	**56**	**36**	**45**	**51**	**65**	**31**	**14**
Просмотр новостей	**32**	**34**	**33**	**29**	**32**	**29**	**28**	**35**	**42**
Осуществление покупок через интернет	**7**	**9**	**8**	**6**	**8**	**6**	**11**	**4**	**<1**
Развлечения, отдых	**30**	**27**	**24**	**36**	**30**	**30**	**36**	**25**	**13**
Поиск аудио-, видеофайлов	**24**	**41**	**25**	**14**	**23**	**31**	**34**	**18**	**6**
Поиск литературы для чтения	**9**	**12**	**12**	**5**	**10**	**5**	**11**	**8**	**6**
Участие в форумах своего города, села, области	**1**	**1**	**1**	**1**	**1**	**1**	**1**	**1**	**<1**
Другое	**1**	**2**	**1**	**1**	**1**	**2**	**1**	**1**	**6**
Трудно сказать	**1**	**3**	**1**	**1**	**1**	**1**	**1**	**1**	**4**

Таблица 3. **Ответы респондентов на вопрос: «*Какие местные сайты вы посещаете?*», % (Украина, Львовский регион, апрель–май 2012 г., n = 1821)**

Название сайтов	**По массиву**	**По территориально-географическому расположению**			**По типу поселения**		**По возрастному составу**		
		Северная часть региона	Южная часть региона	г. Львов	Городское население	Сельское население	Молодежь	Лица среднего возраста	Пожилые
Zaxid.net	**6**	**6**	**2**	**10**	**6**	**6**	**8**	**5**	**3**
ZIK.ua	**15**	**10**	**12**	**22**	**16**	**12**	**17**	**14**	**13**
Сайт местной администрации и местного совета	**5**	**3**	**5**	**6**	**5**	**4**	**5**	**5**	**6**
Сайт областной администрации и областного совета	**2**	**2**	**3**	**2**	**2**	**4**	**2**	**3**	**1**

Другое	**4**	**7**	**6**	**2**	**4**	**6**	**5**	**4**	**3**
Местными сайтами не пользуюсь	**68**	**71**	**69**	**64**	**67**	**70**	**65**	**71**	**68**
Трудно сказать	**6**	**9**	**5**	**4**	**5**	**7**	**7**	**4**	**11**

Коллективные действия как сетевой феномен: основные тренды

Прежде чем рассматривать коллективные действия как сетевой феномен, обратимся к характеристикам социальных сетей с точки зрения их свойств, которые важны при моделировании влияния в социальных сетях и развертывании массовой мобилизации. Исследователи отмечают, что модели социальных сетей адекватно отражают многие свойства и эффекты, имеющие место в реальних социальных сетях. При этом доказано, что ключевое значение здесь имеют социальные связи. Их роль проявляется в таких контекстах. Во-первых, «социальные связи могут обеспечить эффективный локальный социальный контроль для стимулирования участия в коллективном действии (в силу давления со стороны своих соседей, доверия к ним, социального одобрения, необходимости сохранения положительных отношений и соответствия ожиданиям, эмоциональной привязанности, сохранения своей репутации». Во-вторых, для находящихся в социальных сетях агентов открываются новые возможности, а именно: во-первых, «социальные связи обеспечивают агента информацией о намерениях и действиях других агентов в сети и формируют его представления, на основе которых агент принимает свои решения», во-вторых, «в пределах социальных связей агенты могут прикладывать совместные усилия по созданию локального общественного блага и совместно пользоваться им» (Губанов, Новиков, Чхартишвили 2010: 65, 76).

На основе эмпирических исследований доказано, что интегративная сила социальных сетей зависит от двух основных факторов: от формы социальных сетей в демократическом обществе и от содержания сетевых связей (Baldassari, Diani 2007). То есть ландшафт коллективного действия определяют форма социальных сетей и содержание социальных связей. Можно предположить, что репертуар коллективных действий также обусловлен именно этими факторами.

Различные модели социальных сетей обладают разным набором свойств, которые нельзя не учитывать в ходе массовой мобилизации через социальные сети. Так, «оптимизационные» и «имитационные» модели социальных сетей характеризуются такими свойствами: наличие собственных мнений участников (агентов); подверженность мнений членов сети влиянию со стороны других участников социальной сети; различная значимость мнений, влиятельности,

доверия одних членов сети для других; различная степень подверженности агентов влиянию; существование косвенного влияния и «лидеров мнений»; наличие порога чувствительности к изменению мнения окружающих; локализация групп участников социальной сети; наличие специфических социальных норм; учет факторов «социальной корреляции»; наличие внешних факторов влияния и стадий; лавинообразные эффекты; влияние структурных свойств социальных сетей на динамику мнений; активность агентов; возможность образования группировок, коалиций; асимметричная информированность участников социальной сети; взаимная информированность (рефлексия) агентов; игровое взаимодействие агентов; оптимизация информационных воздействий и информационное управление в социальных сетях (Губанов, Новиков, Чхартишвили 2010: 77–78).

Считается, что в коллективном действии важны такие факторы, как информированность, коммуникация и координация (Губанов, Новиков, Чхартишвили 2010: 63). Признавая значимость отмеченных факторов, добавим, что коллективное действие имеет и другие характеристики, которые подвергаются трансформации в условиях экспансии сетевых коммуникаций. Речь идет прежде всего о таких выделенных нами чертах коллективного действия:

1) Коллективное действие как разновидность социального действия имеет определенную цель (систему целей). Речь идет прежде всего об институционализированном коллективном действии, которое оформлено и поддерживается иерархической структурой, системой вертикальных коммуникаций, цепью команд, нормами и т.д., но и о социальных движениях, коллективных акциях и т.д.

2) Коллективное действие регулируется с помощью норм, правил, процедур (как формальных, так и неформальных).

3) Коллективное действие поддерживает определенная лидерская структура (формальная и неформальная).

4) Коллективное действие поддается технологизации, его параметры могут быть скорректированы, изменены. Речь может идти как об отдельных его элементах, так и о процессе его реализации в целом.

5) Эффективность коллективного действия зависит от того, насколько интегрированы индивидуальные действия в коллективное и как эта интеграция поддерживается (через принуждение, свободный выбор и т.д.).

6) Коллективное действие является сознательным, что делает возможным как применение к его агентам манипулятивных технологий, направленных на изменение сознания (мнений, оценок, убеждений, мотивов и т.д.), так и обеспечение защиты от их влияния. Долгое время в качестве агентов, участников коллективного действия рассматривались не индивиды, а организации, социальные движения. Постепенное освобождение социальной теории от диктата рациональности в объяснении социального действия привело к тому, что в коллек-

тивном действии, особенно инициированном через социальные сети, роль свободы выбора индивида стала признаваться и обеспечиваться набором средств (технических, технологических, правовых и т.д.) (Bimber, Andrew J. Flanagin, Cintia Stohl 2005). На сайтах социальных сетей люди сообщают различную информацию о себе (дату рождения, школу, вуз, интересы и т.д.), по которой другие пользователи могут обнаружить данную учетную запись и идентифицировать ее владельца. В социальных сетях введена система «друзей» и «групп» – любой пользователь может добавить к себе на страницу другого пользователя или быть членом ряда интересующих его групп (Ушкин 2012).

Выделенные черты коллективного действия проявляются и в его реализации через сетевые коммуникации, ориентированные на мобилизующий эффект. Примером может служить интернет-мобилизация в ходе проведения флешмобов. То, что интернет стал носителем альтернативных дискурсивных практик и новых форм коллективных действий, показывает развитие такой формы коллективных действий, как разнообразные флешмобы. Принципы формирования флешмоба сетевые, основанные преимущественно на горизонтальных, а не вертикальных связях. Флешмоб – коллективное социальное действие, которое явилось результатом развития новых информационно-коммуникативных технологий и массовой компьютеризации современного общества. Это массовые акции, организованные посредством использования таких современных средств коммуникации, как интернет и мобильная связь. Из развлечения ради получения удовлетворения флешмоб как коллективное действие часто превращается в социально значимое, сохраняя при этом атрибуты коллективной игры. Флешмоб имеет целевой характер, что обозначено в его определении. Флешмоб (мгновенная толпа, «разумная толпа») – это неожидаемое появление людей в заранее запланированном месте с определенной целью; в виртуальном измерении – это сетевое сообщество, а в реальном – это толпа.

Акции флешмоба объединяет общая цель – создать что-нибудь эпатирующее, необычное, абсурдное с точки зрения здравого смысла, что идет против общепринятых правил и норм, однако не запрещено законом. Назначение флешмоба – быть разумной толпой, способной к контролируемому коллективному социальному действию. Флешмобы реализуют различные сценарии, однако их общая цель – получить определенную реакцию от окружающих людей, а именно: удивление, желание приобрести определенный товар, желание бороться за определенную социально важную идею и т.д.

Флешмоб также поддерживает определенная лидерская структура (формальная и неформальная). Так, лидером участников флешмоба является специальный человек, который находится на месте проведения мобов, для того чтобы подать условный знак о его начале и конце. После истечения запланированной акции ее участники растворяются в толпе прохожих людей, что и вызывает эффект мгновенности.

Коммуникации в ходе флешмоба регулируются с помощью норм, правил, процедур (как формальных, так и неформальных). Например, основные правила во время флешмоба: нельзя нарушать этические нормы; не общаться с другим участником акции на его тему, вести себя, как незнакомые люди; не приезжать на акцию в количестве больше 2–3 людей; не смеяться, быть серьезными; не опаздывать; не привлекать к себе внимания; не создавать сосредоточений; не иметь конфликтов с милицией; быть в трезвом состоянии.

Флешмобы и другие формы коллективных действий, инициированные информационными сетями, – результат функционирования сетей гражданской мобилизации, которые создают их пользователи с применением новых информационно-коммуникационных технологий. Сеть из информационного ресурса превращается в источник социального капитала. Экспансия сетевых коммуникаций ускоряет коммуникацию, «вовлекая все большее количество людей, расширяет охват территории, облегчает традиционные формы протеста, например, сбор подписей, и процесс координации действий, сформированных внутри сети сообществ, и т.д. Но полностью виртуальная коммуникация не может заменить реальной активности» (Усачева 2012: 38). Реальная активность – это коллективные действия в реальном мире, направленные на реальные институциональные социальные изменения.

Постепенно в научной среде происходит отказ от рассмотрения коллективных социальных действий в русле рациональных схем (директивность, принудительность, жесткое лимитирование извне и др.), пересмотр их идентификационных признаков, определение трудно уловимых их характеристик (степень структурированности, эмоциональная составляющая, взаимодействие участников и т.д.). Все это будет способствовать концептуализации массовой мобилизации под влиянием экспансии сетевых коммуникаций и позволит интегрировать Восточно-европейское Пограничье.

Заключение

Экспансия сетевых коммуникаций привела к появлению сетевых сообществ, роль которых в массовой социальной мобилизации возрастает. Сетевые сообщества – специфическая форма социальной структуры (М. Кастельс), они имеют основные атрибуты социальной организации (общая цель, не сводимая к индивидуальным целям участников; ресурсная база в виде коммуникационного ресурса интернета; декларируемые роли; набор норм и правил поведения) и играют особую роль в массовой мобилизации.

Новый формат массовой мобилизации в ходе модернизации общества задают коллективные действия (движения), инициируемые сетевыми коммуникациями в виртуальном пространстве. Экспансия сетевых коммуникаций привела к появлению сетевых сообществ, роль которых в массовой социальной

мобилизации возрастает. Сетевые коммуникации конституируют мобилизацию общества на коллективные действия по поводу решения социально значимых проблем. Жизнедеятельность в сетевых сообществах предполагает наличие у сетевых личностей (участников, агентов) коммуникативных компетентностей, способных их интегрировать в социальную сеть и мобилизовать к определенным коллективным социальным действиям. Поэтому расширение сетевых коммуникаций в Восточно-европейском Пограничье нуждается в институциональной поддержке.

В Восточно-европейском Пограничье отмечается недостаточно высокий уровень доверия к информации, содержащейся в социальных сетях, что может отразиться на оперативности массовой мобилизации через социальные сети. В индустриальном обществе массовость выступала в качестве стандарта, а в постиндустриальном личность принимает массовую мобилизацию, включается в коллективное действие не столько под внешним влиянием, сколько осознанно. В условиях перехода от информатизации к виртуализации нормой становится свобода выбора личностью форм, видов, механизмов включенности в коллективное социальное действие.

Переход от сетевых коммуникаций к сетевым сообществам во многом поддерживается механизмами самоорганизации, что наиболее ярко проявляется в таком феномене современности, как флешмобы.

Дискуссионным остается вопрос о контролируемости социальной сети и коллективного действия, которое она инициирует. Особенно беспокойство ученых и практиков вызывает проблема обеспечения национальной безопасности в условиях экспансии глобальных социальных сетей.

Литература

Бараш, Р.Э. Интернет как средство самоактуализации и революционной самоорганизации // Мониторинг общественного мнения. Май-июнь 2012. № 3(109). С. 100–109.

Бойко, Н. Українці в Інтернеті. Інтереси та пріоритети використання мережі // Українське суспільство 1992–2010. Соціологічний моніторинг / за ред.: В. Ворони, М. Шульги. К.: Інститут соціології НАН України, 2010. С. 356–363.

Галкина, А.Н. Сетевая личность и виртуальные сообщества в контексте трансформации киберпространства // Социальные коммуникации: профессиональные и повседневные практики: сб. ст. / под ред.: В.В. Васильковой, В.В. Козловского, А. Хохловой. СПб.: Интерсоцис, 2010. Вып. 3. С. 25–28.

Главным источником информации граждане Молдовы считают телевидение [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://newsmoldova.ru/society/20131121/194694684.html.

Губанов, Д.А., Новиков, Д.А., Чхартишвили, А.Г. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства / под ред. Д.А. Новикова. М.: Изд-во физико-математической литературы, 2010. 228 с.

Головаха, Е.И. Альтернативный социологический словарь // Социология: теория, методы, маркетинг. 2005. № 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru.

Іваненко, О. Деякі характеристики комунікативного суб'єкта нового соціального конфлікту // Українське суспільство 1992–2012. Стан та динаміка змін. Соціологічний моніторинг / за ред.: В. Ворони, М. Шульги. К.: Інститут соціології НАН України, 2012. С. 370–376.

Казаков, М.Ю., Кутырев, В.А. Интернет как сетевая публичная сфера // Современные проблемы науки и образования 2013. № 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.science-education.ru/109-9328.

Кастельс, М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. С. 494–505.

Коноплицкий, С. Сетевые сообщества как объект социологического анализа // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 3. С. 167–178.

Костенко, Н. Динаміка медіа споживання в Україні та європейських країнах // Українське суспільство 1992–2012. Стан та динаміка змін. Соціологічний моніторинг / за ред.: В. Ворони, М. Шульги. К.: Інститут соціології НАН України, 2012. С. 384–394.

Самый старший студент образовательного проекта «Сети все возрасты покорны» – минчанин 87 лет [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/society/Samyj-starshij-student-obrazovatelnogo-proekta-Seti-vse-vozrasty-pokorny---minchanin-87-let_i_655768.html.

Соцсети: благо или вред? [Online-конференция. 07.08.2013]. Режим доступа: http://www.belta.by/ru/conference/i_343.html.

Ситников, А.П., Гундарин, М.В. Победа без победителей: Очерки теории прагматических коммуникаций. М.: Консалтинговая группа «ИМИДЖ-Контакт», 2003. 256 с.

Технологии изучения общественного мнения в Беларуси: на уровне мировых стандартов [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.belta.by/ru/conference/i_318.html.

Усачева, О.А. Сети гражданской мобилизации // Общественные науки и современность. 2012. № 6. С. 35–42.

Ушкин, С.Г. Визуальные образы пользователей социальной сети «ВКонтакте» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. Сентябрь–октябрь 2012. № 5(111). С. 159–169.

Что думают белорусы о жизни и о стране? Ответы социологов. 29 ноября 2011 г. Игорь Котляров. Директор Института социологии НАН Беларуси [Online-конференция]. Режим доступа: http://www.belta.by/ru/conference/i_235.html.

Шпара, К.И. Использование селевого похода при описании социальных структур и процессов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Вып. 3. Ч. 1. С. 26–31.

Baldassari, D., Diani, M. The integrative power of civic networks // American j. sociology. 2007. Vol. 113, № 3. P. 735–780.

Bimber, Andrew J. Flanagin, Cintia Stohl. Reconceptualizing collective action in the contemporary media environment // Communication Theory. 2005. Vol. 4(15). P. 365–388.

Примечания

[1] По данным Всеукраинского социологического мониторинга, который проводит Институт социологии НАН Украины, сегодня подавляющее большинство населения Украины

(81–84%) активно пользуется сотовой связью, 20% активно эксплуатируют компьютер, треть населения (34%) в целом умеет им пользоваться. Интернет доступен 40% населения и 20% пользуется электронной почтой (Іваненко 2012: 372–373).

2 По данным опроса, проведенного Информационно-аналитическим центром при Администрации Президента Беларуси среди минской молодежи, социальные сети ежедневно посещают более 71% респондентов. Исследование показало, что интернет служит значимым источником информации для более чем 87% опрошенных и по этому показателю догоняет так называемое сарафанное радио. Друзей, знакомых и родственников считают авторитетным источником информации 90,5% респондентов. Мобильный интернет используют более 60% молодых людей Беларуси.

3 По данным социологов Информационно-аналитического центра (ИАЦ) при Администрации Президента Беларуси, которые в октябре 2012 г. провели республиканский телефонный опрос среди интернет-пользователей в возрасте 16 лет и старше, практически ежедневно обращается к сети подавляющее большинство интернет-аудитории Беларуси (83%). Несмотря на то, что основное место выхода в интернет – стационарные компьютеры по месту проживания, отмечается тенденция к росту беспроводных типов подключения к Всемирной паутине (Wi-Fi, мобильный телефон, GPRS-модем) (Технологии изучения общественного мнения в Беларуси…).

4 Так, в Беларуси молодежь – это самая активная и продвинутая аудитория сети. О ежедневном пользовании интернетом чаще говорят молодые люди 16–29 лет (89%), чем респонденты старших возрастных групп (в среднем по 77%). Что касается информационных предпочтений, то для молодого поколения в Глобальной сети основной интерес представляют сведения, необходимые для работы и учебы, а также развлекательный контент. Информация о политических событиях, как правило, интересна гражданам старше 40 лет. Следует отметить высокую популярность среди молодежи социальных сетей. По полученным в ходе опроса данным, свыше 90% молодых пользователей имеют личный профиль на различных сетевых ресурсах. Резюмируя, можно сказать, что для этой возрастной категории в равной степени характерно использование Всемирной паутины как с целью поиска информации, так и для отдыха, развлечения (Технологии изучения общественного мнения в Беларуси…).

5 Белорусские пользователи чаще всего выходят в сеть для коммуникации (общения) или поиска информации. При этом в интернете граждане в основном предпочитают искать сведения, необходимые для учебы или работы (64%). За справочной информацией к Глобальной сети обращается половина респондентов (48%), за развлекательным контентом – 41,5% опрошенных. Новостной блок (политическая, экономическая, а также светская информация) представляет для пользователей меньший интерес (отметили в среднем по 34% участников опроса). Причем в большинстве случаев респонденты не дифференцируют веб-сайты по тематической направленности, а используют поисковые страницы (Google.com, Yandex.by) и многоцелевые (горизонтальные) порталы (Tut.by, Mail.ru). Если говорить в общем, то результаты говорят о том, что белорусские пользователи характеризуются высокой степенью включенности в интернет-среду. Большинство из них ежедневно проводят в сети более часа (Технологии изучения общественного мнения в Беларуси…).

6 Главным источником информации граждане Молдовы считают телевидение. По данным соцопроса «Барометр общественного мнения», 69,5% населения страны, чтобы узнать необходимую информацию, в первую очередь, смотрят телевизор, 16,9% ищут данные в

интернете, а 5,7% слушают радио. При этом 2,6% жителей Молдовы нужную информацию получают от членов семьи, 2,4% узнают что-то новое от друзей и соседей, 0,9% читают газеты и журналы, а 0,6% опрошенных верят коллегам по работе. Несколько иначе выглядит ситуация с тем, к каким источникам обращаются респонденты, если сразу не находят того, что искали. Так, 27,3% слушают радио, 18,7% граждан включают телевизор, 16,5% открывают интернет, 12,2% спрашивают у друзей или соседей, 11,6% берут в руки газету или журнал, 8,7% обращаются за помощью к родственникам, а 2,1% – к коллегам по работе. Согласно данным исследования, наибольшим доверием со стороны граждан пользуется Церковь – 83,8%. Второе место занимают средства массовой информации – им верят 52,3%, на третьем расположилась примэрия, в правоте которой уверены 46,5% населения страны. Опрос населения проводился с 6 по 15 ноября 2013 г. В нем приняли участие 1144 респондента в возрасте от 18 лет из 85 населенных пунктов Молдовы. Погрешность составляет +3% (Главным источником информации граждане Молдовы считают телевидение…).

7 На начало 2013 г. в Беларуси проживали 1,9 млн людей пожилого возраста (19,6% от общей численности населения страны). Среди них 1,2 млн женщин и 647 тыс. мужчин. Занятия по проекту, который проводится на базе четырех столичных территориальных центров социальной защиты населения, посещают около 350 пенсионеров Минска. Средний возраст участников проекта – 67 лет. Среди них больше всего пенсионеров с высшим образованием: экономисты, преподаватели, инженеры, врачи. Около 40% из них до обучения в проекте не обладали знаниями о компьютере и интернете, 55% имели отдаленное представление о новейших технологиях. И только 5% обладали базовым уровнем знаний. Треть учащихся дополнительно изучают компьютер и интернет с помощью родных и близких, остальные постигают азы интернет-грамотности самостоятельно. Большинство участников проекта «Сети все возрасты покорны» – женщины (65%). После трех месяцев обучения участники проекта признали, что наибольшие трудности испытывают при наборе текста, формулировке корректного запроса в поисковой системе, установке программ и добавлении контактов в Skype. Самыми полезными приобретенными навыками называют возможность пользоваться электронной почтой, звонить по Skype и искать наличие лекарств в аптеках. Примечательно, что более 20% пенсионеров начали увлекаться компьютерными играми. В ноябре 2013 г. проект «Сети все возрасты покорны» удостоен золота на престижном украинском PR-конкурсе Pravda Awards в номинации «Эффективность». Также проект удостоен специального приза от журнала Marketing Media Review (MMR) (Самый старший студент образовательного проекта «Сети все возрасты покорны»…).

Светлана Бесчётникова

СЕТЕВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН: ОПЫТ УКРАИНЫ

Abstract

The growing role of social nets in social life has been a trend in contemporary information policy. Their active use in marketing, socio-cultural and political communications of the last decade has been determined by the capacity for the intensification of information streams of different levels and for generalization of semantic structures of different types. Unlike traditional media, social nets are based on an absolutely different model of spreading and exchanging information. It is characterized by a variety of simultaneous interpersonal contacts which are made horizontally, not vertically, thanks to which high intensity of net users' involvement in the discussion of topical meanings.

Keywords: contemporary information policy, net technologies, social nets.

Трендом современной информационной политики является возрастающая роль социальных сетей в общественной жизни. Их активное использование в маркетинговых, социокультурных и политических коммуникациях последнего десятилетия обусловлено способностью интенсификации разноуровневых информационных потоков и генерализации смысловых структур разных типов. В основу социальных сетей в отличие от традиционных медиа положена совершенно иная модель распространения и обмена информацией. Для нее характерно многообразие одновременных межличностных контактов, осуществляемых не вертикально, а горизонтально, что обеспечивает высокую интенсивность вовлеченности пользователей сети в обсуждение актуальных смыслов.

Применение сетевых технологий в информационных войнах рассматривали Д. Шарп, Б. Дженкинс, Дж. Аркилла, В. Цыганов, С. Бухарин, Е. Ларина, В. Овчинский, А. Дугин, Г.Г. Почепцов и др. Актуальной на сегодня является проблема осмысления информационной политики государства в сетевом пространстве и выработка механизмов защиты в кризисных ситуациях. Учитывая тот факт, что в ходе информационной войны в противостоянии власти и оппозиции «идет борьба за умы, ценности, установки, поведенческие паттерны» на качественно новом этапе развития информационно-коммуникационных технологий (Е. Ларина, В. Овчинский) [1], особенно важным является вопрос накопления потенциала блокирующих и трансформирующих стратегий и техник, способных направить информационную повестку дня в конструктивно-созидательное русло.

Объектом нашего исследования являются публикации в провластных («Сегодня», «Донецкие новости», «Форум регионов») и оппозиционных СМИ («Украинская правда», «Высокий замок», «Левый берег») периода организации Евромайдана в Украине (февраль 2014 г.). В статье использованы описательный, сравнительно-исторический, герменевтический методы, метод контент-анализа, а также мониторинговые исследования Академии украинской прессы.

Противостояние власти и оппозиции в Украине периода Евромайдана, согласно типологии Г. Почепцова, можно определить как информационную войну смыслового типа («консциентальную» (Ю. Громыко), «виртуальную» (К. Черемных)), целью которой является не просто когнитивное воздействие в медиапространстве, а смена картины мира у объекта медиавоздействия.

Для разрушения базовых смыслов (по Дж. Аркилле) оппозицией были использованы протестные настроения, связанные с комплексом проблем: общим ухудшением экономической ситуации, неразрешенностью проблем малого и среднего бизнеса, правовым нигилизмом. Утопическим вектором идеологического пространства стала идея евроинтеграции. Об интенции полной смены картины мира у объекта медиавоздействия свидетельствует децентрация базовых, устоявшихся в общественном сознании, социальных норм и ценностей:

– религиозных (штурм правительственных зданий по ул. Грушевского оппозицией начался в день всеобщего празднования православными дня Крещения Господня);

– идеологических (волнения сопровождались разрушением исторических памятников, символов советской эпохи);

– общечеловеческих ценностей (актуализация осужденных ранее мировым сообществом идиологем экстремизма и фашизма, вооруженное противостояние во время проведения Олимпийских игр 2014 г.).

По результатам экспертного опроса, которое было проведено Академией украинской прессы в январе 2014 г., телевидение являлось основным источником информации – показатель охвата аудитории 71%. Через создание ин-

формационных поводов – народное вече, привлечение поэтов и музыкантов, детальное освещение праздников, демонстрацию форм самоорганизации – оппозиции удалось достичь максимального привлечения внимания общественности. Основными инструментами создания позитивного имиджа Евромайдана стали такие PR-инструменты: мифологизация, акцентирование, эмоционализация, присоединение/дистанцирование, метафоризация, архаизация событий. К примеру, «Высокий замок», помимо хроники происходящих событий, дает в феврале такие заголовки материалов: «Руслана сыграла на баррикадном пианино»; «Художники украсили щиты самообороны рисунками»; «На Майдане поддержали оппозиционный телеканал "Дождь"»; «В США в поддержку Евромайдана испекли торт» и т.д. Наибольшее количество перепостов в социальных сетях Facebook, ВКонтакте получила информация о выступлении на Майдане группы «Океан Эльзы». Провластные СМИ отвечали менее яркими материалами констатирующего и защитного характера и поэтому почти не попадали в социальные сети. Например, «Майдан не проходит испытание тишиной», «Страх и ненависть двух фронтов», «Как не убить победу борьбой за власть» («Сегодня», «Форум регионов» № 32, 40, 45).

В последнее время не только в украинских, но и мировых СМИ наметилась достаточно устойчивая тенденция смещения популярности каналов коммуникации: от традиционных к интернет-медиа. По данным вышеуказанного экспертного опроса, интернет-медиа в Украине стали источником наиболее полной и объективной информации о событиях на киевском Майдане Независимости, а также полноценной альтернативой прессе, радио и телевидению. Достоверность материалов в газетах и на радио эксперты оценили в 2,9 балла, телерепортажей – 3,1 балла, в сети интернет – 4,1 балла. Интернет также стал лидером по интенсивности использования, но проиграл по масштабности охвата аудитории (46%) [2].

Социальные сети выступили в качестве организационного звена и катализатора общего эффекта медивоздействия на массовое сознание. Виртуальные сообщества друзей основаны на профессиональной, этнокультурной, возрастной общности и находятся в процессе непрерывной коммуникации. Фан-культура поддерживается системой оценочных модусов (лайков, фолловеров, выбора понравившихся кинофильмов и музыкальных произведений), что позволяет типологизировать пользователей. Особый интерес для управления виртуальным сообществом представляют лидеры мнений, социально активные и радикально настроенные группы, пользователи с высоким творческим и коммуникативным потенциалом. По данным мониторинга немецкого исследователя Я. Шмидта, в блогосфере постоянную активность имеет лишь 1% пользователей, 9% – частично активны, все остальные, т.е. 90% являются наблюдателями [3]. Таким образом, контентообразование осуществляется небольшой группой пользователей. На следующем этапе важной становится группа коммуникаторов, ко-

торые через максимальное количество перепостов могут охватить достаточно большое количество людей.

Социальные сети актуализировали существующие протестные настроения. Смысловая война предполагает трансформации смысловой сферы. По мнению специалистов в области экстремальной психологии, изменения смысловой сферы достигаются через переживание человеком аномальной, кризисной ситуации. При этом «кризисная ситуация определяется как ситуация невозможности реализации внутренних необходимостей своей жизни (мотивов, стремлений, ценностей и прочее)» [4]. Она, как правило, сопровождается переживанием когнитивного диссонанса. Только через преодоление кризисной ситуации социальная система способна выработать новые социальные смыслы и ценности.

В провластных и оппозиционных медиа в феврале появились новостные материалы и нарративы с пороговым смыслом. Количество перепостов указывает на большую степень внимания к ярким, «сотрясающим» образам, резонирующим с морально-этическими нормами, культурной и исторической памятью народа. Так, среди заголовков в СМИ, например издания «Левый берег», в феврале при общей тенденции констатации факта в заголовочных комплексах встречаются эмоционально окрашенные с негативной коннотацией «Хроника кровавых столкновений в центре Киева», «В гостинице "Украина" уже 13 трупов», «Снайперы стреляют в медиков», «Дом профсоюзов снова горит» и т.д.

Исходя из того, социальное конструирование реальности происходит через язык, в нарративах материализуются отдаленные во времени и пространстве события. Среди наиболее популярных перепостов нарративов, например, такие сюжеты: «столкновение бойцов спецподразделения "Беркут" с мирными демонстрантами, среди которых были студенты» был деконструирован со смыслом не «разгон мирных демонстрантов», а «нападение на детей» (т.е. студентов); традиционный сюжет «матери провожают солдат на войну» был интерпретирован в СМИ и социальных сетях следующим образом – «матери не пускают солдат на войну», боясь их гибели за неправое дело.

Таким образом, анализ перепостов публикаций провластных и оппозиционных СМИ позволяет выделить характерные черты информационной войны смыслового типа:

– появление в СМИ информационных сообщений с пороговым смыслом;

– трансформация традиционных нарративов и образов;

– переживание массовой аудиторией состояния когнитивного диссонанса с целью изменения картины мира у объекта медиавоздействия.

Защитные информационно-коммуникационные технологии во время информационной войны сводятся к работе со смыслами. Отношение человека со смыслом, по мнению профессора Д.А. Леонтьева, имеет ситуативный характер [5]. Ученым описаны системы отношений, когда смыслы управляют поступками людей и наоборот. Первая группа смыслов базируется на 4 схемах: логике удов-

летворения потребностей; логике реагирования на стимул; логике предрасположенности, стереотипа, диспозиции; логике социальной нормативности. Вторая группа, когда человек пребывает в точке осознания и управляет смыслом, базируется на 2 схемах: логике смысла жизненной необходимости личности и логике свободного выбора. Трансляция и трансформация смыслов выступают в качестве механизмов идентичности, которые предопределяют различные мотивы поведения.

В ситуации обостренного противостояния власти и оппозиции важным является создание и массовая трансляция общесоциальных созидательных смыслов, упреждающих насильственные действия. Важным условием является доступ к каналам коммуникации или управление ими через различные механизмы опосредованного влияния. Такими защитными смыслами могут быть: мирное разрешение конфликтов, экономическая стабильность, государственная целостность, развитие территориальных громад. Данная проблематика, транслируемая в разных интерпретациях через различные каналы коммуникации, должна быть направлена в конструктивное русло.

Эффективными в кризисных ситуациях являются технологии, которые явно не эксплицированы. Для социальной мифологии является органичным использование изоморфных мифу бинарных оппозиций, к примеру: диалог в оппозиционных и провластных СМИ может быть сведен к таким тезисам: «отставка правительства – профессионализм и дееспособность альтернативного правительства», «длительное противостояние – угроза стабильности», «радикальные действия – экономическая и государственная безопасность», «ошибки при осуществлении реформ – альтернативные варианты решения проблем реформирования». Действенной является терапевтическая техника НЛП «мета-моделей», обогащающая существующую картину мира богатством интерпретаций образов богатой и независимой Украины. Позитивное воздействие будет иметь формирование созидательных стимулов-переживаний, «якорей», ассоциирующихся со стабилизационными процессами и целесообразностью конструктивной критики власти как действенного механизма улучшения государственного управления в демократическом государстве. Способы коррекции поведенческих программ могут основываться на различных социально ответственных техниках и технологиях связей с общественностью, при этом константой должно оставаться доминирование конструктивных, созидательных, жизнеутверждающих смыслов для развития государства над разрушительными.

Литература

Ларина, Е., Овчинский, В. Цифровые войны XXI века. Экспертный доклад Изборскому Клубу [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dynacon.ru/content/articles/1573/.

Інтернет, соціальні мережі зводять нанівець всі спроби замовчувати події в Україні // Моніторинг Академії Української преси [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.aup.com.ua/.
Шмідт, Я. Нова мережа: ознаки та практики веб 2.0. – К.: Центр вільної преси; Академія Української преси, 2013. – 283 с.
Почепцов, Г.Г. Медиавойны: от информационных до смысловых // Mediasapiens [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://osvita.mediasapiens.ua/material/26871.
Леонтьев, Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – 2-е изд., испр. – М.: Смысл, 2003. – 487 с.

Алла Башук

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА УКРАИНСКОЕ ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ 2013–2014 гг.

Abstract

The paper deals with the problem of the influence of ICT and popular social networks in particular on involving users in the country's political life. Euromaidan is shown as a bright example of an online revolution that started with status calls in Facebook. The expansion of the Internet audience gives people more opportunities, power and freedom and it makes the official authorities use various means of preserving their influence in the virtual information space. From the very beginning of the protest movement in Ukraine attempts had been made to decrease the wave of network activity, which may be regarded as the first big cyber war.

At the same time the analysis of the Euromaidan's information content, which more than once changed its meaning and structure, shows that ICT is one of the success factors in the struggle against the authoritarian power, however, not the determining one. It is easier to start a revolution with the help of new technologies, but it is much more difficult to finish it because of the absence of a leader who can articulate the meanings of the future and also because of the partiality and bias of the Ukrainian authorities concerning protest groups and their inability and unwillingness to respond adequately to external and internal information challenges.

Keywords: information communicate technologies, Internet, social networks, online revolution, information wars, the authorities, opposition.

Локальное изобретение американских военных стало глобальным достоянием человечества, превратившись в «самое крупное в мире неуправляемое пространство» (Э. Шмидт,

Дж. Коэн) (How Connecting 7 Billion to the Web 2013), которое постоянно расширяется. Уникальные возможности Всемирной сети представляют супермаркет идей, сообществ, ценностей, способствуют выработке новых смыслов для развития социума, что актуально для постсоветских стран, которые медленно и болезненно выходят из «зоны комфорта» советского прошлого, а также мировосприятия и «норм» мятежных 90-х гг. ХХ ст.

Активно обсуждается, но остается дискуссионной проблема влияния ИКТ, в частности наикрупнейшей социальной сети Facebook и популярной площадки микроблогов Twitter как многофункциональных коммуникационных платформ, на вовлечение пользователей в политическую жизнь страны. Отметим, что сегодня мы живем в эпоху Facebook. И хотя, по мнению исследователя из Microsoft Research, профессора Нью-Йоркского университета Даны Бойд, это аномалия – фрагментация, когда люди объединяются по интересам, более естественное состояние вещей, – ценность социального графа Facebook не уменьшится со временем (Популярность Facebook 2014). Просто этот сайт выпадет из основной сферы эмоциональных интересов, как это случилось с электронной почтой.

Мы придерживаемся точки зрения, что посредством Сети люди реализуют в первую очередь собственные интересы, объединяясь в виртуальные сообщества, и человек, не интересующийся политикой в реальной жизни, не станет выражать четкую гражданскую позицию в киберпространстве. Хотя интернет как средство горизонтальных коммуникаций создает для этого благоприятные условия: нивелируя часовые и пространственные ограничения, он предоставляет возможность беспрепятственно включаться в разные круги общения. Важным является также то, что интернет предлагает альтернативу. В определенные моменты развития общества, связанные с экономическими проблемами, кризисом системы власти, что характерно преимущественно для развивающихся стран или стран, которые находятся на переходном этапе развития, вовлеченность в политическую жизнь оказывается достаточно высокой. Так, некоторые эксперты считают, что пороговое падение социально-экономических показателей, способствующее выходу людей на улицы, – 15%. Это приводит к массовым протестам, 25% – к революции, а 50% – к гражданской войне (Особое мнение. Радио Столица. 09.02.2014). По данным опроса, проведенного среди украинцев в интернете компанией TNS в Украине, на конец января 2014 г. за событиями на Майдане и на Грушевского, где происходили силовые действия, следила почти вся нация – 93,9% (За событиями на Евромайдане следит... 2014). Среди источников получения информации наибольшей популярностью пользуются интернет (83,7%) и телевизионные программы (81,2%). Интернет также демонстрирует высокую степень доверия – 63,8%, уступая только информации, полученной от друзей, родственников или знакомых, – 75,8%. Конечно, необходимо сделать поправку на то, что это результаты интернет-опроса, но в целом тенденция сохраняется. Согласно результатам экспертного опроса, проведенного в январе 2014 г. Ака-

демией украинской прессы, интернет-медиа стали источником наиболее объективной и полной информации о событиях на киевском Майдане Независимости, таким образом стали полноценной альтернативой традиционным СМИ (Академія Української Преси 2014). Также интернет стал лидером по интенсивности использования (4,4 балла по пятибалльной системе), но проиграл масштабности охвата аудитории (46%). И хотя доверие аудитории к традиционным СМИ падает, телевидение все еще остается основным источником информации в небольших городах и селах. Показатель охвата аудитории для телевидения – 71%, а интенсивность незначительно отличается от интернета – 4,1 балла.

Безусловно, расширение интернет-аудитории дает людям больше возможностей, власти и свободы. Евромайдан – это яркий пример онлайн-революции, который начался со статусов-призывов в социальных сетях. Недовольные государственной властью используют социальные сети как главное средство связи и распространения информации, с их помощью координируют свои действия. Многие украинцы помнят исторический пост в Facebook Мустафы Найема (Mustafa Nayyem), известного политического журналиста, датированный 21 ноября: «Встречаемся в 22:30 под монументом Независимости. Одевайтесь тепло, берите зонтики, чай, кофе, хорошее настроение и друзей. Перепост всячески приветствуется!». В ситуации уличных акций преимущества интернета невозможно переоценить. Выделим несколько существенных, на наш взгляд, аспектов.

Во-первых, эксперты отмечают, что интернет, в том числе социальные сети и блогосфера, обеспечили высшую оперативность по сравнению с телевидением и радио особенно в первые дни протестных акций (Академія Української Преси 2014). Интернет сводит на нет все попытки умалчивать или цензурировать правду о событиях в Украине, что особенно актуально было в январе 2014 г., когда власть активно предлагала свое видение ситуации. Непосредственные личные связи или сообщения, распространенные в Сети, являются одним из инструментов массовой коммуникации.

За последние пять лет аудитория Facebook в Украине выросла до 3 млн (по состоянию на 25 октября) (Новости. Радио Столица. 09.02.2014). Это те, кто в течение недели заходят на портал хотя бы раз. С начала 2013 г. количество пользователей увеличилось на 700 000 (+36%). Каждодневная аудитория составляет 1,5 млн, при этом специалисты отмечают, что фейковых страниц немного – максимум 100 000. По данным SocialBakers за февраль 2014 г., в общем рейтинге страниц украинского сегмента Facebook страница Евромайдана находится на третьем месте с количеством подписчиков свыше 272 000, а самым популярным медиабрендом стала «Украинская правда» (более 120 000 подписчиков) (Страница Евромайдана 2014). В ТОП-5 самых быстрорастущих за последний месяц по Украине вошли фан-страница ФК «Шахтар» (об ультрас как группе давления на власть см. ниже), а также страницы оппозиционных медиа «5 канала» и «Украинской правды». Большинство подписчиков тега ЄвроМайдан –

EuroMaydan – украинские пользователи (69,3%), но также немало пользователей из США (4,7%), Польши (4,5%), России (2%), Италии (2%) и других стран (17,5%) (Страница Евромайдана 2014). Несмотря на то, что в Киеве протестные движения уже привели к смене власти, популярность этой страницы продолжает расти (по состоянию на 4 марта), что, на наш взгляд, связано с российско-украинским конфликтом.

В связи с этим активизировались также информационные войны на полях социальных сетей. Российские Одноклассники, ВКонтакте блокировали или удаляли антипутинские, антивоенные группы, теги Евромайдан, Правый сектор и т.п., которые, по данным Роскомнадзора, «пропагандировали деятельность украинских националистических группировок» (Россия заблокировала Евромайдан 2014). При этом молодежные российские организации и объединения на своих сайтах и в группе ВКонтакте объявляли мобилизацию желающих ехать в восточные области Украины с целью участия в пророссийских митингах (движение получило название «политический туризм»). С украинской стороны это способствовало оттоку пользователей Одноклассники, ВКонтакте и созданию фрилансерами альтернативных украинских соцсетей WEUA (регистрация с 1 апреля) и «Друзі» (druzi.org.ua) (Створена соціальна мережа 2014). Так, интерфейс «Друзів» внешне напоминает Facebook и ВКонтакте. Принципиальное отличие, что основным языком страницы можно выбрать только украинский, тогда как WEUA предлагает три языковые версии – украинскую, русскую и английскую. В «Друзях» планируется также ограничить доступ пользователям других стран. Отметим, что попытки запустить украинскую социальную сеть предпринимались неоднократно, но их эффективность и популярность ограничена тем, что украинцы общаются не только друг с другом, но и со всем миром.

Во-вторых, новые коммуникационные технологии способствуют переходу к интерактивной политике, создавая не только виртуальные, но и реальные группы давления на власть. Речь идет о колоссальном мобилизационном потенциале интернета. Отметим, что в Украине доминирующее количество интернет-пользователей находится в возрастной группе 25–34 года. А это изначально более мобильная и активная часть населения, к тому же сознательная по сравнению с категорией до 25 лет. Например, в рамках украинских событий 21 ноября 2013 г. – 21 февраля 2014 г. эффективно проявил себя Автомайдан как «ноу-хау» общего протестного движения, отдельные группы которого и сейчас функционируют, перейдя в оппозицию к уже новой власти. Автомобильные кортежи действовали преимущественно вдали от Майдана, в том числе за границей пикетировали особняки представителей украинского правительства и бизнеса, межправительственные мероприятия, подрывая легитимность существующей власти. Активисты движения подвергались силовому давлению со стороны власти и неизвестных бандформирований (жгли машины, похищали и арестовывали автомобилистов, забирали права, угрожали). 22 января состо-

ялась, пожалуй, самая масштабная операция по дезактивации этой протестной группы: заманив с помощью электронных каналов связи десятки автомобилистов в ловушку (была распространена информация о необходимой помощи протестующим на Майдане), бойцы «Беркута» заблокировали активистов в правительственном квартале, избили их и передали милиции, а машины разбили.

Отдельно следует подчеркнуть вхождение в процесс на этапе радикализации протестных настроений аполитичных или маргинальных групп, которые представляют значительную силу, часто недооцененную властью. Несмотря на неоднородность этих групп, возможные внутренние противоречия, их преимущества в достаточно хорошей организации и согласованности действий, т.к. они уже существуют, а их представители имеют реальный опыт взаимодействия. Важной оказывается и роль модераторов. Так, после начала силового противостояния в центре Киева стал заметным «Правый сектор» во главе с Дмитром Ярошем.

Во время противостояния также мобилизировались в соцсетях (например, на страницах сообществ ВКонтакте) и вышли на улицы футбольные ультрас. Первыми подключились фанаты «Динамо» (Киев), т.к. бои на Грушевского разворачивались в непосредственной близости к стадиону «Динамо» им. Валерия Лобановского. Несмотря на межклубные войны, футбольные фанаты Украины объединились в поддержку Майдана. Уже после смены власти в Киеве, когда на юге и востоке Украины развернулись пророссийские протесты, ультрас выступили в защиту Харькова от «титушек», призвав всех сторонников, «независимо от своих политических взглядов, принадлежности к субкультурам или музыкальных предпочтений» (Шуклинов 2014). Примеров единения фанов в рамках украинского протестного движения 2013–2014 гг. множество (Український ультрас-портал 2014). Популярным в соцсетях стало шествие 30 марта в Харькове фанатов «Металлиста» (принадлежит бизнесмену С. Курченко, которого связывают с ближайшим окружением семьи Януковича) и «Шахтера» (клуб Р. Ахметова) против Путина.

В украинском фан-движении активной в первую очередь является молодежь. Здесь обращают на себя внимание ряд моментов, которые вообще касаются роли молодежи в протестном движении: «независимое поколение», те, кто родился и вырос за 23 года независимости Украины, не приемлет ограничений на выражение своей позиции, потому что оно формировалось в других реалиях и в другом информационном пространстве в отличие от советского поколения. Национальное информационное пространство все эти годы находилось под влиянием различных международных игроков, в частности США, ЕС, России, оно не было гомогенным. К тому же молодежь выросла на западных информационно-коммуникационных новинках, т.е. имела доступ к альтернативной информации и технологиям, которые не соответствовали постсоветской действительности: с технологиями мы получаем также западные стандарты и стиль жизни.

Для этого поколения бороться за повышение социальных стандартов, за свои права не только дозволено, но и необходимо. Действительно, движущей силой протестов в ноябре 2013 г. стали именно студенчество и сознательная молодежь.

В третьих, в интернете ищут информационные связи с международным сообществом (Twitter о Евромайдане говорит на английском языке). Медиапризнание протестного движения как справедливого большинством западных стран, в данном случае странами ЕС и США, во многом определяет исход ситуации, т.к. оказывает давление на существующую власть, а также легитимизирует действия протестующих и оппозиции. В современном глобальном мире без внешней информационной составляющей победа над властью трудно досягаема или невозможна.

Сегодня благодаря мобильным устройствам каждый человек является СМИ: проходят считанные секунды от фиксации информации до ее появления в интернете. По данным компании Ericsson за 2013 г., в Украине наибольший процент в мире технологических первопроходцев, в частности суперпродвинутых пользователей смартфонов, которые используют больше 14 приложений (Новости. Радио Столица. 09.02.2014). Понимая угрозу собственной легитимности, власти пытаются бороться с интернетом с позиции силы, не находя иных путей взаимодействия, о чем свидетельствует опыт Беларуси, России, Казахстана на постсоветском пространстве. Попытка законодательной цензуры в Украине по российской кальке уже через несколько дней привела к первым силовым конфликтам на улице Грушевского. Согласно закону № 3879 Колесниченка-Олийныка от 16 января 2014 г. (отмененного 28 января Верховной Радой Украины) любой интернет-ресурс могли заблокировать, если он содержит журналистские расследования или информацию о протестных акциях, при этом обязали регистрировать интернет-СМИ, а сайт разрешалось закрыть без решения суда – на основании решения Нацкомисии, которая должна была осуществлять государственное регулирование в сфере связи и информации.

Схожесть политических режимов заставляет власть использовать одинаковые способы сохранения своего влияния в виртуальном информационном пространстве. С самого начала протестного движения на борьбу с украинским интернет-пространством были брошены серьезные силы, которые попытались приглушить волну сетевой активности. Если раньше с Всемирной сетью боролись внешними средствами (например, захват серверов силовиками, судебные запреты, запугивания и нападения на журналистов), то сейчас против интернет-общественности использовали хакеров и ботов. После 21 ноября ведущие информационные сайты работали с перебоями. Так, массовые кибератаки останавливали работу «Украинской правды» и «Главкома», хакеры уничтожили украинские серверы «Цензор.НЕТ», впоследствии большинство информации так и не удалось восстановить. Специалисты подчеркивают высокий технический уровень атак, что позволяет говорить о «первой большой кибервойне»

(Бик 2013). Атаке подвергались сайты, которые активно освещали события Евромайдана и демонстрировали приверженность евроинтеграционному курсу. Использовались также другие технологии информационной борьбы: появился клон «Украинской правды» под видом информационного агентства; взламывались партийные сайты оппозиционных лидеров, электронная почта и их аккаунты в соцсетях; активизировались форумные боты, которые распространяли дезинформацию; глушилась мобильная связь в районе Майдана Независимости. Ответно были атакованы хакерами сайты Службы безопасности Украины, Министерства внутренних дел, Администрации Президента Украины, в марте – важнейшие официальные сайты России (Президента, правительства, МИДа, Центробанка, Газпрома, Московского Патриархата и др.), протестуя, согласно обращению, размещенному на взломанных сайтах, против «гнусной лжи и пропаганды», «имперских амбиций» и «братоубийственной войны».

Интернет-пространство является аналогом полноценной среды существования современного человека, новым социальным ландшафтом, который постоянно развивается, и попытки государства регулировать интернет с позиции силы в долгосрочной перспективе обречены на провал. Кроме того, многие ограничения в интернете может обойти даже обычный пользователь, не говоря о хакерах. Так, март 2014 г. в мире запомнился также тем, что власти Турции закрыли доступ к социальной сети Twitter на территории страны. В то же время канал CNN Turk в прямом эфире показал, как обойти этот запрет. И с официально закрытым ресурсом Турция оказалась на 7 месте в мире по активности Twitter с самым популярным на момент твитом: это Турция, сынок! (Bursı Türkiye, oğlum!).

Сегодня единственной страной в мире, где правительство диктует правила поведения в интернете, является Китай. Однако, по мнению бывшего исполнительного директора Google Эрика Шмидта, проникновение технологий и информации в скором времени разрушит и эту «китайскую стену» (В Google предрекают 2012). При сегодняшнем порядке вещей дальнейшее развитие страны просто невозможно: модернизации экономики всегда сопутствует информационная свобода. Напомним, на интернет-трафик в Китае наложена система «Золотой щит», неофициально прозванная по аналогии с Великой Китайской стеной (Great Wall) «Великим китайским файерволом», которая закрывает или лимитирует доступ к проблемным, по мнению партии и правительства, внешним ресурсам. Заблокирован доступ к видеосервису Youtube за размещение на нем роликов политического характера, а с 2009 г. и доступ в Facebook и Twitter. Американские соцсети обвинили в причастности к организации массовых забастовок в провинции Синьцзян, а на территории этого автономного района был полностью блокирован доступ к сети. После Twitter- и Facebook-революций в арабских странах китайские силовые структуры усилили контроль за электронными каналами связи. При этом иностранцы и граждане КНР, желающие получить доступ к Facebook и другим заблокированным сайтам в обход ограничений,

могут сделать это с использованием специальной технологии виртуальной частной сети VPN, что технически не так уж сложно и позволяет обойти цензуру за относительно небольшие деньги (В Google предрекают... 2012).

Анализ информационной составляющей Евромайдана, который неоднократно менял свой смысл, перерос в силовое противостояние митингующих и «Беркута», привел к смене власти и аннексии Крыма Россией, свидетельствует, что ИКТ выступают одним из факторов успеха в борьбе с авторитарной властью, но не определяющим. С помощью новых технологий легче начать революцию, но сложнее закончить в силу отсутствия лидера, способного артикулировать смыслы будущего, а также необъективности и предвзятости украинской власти к протестным группам, ее неумения адекватно реагировать на внутренние и внешние информационные вызовы.

В то же время отсутствие ярко выраженного лидера – новый цивилизационный тренд. Возникшая коммуникационная парадигма основана на идее Всемирной паутины, когда каждый участник может генерировать идеи, общение, информацию, что приводит, с одной стороны, к переходу от иерархической структуры власти к матричной организации, потере влияния политических партий, бессилию элит, вакууму власти, с другой – к комплексу мессии – мифу об эффективности авторитаризма (Бард, Зодерквист 2004). В этой парадигме лидеры ситуативные, коллегиальные, действует низовая самоорганизация. Лидеры быстро возникают и также быстро исчезают. Так, фамилии многих общественных деятелей Майдана или региональных активистов уже не на слуху, а образ Дмитра Яроша, лидера «Правого сектора», популяризирован российскими медиа, т.к. идеально подходит на роль врага в дискурсе пропаганды. Многим украинцам еще предстоит адаптироваться к такому типу лидерства и перестать искать в преддверии выборов «сильного президента» – результаты и вызовы подобного выбора демонстрирует российская политическая модель. Не искать инфантильно того, кто решит все ваши проблемы, а точнее, заменит их на свои и осчастливит жизнью в «сильной стране с великим президентом», а брать ответственность за собственную судьбу и судьбу страны на себя. Отметим, что имидж Януковича также базировался на характеристиках сильного лидера, однако попытки усилить вертикаль власти вызвали жесточайшее сопротивление. Чтобы сделать твердый шаг вперед и определиться с образом Будущего, должно измениться качество самого общества. Феномен высокой протестной активности постсоветской Украины, который привел к нескольким Майданам, безусловно, имеет ряд объективных предпосылок, но также получил образное название «Майдан в головах». Нужно в первую очередь «убить дракона» в себе (по аналогии с одноименной пьесой Шварца), а не искать того, кто «драконее», потому что существующая власть всегда является отражением желаний и чаяний народа. Отчасти «убийцей дракона» выступает интернет как носитель альтернативности.

Впервые данный информационный ресурс был использован оппозицией в 2004 г. во время оранжевой революции. Но тогда для тех, кто пришел к власти, Майдан-2004 по сути стал технологией, а не переоценкой ценностей. Поэтому политическая элита и силовые структуры в ситуации 2014 г. не спешили переходить на сторону народа, что могло бы принести быструю и бескровную победу оппозиции. После 2004 г. наметилась тенденция не ориентироваться на лидеров, а пытаться брать ответственность на себя. Это может стать главной силой Майдана. Только постоянное давление гражданского общества сделает власть уязвимой и чуткой к потребностям народа.

Литература

How Connecting 7 Billion to the Web Will Transform the World. 2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pbs.org. Дата доступа: 02.05.2013.

Популярность Facebook – это аномалия. 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://internetua.com/populyarnost-Facebook---eto-anomaliya. Дата доступа: 8.03.2014.

За событиями на Евромайдане следит почти вся нация, опрос. 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.from-ua.com/news/ed2da7d104648.html. Дата доступа: 03.02.2014.

Академія Української Преси 2014, Інтернет, соціальні мережі зводять нанівець всі спроби замовчувати події в Україні: звіт експертного опитування [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.aup.com.ua/?cat=main&subcat=Evromaydan. Да та доступа: 06.03.2014.

Страница Евромайдана – третья по популярности в украинском Facebook. 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://reklamaster.com/news/id/47565/index.html. Дата доступа: 12.03.2014.

Россия заблокировала Евромайдан в «ВКонтакте», 2014 // Вечерние Вести. 3 March [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://gazetavv.com. – Дата доступа: 06.03.2014.

Створена соціальна мережа, приєднатися до якої можуть тільки українці // Українська Правда. 2014. 25 March [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pravda.com.ua. Дата доступа: 06.04.2014.

Шуклинов, П. «Ультрас против титушек. Почему фанаты выходят на Майдан» // ЛІГАБізнесІнформ. 2014. 25 January [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://news.liga.net. Дата доступа: 19.02.2014.

Український ультрас-портал. 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ultras.org.ua. Дата доступа: 06.04.2014.

Бик, О. «Перша велика кібервійна. Влада йде в наступ» // Главком, 28 November. 2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://glavcom.ua/articles/15698.html. Дата доступа: 09.12.2013.

В Google предрекают скорое падение «Великого китайского файервола», 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://hitech.newsru.com/article/11Jul2012/schmidtvsprc. Дата доступа: 10.02.2014.

Бард, А., Зодерквист, Я. Netократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. – Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, 2004.

Елена Герман

СИМВОЛИЗМ СОЦСЕТЕЙ КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ УКРАИНЫ И БЕЛАРУСИ

Abstract

The author analyses political symbolism as an instrument for political culture construction and representation of a political party. The article offers a portrait of political reality built by means of symbolization in the political space of social nets of Ukraine and Belarus.

Keywords: political symbol, political culture, image of a politician, social nets.

«В символе –
или сокрытие, или откровение».
Карлейль

Любое общество характеризуется определенной системой ценностей, которые не только определяют поведение и жизнь отдельного человека, но и могут объединить население в народ, создать или трансформировать политическую культуру общества. Наряду с естественными ценностями в современном политическом социуме создаются и тиражируются «рукотворные» смыслы, призванные манипулировать восприятием и поведением масс. Особенно ярко эта суггестивная интенция проявляется со стороны политических игроков, которые используют всевозможные технологии в борьбе за власть и конструирование выгодной для них политической реальности, политической культуры.

В современной научной литературе устоялись несколько подходов к понятию политической культуры. С одной стороны, политическую культуру считают системой ценностей общества и его граждан, систему политических институтов и

соответствующих способов коллективной и индивидуальной политической деятельности. С другой стороны, политическая культура характеризуется системой убеждений, идей, представлений, установок, моделей массового поведения, которые формируются исторически. И в-третьих, политическая культура трактуется как совокупность убеждений, взглядов, ориентаций и образцов поведения в обществе (Гетьманчук 2010).

В этой связи все большее значение приобретает изучение массовых психологических суггестивных механизмов, с помощью которых представляется возможным широко транслировать необходимые установки и стимулировать граждан к определенной политической деятельности. Эффективным инструментом массового влияния, а значит, и инструментом конструирования политической культуры является символизация – построение и использование символов.

Так, Т. Арнольд считает символ связующим звеном между обществом, политической системой и политической культурой. Более того, исследователь уверен: массовое восприятие и принятие политических символов являются необходимыми условиями для создания национального государства. Л. Дитмер рассматривает политическую культуру как систему политических символов, которая в свою очередь является элементом политической коммуникации. О необходимости изучения политической символики, пропаганды и коммуникации пишет и Г. Ласуэлл. Ученый уверен: с помощью политической символики осуществляется политическое управление обществом, реализуется язык власти. Таким образом, анализируя символы, можно создать портрет политических коммуникаторов, выявить их мотивы.

Значительный вклад в изучение данного вопроса внес Г. Почепцов. Уделяя особое внимание практическому использованию политической символики, исследователь разделяет мир на три сферы – реальную, информационную, символическую. Эти сферы имеют между собой существенные отличия и барьеры. Так, лишь некоторые события, произошедшие в реальном мире, переходят в информационное пространство. А из множества событий информационного мира единицы попадают в символическую сферу.

Теоретическую базу исследования политической символики также разрабатывал российский ученый К. Гаджиев. Он рассматривает политические символы как соединительный элемент политической культуры и утверждает, что господствующая система символики общества гораздо сильнее влияет на поведение людей, нежели действия правительства, политических партий и деятелей. Каждая политическая сила создает свои символы. Часть из них формируется спонтанно в течение жизни, часть – специально создается политическими организациями. Российский ученый Д. Миссюров также считает, что политическая символика используется для стабилизации общественной жизни. Исследователь утверждает, что с помощью символов определенный социум выделяется среди других

политических культур. Символы упрощают интеллектуальные операции с политическими понятиями, но тем самым дают возможность для манипуляций.

Политические символы являются неотъемлемой частью идеологии, политики, культуры. Они отражают характер нации, народа, государства, являются идейными или идейно-образными структурами. Понятие символа как инструмента упорядочения информационного хаоса вокруг человека, зародилось еще в Древней Греции. Тогда, да впрочем и сейчас, определенные символы использовались для объединения групп людей, общности вокруг культа и/или определенной идеи, зачастую – политической или религиозной. В настоящее время понятие символа имеет несколько десятков толкований. По К. Юнгу, символ – «название или даже образ, обладающий помимо своего общеупотребительного еще и особым дополнительным значением, несущим нечто неопределенное, неизвестное» (Юнг 1998). А. Лосев считает символом «субстанциальное тождество идеи и вещи», содержащее в себе указания на те или иные предметы, для которых оно является обобщением или перевернутым знаком (Лосев 1993: 635). В соответствии с М. Головатым, символ – знак, объединяющий рациональную сущность и рационально трактуемое значение той или иной социальной ценности с соответствующим эмоциональным уровнем и остротой ее восприятия и переживания (Головатый 2001: 16). Политологический словарь предлагает свое определение политического символа – это концентрированное, визуальное выражение политического объекта (идеи, личности или политического института), совокупности определенных вербальных и невербальных посланий (Політологічний енциклопедичний словник 1997: 322). Символ в политике (от греческого *symbolon* – распознавательный знак, признак) – знак, образ, в котором опосредованным, неявным образом заключается политическое содержание. Символы выступают в качестве значимых феноменов политической системы, они выполняют свою функцию как предметы и действия, которые условно обозначают какие-либо политические содержания (Коновалов 2010). Мы будем исходить из следующего толкования символа: символ (предмет, явление, слово, изображение) – это знак, подразумевающий наличие дополнительного смысла, отличного от его собственного содержания. Так, Р. Барт считает, что каждый символ «содержит в себе три различных сообщения, которые тем не менее включены друг в друга и читаются одновременно» (Барт 2003: 236). Первое сообщение – буквальное (денотативное), которое фактически копирует обозначаемый предмет. Второе – ассоциативное (коннотативное), которое состоит из вторичных смыслов, порой очень далеких от первого сообщения и зависящих от установок и знаний реципиента. Элементы ассоциативного сообщения намекают на идею, наталкивают на мысль, которая транслируется. И наконец, третье сообщение – декларируемое (референциональное). Это торговая марка, брэнд или сам товар, которые обязательно присутствуют в сообщении и заявляют о его окончательном смысле.

М. Едельман выделяет референтные символы, которые представляют реальный физический объект, персону, и конденсационные символы, к функциональным особенностям которых в первую очередь относят создание нужных психологических состояний. При восприятии конденсационных символов человек абстрагируется от денотативного значения и воспринимает в большей мере его коннотативную составляющую. Конденсационные символы вызывают эмоции, воспоминания, волнение. Неотъемлемой характеристикой такого символа являются спрессованность и образность информации, заключенной в нем. Это в свою очередь упрощает коммуникацию и другие интеллектуальные операции, связанные с тиражированием смыслов и ценностных установок.

Сущность символизации раскрывается через определение основных функций политического символа, к которым А. Сарна относит демонстративную, компенсаторную, мобилизационную, функцию рекрутизации, легитимирующую, коммуникативную. В целом, символы в политическом процессе призваны идентифицировать политические партии, их лидеров и повлиять как на сознание, так и на подсознание людей – вовлечь их в политический процесс, объединить вокруг идеи или лидера, стимулировать отстаивать первенство определенной политической группы.

Во времена революций и смены политического строя возрастает и интерес к изучению политических символов как репрезентантов политических партий. Поэтому в фокусе нашего исследования – скорее партийные символы, нежели государственные, а также транслируемые с их помощью смыслы и ценности, которые тиражируются в социальных сетях политиками и политическими партиями. Срез символической информации проводился на материале современного политического информационного пространства социальных сетей Беларуси и Украины.

В связи с развитием электронных медиа и увеличением аудитории социальных сетей последние становятся выгодной площадкой для трансляции политических сообщений как во всем мире, так и в Украине и Беларуси. Кроме того, социальные сети, пожалуй, единственное информационное поле, где оппозиция и власть могут быть представлены равнозначно, поскольку доступ к остальным масс-медийным каналам (телевиденье, радио, пресса) в постсоветском пространстве оккупируют представители власти.

В ходе исследования была рассмотрена символика на официальные страницы политических партий в социальных сетях:

– для Украины: Партия регионов, ВО «Батькивщина», «УДАР Виталия Кличко», Радикальная партия Олега Ляшко, общественное движение «Украинский выбор», Коммунистическая партия Украины, ВО «Свобода»;

– для Беларуси: Объединенная гражданская партия, Белорусский народный фронт, Белорусская Христианская Демократия, движение «Говори правду!», «Рух за свабоду», Белорусская социал-демократическая партия (Громада), Белорус-

ская партия левых «Справедливый мир», Республиканская партия труда и справедливости, Коммунистическая партия Беларуси, Либерально-демократическая партия Беларуси.

Мы также рассмотрели страницы лидеров этих сил в соцсетях (если таковые имелись и поддерживались).

Описывая и анализируя политическую символику, в этой статье в качестве основных методов используются *семантический анализ* и *контент-анализ*, поскольку в данном контексте важна не столько частотность, сколько смысловая и функциональная нагрузка партийной символики, к которой относят эмблемы, цветовые решения, политический язык, образ политика – партийного лидера и т.п.

Символизм политических партий Украины и Беларуси

Анализируя символы и цветовую гамму политических организаций Республики Беларусь, необходимо обратить внимание на дихотомию символики – символика оппозиционных партий отсылает нас к старинным белорусским символам, провластные же организации четко коррелируют с современной государственной символикой Республики Беларусь.

Таблица 1. **Символика политических партий и движений Республики Беларусь в социальных сетях**

Партия	Символика	Лидер
Белорусская Христианская Демократия (БХД)		Виталий Рымашевский
Белорусская социал-демократическая партия (Громада)		Игорь Рынкевич
Объединенная гражданская партия		Анатолий Лебедько

Рух за свабоду		Юрась Губаревич
Белорусский народный фронт		Алексей Янукевич
Говори правду!		Андрей Дмитриев
Белорусская партия левых «Справедливый мир»		Сергей Калякин
Коммунистическая партия Беларуси		Игорь Карпенко
Республиканская партия труда и справедливости		Василий Заднепряный
Либерально-демократическая партия Беларуси		Сергей Гайдукевич

Как видно из таблицы 1, практически все оппозиционные партии, за исключением движения «Говори правду!», используют бело-красно-белую гамму, чем отсылают реципиента к старинным национальным символам. Флаг, состоящий из трех горизонтальных полос – белой, красной и снова белой, считается символом борьбы за свободу Беларуси и демократию.

Красный – цвет крови, а значит, и жизни. Он ассоциируется с огнем, Солнцем, которому поклонялись славяне. Красный также означает борьбу, сопротивление, пролитую кровь. Белый цвет – символ свободы. Он является частью названия страны – Беларусь – и символизирует волю народа к свободной жизни.

В христианской символике красный цвет на белом фоне означает кровь Христа, пролитую во имя спасения людей. В белорусской культуре – это кровь, пролитая за свободу народа.

Хотя само сочетание красного и белого цветов достаточно древнее (оно встречается на знаменах королей Речи Посполитой и хоругвей Великого Княжества Литовского), сам флаг появился сравнительно недавно. Архитектор Клавдий Дуж-Душевский создал его в 1917 г. С того времени сочетание бело-красно-белых полос использовалось белорусами в Первой мировой войне, а в декабре того же 1917 г. флаг стал национальным символом Беларуси и государственным атрибутом Белорусской Народной Республики. В советское время флаг был запрещен, но снова стал официальным символом государства в 1991–1995 гг.

Первенство в использовании древних национальных символов – бело-красно-белого флага и герба «Погоня» (воин с поднятым мечом на коне) в политической истории Беларуси принадлежит партии БНФ. Именно Белорусский народный фронт инициировал возрождение этих символов после референдума 1995 г., когда политикум страны заменил их новыми. Этот факт напоминает традицию уничтожать штандарты народа после его захвата, разрушать памятники предыдущих эпох и даже целые города. Как известно, разрушение символики – это один из способов борьбы за власть, так сказать, с помощью изменения знаков власти. Тем не менее, здесь существует парадокс – после уничтожения символов остается «символическая память», а знаки на века остаются в истории, в дополнение к своим смыслам приобретая все новые коннотации. Кроме того, эти знаки могут быть реанимированы в обществе и часто используются для создания разнообразных политических мифов («образ общего врага», «образы героев» и т.п.).

Одним из таких древнейших символов белорусского народа является герб «Погоня», известный еще как государственный атрибут Княжества Литовского начиная с XIII в. Он иллюстрирует обычай так называемой «Погони»: в случае вторжения врага все мужчины-защитники Отечества садились на лошадей и преследовали захватчиков, чтобы освободить соратников, которые попали в плен. В 1918 г. «Погоня» стала государственным гербом Белорусской Народной Республики. Изображение также активно использовалось во времена борьбы за независимость Беларуси в конце 1980-х, а в 1991 г. стало официальным гербом страны.

Таким образом, описанные герб и флаг несут сильный устойчивый семантический заряд. Они являются символами борьбы за свободу и независимость, символами пролитой крови и войны. С 1996 года эти национальные символы

являются неизменными атрибутами оппозиционных сил, которые позиционируют себя как демократические и пропагандируют идеи, противоположные тем, что продвигает режим А. Лукашенко.

Логотип Белорусской партии левых «Справедливый мир» также красно-белого цвета. В соцсети Twitter до сих пор размещена старая эмблема партии (серп и молот), а вот в Facebook и Vkontakte – уже новая. Она представляет две стилизованные буквы «С» в красном квадрате. Боковую и центральную букву разделяет красная полоса. Центральная буква стилизована под птицу – белого голубя, который является символом мира, любви и надежды.

В социальной сети Vkontakte логотип Объединенной гражданской партии – красный конь на белом овале – красуется на фоне элемента джинсовой рубахи. Конь – один из наиболее древних и почитаемых персонажей – связан с образом защитника, воина. Конь – это символ силы, быстроты, бесстрашия, знак войны и победы. На эмблеме ОГП конь также ассоциативно адресует нас к символическому значению «Погони», как бы представляя один из элементов герба. «Джинс» отсылает нас к событиям «джинсовой революции» 2006 г. (протест против фальсификаций во время выборов президента Беларуси). После того, как милиция отобрала у участников протестной акции всю атрибутику, один из лидеров оппозиционного движения «Зубр» Никита Сасим смастерил импровизированный флаг из своей джинсовой рубахи. Таким образом «джинс» стал цветом борьбы за свободу Беларуси и европейский вектор развития страны. Таким образом, два символа – «джинс» (смелость, борьба) и конь (война и победа, защита) – дополняют друг друга и усиливают концепт «борьба».

Голубой цвет использует в своем логотипе движение «Говори правду!». Светло-синий – это цвет неба, он соотносится с духовными ценностями, надеждами, чаяниями. Голубой цвет также перекликается с окрасом василька – одним из символов Беларуси, означающим чистоту, верность, искренность.

Такой символический заряд цвета значительно усиливает эмблему движения «Говори правду!». И цвет, и слоган имеют общее семантическое поле – «правда», «честность». С другой стороны, графический элемент – очерченное белым облако (обычно используется для обозначения речи или мыслей персонажей в комиксах и других видах литературной продукции) – перекликается с призывом «Говори!». Несмотря на мягкое цветовое решение и трансляцию позитивных духовных ценностей («правда», «честность»), эмблема не лишена протестной нотки. В ней явно ощущается противопоставление духовных ценностей: правда (то, чего необходимо добиться) – ложь (то, с чем нужно бороться с помощью правды).

Тот же синий цвет присутствует на эмблеме партии Белорусская Христианская Демократия (БХД). Здесь он окрашивает октограмму, которая является достаточно популярным религиозным и политическим символом, означающим возрождение, славу и свет.

Символом социалистов всего мира неизменно остается роза. Белорусская социал-демократическая партия (Громада) не изменяет традициям. Геральдисты видят в изображении этого цветка библейский подтекст. Роза считается одним из самых древних христианских символов и означает муки Христа, его возрождение.

Логотип белорусского «Руха за свабоду» также содержит белый и красный цвета, разбавляя их дополнительным оранжевым – цветом счастья, благополучия. Кроме названия самого движения, логотип также содержит математические символы – знаки «множество» и «больше чем», которые здесь скорее являются схематическим изображением, напоминающим птицу или стрелу.

Среди некоторой дисперсии смыслов оппозиционной символики все же можно выделить общие концепты. К ним относим:

– духовность (голубой цвет – символ чистоты, правды; лозунг «Говори правду!», роза, октограмма, крест на щите рыцаря «Погони» транслируют христианские ценности);

– борьбу за свободу (красно-белая палитра, герб «Погоня», конь, «джинс», Белорусский народный фронт).

А вот символика провластных партий отсылает нас к действующим государственным флагу и гербу Беларуси, которые, в свою очередь, являются продолжением символов советской эпохи.

Так, на символе Коммунистической партии Беларуси изображены серп и молот с пятиконечной звездой над ними. Перечисленные символы располагаются на фоне очертания Беларуси, выполненного в зеленом цвете. Этот же элемент присутствует как на государственном гербе страны, так и на символах других провластных партий – Либерально-демократической партии Беларуси и Республиканской партии труда и справедливости.

Зеленый – это цвет природы, роста, развития. Этот цвет символизирует древнее божество – Мать-Сыру-Землю, которой поклонялись славяне и от которой ожидали покровительства в сельскохозяйственных работах. Поклонение силам природы, а значит и символизм зеленого цвета, сохранилось даже после принятия христианства.

На символе Коммунистической партии Беларуси и Либерально-демократической партии Беларуси зеленый контур страны изображен на фоне голубого земного шара, что также перекликается с государственным гербом. Земной шар – или Земля – в данном контексте означает равенство всех народов мира (в соответствии с коммунистическими идеями).

Символика Республиканской партии труда и справедливости также «одолжила» элемент государственного флага – орнамент, выполненный красными линиями на белом фоне, напоминающий вышитый рушник – традиционный славянский оберег.

Как видим, провластные партии составили свои эмблемы с помощью различных элементов современных государственных атрибутов, которые несут преимущественно успокаивающие, даже созидательные идеи. Многие из них – мир, дружба, труд – являются продолжением советских ценностей. Они побуждают к проявлению смирения, трудолюбия, успокаивают.

Что же касается Украины, то после революции 2013–2014 гг. еще достаточно сложно размежевать власть и оппозиционные силы. Поэтому мы будем рассматривать и распределять политические партии в соответствии с их политическими принципами. Партию регионов, Коммунистическую партию Украины и «Украинский выбор» относим к пророссийским силам; ВО «Батькивщина», «УДАР Виталия Кличко», ВО «Свобода» и Радикальную партию Олега Ляшко – к проукраинским.

Таблица 2. **Символика политических партий и движений Украины в социальных сетях**

Партия	Символика	Лидер
Партия регионов		Виктор Янукович, Николай Азаров
Коммунистическая партия Украины		
Партия «УДАР Виталия Кличко»		Виталий Кличко
ВО «Батькивщина»		Юлия Тимошенко, Арсений Яценюк, Александр Турчинов
ВО «Свобода»		Олег Тягнибок

Радикальная партия Олега Ляшко	РПЛ РАДИКАЛЬНА ПАРТІЯ ОЛЕГА ЛЯШКА	Олег Ляшко
Всеукраинское общественное движение «Украинский выбор»		Виктор Медведчук

В отличие от четкого разделения политической символики белорусских партий в соответствии с их идейными направлениями, в Украине эмблема и даже лозунг партии не дают однозначного представления о ее направленности. Так скажем, эмблемы двух противоположных по своим взглядам партий – Партии регионов и ВО «Свобода» – выполнены в цветах национальной символики.

Эмблема Партии регионов представляет собой очертания Украины, окрашенные в сине-желтый цвет, на темно-синем фоне с надписями «Украина» и «Партия регионов» белыми буквами. В геральдике синий цвет означает верность и честность. Концепт «Украина» поддерживается сразу несколькими элементами – цветовым решением, очертаниями страны, надписью. Все это явно указывает на попытку технологов этой политической организации транслировать следующий смысл: «Украина в центре внимания, интересы страны превыше всего».

А вот ВО «Свобода» отобразило в качестве своего символа образный (трансформировавшийся) силуэт монограммы в составе пересекающихся букв «I» и «N» – начальных букв девиза партии «Идея Нации». Это явно свидетельствует о националистической направленности партии и даже ее радикальности.

Красно-бело-черная символика характерна для ВО «Батькивщина», а также Радикальной партии Олега Ляшко (выходца из БЮТ). По мнению швейцарского психолога Макса Люшера, который основал науку о влиянии цвета на человека, именно эта комбинация цветов способствует наилучшему восприятию и запоминанию информации. Кроме того, сочетание бело-красных полос вызывает ассоциации с христианством.

Контур Украины красным цветом на белом фоне, черная надпись под ним и аббревиатура партии белыми буквами на фоне очертаний страны – это эмблема Радикальной партии Олега Ляшко. Она одновременно напоминает символику ВО «Батькивщины» и отсылает к глубоким религиозным смыслам. В красно-белых тонах выполнена также символика партии «УДАР».

Украинские коммунисты, как и во всем мире, придерживаются символики в виде серпа и молота на красном фоне.

А вот недавно созданное общественное движение «Украинский выбор» кардинально отличается от всех описанных выше своей цветовой палитрой (голубой, фиолетовый, розовый), а также знаком – поднятым кверху большим пальцем. Этот символ обычно переводится как «все отлично», «все в порядке», это наивысшая оценка чему-нибудь или кому-нибудь. Поднятый вверх большой палец является одним из трех наиболее популярных межнациональных жестов. Нужно отметить, что цветовая гамма и геометрия логотипа «Украинского выбора» очень схожи с символикой российской партии Алексея Навального «Народный Альянс». К тому же можно предположить, что красный и синий цвета, которые на символе «Украинского выбора» слегка модифицируются, вытекают из цветов российского флага.

Как видим, проукраинские партии придерживаются схожего цветового поля (за исключением ВО «Свобода») – бело-красно-черные тона. Кроме того, основным элементом их эмблем являются надписи – названия партий, а не изображения. Таким образом, смысл транслируется скорее с помощью слов-символов («батькивщина», «удар», «Виталий Кличко», «радикальная», «Олег Ляшко», «свобода») и в значительно меньшей степени с помощью изображений-символов (очертания Украины). Более того, не наблюдается четкого символического противопоставления между проукраинскими и пророссийскими партиями, поскольку и те, и другие активно пользуются государственными национальными символами (сине-желтые цвета, очертания Украины).

Символизм образов политиков Украины и Беларуси

Политик является символом политической силы, к которой он принадлежит. При определенных условиях образ политика или даже политической силы, характеризующиеся множественными качествами, спрессовывается и конвертируется в единый символ. Примером такой подмены можно считать имя украинского политика Юлии Тимошенко, которое часто замещает ее изображения. Так, на ее странице в Facebook вместо фотографии политика размещен словесный символ – ее имя и фамилия красными буквами на черном фоне. Говоря об иконических символах, необходимо принять во внимание фотографию Маргарет Тэтчер (сама являющаяся символом), которую обнимает Юлия Тимошенко. И хотя фотография достаточно давняя, она до сих пор находится на странице политика в соцсетях, поскольку ее значение для образа Юлии Тимошенко чрезвычайно важно. Кроме того, политик всячески транслирует духовные семейные ценности вербально («Рідні мої! Любі брати та сестри!..», «…вернемся в европейскую семью...») и визуально (традиционная украинская одежда, коса, стилизованная под венок – хотя в данное время политик не использует этот вид прически, тем не менее, в социальных сетях она представлена именно так). Таким, образом, образ лидера ВО «Батькивщина» Юлии Тимошенко преимущественно

формируется с помощью двух ключевых метафор – «Железная леди» и «Мать-Берегиня».

Образы еще двух представителей этой партии Арсения Яценюка и Александра Турчинова выстраиваются несколько иным образом. Арсений Яценюк имеет имидж прогрессивного, проевропейского политика. Об этом свидетельствуют флаги Евросоюза на его страницах, фотографии заседаний и встреч, которые он проводит. Александр Турчинов также выстраивает свой имидж как профессионала, посты на его странице носят официальный характер.

Основополагающими для образа украинского политика Виталия Кличко являются символы силы. Само название партии «УДАР Виталия Кличко» символично. Образ чемпиона, перекочевавший из области спорта в сферу политики и активно поддерживаемый пиар-службами Виталия Кличко, усиливается фотографиями политика на его соцстранице. Практически все фотографии сделаны с заниженного ракурса, что прибавляет политику величия и мужественности, выражение лица серьезное, форма одежды – либо подчеркнуто официальная, либо символизирующая достаток и ассоциирующаяся с формой летчиков, силовиков. Кроме того, на страницах политика много милитаристской символики, что также должно говорить о решительности и силе политика. Такой же имидж, но с более радикальным националистическим окрасом у лидера ВО «Свобода» Олега Тягнибока, который также транслирует милитаристскую символику, разнообразные вербальные символы с общей семой «война».

Интерес представляет лидер Радикальной партии Олег Ляшко, образ которого состоит из таких качеств, как открытость, прямота, «рубаха-парень», близость к народу, решительность. Эти характеристики поддерживаются одним из наиболее запоминающихся символов последних лет – вилы. Именно этим сельскохозяйственным инструментом вооружались крестьяне во время восстаний. Таким образом, символ транслирует сразу несколько смыслов – сельское население, борьба, смелость. Кроме того, к национальным традициям отсылает одежда политика – вышиванка. Олег Ляшко активно принимал участие в революции, о чем сообщается и на его страницах. Так, каверфото в Facebook содержит фотографию политика в шлеме и защитной одежде на Майдане, а вместо личного фото – черный квадрат с сине-желтой лентой (символ скорби по убитым во время революции).

Анализ страниц представителей Партии регионов Виктора Януковича и Николая Азарова на данном этапе не имеет смысла, поскольку имидж политиков, выстраивавшийся в последние годы, был разрушен. В настоящий момент немногочисленные посты Виктора Януковича носят пророссийский характер, а на его странице в Twitter проводится параллель между ним и президентом Российской Федерации Владимиром Путиным (рядом помещены два фото).

Похожую фотографию находим и на странице лидера «Украинского выбора» Виктора Медведчука, где последний проводит конференцию, сидя рядом с Вла-

димиром Путиным. Кроме того, политик активно транслирует идею общности России, Украины и Беларуси, идею «буржуазного Запада» и «империалистической Америки».

Лидер Белорусской Христианской Демократии (БХД) Виталий Рымашевский в соцсетях позиционирует себя как семьянин. Семейную фотографию политик поместил на каверфото своей страницы в Facebook. С нашей точки зрения, этот снимок можно считать символичным, поскольку, кроме семейных ценностей, он также говорит о том, что лидер БХД любит природу (снимок сделан на фоне моря, в руках ребенка – зеленый лист). А ведь природа – одна из наиболее важных богатств Беларуси. Зеленый цвет как символ лесов и полей не зря стал элементом государственного флага и герба страны. Тем не менее большинство постов политика касаются событий в Украине. Он достаточно резко высказывается о роли России в крымском конфликте, используя слова-символы «фашизм», «нацизм», иконические символы свастики на фоне российского флага. На одном из постов – иллюстрация в виде кулака с изображением тризуба на нем и двумя лентами голубого и желтого цвета с надписью «Украина». Этот рисунок находится на фоне трех бело-красно-белых полос с надписью «Беларусь». Подобное слияние символик Украины и Беларуси мы наблюдаем практически у всех белорусских политиков, представленных в соцсетях.

Так, на каверфото Игоря Рынкевича, лидера Белорусской социал-демократической партии (Громада), в Facebook в единое целое слиты два иконических знака – флаг и герб Украины, а также красно-белый флаг и герб «Погоня». Над таким же изображением в посте – надпись на украинском и белорусском языках: «Слава Україні! Жыве Беларусь!». Несмотря на то, что страница давно не обновлялась, за счет подобного символа и достаточно серьезной фотографии политика складывается впечатление о решительном и сильном человеке.

Страница Анатоля Лебедько, лидера Объединенной гражданской партии, в Facebook отличается минимализмом. Ни каверфото, ни символики партии, ни в принципе иконических изображений. Но, как известно, отсутствие символов – это также символ. Кроме того, это с лихвой компенсируется активностью политика – все посты лаконичны и по существу. Итак, имидж политика – деятельный, сосредоточенный, нерасточительный, довольствующийся малым.

В противовес серьезному Лебедько – открытые добродушные Юрась Губаревич, заместитель лидера «Руха за свабоду», и Андрей Дмитриев, заместитель главы движения «Говори правду!». Юрась Губаревич поместил на своей странице изображение леса, и даже фото политика сделано на фоне природы. В постах политика много семейных фотографий, изображений ребенка, что символизирует счастливую семейную жизнь. Практически все посты на белорусском языке, что говорит о патриотизме, верности национальным традиционным ценностям. Андрей Дмитриев также выстраивает имидж общительного, открытого, оптимистичного политика. Об этом свидетельствует его фото – с широкой улыбкой.

Об этом говорит и надпись на каверфото – «*JUST DO IT. Просто сделай это*». Наряду с этим оба политика также транслируют отрицательные смыслы в отношении РФ («*Расія – гэта вайна*» у Юрася Губаревича, «*Конечно, красно-зеленый флаг – это советский флаг, не национальный. Но все же не триколор*» у Андрея Дмитриева).

Алексей Янукевич, лидер Белорусского народного фронта, 19 февраля 2014 г. (день массового расстрела митингующих на Майдане в Украине) заменил свою фотографию в Facebook гербом Украины на черном фото. Черный цвет – символ скорби, герб – национального достоинства Украины. Таким образом, политик выразил сочувствие и поддержку. Этот жест также усиливает тот факт, что никаких других изменений со своей страницей политик не производил около года (последний пост зафиксирован 13 апреля 2013 г.).

Как вытекает из вышеизложенного, основной характеристикой, свойственной образам всех политиков Украины и Беларуси, является решительность. Нельзя не отметить и другие схожие черты в портретах лидеров партий (так, как эти портреты представлены в социальных сетях) . Так, украинские Юлия Тимошенко и Олег Ляшко, а также белорусские Виталий Рымашевский, Юрась Губаревич, Андрей Дмитриев к тому же позиционируют себя как политиков, «близких к народу», искренних, ценящих семейные традиции. Образ профессионалов выстраивают в Украине Арсений Яценюк и Александр Турчинов, в Беларуси – Анатолий Лебедько.

Символические особенности белорусского и украинского политического интернет-пространства

Во время исследования стало очевидным, что в украинском и белорусском политическом интернет-пространстве достаточно популярна *традиционная символика*. На страницах украинских политиков и партий наблюдаем использование таких символов, как вышиванка (Виталий Кличко, Юлия Тимошенко, Олег Ляшко); калина (на каверфото у Николая Азарова в Facebook); вилы (Vkontakte у Олега Ляшко). Белорусское политическое пространство также изобилует национальными символами. Это и конь на эмблеме ОГП, и белый голубь на логотипе партии «Справедливый мир», и зеленый листок в руках ребенка на каверфото Виталия Рымашевского, и лес на каверфото Юрася Губаревича, рушник на эмблеме Республиканской партии труда и справедливости.

Практически все оппозиционные партии Украины и их лидеры также используют *антропоморфные символы* – собрание людей, на фоне которых отчетливо и в деталях выделяется политик (Виктор Янукович, Арсений Яценюк, Виталий Кличко, Олег Тягнибок и т.п.). Изображения людей также являются традиционными для символики коммунистов. Партии продолжают использовать детей в качестве элементов своей символики. Так, на странице Партии

регионов в Facebook главным элементом каверфото является ребенок. Много фотографий детей также в постах политиков – Олега Ляшко, Виталия Кличко. Наиболее тиражируемой и символичной стала фотография маленького ребенка с крыльями ангела и национальным флажком в руках с подписью «Вот он какой бандеровец». К антропоморфным также можно отнести символ поднятого кверху большого пальца, который мы наблюдаем у Олега Ляшко (фотографии в постах) и Виктора Медведчука (элемент эмблемы), а также пятерню с надписью «Stop Russia», перепечатываемую как украинскими, так и белорусскими политиками. Владимир Некляев, к слову, разместил на своей странице фотографию детей, катящих шины на Майдан во время украинской революции с надписью «Так вот ты какой, бандеровец!».

В соцсетях наблюдаем активное использование и так называемых *архитектурных символов* (здания, монументы и т.п.). К примеру, на каверфото страницы Виктора Януковича в Facebook помещена фотография, где за флагами Партии регионов возвышается золотой церковный купол с крестом. Религиозные символы – изображения Киево-Печерской лавры, крестов и т.д. – часто использовались в предвыборной кампании политика и затем во время его бытности Президентом Украины. Это придает имиджу политика определенную религиозность, духовность, набожность, можно даже сказать, элементы чистоты и праведности. Многие проукраинские политики используют на своих страницах изображение памятника поэту Тарасу Шевченко, подчеркивая верность традициям, стремление к независимости и свободе. В противовес этому коммунисты Украины продолжают изображать памятник Ленину как символ «великого» советского прошлого.

То же самое наблюдаем и в соцсетях коммунистов Беларуси. Белорусская партия «Справедливый мир» на каверфото в Facebook иллюстрирует «ворота города» Минска – две одиннадцатиэтажные башни, расположенные на Привокзальной площади. Построенные после Второй мировой войны, они стали символом не только города, но и победы, возобновления, мирного времени. Следует также принять во внимание симметрию этого изображения, которая воспринимается как устойчивость, стабильность, гармония.

Интересно использование *математических кодов* в политической символике. Примером этому может служить число 46 в украинском и белорусском политическом пространстве. 46 – это первые цифры штрихкода на товарах, произведенных в Российской Федерации. В связи с украино-российским конфликтом множество патриотически настроенных организаций и активистов призывают людей не покупать российские товары, таким образом выражая свой протест против военной агрессии. Соответственно число 46 приобрело как минимум три устойчивые ассоциации – «Россия», «бойкот» и «война», транслирующие негативные коннотации. Этот символ, как правило, усиливается изображением штрихкода, окрашенным в цвета национального флага РФ и перечеркнутым

крестообразным образом. Это изображение на своем каверфото в Facebook разместила белорусская партия БНФ. В противовес негативному символу появился и позитивный – число 565. Это номер, на который можно отправить СМС в поддержку украинской армии. При отправлении СМС со счета списывается небольшая денежная сумма в поддержку украинской армии.

В целом, в постах всех без исключения партий и политиков Украины и Беларуси в последние несколько месяцев поддерживается тема войны. Концепт «революция», который был на пике популярности в конце 2013 – начале 2014 гг., трансформировался в тренд «война» и тиражируется благодаря изображению милитаристской символики – униформы, солдат, оружия, топографических карт Крыма (где и происходит конфликт), а также сравнением Путина с Гитлером, слоганами «Бойкот России», «Stop Putin!», «Поддержим украинскую армию!» и т.п. В политической инфосфере появляются образы героев-защитников Родины – это и пострадавшие и убитые на Майдане 18–19 февраля 2014 г. (так называемая «Небесная сотня»), и солдаты, пострадавшие в Крыму от рук захватчиков. Все эти символы выполняют мобилизационную и объединительную функции для украинского народа.

Такие же функции в последнее время в Украине приобрели и *национальные государственный атрибуты* – сине-желтый флаг с надписью золотого цвета «Єдина країна. Единая страна» и герб. Нужно отметить, что национальный флаг Украины имеет древнюю историю. В соответствии со свидетельствами историков, сочетание желтого и синего цветов использовалось в Киевском государстве еще до принятия христианства. Символ активно использовался уже в XIV в. В 1918 г. он стал официальным знаком Украинской Народной Республики, а в 1992 г. – государственным флагом Украины. Тем не менее многие исследователи не соглашаются с современной трактовой этого символа (синяя полоса сверху – небо, желтая – пшеница), говоря о том, что изначально полосы располагались иначе и соответственно имели другое значение. Желтая полоса находилась сверху и символизировала Солнце, синяя – воду – два элемента, которые дали жизнь всему живому. Тем не менее исследователи согласны в том, что флаг символизирует единство, патриотизм, стремление к свободе и независимости. Национальный флаг Украины как символ используют (в логотипе или в постах на своих страницах) практически все политические силы страны, кроме откровенно пророссийской партии «Украинский выбор» Виктора Медведчука. В сознании украинского народа национальный флаг ассоциируется с такими концептами, как «Родина», «воля», «борьба» и даже «семья». Постоянно повторяясь на страницах партий и политических лидеров, сине-желтый символ, на наш взгляд, не приобрел дополнительных устойчивых политических смыслов и до сих пор не связывается с какой бы то ни было политсилой или группой политических сил. В этой связи интересным является использование национальной символики белорусскими партиями.

Заключение

В заключение хотелось бы высказать несколько наблюдений в результате представленного анализа.

В связи с революцией в Украине и военным вторжением в Крым белорусское и украинское политическое интернет-пространство объединилось вокруг единой темы – независимости Украины. Эта идея транслируется как с помощью призывов к объединению украинского народа, так и с помощью осуждения агрессора. Для тиражирования подобных смыслов и ценностей политики широко используют милитаристскую и государственную национальную символику, которая призвана объединить и мобилизовать общество.

В этой связи белорусские оппозиционеры активно поддерживают миф о «братских народах» с помощью слияния символов Украины и Беларуси (изображение украинских государственных атрибутов рядом с красно-белым флагом и гербом «Погоня»; изображения кулака с украинской символикой на фоне вертикальных белой, красной и белой полос с надписью «Беларусь»), а также «мифа об общем враге».

Это подкрепляется также символами решительности и силы, которые транслируются политическими партиями и политическими лидерами Украины и Беларуси. Именно эти черты стали неотъемлемой характеристикой имиджа политиков обеих стран в социальных сетях.

Для белорусских оппозиционеров одним из основных средств трансляции идей борьбы за свободу являются альтернативные государственные символы, которые используются в эмблемах партий, а также в постах на страницах политиков. В Украине эту же функцию выполняет государственная символика, которая продолжает повышать свою значимость в политическом культурном пространстве страны.

Таким образом, идея единства и свободы, тиражируемая политиками, резко увеличивает патриотический заряд политической культуры украинского общества, формирует национальную идею.

Литература

Барт, Р. Общество, воображение, реклама. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003.

Гаджиев, К.С. Введение в политическую науку: учебник для вузов. 2-е изд. М.: Издательская корпорация «Логос», 1997.

Гетьманчук, М.П. Політологія: навч. посіб. К.: Знання, 2010.

Гнатюк, О.Л. Из истории американской коммуникологии и коммуникативистики: Гарольд Ласуелл (1902–1978). СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004.

Головатий, М.Ф. Політична психологія: навч. посіб. К.: МАУП, 2001.

Коновалов, В.Н. Политология. Словарь М.: РГУ, 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/205/%D0%A1%D0%B8%D0%BC%D0%B2%D0%BE%D0%BB.

Лосев, А. Очерки античного символизам и мифологии. М.: Наука, 1993.
Мисюров, Д.А. Символы о символах: Начала культурно-символической политики. М.: URSS, 2008.
Основи політичної науки: курс лекцій / за ред. Б. Кухти. Ч. 3: Політична свідомість і культура. Львів: Кальварія, 1998.
Політологічний енциклопедичний словник. К.: Генеза, 1997.
Почепцов, Г.Г., Чукут, С.А. Інформаційна політика: навч. посіб. К.: Знання, 2008.
Сарна, А. Политика и символ. Стратегии политического маркетинга в Беларуси 2004–2006 гг. Вильнюс: ЕГУ, 2008. С. 232–264.
Юнг, К.Г. Человек и его символы. М., 1998.
Edelman, M. The Symbolic Uses of Politics. Un-ty of Illinois Press, 1967.

НАШИ АВТОРЫ

Артеменко Андрей (Харьков) – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Национального фармацевтического университета. Сфера научных интересов: социальная философия, философия права, проблемы межкультурного взаимодействия в условиях глобализации.

Башук Алла (Киев) – кандидат филологических наук, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (Институт журналистики). Сфера научных интересов: информационная политика, связи с общественностью, медиарилейшнз, политические коммуникации. Автор более чем 45 работ. *Важнейшие публикации*: Інформаційна політика: навчальний посібник. К., 2007; Основи реклами і зв'язків з громадськістю: підручник // під заг. ред. В.В. Різуна, В.Ф. Іванова. К., 2011 (Гриф МОН) (в соавторстве); Комунікативно-стратегічний аналіз політичного тексту // Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер. Филология. Т. 19(58), 2006, № 2; Коммуникативные стратегии политического ритуала // Политическая наука и политические процессы в РФ и новых независимых государствах. Екатеринбург, 2006; Ключові поняття новинної комунікації у контексті медіарилейшнз // Інформаційне суспільство. 2008. № 7; Владні зв'язки з громадськістю як засіб формування іміджу території (на прикладі постконфліктних регіонів) // Інформаційне суспільство. 2013. № 18.

Бесчётникова Светлана (Мариуполь) – декан Мариупольского государственного университета. Сфера научных интересов: журналистика, связи с общественностью, футурология. *Научные работы:* Корпоративна соціальна відповідальність в системі PR-комунікацій бізнесу: український досвід та перспективи // Інформаційне суспільство: науковий журнал / голова редкол. В.В. Різун, голов. ред. В.Ф. Іванов; Інститут журналістики КНУ імені Тараса Шевченка. Вип. 18. К., 2013. С. 45–50. Сайт бібліотеки Вернадського http://www.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/is/2011_13/index.htm; Про-

сування іміджу промислового міста за допомогою web-ресурсу // Діалог: Медіа студії: Збірник наукових праць / ред. кол.: відп. ред. О.В. Александров [та ін.]. Одеса: Астропринт, 2013. Вип. 15. С. 140 –151; Електронне управління в інформаційній політиці системи місцевого самоврядування промислового міста // Освіта регіону: Український науковий журнал. Політологія. Психологія. Комунікації. 2012. № 2. С. 272–278; Роль IP-технологій у вирішенні PR-завдань // Діалог: Медіа-студії: збірник наукових праць. Одеса: Астропринт, 2012. Вип. 14: Реклама та PR в сучасному світі. С. 142–149; Просування іміджу території засобами електронного врядування // Держава та регіони. Науково-виробничий журнал. Серія: Гуманітарні науки. Соціальні комунікації. 2012. № 3(30). С. 104–109; Корпоративна соціальна відповідальність: діалог бізнес-громада // Поліграфія і видавнича справа: наукво-технічний збірник. 2012. Львів: Українська академія друкарства, 2012. Вип. 4/60. С. 51–60; Синергетика електронного медіатексту: жанрово-стилістичний аспект // Держава та регіони. Науково-виробничий журнал. Серія: Соціальні комунікації. 2012. № 2. С. 20–25; Корпоративна соціальна відповідальність: соціально-комунікаційний та економічний аспекти // Держава та регіони. Науково-виробничий журнал. Серія: Гуманітарні науки. 2012. № 4(31). С. 111–115; Роль філософської спадщини Платона в історії зв`язків з громадськістю // Інформаційне суспільство: науковий журнал / голова редкол. В.В. Різун, голов. ред. В.Ф. Іванов; Інститут журналістики КНУ імені Тараса Шевченка. К., 2011. Вип. 14. Липень–грудень. С. 34–39; Сайт бібліотеки Вернадського http://www.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/is/2011_13/index.htm; Технології сучасного комерційного радіомовлення: функціональний тип, формат, контент // Інформаційне суспільство: науковий журнал / голова редкол. В.В. Різун, голов. ред. В.Ф. Іванов; Інститут журналістики КНУ імені Тараса Шевченка. – Вип. 13 (січень–червень). К., 2011. С. 5–10. Сайт бібліотеки Вернадського http://www.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/is/2011_13/index.htm; Мультимедіа, неосинкретизм та масова культура // Учёные записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Т. 24(63), № 4. Ч. 1. Сімферополь, 2011. С. 14–21.

Ганус Дзвенислава (Киев) – аспирантка Института искусствоведения, фольклористики и этнологии имени М. Рыльского НАН Украины. Сфера научных интересов: устная история и духовная культура населения Украинско-польского Пограничья.

Герман Елена (Сумы) – аспирантка кафедры философии, политологии и инновационных социальных технологий Сумского государственного университета. Сфера научных интересов: аксиология, символизация, политическая коммуникация, массовая коммуникация, PR. Стипендиат проекта «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова» (CASE, Европейский гуманитарный университет).

Даниленко Оксана (Харьков) – доктор социологических наук, профессор кафедры политической социологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина. Сфера научных интересов: конфликтология, методы и методики социологического анализа текстов, исследование проблем исторической памяти, измерение конфликтного потенциала идентичностей, социология повседневности, качественные методы социологического исследования социальных конфликтов, визуальная социология. Стипен-

диат проекта «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова» (CASE, Европейский гуманитарный университет).

Евтушенко Елена (Сумы) – аспирантка Сумского государственного университета. Сфера научных интересов: теория медиа, медиавлияние, феномен героизма.

Жванко Любовь (Харьков) – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии Харьковского национального университета городского хозяйства имени А.Н. Бекетова. Сфера научных интересов: социальная история Первой мировой войны, в частности беженцев и других перемещенных лиц, социальные процессы Украинской революции 1917–1921 гг., репатриация беженцев в 20-е гг. и миграционные процессы XX–XXI веков. Соредактор Международного проекта «Europe on the Move: the Great War and its Refugees, 1914–1918». Участница Международного проекта «1914–1918 он-лайн» – энциклопедии по Первой мировой войне. Соредактор проекта «Поляки на карте Харькова» (2012), подготовленного к ЕВРО-2012 под руководством Генерального Консульства Республики Польша в Харькове. Автор трех монографий и раздела в коллективной монографии, учебного пособия по краеведению Слободской Украины, более 80 публикаций в отечественных и зарубежных изданиях (Беларусь, Латвия, Германия, Польша, Россия). Участница более 50 научных конференций, заседаний, симпозиумов в Украине, России, Польше, Германии и Литве. *Основные публикации:* Соціальні виміри Української Держави (квітень–грудень 1918 р.). Х.: Прапор, 2007. 224 с.; Біженство Першої світової війни в Україні. Документи і матеріали. Х.: ХНАМГ, 2009. 360 с.; Біженці Першої світової війни: український вимір (1914–1918 рр.). Х.: Віровець, А.П. «Апостроф». 2012. 568 с.; Політика українських національних урядів щодо біженців // Велика війна 1914–1918 рр. і Україна: у 2-х кн. Кн. 1: Історичні нариси / упорядн. О. Реєнт; ред. кол.: В.А. Смолій (голова); НАН України. Інститут історії України. К.: ТОВ «Видавництво “КЛІО”», 2014. С. 511–534.

Колоколова Мария (Харьков) – социолог, магистр социологии; аспирантка социологического факультета Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина. Научный сотрудник Харьковского института социальных исследований (ХИСИ). Стипендиат проекта «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова» (CASE, Европейский гуманитарный университет). Сфера научных интересов: политические установки и ценности в постсоветских обществах; установки на патернализм; гражданская активность, политическое участие в Украине. Помимо этого, как научный сотрудник ХИСИ участвовала в проектах по таким темам: трудовая дискриминация, этническая дискриминация, проблемы ромского населения в Украине; оценка деятельности милиции населением Украины; доступность правовой помощи; соблюдение прав человека в закрытых стационарных учреждениях и др.

Коляструк Александр (Киев) – кандидат исторических наук, Институт истории Украины Национальной академии наук Украины. Сфера научных интересов: современная политическая история Украины, становление властных структур в Украине, элиты независимой Украины. Стипендиат проекта «Социальные трансформации в По-

граничье – Беларусь, Украина, Молдова» (CASE, Европейский гуманитарный университет).

Коч Светлана (Одесса) – кандидат политических наук, доцент кафедры истории и мировой политики Института социальных наук Одесского национального университета имени И.И. Мечникова. Сфера научных интересов: этнические процессы, этническая идентичность в различных социокультурных средах; культурное, социальное, политическое пространство: зоны пересечения и взаимовлияния; поведения этнических групп в разных пространственных и коммуникационных средах. Стипендиат проекта «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова» (CASE, Европейский гуманитарный университет).

Кузнецова Татьяна (Одесса) – доктор наук по социальным коммуникациям, профессор Национального университета «Одесская юридическая академия». Сфера научных интересов: аксиология социальных коммуникаций, социолингвистика, межкультурная коммуникация. Стипендиат проекта «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова» (CASE, Европейский гуманитарный университет).

Одинец Светлана (Львов) – младший научный сотрудник отдела социальной антропологии Института народоведения Национальной академии наук Украины, Country Expert в проекте *ITHACA (Integration, Transnational Mobility and Human, Social and Economic Capital Transfers)*, исследовательница в проекте *Transnational Migration in Transition: Transformative Characteristics of Temporary Mobility of People (EURA-NET project),* стипендиат фонда Карнеги. Сфера научных интересов: современная женская миграция в Италии, изменения социальных самоидентификаций и идентичностей под влиянием миграции, транснациональные мобильности в глобализированном мире. Стипендиат проекта «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова» (CASE, Европейский гуманитарный университет).

Осин Вадим (Днепропетровск) – доцент, кандидат политических наук, доцент кафедры философии и социально-политических дисциплин Академии таможенной службы Украины. Сфера научных интересов: когнитивные основания социальных наук, социология и политика научного знания, методология социальных наук. *Наиболее важные публикации:* монография «Процессы конституирования и воспроизводства в науке: исследование вариаций контент-анализа». Днепропетровск: Лира, ЛТД, 2007; статьи: Политическая наука как призвание vs. политическая наука как идеология: к постановке вопроса о мотивации (выдающихся) политологов // Гілея: науковий вісник: збірник наукових праць / гол. ред. В.М. Вашкевич. К.: ВІР УАН, 2011. Вип. 55 (№ 12). С. 458–463, «Слепое пятно» историописания: рост посредственных ученых в политической науке // Ойкумена: Альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизаций. Харьков, 2010. Вып. 7. С. 20–42, Імплікації «легітимаційного проекту» політичної науки: випадок історіописання // Вісник Харківського національного університету. 2010. № 885. С. 11–21, Легитимизация политологического знания: возможности сетевого подхода // Грані: науково-тео-

ретичний і громадсько-політичний альманах. 2010. № 3 (71). С. 116–120», Научные сообщества в эпоху большой науки: рационализация центробежных сил в социальных науках // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. 2009. Вип. 4. С. 89–124. Стипендиат проекта «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова» (CASE, Европейский гуманитарный университет).

Тимченко Лилиана (Киев) **–** доктор права, заведующая кафедрой международного права Национального университета Государственной налоговой службы Украины.

Хижняк Александр (Харьков) – кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии и социальных коммуникаций Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина. Сфера научных интересов: теория и история социологии, коллективные социальные действия, миграционные процессы в мире, глобализация, электоральная социология, методология и методы организации и проведения социологических исследований. Автор более 40 научных публикаций. Стипендиат проекта «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова» (CASE, Европейский гуманитарный университет).

Хуткий Дмитрий (Киев) – кандидат социологических наук, представитель по развитию международных исследований, Киевский международный институт социологии. Сфера научных интересов: глобальная социология, макросоциология, социальные изменения, исторические и международные сравнительные исследования. Стипендиат проекта «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова» (CASE, Европейский гуманитарный университет).

Шестаковский Алексей (Киев) – кандидат социологических наук, научный сотрудник Института экономики и прогнозирования НАН Украины. Ассоциированный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург). Сфера научных интересов: ценности, постсоветские трансформации, межэтнические предубеждения, национализм, миграции, социология политики, математические методы анализа данных. Стипендиат проекта «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова» (CASE, Европейский гуманитарный университет).

Шульга Тарас (Киев) – младший научный сотрудник отдела новейшей истории и политики Института истории Украины Национальной Академии наук Украины. Магистр истории. Сфера научных интересов: крымский вопрос в украинской политике 1990–2000-х гг. e-mail: shulhatar@ukr.net.

Информация для авторов

К рассмотрению принимаются оригинальные статьи (до 80 тыс. знаков), рецензии (до 20 тыс. знаков) и переводы (при наличии авторских прав). Материалы необходимо представлять на русском языке и присылать их по адресу: perekrestki@ehu.lt.

Статьи должны сопровождаться:

1) краткой (до 250 слов) аннотацией на английском языке с указанием (на англ.) имени и фамилии автора, названия статьи и 5–7 ключевых слов;

2) сведениями об авторе на русском языке. В сведениях об авторе просим указать: город/страну, ученую степень и звание (если имеется), институциональную принадлежность (если имеется), сферу научных интересов.

Материалы необходимо присылать в формате «doc» или «rtf». Литература и сноски оформляются в конце статьи в разделах «Литература» и «Примечания». При цитировании и ссылках на авторов в тексте необходимо указывать в скобках автора, год издания книги, если необходимо – страницу, например: (Дюркгейм 1912: 23) или (Geerz 1996). Полная информация о книге должна находиться в разделе «Литература», в котором необходимо указывать только те источники, на которые есть ссылки в тексте.

Guidelines for Authors

«Perekrestki» invites qualified researches and reviewers to publish the articles, reviews and translations contribute to the journal's issues. All materials must be submitted in Russian, electronic form, format Microsoft Word (doc. or rtf.): articles are normally 80 000–90 000 symbols, reviews – up to 20 000 symbols. Texts should be e-mailed to perekrestki@ehu.lt.

All article submissions must be accompanied by:

1) a 250-word abstract (in English) with the author's full name (first the given name, then the last name of the author in English), the title of the article and 5–7 keywords;

2) information about author in Russian (city/country, scientific degree and rank (if available), institutional affiliation (if available), research interests).

References and footnotes should be presented at the end of the article in the sections: «Works cited» and «Notes». Citations and references to authors are referred to in the text by giving the author's surname, the year of publication and the page numbers if necessary, for example: (Durkheim 1912: 23) or (Geerz 1996). Full information on the book should be presented in the section «Works Cited» in which it is necessary to specify only the sources which are referred to in the text.

Примеры оформления литературы, сносок (Examples of Citations and Footnotes)

Книга (A book)

1. Инишев, И.Н. 2007. Чтение и дискурс: трансформации герменевтики. Вильнюс: ЕГУ. С. 28.

2. Ершов, П.М. Искусство толкования: в 2 ч. Дубна: Феникс, 1997. Ч. 1: Режиссура как практическая психология. Ч. 2: Режиссура как художественная критика.

3. Купала, Я. 1997. Поўны збор твораў. Мінск: Маст.

Глава в книге (A chapter from the book)

1. Петрушонис, В. 2006. Средства оперирования контекстом в процессе культурной идентификации. В: Американские исследования: Ежегодник, 2004–2005 / под ред. Ю.В. Стулова. Минск: Пропилеи. С. 394–404.

Перевод (Translation)

1. Макинтайр, А. 2000. После добродетели. Исследования теории морали / пер. с англ. В.В. Целищева. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга.

2. Бауман, З. Индивидуализированное общество / пер. с англ.; под ред. В. Иноземцева. М.: Логос, 2002. С. 145.

Статья (Article)

1. Michele Lamont, Virag Molnar. The Study of Boundaries in the Social Sciences. Annual Review of Sociology. 2002. № 28. P. 167–195.

2. Белякова, Н. Эволюция церковно-государственных отношений в западных республиках СССР в период Перестройки // Вестник РУДН. Серия «История России». 2009. № 2. С. 111–120.

3. Pavardenis, V., Pavardenyté, V. 1995. Philosophy in Lithuania // Journal of Identity Vol. 33(2). P. 231–245.

Электронный ресурс (Electronic Resource)

1. Бурдье, П. Начала. Choses dites. М., 1994 // Социальное пространство и символическая власть [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://socnet.narod.ru/library/authors/Ilyin/hrest/burde.htm.

2. Закон Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З // Эталонный банк данных правовой информации Республики Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravo.by/WEBNPA/text.asp?RN=H10000361.

3. Аузан, А. Публичная лекция «Экономические основания гражданских институтов», 19 мая 2004 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.polit.ru/lectures/2004/05/19/auzan.html.

ЦЕНТР ПЕРЕДОВЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК (CASE) ПРИ ЕВРОПЕЙСКОМ ГУМАНИТАРНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Центр передовых научных исследований и образования в области социальных и гуманитарных наук (CASE) при Европейском гуманитарном университете создан в 2003 г. при финансовой поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке и административном содействии Американских Советов по международному образованию ACTR/ACCELS и Американского центра по образованию и исследованиям.

Основной целью деятельности CASE является содействие обновлению системы научных исследований и образования в области социальных и гуманитарных наук, развитию профессионального сообщества, а также мобилизации интеллектуальных и профессиональных ресурсов для изучения процессов социальных трансформаций в Пограничье Центрально-Восточной Европы (Беларусь, Украина, Молдова).

Задачами центра являются:

- интенсификация научных исследований в области социальных трансформаций в регионе Пограничья (Беларусь, Украина, Молдова);
- накопление и распространение информации о научных исследованиях и учебно-методических разработках в области социальных трансформаций в регионе Пограничья;
- координация научных исследований по важнейшим проблемам и направлениям, соответствующим профилю центра;

- организация продуктивного научного диалога между исследователями и преподавателями региона по проблемам социальных трансформаций в регионе Пограничья;
- создание сети партнерских образовательных и исследовательских учреждений в Беларуси, Украине, Молдове;
- создание и развитие информационной базы для проведения исследований по проблематике центра;
- содействие мобильности региональных и зарубежных исследователей, вовлеченных в работу центра.

Основные виды работ CASE:

- проведение конкурсов для аспирантов и докторантов на получение стипендий для проведения исследований по проблематике CASE;
- осуществление образовательных программ для стипендиатов CASE;
- проведение региональных исследовательских семинаров и международных конференций;
- издание научного ежеквартальника «Перекрестки»;
- издание сборника работ стипендиатов CASE;
- издание монографий по проблематике CASE;
- создание и апробация учебных, учебно-методических материалов, а также инновационных технологий обучения стипендиатами центра;
- создание библиотеки CASE.

Тематические приоритеты CASE:

- теории и модели Пограничья в современных гуманитарных науках;
- исторические и этнокультурные контексты формирования Пограничья (Беларусь, Украина, Молдова);
- трансграничная, межрегиональная и транснациональная кооперация в Пограничье;
- политические и правовые трансформации в условиях Пограничья (Беларусь, Украина, Молдова);
- Беларусь, Украина, Молдова в контексте европейской интеграции: противоречия и преимущества Пограничья;
- Пограничье и проблемы европейской безопасности;
- национальная идентичность в условиях Пограничья;
- социальная роль образования и культуры в условиях трансформации (Беларусь, Украина, Молдова);
- регионы Пограничья в условиях глобализации.